Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ
(ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТЫЙ)

1939

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1939

Петроградские рабочие в борьбе с Юденичем

Героическая оборона города Ленина — колыбели социалистической революции — от нашествия банд Юденича вошла одной из самых ярких страниц в историю гражданской войны в СССР.

Русская контрреволюция и международные интервенты на всем протяжении гражданской войны не оставляли затеи овладеть Петроградом — одной из твердынь социалистической революции. С этой целью немецкими и англо-французскими интервентами еще в 1918 г. была начата спешная организация белогвардейских отрядов на территории Финляндии и Эстонии, которые впоследствии составляли основные кадры белогвардейской армии Юденича.

В мае 1919 г. белогвардейцы с помощью англо-французов организовали первый поход на Петроград.

Эта попытка овладеть Петроградом встретила решительное сопротивление со стороны Красной армии и рабочих Питера. Петроград в течение нескольких дней усилиями рабочих был превращен в неприступную крепость.

В момент опасности для Петрограда наша партия бросила все свои лучшие силы на борьбу с белогвардейцами. На Петроградский фронт был послан товарищ Сталин. Под его руководством Красная армия нанесла сокрушительный удар отрядам белой гвардии и интервентов.

Под руководством товарища Сталина большевики и рабочий класс города Ленина провели исключительно большую работу по обороне Петрограда. Одновременно были ликвидированы контрреволюционные гнезда белогвардейцев и интервентов, притаившихся в особняках столицы.

Характеризуя силы противника на Петроградском фронте, товарищ Сталин указывал: «По всем данным, противник рассчитывал не только, или, вернее, не столько на свои собственные силы, сколько на силу своих сторонников — белогвардейцев в тылу у наших войск, в Петрограде и на фронтах.

Прежде всего, проживавшие в Питере так называемые посольства буржуазных государств (французское, швейцарское, греческое, итальянское, голландское, датское, румынское и пр.), занимавшиеся финансированием белогвардейцев и шпионажем в пользу Юденича и англо-франко-финно-эстонской буржуазии. Эти господа швыряли деньгами направо и налево, подкупая в тылу нашей армии все подкупное»[1]. Юденич и его хозяева англо-французские и прочие империалисты рассчитывали на внутренние силы русской контрреволюции, буржуазию, меньшевиков и эсеров, проживающих в тылу Красной Армии и в самом Петрограде. Однако, эта надежда организаторов контрреволюции не оправдалась. Героический пролетариат и Рабоче-Крестьянская Красная армия, руководимые партией Ленина — Сталина, сорвали злодейские планы врагов и с корнем вырвали их носителей. «...Расчеты противника,— указывал товарищ Сталин,— не оправдались. Красная Горка, занятая на сутки, благодаря внут-

---

[1] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная армия, Госвоениздат, 1937, стр. 101.

решней измене со стороны левых эсеров, была мигом возвращена Советской России мощным ударом балтийских моряков с моря и с суши...

Так называемые посольства и их шпионы были арестованы и отведены в более спокойные места, причем в некоторых посольствах были найдены пулеметы, ружья (в румынском посольстве даже одно орудие), тайные коммутаторы и прочее. Буржуазные кварталы Петрограда были подвергнуты поголовному обыску, причем было найдено четыре тысячи винтовок и несколько сотен бомб» [1].

Своевременная ликвидация контрреволюционных очагов в Петрограде и под Петроградом в сильной степени укрепила революционную оборону Петрограда. «Петроград готов,— говорил товарищ Сталин,— ко всяким возможным со стороны противника неожиданностям... Красная армия под Петроградом должна победить» [2]. Эти слова товарища Сталина полностью подтвердились. Красная армия, несмотря на исключительные трудности, одержала победу. Белые банды Юденича и интервентов были наголову разбиты на подступах к Петрограду.

Второй поход Юденича на Петроград совпал с наиболее тяжелым периодом, переживаемым страной Советов. С одной стороны Деникин успешно продвигался к Москве, с другой,— нависла новая угроза Петрограду. Русские белогвардейцы и иноземные захватчики рассчитывали нанести одновременный удар Москве и Петрограду. Но эти авантюристические расчеты врагов социалистической республики не оправдались. Банды Деникина, вдохновляемые англо-французскими империалистами, захватившие и ограбившие Орел, через несколько дней поспешно, в беспорядке отступали под ударом героической Красной армии, руководимой мудрым полководцем и великим стратегом социалистической революции товарищем Сталиным.

Огромные успехи были одержаны Красной армией и на Восточном фронте. Юденич и его банды, начавшие 10 октября наступление на Петроград, также встретили сопротивление со стороны 7-ой Красной армии и рабочих отрядов Петроградского фронта. На помощь 7-ой армии Петроградского фронта по распоряжению Ленина и Сталина были посланы надежные подкрепления из Москвы, Тулы, Иваново-Вознесенска и других городов Советской республики. Из Москвы были направлены курсанты и три бронепоезда, конный полк из Тулы, отряды рабочих Иваново-Вознесенска, красноармейские части из Твери и Владимира.

Юденич еще до начала наступления имел детально разработанный план захвата Петрограда. Согласно этому плану группа белогвардейских войск, расположенная юго-восточнее гор. Гдова, должна была начать демонстративное наступление на ст. Струги, между Лугой и Псковом, с тем, чтобы отвлечь силы Красной армии, одновременно более сильным натиском повести наступление в направлении Ямбург — Петроград. Разработка этого плана Юденичем происходила при активном участии провокатора Люденквиста, пробравшегося на пост Начальника штаба 7-ой Красной армии. Люденквист не только передавал сведения о состоянии боевых сил Красной армии и об укрепленном районе, но и делал все для того, чтобы ослабить заранее обусловленные пункты, на которых должно было развертываться наступление Юденича.

Но этот злодейский план был сорван самоотверженностью частей Красной армии Петроградского фронта.

Красная армия отбивала атаки белогвардейцев. Нужно заметить, что к моменту наступления на Петроград армия Юденича насчитывала 6 дивизий хорошо обученных и вымуштрованных солдат и, главным образом, офицеров. Англо-французы снабдили армию Юденича 450 пулеметами, 60 орудиями,

[2] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная армия, стр. 101—102.

6 танками и т. д. Против этих сил героически сражались 7-ая Красная армия и рабочие отряды Питера, отстаивая пядь за пядью подступы к Красному Петрограду.

Наша партия снова призвала рабочих Питера организовать революционную оборону Петрограда — этого форпоста социалистической революции.

17 октября 1919 г. В. И. Ленин обратился с письмом к рабочим и красноармейцам Петрограда.— «Товарищи! — говорилось в этом письме,— наступил решительный момент. Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки, еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять Красный Питер... Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза нависла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, решается судьба одной из твердынь Советской власти в России... Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! Победа будет за нами» [1].

Петроградская большевистская организация и рабочий класс мобилизовали все свои силы на фронты, в то же время проводили гигантскую работу по внутреннему укреплению Петрограда. Петроградская организация большевиков строго осуществляла указания В. И. Ленина, изложенные в его телеграмме Исполнительному комитету Петроградского совета по поводу наступления Юденича, в которой Ленин писал: «Ясно, что наступление белых — маневр, чтобы отвлечь наш натиск на юге. Отбейте врага, ударьте на Ямбург и Гдов. Проведите мобилизацию работников на фронт. Упразднить девять десятых отделов. Мобилизация всех сил на фронт у нас еще нигде не проводилась, хотя много писалось о том, есть и постановление Центрального Комитета и циркулярные письма. Надо успеть их прогнать, чтобы вы могли опять оказывать свою помощь югу» [2].

В то время, как Ленин и Сталин требовали бросить лучшие силы и нанести сокрушительный удар врагу на подступах к Петрограду, презренные предатели Троцкий и Зиновьев выдвинули провокаторский план сдачи Петрограда бандам Юденича. При этом они, пытаясь усыпить бдительность рабочих, доказывали, что в стенах города якобы будет легче бороться с белыми. Изменническая попытка провокаторов Троцкого и Зиновьева сдать Петроград белогвардейцам была ликвидирована боевой сплоченностью и революционной бдительностью рабочих и Красной армии Петрограда. Банды Юденича были разбиты на подступах к Петрограду рабочими и красноармейцами, выполнявшими директивы В. И. Ленина.

История не знает ничего более величественного, чем героизм и самопожертвование, которые были проявлены рабочими и работницами города Ленина в дни героической обороны Петрограда.

17 октября в течение одного дня была проведена мобилизация рабочих, родившихся в 1879—1901 гг. Мобилизованные направлялись в районные штабы обороны, где проводилось формирование полков и отрядов и выдавалось оружие. Сформированные отряды немедленно в боевом порядке отправлялись на фронт, наряду с этим создавались резервные отряды разведчиков, пулеметчиков и других родов оружия. Рабочие и работницы в течение короткого времени превратили Петроград в неприступную крепость. Изумительную храбрость вместе с рабочими показали и работницы. Женщины шли в отряды связи, санитарные летучки и т. д. Четырнадцать тысяч работниц вместе с мужчинами стойко защищали Петроград. Около трех тысяч работниц было направлено на фронт.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 488.

[2] Там же, стр. 486.

В героической обороне исключительную роль сыграла пролетарская молодежь, возглавляемая Петроградским комсомолом. Петроградский комсомол под лозунгом: «Иду на бой», повел тысячи героических бойцов из рядов молодежи. Молодежь вместе с рабочими и работницами, под руководством большевиков, шла в боевых рядах на фронт, а также принимала самое активное участие на различных участках внутренней обороны Петрограда. В результате оборонных мероприятий каждый район, каждый квартал, фабрики и заводы были превращены в укрепленные пункты. В городе, во всех стратегических пунктах рылись окопы, устанавливались орудия и пулеметы. Работа фабрик и заводов была подчинена задачам обороны; рабочие, не щадя своих сил, днем и ночью по-боевому выполняли заказы оборонных организаций.

Особую роль в эти дни сыграли рабочие завода им. Кирова (б. Путиловского). Например, рабочие лафетно-снарядной мастерской менее чем за сутки оборудовали 5 броневиков со специальными приспособлениями. С 10 октября по 10 ноября заводом было отремонтировано 32 пушки, сделано 40 новых пушек, 24 панорамы к прицелам, отремонтировано 8 бронепоездов и 16 вагонов к ним, отремонтировано 17 грузовых бронеавтомобилей и т. д. Производительность труда на ряде фабрик и заводов возросла в два-три раза. Тысячи рабочих, членов большевистской партии, отправились на фронт.

Титанически напряженная оборонная работа и героизм рабочих и работниц Петрограда послужили залогом победы над бандами Юденича.

Разгром Юденича по существу был крахом русской контрреволюции и международной интервенции.

Ниже мы публикуем доклады, отчеты и сводки о мероприятиях по обороне отдельных районов, фабрик и заводов в дни нашествия банд Юденича на Петроград.

Документы в яркой форме отражают историческую обстановку в период героической обороны Петрограда.

Оригиналы публикуемых документов хранятся в Центральном Архиве Октябрьской Революции — Ф. 1917, оп. 20. Документы выявлены научным сотрудником ЦАОР Рыбинским.

Г. Костомаров

К рабочим и красноармейцам Петрограда [1].

Товарищи! Наступил решительный момент. Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки, еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять красный Питер. Враг напал среди переговоров с Эстляндией о мире, напал на наших красноармейцев, поверивших в эти переговоры. Этот изменнический характер нападения — отчасти объясняет быстрые успехи врага. Взяты Красное село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Питеру. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвертую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом.

Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза повисла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, решается судьба одной из твердынь Советской власти в России.

Мне незачем говорить петроградским рабочим и красноармейцам об

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 488.

их долге. Вся история двухлетней беспримерной по трудностям и беспримерной по победам советской борьбы с буржуазией всего мира показала нам со стороны питерских рабочих не только образец исполнения долга, но и образец высочайшего героизма, невиданного в мире революционного энтузиазма и самоотвержения.

Товарищи! Решается судьба Петрограда! Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротой, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! Победа будет за нами!

В. Ульянов-Ленин.

17 октября «Петроградская Правда» № 237, 19 октября 1919 г.

Доклад — отчет о деятельности рабочих организаций Охтенского порохового завода за время с 15 октября по 7 ноября 1919 г. в связи с отражением наступления Юденича на Петроград [1]

Ночью 15 октября, после заседания Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, в завкоме завода было созвано собрание из представителей завкома, Отдела труда и их комиссий и организована тройка [2]. Сейчас же образованной тройкой было сделано распоряжение о выключении всех телефонов из городской сети и перерыв сообщений с квартирами. Дежурство по завкому и заводу стало производиться исключительно членами Ревтройки и завкома. Немедленно образован патруль из членов завкома и членов комиссии для поверки караулов, удвоен караул у наиболее важных постов.

На другой день, т. е. 16 была открыта запись в отряд особого назначения, каковой и определился в 35 человек, честных преданных товарищей. Вооруженная охрана завода, состоящая из 100 чел., была распущена и окарауливание завода стал нести этот отряд, получивший чисто воинский вид, организацию и дисциплину.

16 октября было отдано и немедленно выполнено распоряжение о сосредоточении всего имеющегося в заводе огнестрельного оружия в заводском комитете, какового оказалось:

Винтовок Бердана — 96 шт.
» трехлинейных — 11 шт.
» японских — 7 шт.
Патронов к винтовкам свыше 10 тыс.

17 октября по инициативе Ревтройки завода было созвано общезаводское собрание — митинг, на котором после докладов о текущем моменте была принята 407-ю при трех воздержавшихся следующая резолюция:

---

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, лл. 26—29. Заголовок подлинника. Отчет печатается с некоторыми незначительными сокращениями. Этот, а также и все последующие отчеты заводов и районных штабов обороны составлены согласно телефонограммы члена Реввоенсовета 7-ой армии (ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 32, л. 17).

[2] В связи с грозным положением на фронте Петроградский Совет в своем заседании от 15 октября 1919 г. постановил организовать революционные тройки на всех фабрично-заводских предприятиях. С созданием троек на фабриках и заводах, к которым переходила вся полнота власти, видоизменялась обычная форма заводоуправления.

«Мы, трудящиеся Охтенского порохового завода, собравшиеся для обсуждения вопроса о создании внутренней обороны, заявляем, что золотопогонники генералы, ведущие белогвардейские банды на Красный Питер, несут цепи рабства и насилия для рабочего класса. Стоя за завоевания рабочей революции, мы, организуясь, дадим жестокий отпор белогвардейской своре.

Всем честным сознательным рабочим место в создаваемом при заводе для отражения врага отряде. Все способные держать винтовку в руках — в отряд».

16-го, 17-го, 18-го и 19-го октября производилась подготовка отряда к выступлению, снабжение его обувью, шитье вещевых мешков, подсумков и т. п., выделение товарищей для оставления в заводе. К вечеру 19 октября отряд был совершенно готов к выступлению; перед уходом состоялось собрание членов отряда, на котором были персонально закреплены остающиеся товарищи.

Выступление отряда было отменено, ввиду распоряжения об оставлении таковых отрядов в своем районе.

Остальные дни до 25 октября прошли в текущей деловой работе и окарауливании завода. Караул завода был доведен до 110 чел. с воинской организацией, патрулями и объездом верховыми караулов.. Была организована учебная стрельба. Все время поддерживалась самая живая связь с районным штабом и центром и обслуживание всех нужд штаба и района средствами завода; развозка и доставка всяких материалов, снарядов, перевозка орудий и установка их на позициях, проводка телефонных линий на батареи и др., учет средств и материалов завода, изготовление для отряда пальто непромокаемых, матрацов и наволочек для подушек, оборудование кроватей и нар районной казармы, проводка электрического освещения в казармы, ремонт походных кухонь, ремонт помещений для отряда, изготовление кухонной и обеденной посуды для мобилизованных и пр. и пр.

25 октября была объявлена и проведена мобилизация рабочих завода в возрасте от 18 до 43 лет и все эти рабочие переведены на казарменное положение.

С этим переводом окарауливание завода перешло к отряду внутренней обороны и жизнь Ревтройки пошла значительно ровнее, спокойнее, что дало возможность перейти к разрешению наболевших общезаводских вопросов и произвести коренную ломку для реорганизации заводоуправления и дальнейшей деятельности завода.

Прежний состав заводоуправления, состоящий из 4 военспецов и 3 рабочих, из коих один добровольно ушел из правления, а двоим было вынесено недоверие трудящимися завода, этот состав заводоуправления, усиленный чрезвычайным комиссаром завода, не только не считался с демократическими организациями, но упорно противодействовал всем начинаниям завкома и отдела труда. В конце сентября дело дошло до того, что распоряжением комиссара приказывалось не приводить в действие ни одно распоряжение завкома, а завком, в свою очередь, передал дело в конфликтную комиссию Петроградского отдела труда. Чувствуя, что демократические организации питать особого расположения к ним не могут и что дело принимает грозный оборот, они все как-то притихли и спрятались по своим норам, а глава заводоуправления под каким-то предлогом даже уехал в Москву. Завод фактически остался без управления, почему Ревтройка взяла на себя всю власть по заводоуправлению.

23 октября на основании вышеприведенных причин Ревтройкой завода были сорганизованы подсобные тройки для управления заводом, ведения работ и подготовки завода к зимней стоянке, а именно:

1) коммерческо-хозяйственная тройка для управления и делопроизводства,

2) по заведыванию производством,

3) по заведыванию механической частью завода и

4) продовольственная.

Эти тройки были призваны разрешать вопросы по своей компетенции под общим главным руководством Ревтройки, каковые вопросы успешно разрешаются.

Охтенский пороховой завод в настоящее время причислен к числу закрытых заводов, так как все сырье у него и значительная часть механизмов вывезена, в заводе производится лишь частичная работа по прессованию шашек; производилась эвакуация. Штат завода уменьшен до минимума. Ни одна работа не была перервана ни на минуту, все были на своих местах. Никаких случаев как отказа от работ, так и явного недовольства не было, все время было ровное, спокойное настроение и полнейшая готовность итти на защиту нашей Советской власти.

29 октября, принимая во внимание смягчившееся положение, Ревтройкой завода был сорганизован новый штат заводоуправления на основе постановления 2-й Всероссийской конференции представителей артиллерийских заводов. Было сорганизовано новое заводоуправление из двух рабочих и одного спеца.

На основе постановления этой же конференции был составлен штатный минимум завода и таким способом было выделено 15 человек спецов, коим в заводе не оказывается места и в коих имеется надобность на других заводах артиллерийского ведомства. В продолжение почти года демократическая организация завода боролась за это и этого не удавалось сделать до этого момента.

Деятельность нового состава заводоуправления протекает в высшей степени плодотворно; все вопросы и дела [заводоуправление] решает быстро и в интересах дела никаких трений и разногласности не вытекает, т. к. обсуждения происходят в объединенных заседаниях с представителями завкома, отделом труда и представителями коллектива завода.

Деятельность и значение Ревтройки завода были настолько значительны, необходимы и своевременны, что на заседании по реорганизации нового заводоуправления было единогласно признано необходимым оставить Ревтройку, в каковую входят два товарища из заводоуправления и председатель завкома.

Несмотря на кратковременное существование Ревтройки завода, она оказалась наиболее деятельной и жизнеспособной из всех организаций завода и, несмотря на тяжелое, напряженное время, сумела сохранить завод, не прерывая его деятельности и работ, сумела подойти к решению таких вопросов, над которыми бились в продолжение многих месяцев все организации завода.

Но этому способствовали как переживаемый момент, так и те полномочия, которые были даны Ревтройкам постановлением Петроградского совета, и хотя бюрократы Ц. П. А. зав. [Центральное Правление Артиллерийских заводов] тянут к ответу Ревтройку за ее деятельность и ста-

раются аннулировать ее постановления, все же прежнего им не возродить и той Октябрьской революции, каковая произошла на Охтенском пороховом заводе, не приостановить.

Члены коллектива (подписи).

Члены заводоуправления (подписи).

Донесение фабрично-заводского управления Государственного завода резиновой промышленности № 1 в штаб 7-й армии, 12 ноября 1919 г. [1]

В ответ на телефонограмму от 9 ноября с. г. фабрично-заводское управление и фабрично-заводской комитет Государственного завода резиновой промышленности № 1 сообщают, что немедленно после получения в Петрограде известия о наступлении белых с Юденичем на Петроград, завод был переведен на военное положение. Были приняты меры к усилению охраны завода и имеющихся на нем ценных материалов. Производство всех выполняемых заводом работ на оборону продолжалась с полным напряжением и деятельность завода ни на один день не была приостановлена, наоборот, были приняты все меры к повышению и поднятию производительности труда по изготовлению необходимых для армии предметов, в частности по ремонту автомобильных шин, камер и покрышек. Все рабочие, в возрасте от 18 до 43 лет, оставленные на учете в заводе, в количестве около 200 чел., были переведены на казарменное положение в заводе, причем днем они выполняли заводские работы по изготовлению необходимых для снабжения армии предметов, а вечером проходили воинское обучение и ночевали на заводе на случай тревоги и экстренного вызова для отражения врага. Все коммунисты завода, за исключением председателя заводского комитета, оставленного на заводе по распоряжению подлежащих учреждений, были мобилизованы и отправлены на фронт. Значительная часть из них вернулась на завод, получив ранение и контузии. Женщины-работницы были точно также мобилизованы, причем женщины-коммунистки находились все время в распоряжении Районного комитета российской коммунистической партии, а беспартийные в распоряжении штаба обороны Нарвско-Петергофского района.

Когда враг подошел особо близко к Петрограду, по экстренному требованию штаба внутренней обороны, заводом, ночью, по квартирам было собрано до 60 рабочих, которые в течение трех суток, работая днем на заводе, ночью рыли окопы и устраивали иные оборонительные сооружения.

Для экстренного отпуска воинским частям необходимых им материалов из числа имеющихся на заводе были организованы беспрерывные суточные дежурства членов заводского комитета, технического персонала и ответственных служащих в качестве представителей заводоуправления. Особенно часты были требования в ночное время на отпуск автомобильных камер и покрышек. В то же время производилась срочная эвакуация имеющихся на заводе значительных запасов калош, необходимых для товарообмена, подошвенной пластины и прочих ценных материалов.

В мастерских при торговом отделении завода на Екатерининском канале № 34 была оказана помощь некоторым воинским частям по

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 52, лл. 9—10.

экстренному ремонту автомобилей, как-то натяжка бандажей, шин и т. п. В то же время завод предоставил свои неработающие помещения для размещения воинских частей, причем около 12.000 красноармейцев получили на заводе приют с горячим кипятком и, кроме того, заводом были им предоставлены всякого рода удобства. Отпуск всех материалов по требованию воинских частей совершался в течение круглых суток и удовлетворялся таковой, не требуя выполнения сложных в обычное время формальностей.

Таким образом, фабрично-заводским управлением и фабрично-заводским комитетом, а также всем рабочим, техническим и служебным персоналом с полным напряжением всех сил были приняты меры к оказанию посильной помощи Красной армии по защите Петрограда в Октябрьские тревожные дни.

Председатель фабрично-заводского управления (подпись).

Обзор деятельности Ижорского завода в связи с наступлением на Петроград белогвардейских банд Юденича, 13 ноября 1919 г.[1]

С момента получения известий о взятии Ямбурга белогвардейскими бандами Юденича и продвижении их на Гатчино, коллегией заводоуправления и заводским комитетом были приняты самые энергичные и решительные меры к поднятию до возможного максимума производительности работ, как по бронированию поездов и автомобилей, так и по изготовлению прочих предметов боевого снабжения для защиты Советской республики.

Благодаря своевременно принятым мерам, все телефонные и личные распоряжения и. о. председателя коллегии заводоуправления приводились в исполнение в самый кратчайший срок и работы производились чрезвычайно усиленным темпом. Ярким доказательством этого служит то обстоятельство, что в сравнительно короткий период времени, с 12 октября по 9 сего ноября, Ижорским заводом исполнено работ по бронированию поездов и автомобилей, непосредственно для фронта, и ремонту их после боевых действий столько, что для исполнения их в условиях мирного времени потребовалось бы ни в коем случае не менее трех месяцев; причем самая большая часть этих работ выполнена паровозомеханическим отделом и подсобной железокотельной мастерской.

Нельзя к этому не добавить, что такая высокая производительность, несмотря на топливный кризис, тяжелое продовольственное положение, изнуренность и обношенность рабочих, была достигнута лишь благодаря героическим усилиям рабочих завода, откликнувшихся на первый же призыв заводоуправления и заводского комитета и ставших на защиту рабоче-крестьянской власти, работая почти не выходя из завода круглые сутки.

С приближением же белогвардейских банд почти к самому Колпину, среди рабочих стало замечаться несколько паническое настроение, но, немедленно, принятыми заводоуправлением и заводским комитетом мерами, настроение рабочих было быстро поднято и работы продолжались еще энергичнее, несмотря на ружейные и пулеметные выстрелы и разрывы снарядов почти над территорией города Колпино, ибо белые банды одно время находились в двухверстном расстоянии от него.

---

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 52, лл. 7—8. Заголовок подлинника.

Одновременно с удовлетворением фронта боевыми предметами, снабжением его всеми хозяйственными материалами и вещами вплоть до оглобель, а также производством ремонта обозных повозок, походных кухонь, легковых и грузовых автомобилей, ковки лошадей, заводу пришлось предоставить свой конный и автомобильный транспорт, включая даже пожарный автомобиль, для работы на передовых позициях по уборке раненых и доставке их в организованные в Колпине лазареты. Наряду с этим, заводом было выделено несколько рабочих для защиты Красного Петрограда и родного завода с винтовками в руках.

Работа членов заводоуправления и заводского комитета чрезмерно увеличилась с момента расквартирования в Колпине войсковых штабов, со всеми требованиями непосредственно обращавшихся к заводоуправлению и заводскому комитету, работавшим круглые сутки не выходя из завода.

Что касается эвакуации завода и приведения его в негодное состояние на случай занятия белогвардейцами, то в этом отношении также были своевременно приняты все меры: была выработана инструкция для приведения завода в негодность, все ценные металлы и материалы, а также все ценные документы и бумаги были приготовлены к вывозу, все паровозы и пароходы стояли под парами, так что в самый критический момент все было бы из завода вывезено и ничего ценного бандам белогвардейцев не досталось бы.

И. о. председателя коллегии Ижорского завода (подпись).

Отношение артиллерийского отдела Путиловского завода в заводской комитет того же завода, 20 ноября 1919 г.[1]

При сем препровождаю сведения о выпуске завода по артиллерийскому отделу за промежуток времени с 10 октября по 10 ноября с. г.[2] для представления тов. Подвойскому, согласно его телефонограммы от 9 ноября.

Сведения даны во-первых в порядке выпуска, во-вторых ввиде перечня наиболее важных фабрикатов, как то: отдельные системы орудий, бронепоездов, броне-кегрессы, автомобили и т. д.

Для характеристики интенсивности работы достаточно будет сказать, что объем выполненной за это время работы превышает нормальный выпуск не менее как на 50%, в отдельных случаях превосходя даже 100%.

Как на пример можно указать на ремонт бронепоездов. Обычный промежуток времени, который нужен для снятия и осмотра орудий и новой их постановки, не считая времени потребного на ремонт,— это от 20 до 24 часов. За рассматриваемый же промежуток времени работа эта

---

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 52, л. 20.

[2] К этому отношению приложен большой цифровой отчет — перечень работ, произведенных Путиловским заводом с 10 октября по 10 ноября 1919 г. для военных надобностей. Завод выпустил из ремонта 32 пушки разного калибра, сделал новых — 40, затем 24 панорамы к прицелам разных пушек и 1-ю зенитную батарею для Северного фронта. Кроме того, заводом было отремонтировано 8 бронепоездов и выпущено 16 вагонов для этих поездов. Были также отремонтированы бронепаровозы, выпущены броневые автомобили «Остин» и произведен ремонт 7 грузовых автомобилей, 2 бронированных и 8 небронированных боевых машин, 2 мотоциклов и пр. (ЦАОР, Ф. 1917, оп. 20, д. № 52, л. 21).

производилась в течение не более 6—8 часов. Самый ремонт орудий и лафетов, имеющий почти постоянный характер, производился в среднем, в течение двух — двух с половиной суток (непрерывной работы), вместо обычной, хотя тоже очень напряженной работы — 4 суток.

Работа на авто-машинах «Остин», снабжаемых приборами Кегресса, особенно показательны. По первоначальным предположениям имелось ввиду изготовлять новых штампованных частей, обработку поковок и отливок и сборку под бронирование, при имеющемся штате рабочих,— не более 1,5 шт. в месяц. Несмотря на то, что работа эта для завода еще мало знакома и не может считаться вполне налаженной, несмотря на случайное отсутствие некоторых необходимых служащих и рабочих и несданные работы по ремонту изготовленных ранее машин, прибывших с фронта,— время, затраченное на одну машину, сведено до 15 календарных дней.

Ремонт автомобилей, особенно затруднительный по тем неожиданностям, которые встречаются при осмотре поврежденной машины, исполнялся тоже в порядке исключительной спешности. В общем, вместо установленного за долгие месяцы выпуска 5—6 машин из крупного ремонта, кроме этих машин, отремонтировано до 20 машин разных типов. Выпуск за один день, таким образом, составляет — 0,8 машины.

Чтобы достичь этих результатов, необходимо было прежде всего увеличение рабочего времени, т. е. широкое применение сверхурочных работ по лафето-снарядной мастерской; нормальное число сверхурочных часов выражалось в 1 727, в октябре же число сверхурочных часов достигло 12 858. Работали сверхурочно большинство рабочих, а некоторые из них, а также мастера, неделями работали, почти не выходя из завода.

Организация постоянного дежурства старших служащих отдела и дежурство мастеров, установление связи между отделами завода чрезвычайно помогли успеху работы, т. к. своевременно все спешные задания,— а количество их в отдельные дни доходило до 70,— немедленно получали соответствующее решение, чем достигался громадный выигрыш во времени.

Чрезвычайно содействовала также успеху дела дружная работа всего технического персонала, как рабочих, так и служащих, протекавшая в тесном контакте с заводским комитетом, представители которого постоянно находились в курсе всех дел и своим влиянием создавали благоприятную для работы обстановку.

Заведующий артиллерийским и минным отделом (подпись).

Докладная записка заводского комитета Обуховского завода т. Подвойскому, 21 ноября 1919 г. [1]

Наступление банд Юденича на Петроград нисколько не устрашило ни организации, ни рабочих Обуховского завода. Когда враг уже взял Детское село и шел по направлению к Колпину и Пулковой горе, мы созываем митинг, делаем доклад о положении фронта и призываем рабочих вступить в особый отряд добровольцами, дабы защитить свой район от белых банд.

К вечеру записываются в отряд 200 человек; спешно обучаем и выставляем заградительные отряды и заставы, организуем связь с цент-

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 52, лл. 13—14.

ром и соседними районами из велосипедистов и конную; связываемся телефоном и телеграфом. Немного спустя передают, что Балтийский завод подожгли; мы с своей стороны мобилизуем несколько десятков рабочих в помощь охране завода, вооружаем их винтовками и ставим усиленную охрану завода под руководством опытного боевого товарища. Товарищи рабочие несут охрану так, как нужно революционному времени, бодро и аккуратно, защищая как свое детище Обуховский завод.

В 10 ч. вечера в один из октябрьских дней приходят две бронированные платформы — «Черноморский № 1», на котором нужно исправить орудия и заменить новыми, а за ним приходят еще две, на которых нужно сделать то же самое. Коммунистов никого нет в заводе, все отправлены на позицию, осталось только двое: председатель коллегии завода и председатель заводского комитета. Предписание Учснабарма [Управление чрезвычайного уполномоченного по снабжению армии] — приготовить эти броневые площадки на следующий день к вечеру, по его словам, что только и можно на них рассчитывать отбить врага. Быстро собираем технический персонал и рабочих ночью и приступаем к работе. Нельзя было ожидать от товарищей обуховцев, что они проявят свою интенсивность в этой работе, но вышло наоборот; на тех слесарей, на кого мы не надеялись, они в это время работали, как львы, подгоняя друг друга, дабы скорее выполнить возможную работу, работали день и ночь без перерыва на холоде под открытым небом. Конечно, товарищи, работающие на этой работе, просили, чтобы их немножко подкормили; мы, со своей стороны, достали хлеба и селедок, которыми и удовлетворяем их.

К вечеру «Черноморец» готов, на него поставили две четырех-дюймовые дальнобойные автоматические пушки и две семидесятимиллиметровые пушки. На другой день уже нам была известна работа «Черноморца» на фронте в отражении белых банд и закипела еще быстрее работа на платформах, где поставили два семидесятимиллиметровые орудия и капитально исправили два трехдюймовых орудия Путиловского завода. Когда уже орудия были совсем поставлены и дожидались паровоза, то слесаря в это время обходили платформы, осматривая их и говоря: «Надо осмотреть все, чтобы в дороге не испортилось и чтобы работало на позиции как следует»; наконец, и эта платформа отправляется.

Дня через два получаем [сообщение], что у «Черноморца» снаряды на исходе, а снаряды лежат в барже у нашего завода, которые необходимо погрузить в вагоны и отправить. Ночью собираем рабочих, выгоняем из штаба всех беглецов с фронта, задержанных заградительными отрядами, быстро погружаем пять вагонов снарядов и отправляем их на фронт.

Неделю спустя возвращается опять платформа с сильно потрепанными орудиями, которые требуют долгого ремонта, но в это время рабочие делают быстро, сознавая положение, и через двое суток платформы готовы к бою. Вслед приходят платформы и «Черноморца», у которого в четырехдюймовых орудиях получился сильный розгар и которые заменили новыми и исправили две семидесятимиллиметровые [пушки], и это выполнили также очень скоро.

Плюс к тому, нами было заменено около десятка сорокавосьмилинейных гаубиц, которых у нас был запас вместо расстрелянных на позиции; также и выпуск других орудий: биноклей, прицелов, панорам; котельные работы, по бронированию площадок; командирование това-

рищей на фронт,— и все это делалось по-революционному и с сознанием своего революционного долга.

Можно отметить работу партии товарищей слесарей на орудиях, которые работали выше всякой похвалы со своими подручными.

Настроение рабочих, как в работе для фронта, выше похвалы, главное — вернуть с фронта десяток-другой коммунистов, а то на такой большой завод в настоящее время только двое — и тогда загремит работа еще быстрее.

Председатель заводского комитета (подпись).

Характеристика работ по организации Штаба обороны Васильеостровского укрепленного района, [1919 г.][1].

I. Организация штаба.

Штаб обороны района сорганизовался из Революционной тройки, причем начальником обороны был выбран старший товарищ. Для ведения дел были прикомандированы из Тройки канцелярские служащие, иначе говоря Революционная тройка со служащими была переименована в штаб обороны с прикомандированием из резерва Окровоенкома трех лиц комсостава, знакомых с военной службой вообще и должностью начальника штаба в частности, причем один из них назначен начальником штаба обороны, второй пом. нач. штаба по административной части и третий пом. нач. штаба по оперативной части.

II. Мобилизация.

Мобилизация по фабрикам, заводам была объявлена 22 ноября и прошла отлично. Причем было мобилизовано 981 человек, кроме забронированных фабрик и заводов, с которых не взято ни одного человека.

III. Связь.

Служба связи была сформирована из мобилизованных товарищей, знакомых с телефоном, и телефонисток, затребованных Штабом из партийного комитета. По сформировании была налажена связь со всеми воинскими частями района, с Петропавловской крепостью, партийным комитетом, Райвоенкомом и другими учреждениями, а также и живая связь.

IV. Регулирование транспорта.

Все автомобили, находящиеся при заводах, фабриках и учреждениях, были мобилизованы и работали по нарядам Петроградского укрепленного района.

V. Санитарное.

Медицинская помощь бойцам Васильеостровского района организована путем сформирования 14 боевых летучих отрядов, 7 перевязочных отрядов, 6 околодков, 2 лазаретов и 1 госпиталя, причем были организованы курсы для санитарок.

---

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, л. 2. Заголовок подлинника. Штабы внутренней обороны были созданы в одиннадцати районах Петрограда. Вскоре однако общее количество районных штабов внутренней обороны с одиннадцати уменьшилось до девяти т. к. произошло слияние Обуховского района с Невским и Пороховского со Смольнинским.

VI. Укрепление.

Приданном району 16 военным строительством было по указаниям нач. Штаба устроено 2 линии окопов с приспособлением некоторых окон в домах и частью гранитной набережной и устранено 4 пулеметных гнезда. Всего сделано окопов 610 пог. саженей и 35 штук гнезд для пулеметов, а также сделаны проволочные рогатки на мостах и у пулеметных гнезд.

VII. Артиллерия.

Для защиты подступов к острову, поддержания огнем укреплений прочих районов и для создания обороны реки, омывающей остров, была прикомандирована артиллерия в количестве двух 42-линейных и восьми 3-дюймовых орудий.

VIII. Снабжение вообще.

Сформированный из мобилизованных отряд и другие части были обмундированы: те, которые отправлены на фронт, полностью, остальные частью. Артиллеристы, приданные Штабу, были обмундированы. Продовольствие получали при отряде обороны за исключением 42-линейной батареи, которая довольствовалась отдельно от той части, откуда прикомандирована. Отряд был вооружен винтовками разных систем, причем часть из них была получена из Штаба обороны г. Петрограда, часть приобретена в районе.

Примечание. Обмундирование: небольшая часть была получена из Штаба обороны, остальное — была произведена выемка вещей из запечатанных квартир бежавшей буржуазии.

IX. В области административно-политической.

Произведены обыски в домах, расположенных в тылу укреплений. Все виновные в укрывательстве оружия или же как вредные элементы Советской республики предавались суду Военно-Революционного трибунала, на больших заводах организованы тройки, которые следили за охраной имущества завода и выполняли приказы Штаба. При отряде обороны был организован клуб, в котором деятельное участие принял комитет партии.

X. Непосредственная помощь фронту.

Состоит в посылке на фронт людей отряда в 100 человек партизан и пополнения к ним 60 человек, а также 30 человек женщин санитарок и 30 товарищей коммунистов.

XI. Какую помощь оказывали фабрики и заводы.

При мобилизации все фабричные и заводские комитеты представили своевременно списки и людей. Некоторые заводы дали материал для укреплений, а также представили средства передвижения. Крупные фабрики и заводы организовали отряды, которые должны были бы пополнить общий отряд, а временно несли охрану завода и близлежащие местности.

XII.[1]

Советская мастерская в количестве 100 человек была мобилизована и оборудована, все помещения, занимаемые отрядом и артиллерией; многие из женщин Совета работали при Штабе и для связи.

XIII. Оценить роль пролетариата.

Пролетариат к обороне отнесся вполне сознательно. На мобилизацию явились все с полным сознанием своего долга. Вообще заслуга пролетариата неоценима.

Начальник обороны Васильеостровского украйона (подпись).

Что переживал район Володарского (бывший Невско-Обуховский) в тревожные октябрьские дни 1919 г.[2]

Когда обозначилось, что белые попытаются напасть на Питер, во исполнение распоряжения Петроградского комитета партии райкомом все коммунисты были посланы в Егерские казармы на Рузовской. Коммунисты шли туда усталые, так как целую ночь они провели на осмотрах домов и кварталов, ибо было ясно, что оставшиеся контрреволюционеры могут попробовать здесь в тылу помочь заговором своим компатриотам на фронте.

Район Володарского отдал все, что имел здорового, и если не ошибаюсь, наибольшее число вооруженных коммунистов, несмотря на то, что район считается отсталым в количественном отношении, дал именно он.

Но зато, когда была сделана тревога, на защиту района мы могли собрать в райком хромых, больных, убогих и активных работников[3] всего-на-всего 35 человек. На помощь пришел Союз молодежи и дал около 30 человек.

Мобилизована была Женская секция, и она дала человек 35—50. И более вооруженных сил не было никаких. А ведь район Володарского растянут на многие версты до села Рыбацкого. Надо было нести охрану заводов, фабрик, участились пожары, надо было вести революционный порядок, чтобы не было ни паники, ни агитации белогвардейских агентов.

И нам стало ясно, что мы должны опереться на рабочих. Мы должны были создать аппарат, который помог бы нам мобилизовать рабочих, а это было нелегко, так как никто не верил, что белые могут ворваться в Питер.

Надо еще помнить, что все наиболее активные работники уже были на фронте. Остались молодые, только что вступившие члены, совершенно незнакомые райкому. И вот было приступлено к образованию зародыша штаба, найдена штаб-квартира, приступлено к мобилизации рабочих. Было предписано вагонным и паровозным мастерским дать по 50 человек, а также и Семянниковскому заводу.

Как отозвались рабочие? Понятное дело, переходить на казенное положение не сладко. Рабочие, в большинстве случаев многосемейные, жены которых частенько путешествуют за мукой. Приходилось устраивать детей, и все это в самый короткий срок. А главное, никто не

[1] Заголовок п. XII отсутствует.

[2] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, лл. 4—5. Заголовок подлинника.

[3] Так в подлиннике.

хотел верить, что белые могут взять Питер. И только 20 октября, когда враг стоял у Пулковских высот, случился перелом у рабочих. Работа закипела. Не было ничего: ни кровати, ни матраца, ни ружья. Опыта военного тоже не было. Была сырая масса и пламенное желание создать железную защиту. И казавшееся невозможным делалось. Выделены руководители. Штаб заработал.

Центр стал по силе возможности помогать, но главная работа и весь материал был революционно произведен и получен на месте.

Фабрично-заводские комитеты без задержки исполняли распоряжение штаба. Рабочие со всеми нуждами и болями потянулись в штаб. Смотреть было радостно на эту кипящую работу. Голые, разутые, частенько полуголодные рабочие едут на ст. «Славянка» и с поезда вступают в бой. Есть убитые, раненые. Но боевое крещение принято. В казармах до 1000 человек. Обучение идет. Стройные ряды проходят. Поют рабочие революционные песни. Вечером митинги, речи: «Красное село взято. Ура!»

И, конечно, тут же вопросы об одежде, сапогах, котелках и белье. Говоришь, что нами заказаны и будут готовы котелки, шинели и матрацы шьются в швальной, вновь оборудованной. Обувь, как поступит, будет выдана. Каждый рабочий считает своим долгом зайти в штаб, получить ответ на свой вопрос, лично от товарища начальника внутренней обороны. Перед помещением штаба толпа женщин, мобилизованных на окопы.

Здесь те же нужды, те же боли. Нет обуви. Детишек нельзя оставить одних на квартире. Крик, шум.

Но из этого кажущегося хаоса создаются окопы, насыпаются мешки, рогатки, переплетенные проволокой, устанавливаются на своих местах.

В казармы входит начальник обороны и говорит, что частями войск, сбитых белыми с фронта, производится расхищение огородов рабочих, кто желает итти помочь установить порядок. И десятки товарищей бросают ужинать, строятся и идут водворять революционный порядок. Происходят выборы товарищеского суда. Выдвигаются и обсуждаются кандидаты.

Наконец, стройные ряды рабочих, уже обученных строю, знающих как обращаться с ружьем, знающих окопы и умеющих ими защищаться. Все это сделано и достигнуто в две-три недели. Все это сделано не отдельными лицами, а всеми рабочими Невско-Обуховского района.

Говорить о том, что была налажена связь со всеми районами, не приходится. Главная забота о том, чтобы устроить транспорт, так как район удален от центра, наконец разрешена. Все лошади взяты на учет и всецело зависят от штаба и им распределяются. В первую очередь конечно удовлетворяются нужды Петрокомпрода. С утра до вечера густые клубы морозного воздуха врываются через хлопающие двери в казармы.

Утром идет медицинский осмотр мобилизованных рабочих. Происходит обучение. Вначале был обед поздний — в 4 часа, так как ужина не полагалось. По вечерам десятая часть уходит в отпуск домой.

Собирается коллектив коммунистов, на котором, главным образом, ставятся вопросы культурно-политические. Начальником батальона собирается командный состав. Всюду пытливые глаза, в которых виден творческий дух.

За последнее время благодаря присланным инструкторам водворяется чисто военная дисциплина. Настроение рабочих серьезное. Переход части рабочих в Семеновские казармы, для образования общего цент-

рального отряда, проведен вполне организованно и те же рабочие, которые не хотели итти на день на два в казармы, деловито обсуждают необходимость такого шага.

В беседах с рабочими выясняются и дальнейшие задачи по обучению рабочих.

И так работа произведена громадная. Сдвиг в настроении рабочих безусловен. Теперь с уверенностью можно сказать, что Юденич достиг своей задачи,— он поднял на ноги рабочих. Одно он не предусмотрел, что эти поднятые рабочие направят штыки против него.

Нам остается продолжать эту работу и, оглядываясь назад, мы можем сказать спокойно: «Мы знаем, чего хотим, и сумеем докончить так же хорошо наше рабочее дело, как начали».

И. о. начальника укрепленного Невско-Обуховского района (подпись).

О ходе работ Выборгского района за исторические дни октября и ноября сего [1919 г.] года [1].

В тревожные, быть может исторические дни осады Петербурга Юденичем, когда революционная столица, не в пример прежних дней, напрягла максимум энергии для своей защиты, Выборгский район, в частности, непосредственно перешел в боевое положение, спешно развернув штаб. В состав последнего вошли ответственные работники районного Исполкома. По специальностям были приглашены и взяты на учет военно-инженерно-технические силы. Персонально штаб не указывает отдельно работников, но в общем все оказались у дел и на месте.

При получении первых тревожных известий с ближайшего фронта Штаб приступил к мобилизации живой силы района. Последняя состояла исключительно из рабочего элемента. Мобилизация на заводах, фабриках и отдельных предприятиях носила характер напряженности, сообразно наступившему моменту. Слияние отдельных боевых единиц, образовавшихся на заводах, в одно целое образовало кадр вооруженных мобилизованных. Одновременно с этим поступали в распоряжение штаба инструктора всеобуча, задача которых сводилась к тому, чтобы в короткий срок обучить владеть винтовкой. Выделенная команда пулеметчиков гренадеров была отправлена на фронт.

По прошествии острого момента численность отряда уменьшилась, согласно демобилизации известных годов. Отряд в целом нес и несет службу охраны укрепления района.

Укрепление района началось одновременно с мобилизацией, работа производилась рабочими и гражданским населением под руководством техников строительств.

Помощь фронту: из среды рабочих были выделены в первую голову партийные, влившиеся в отряд особого назначения. Последний группами был отправлен на фронт. Специалисты выделены были особо (пулеметчики и гренадеры) — поступили в распоряжение Петропавловской крепости и отправлены последней на фронт.

Роль пролетариата, как революционного творца по обороне: — пролетариат в целом, т. е. рабочие фабрик и заводов, сыграл видную роль по внутренней обороне района.

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, л. 6. Заголовок подлинника. Подпись на документе отсутствует.

Выдвинуты лозунги района: «Опасность и борьба», [они] подняли рабочий класс. Неспособные к оружию были использованы как рабочая сила по укреплению. Численность рабочих рук была достаточна и гражданское население мобилизовалось частично. Работницы фабрик и заводов несли посильный труд по укреплению района. Настроение рабочих масс в целом было и есть твердое и уверенное по отношению к Советской власти. Молодежь района, влившаяся в Союзы, представляла собою живую связь — с одной стороны, а с другой — разведывательные отряды, цели и задачи которых были доносить о состоянии и настроении других районов.

Из советских учреждений особенно большое значение сыграл местный Компрод, питавший отряды рабочих и работниц и даже наделявший хлебом рабочих других районов, которые были присылаемы на окопные работы на северном секторе.

Революционная работа и организация обороны при штабе начальника обороны 2-Городского района [1919 г.] [1].

Грозное положение Петрограда в дни отступления Красной армии по всему северо-западному фронту и приближение войск Юденича на расстояние одного перехода к Петрограду застало все пролетарские организации района, фабрично-заводский пролетариат в состоянии полной готовности встать на защиту красного города. При беспрерывном обсуждении мер борьбы в коллективах и массовых собраниях отыскивались практические выходы из серьезного положения, но широта задачи и слабая связь с центром приводили все поиски к очень маленьким результатам.

Лозунг «Петроград будет обороняться и внутри» был встречен рабочими района с большим восхищением, что давало уверенность всем творческим силам района в победе и окрыляло всю работу сознанием необходимости не покладая рук вести работу в согласии с центром по укреплению.

К организации штаба внутренней обороны было приступлено 18 октября с. г. Тотчас же были созданы аппарат снабжения, команда связи, санитарная и авточасть. Весь штат штаба вместе с руководителями, в течение круглых суток, находился в штабе. Из мобилизованных коммунистов местного Совета и выделенных районным комитетом партии была создана коммунистическая рота для несения караульной службы, впоследствии зачисленная в состав Одельного отряда. Из специалистов техно-строительного отдела был создан инженерно-строительный отдел. Ввиду постоянных требований с фронта на пополнение, необходимо было иметь специальный орган по проведению мобилизации в районах, а для руководства батареи имелся подотдел легкой батареи во главе с начальником артиллерии. Немедленно были приготовлены и приведены в порядок помещения для расквартирования формируемых отрядов. Согласно приказа начальника внутренней обороны гор. Петрограда от 23 октября были прикомандированы к штабу и расквартированы лица командного состава, прибывшие из территориальных полков гор. Петрограда. Прибывавшие пополнения комсостава и рабочих разбивались по ротам и взводам и вели усиленным темпом обучение уличным боям.

---

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, лл. 12—13. Заголовок подлинника.

Таким образом, общая численность главного отряда была доведена до 485 человек, включая в это число отряд коммунистического Союза молодежи из 280 человек, который вместе с отрядом «ЦУКЛ» в таком же количестве составили самостоятельную боевую единицу.

Начатая 22 октября мобилизация продолжалась по 14 ноября, причем через мобилизационный отдел прошло 321 человек, из которых призванными оказались 183 человека.

Трудно было организовать [связь] из-за отсутствия технических приспособлений, ощущалась нужда в аппаратах, элементах и пр., что заставило штаб принять революционные меры, снимая аппараты из частных домов и общественных учреждений. В первые же дни имелась возможность сноситься с Василеостровским, Нарвско-Петергофским, Смольнинским, Московско-Заставским, 1-м Городским районом и Смольным, а также наладить три прямых провода с Петропавловской крепостью. Кроме телефонной связи в распоряжении отдела имелась живая связь из мобилизованных и состоявших на службе при штабе.

19 октября было приступлено к созданию артиллерийской обороны из имеющихся 4 легких орудий от запасной легкой бригады, установленных в ночь на 21 октября на выбранных позициях. Необходимо отметить, что время от отдачи приказания встать орудиями на позиции до полной готовности прошло не более 2½ час., причем командный и личный состав и необходимое снабжение в течение этого времени были на позиции. Одновременно при имеющейся связи разместились в казармах резервы. На следующий день к позициям у слободы Александровской в резерв огнеприпасов были подвезены 212 гранат и 50 шрапнелей. В этот же день была разработана и произведена прямая телефонная связь между наблюдателями и орудиями и, таким образом, к вечеру 22 октября можно было считать артиллерийскую оборону 2 Городского района фактически законченной во всех деталях, кроме инженерных работ. К 22 октября Инженерным строительством к установленным в Александровском саду орудиям были привезены легкие броневые башни, где предположено было установить орудия, что сделать по размерам башни оказалось невозможным, и башни были установлены для закрытия действующих орудий по сторонам. Кроме башен для закрытия батареи были вправо и влево от орудий сложены штабеля дров, чем закончились работы на артиллерийских позициях. Особых затруднений при создании артиллерийской обороны не было, так как 4 орудия представляли из себя вполне готовую боевую организованную единицу.

В целях санитарной обороны было приступлено к организации перевязочных пунктов и летучек в районе. Было намечено к открытию: 16 летучек, 16 перевязочных пунктов, 4 больших и 5 малых приемников. Экстренно были созданы при женских секциях кадры сестер милосердия из санитарок, из числа добровольных работниц: из одной сестры милосердия, двух опытных и двух малоопытных санитарок на каждую летучку. Все врачи района были привлечены к организации санитарной обороны, взяты на учет и распределены по пунктам. 172 мобилизованных врача несли дежурства на пунктах круглые сутки. Пунктом санитарного транспорта для района являлся конный транспорт Петроградского эвакопункта, а снабжение происходило через санитарную базу района. Кроме означенных санитарных организаций при штабе внутренней обороны был организован военный отряд из одного врача, трех лекарских помощников и 15 санитарок.

Довольствие мобилизованных производилось первые два дня при Штабе, где в течение нескольких часов был организован питательный пункт на 500 человек. Количество мобилизованных, около 700 человек, далеко превышало пропускную способность столовой, необходимо было захватить во временное пользование две гражданских столовых. 27 октября, когда более крупным частям паек стал отпускаться в сухом виде, деятельность питательного пункта при Штабе сделалась нормальной. С момента организации оборонительных работ Отдел снабжения стал удовлетворять хлебом рабочих, мобилизованных для окопных работ. В первые же дни таких пайков нужно было заготовлять и развозить по отдельным пунктам района около 700, а в последние около 1 000 и свыше. Первые дни наблюдалось отсутствие обмундирования у мобилизованных, но в течение нескольких часов части приняли военный образ и имели достаточно обмундирования. Винтовки, пулеметы, гранаты и патроны, повозки и пр., незначительное количество револьверов и холодное оружие были получены из территориального полка, артиллерийского склада и почтой. Необходимо отметить, что несмотря на общий недостаток и распределенность имущества, снабжение, как интендантским, так и инженерным и артиллерийским довольствием, благодаря общему подъему и энергии, революционному способу действий, удалось наладить удовлетворительно. В заключение необходимо отметить: 2 Городской район по преимуществу является матросским районом и отсюда революционный дух, спайка, подвижность и энергия, проявленные в районе, легко объяснимы. Военная дисциплина и революционная выдержка выковали стройные ряды красных бойцов, с музыкой отправляющихся на фронт и тем поднимавших и породивших волю к победе.

Начальник внутренней обороны 2 Городского района (подпись).

Характеристика работ в тревожные дни революционного пролетариата Московского района, [1919 г.] [1]

7-я армия, защищающая подступы к Петрограду, дрогнула. Части ее подошли к кольцевому обводу — последнему оборонительному рубежу Красного Питера, и положение последнего стало угрожающим.

Партийный комитет Р. К. П. Московского района, вследствие телефонограммы командира коммунистических отрядов особого назначения в районе, объявил пробную мобилизацию коммунистов с переходом их на казарменное положение, которые разместились в бывш. Егерских казармах, куда было выделено вполне боеспособных 154 товарища коммуниста. Все более ответственные, выдающиеся и незаменимые товарищи коммунисты были оставлены на местах службы, из которых выделены революционные тройки. Задание троек следующее: наблюдение за ходом работ на фабриках и заводах, за настроением рабочих и за успешным проведением в жизнь мобилизации рабочих. Остальные же товарищи коммунисты, небоеспособные, негодящиеся к строю были сформированы в отряд для несения караульной службы в районе.

16 октября с. г. состоялось собрание троек для получения инструкции и информации работ, того же числа организовалась запись женщин в санитарный отряд и доктору Быховскому поручено чтение лекций по уходу за ранеными и сформирование отрядов. Обращение Р. К. П. Московского района к работницам фабрик и заводов нашло живой от-

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, л. 14. Заголовок подлинника.

клик среди них и в тот же день стали стекаться со всех фабрик и заводов работницы, вливаясь в санитарные отряды.

17 сего октября начали читаться лекции, а 18 был отправлен первый отряд санитарок на фронт в количестве 25 человек, ранее проходивших курсы, остальные же стали с жадностью вслушиваться в чтение лекций, и в течение недели было отправлено на фронт еще два отряда по 30 человек. Все остальные санитарки, в количестве 56 человек, были оставлены для обслуживания района на случай уличного боя. В этот же день, т. е. 18 октября, были мобилизация граждан на окопные работы и сразу что называется закипела работа. Но первые полтора дня она все-таки не удовлетворяла заданиям Штаба, и здесь же был назначен один ответственный товарищ коммунист, и работа сразу приняла более интенсивный и организованный характер. Все население района, за исключением детей, стариков и больных, были привлечены к окопным работам, а в общем работало ежедневно от трех до шести тысяч. В течение трех дней было сделано три оборонительных линии, которые представляют твердые позиции для бойцов, а также в определенных штабом местах были поставлены орудия как в скрытом месте, так и на забронированных вагонных платформах. Во всей этой работе чувствовался небывалый подъем духа среди даже самой отсталой и малосознательной массы, за исключением некоторых отдельных личностей, которые говорили, что нужно сначала накормить, а потом уже и заставлять работать, но все же работали добросовестно.

Кроме всего вышеизложенного, были приготовлены бойницы как пулеметные, так и для стрелков в окнах домов, признанных Штабом пригодными для отражения неприятеля, а также и наступления на него.

17 октября с. г., согласно приказа начальника внутренней обороны г. Петрограда, было приступлено к формированию штаба внутренней обороны Московского района. Штаб был сформирован в 24 часа и приступил к работе; причем не было выработано точного задания для только что появившейся организации, не говоря о том, кто какие роли будет выполнять, но чувствовалось, что эта организация нашла острый характер, не терпящий ни одной минуты отлагательства. Весь штаб был поднят на ноги. В помещении его наблюдалась крайне лихорадочная и оживленная работа. Все время в помещении штаба происходила лихорадочная работа. Приходили и уходили все новые и новые лица за всевозможными справками, возникшими в связи с тревожным моментом, а также приходили рабочие непартийные, которые отдавали себя в полное распоряжение района. Вечером того же дня, около 9—10 часов вечера, приехал ответственный организатор Московского района, вернувшийся с заседания начальника обороны г. Петрограда, и привез с собой двух товарищей, как потом выяснилось: начальника артиллерии и инженера. Сейчас же было организовано заседание партийного комитета в широком масштабе, совместно с прибывшими товарищами, на котором точно обрисовалось положение г. Петрограда, схема организации штаба внутренней обороны района. Были сформированы следующие отделы: артиллерийский, санитарный, инженерный, авто-гужевой, оперативный и хозяйственный, и каждому отделу были известны его задания. Таким образом, штаб внутренней обороны был сконструирован и имел определенные задания.

С рассветом 18 октября с. г. были выделены товарищи, [которые], совместно с товарищами руководителями инженерных работ и началь-

ником артиллерии, произвели рекогносцировку местности предполагаемых позиций Московского района, и тут же было приступлено к укреплению намеченных позиций и опорных пунктов. Из охраны районного отряда была выставлена застава в Чесменской богадельне и с нею установлена живая связь. На обязанности заставы лежало следующее задание: следить за окружающей местностью района и обо всем доносить в штаб обороны, отбирать оружие у всех, кто с целью или по слабости своей поддался панике и бросился в бегство. Эта задача была выполнена блестяще. Все собранное оружие отдавалось героям рабочим, которые шли умереть или победить.

Согласно приказа Комиссариата по военным делам была объявлена мобилизация граждан от 18 до 40 лет. В предприятиях и заводах, не подлежащих закрытию, работа производилась усиленным темпом. Мобилизация происходила успешно, со всех концов стекались рабочие фабрик и заводов и чувствовалось у всех рабочих воодушевленное настроение и искра любви к несокрушимости Красного Питера. Стали прибывать отряды. Первым прибыл отряд моряков речного флота в составе 350 человек. Этот отряд все как один горел одним желанием скорее отправиться на фронт и задержка при Штабе в течение одних суток из-за обмундирования и снаряжения вызвала даже нарекания со стороны отряда, говорящего, что банды Юденича продвигаются к Питеру все ближе, а мы сидим здесь в казармах, а в особенности рвались в бой товарищи матросы.

Начали стекаться мобилизованные рабочие с фабрик, заводов и предприятий и здесь же производились в организованные войсковые соединения, т. е. соответственно разделялись на отделения, взводы и роты, здесь же выделялся и назначался командный состав; преимущество в командном составе имели товарищи коммунисты.

В этот же день, т. е. 18 октября, получали все необходимое, как-то: части снаряжения, обмундирования — сапоги и полушубки. Оружия высылались на известные места и пункты для несения караульно-боевой службы, и в течение двух дней мобилизации в нашем районе сформировался отряд в количестве 532 человек, вполне обмундированных и вооруженных. С этого же дня началась усиленная подготовка обучения неумеющих еще владеть оружием, а также специалистов гренадеров, пулеметчиков и команды связи. Дух отряда был самый прекрасный, говорили в отрядах и даже чувствовалось, что все пойдут сражаться на защиту Красного Питера. Питались в столовых, вполне приспособленных для местного питания красноармейцев.

Таким образом сразу же обнаружилось: 1) установить в районах сборные пункты в случае тревоги; раз навсегда, 2) иметь в таковых хотя бы небольшие запасы обмундирования, снаряжения и вооружения, 3) иметь соответствующее помещение для расквартирования вблизи питательных пунктов. Одним словом, работа пролетариата кипела при полном спокойствии, стекались люди, с поднятым настроением принимаясь за работу, и можно было видеть, что Красного Питера врагу не видать.

Когда был пережит острый момент и непосредственная опасность миновала, работа становилась более спокойной. Работа Штаба вылилась в определенные рамки, начались формироваться отдельные боевые отряды пехоты, артиллерийская часть, санитарная часть, инженерная часть, связь и т. д., характеристика каковых вам была представлена.

Начальник обороны Московского района (подпись).

Докладная записка начальника санитарной службы Нарвско-Петергофского района штабу внутренней обороны Нарвско-Петергофского района, [1919 г.] [1]

В ответ на ваше отношение за № 6113 сообщаю:

Приступая к характеристике санитарного формирования района, необходимо заметить, что, приступив в ночь на 20 октября к исполнению обязанностей начсанрайона, я немедленно озаботился обеспечением фронтовой зоны санитарными учреждениями, для чего в больницу «Всех скорбящих», как ближайшую к линии боя, был двинут из центра передовой перевязочный отряд для оказания немедленной хирургической помощи, в составе одного врача-хирурга и четырех лекпомов.

Хирургическое отделение Путиловской больницы на 75 кроватей было взято на учет и врачи были мобилизованы.

В такие же условия поставлена Ушаковская больница, предоставившая в наше распоряжение 25 кроватей.

В качестве резерва в Медико-санитарный отдел (Балтийская, 1) был направлен перевязочный отряд из центра в составе 1 врача и 4 лекпомов, 4-я станция скорой помощи развернула приемник на 200 коек, с постоянным дежурством 4 врачей.

Кроме того, все лечебные заведения тыла приведены в боевую готовность, в них усилено дежурство медицинского и санитарного персонала и освобождено возможно большее количество коек.

Для эвакуации поступающих раненых были мобилизованы санитарные автомобили Скорой помощи, каковыми и были вывезены наиболее тяжело раненые.

Для эвакуации легко раненых была сформирована летучка, в составе 1 паровоза, 2 крытых вагонов и 4 платформ, крытых брезентом для носилочных раненых.

Летучка эта обслуживалась как отрядом санитаров — добровольцев скорой помощи, так и районным санитарным отрядом.

Обеспечив себе таким образом фронт, в ближайшие дни приступлено к организации перевязочных пунктов и летучих отрядов во внутренние линии района, на случай уличного боя. Причем, в виду обилия в районе лечебных заведений, формирование отрядов как перевязочных, так и летучих и амбулаторных происходило за счет персонала лечебных заведений районов.

Сформированные же отряды местного коллектива были изъяты из ведения Начсанрайона и отправлены на фронт.

В дальнейшем работа Начсанрайона выразилась в обследовании сформированных летучих отрядов при больницах, распределении их по различным пунктам района, обследовании помещений, могущих быть приспособленными под перевязочные пункты, пользуясь по преимуществу для этой цели амбулаториями, аптеками и т. п.

Были введены постоянные дежурства врачей как при амбулаториях, так и при пунктах, причем все пункты были снабжены медикаментами и носилками.

Результаты данной работы выразились в прилагаемой сводке [2], в которой помещены все сведения как количество коек, так и о снабжении их медицинским персоналом и перевязочным материалом.

Начальник Санитарной части Нарвско-Петергофского района (подпись).

---

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, л. 17.

[2] Сводка в деле отсутствует.

Характеристика работ по организации внутренней обороны Петербургской стороны за период существования штаба обороны Петербургского района, [1919 г.] [1]

Для организации районной внутренней обороны были привлечены с первого же дня все лучшие активные работники района. С этой целью прежде всего был образован штаб, руководящую роль в котором приняла на себя Революционная тройка обороны, выделив из своей среды начальника обороны и двух его помощников. Создавая такой штаб, главной задачей руководителей являлась необходимость придать ему наиболее революционный вид, соответственно чему штатные должности были замещены такими товарищами, у которых было больше политической выдержки, революционного энтузиазма и деловой гибкости.

Так например, оценивая роль начальника штаба и командира отряда, приходилось руководствоваться тактикой уличного боя, которая заключает в себе особую стратегию, основанную исключительно на моральном состоянии и выдержке как командного состава, так и бойцов; здесь приходилось остановиться больше на надежных, политически зрелых товарищах, чем на специалистах.

На остальные штатные должности, как начальника связи, авточасти, снабжения, были выделены также свои товарищи из района и лишь начальник артиллерии, начальник санитарной части и руководитель инженерной [частью] были присланы по назначению штаба обороны города Петрограда, как специалисты. Здесь необходимо отметить, что работа этими специалистами выполнялась хотя и добросовестно, тем не менее дух особой психологии, чиновничества, шаблона не покидал их даже в минуты непосредственной необходимости работать по революционному.

Организуя штаб, было приступлено к формированию, в результате чего объявленная мобилизация рабочих, сначала примитивным способом, выделяя по несколько наиболее стойких с каждого завода, затем общая от 18 до 43 лет дала хорошие результаты, уклонявшиеся от мобилизации Всеобуча сюда явились полностью. Была образована мобилизационная комиссия из трех товарищей, которая и проводила мобилизацию, принимая и свыше 43-летнего возраста, всего, таким образом, было мобилизовано 782 человека, из которых был образован отряд в 3 роты, по 230 человек в каждом, команда пеших разведчиков в 20 человек, команда пулеметчиков в 30 человек, команда гранатчиков в 26 человек, команда связи в 16 человек.

На мобилизацию горячо отозвались работницы фабрик и заводов, из которых была образована служба связи и санитарный отряд. Всех работниц было мобилизовано 160 человек. За период мобилизации прошло через комиссию около четырех-пяти тысяч человек, из которых, как указано выше, принято было [2]... человек, остальные, в большинстве больные, старые и совершенно необходимые на том или другом предприятии, были освобождены.

Следующей задачей формирования было установление связи, которая хотя и не сразу все же была очень быстро налажена; для этого были привлечены специалисты рабочие с заводов, которые установили аппараты и наладили телефонную связь со штабом обороны города Петро-

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, лл. 20—22. Заголовок подлинника.
[2] В документе пропуск.

града, со всеми районами, артиллерией и всеми важными пунктами, необходимыми в момент оперативных действий.

Был установлен телеграф. Что касается живой связи, то эту задачу взяли на себя исключительно работницы, которые были размещены по всем пунктам и прекрасно справились с своей работой. Одновременно был приспособлен для связи мотоцикл и самокаты.

Другой серьезной задачей являлась мобилизация и регулирование транспорта; здесь также необходимы были исключительно революционные меры, посредством которых и при содействии рабочих удалось поставить на ноги и сконцентрировать в Штабе весь автогуж.

Много грузовых и легковых машин было разбросано по заводам и гаражам без практического употребления и часто, не будучи на учете, скрывалось владельцами, ссылавшимися то на порчу, то на отсутствие горючих и смазочных веществ.

Немедленно были осмотрены все гаражи и предприятия; все машины, за исключением совершенно необходимых, были приведены в боевой порядок, шоферы были мобилизованы и взяты в штаб, часть из них была выделена исключительно для ремонта, а часть для езды; таким образом, используя машины, одновременно был аппарат, который ремонтировал выбывавшие из строя.

Одновременно с организацией других отделов был организован санитарный отдел, куда вошли все работницы, могущие быть санитарками, который устроил сразу же перевязочные пункты и оказание скорой помощи в кварталах, где предполагались оперативные действия.

Все необходимые медикаменты были взяты, главным образом, с завода военно-врачебных заготовлений. Кроме организационных пунктов, на санитарный отдел была возложена и другая задача: обучение работниц подаче первой помощи, как теоретически, так и практически, для чего устраивались лекции, что дало возможность остальным работницам ознакомиться с санитарным делом.

Следующей задачей было укрепление района. С этой целью было приступлено к рекогносцировке и намечению плана работ соответственно утвержденной схеме, применяясь, главным образом, к местности. После определения было приступлено к работам, весь центр тяжести которых ложился на линию, откуда предполагались главные силы противника, не оставляя и других стратегических пунктов. Для рытья окопов была привлечена штрафная рота красноармейцев, торговцы на рынках, работницы некоторых фабрик и позже остальное население. Следует отметить, что наиболее работоспособным элементом были работницы и штрафная рота, которые работали не за страх, а за совесть, все остальное было почти ненужным балластом.

Одновременно с окопами были сооружены проволочные заграждения, сделаны траверсы, установлены пулеметные площадки и намечены места для гранатчиков. Также был выбран целый ряд домов с проходными дворами и улиц, могущих принести ценную услугу во время оперативных действий.

Затем были приняты меры к доставке и установке артиллерии, был сооружен блиндаж для снарядов, сделана маскировка, установлен наблюдательный пункт и проведена телеграфная связь как со штабом, так и соседними батареями.

Подходя к вопросу снабжения, необходимо отметить, что этот аппарат сыграл огромную роль, так как от доставления своевременно тех или иных предметов зависели все успехи начатых работ. Все, что было необходимо для формирования и укрепления, проходило через аппарат

снабжения; предоставление помещений для отряда, доставка и распределение продовольствия как отряду, так и работающим по укреплению, приобретение всякого рода инструмента, обмундирования, вооружения и тому подобное,— все это доставлялось своевременно при известных нажимах на ту или другую организацию, действуя революционно.

Кроме организации обороны районом была оказана непосредственная помощь фронту посылкой вооруженных отрядов, в момент наступления белогвардейских банд на Петроград, и отрядов санитарок из работниц.

Большинство учреждений районного совета обслуживало исключительно Штаб обороны, отдавая как технический персонал, так и способствуя розыску и доставлению транспорта, одежды, обуви, продовольствия, горючего и смазочных веществ, кроватей, матрацов и т. п.

Большую услугу оказали также фабрики и заводы, посылая живую силу, снабжая перевязочными медикаментами, лесными материалами, транспортом, ремонтом и проч.

Не осталась безучастной и городская милиция, своей исполнительностью способствовавшая своевременному началу работ по укреплению.

Подводя итоги организационной работы необходимо оценить роль пролетариата, как революционного творца по внутренней обороне.

Здесь надо констатировать, что вся работа по организации обороны в районе произошла быстро исключительно благодаря тому, что району были даны права и полная инициатива, обусловливаемые глубокой сознательностью каждого рабочего и сотрудника, осознавших необходимость революционного напряжения и вполне сдавших политический экзамен.

Все, что строилось в эти исторические дни, строилось рабочими без специальной к тому подготовки, и те специалисты, которые принимали участие в этом строительстве, терялись и казались существами способными работать по шаблону, не по-революционному.

Необходимо отдать должное начальнику обороны города Петрограда тов. Аврову, сумевшему правильно реагировать на запросы района, координировать работу с другими районами и уметь разговаривать на общем языке, что тесней спаивает работников низов и придает им энергию, повышая продуктивность работы и вводя ее в определенное русло.

Также надо оттенить и работников нашей партии, сумевших правильно распределить свои роли и целиком уйти в работу обороны.

Организация обороны сама по себе послужила огромным моральным давлением, так как поспешно занимаясь работой чувствовалась бодрость [1], надежда и желание встретить, если придется врага во всеоружии, подготовленными, не врасплох. Серьезность этой работы, ее успех, единодушный отзыв рабочих, все это создавало деловую обстановку и, сковывая языки досужих болтунов, заставляло контрреволюционеров разочароваться в своих чаяниях и серьезно призадуматься.

Большинство самой трудной работы было проделано в одну ночь, то есть в тот самый момент, когда Петрограду угрожала непосредственная опасность.

Мгновенно было поставлено буквально все на ноги: привезены орудия, снаряды, вырыты ближайшие окопы, расставлены пулеметы, стратегические пункты, посажены гранатчики, транспорт свезен в один пункт, скорая помощь на местах; с винтовками, пулеметами и граната-

[1] Так в подлиннике.

ми производилось беспрерывное обучение, словом все кипело революционной жизнью.

В заключение следует добавить, что не малую роль сыграли инструктора, присланные Всеобучем, которые сразу поставили отряд на боевую изготовку; что касается административно-политического влияния, то в этом отношении благодаря тому, что во главе стояли районные руководители партии, знающие психологию мобилизованных, удавалось всякий раз правильно нащупывать всякое биение пульса, реагировать на все, потребно запросам и условиям.

Начальник обороны (подпись).

Краткий обзор революционной деятельности Штаба внутренней обороны Смольнинского укрепленного района, [ноябрь 1919 г.] [1]

С первых почти дней образования штаба внутренней обороны Смольнинского укрепленного района было приступлено к политической и культурно-просветительной деятельности, как в пределах всего района, так и в частях, находившихся непосредственно в распоряжении Штаба.

На всех фабриках и заводах, во всех крупных предприятиях района, начиная с первых же тревожных дней наступления Юденича, вся власть на местах перешла к образовавшимся к тому времени революционным тройкам, в руках которых находилась вся революционная, политическая и административная деятельность предприятия. Авторитет революционных троек в предприятиях был весьма велик, отношение рабочей массы к тройке было весьма благоприятное. Все распоряжения и постановления троек выполнялись не только беспрекословно, но всячески всеми оказывалась помощь тройке в выполнении задач, возложенных на тройки Штабом обороны.

При общем подъеме революционного духа, отмеченного в эти дни среди рабочего и трудового населения района, при всем сознании ответственности момента, пережитого в те дни Красным Питером, революционным тройкам приходилось вести и работу по борьбе с проявившимися в те дни контрреволюционными попытками оставшихся еще в Петрограде идейных сторонников Юденича, следить за сохранностью имущества предприятия, принимать меры к ограждению предприятий от антисанитарных и противопожарных состояний [2]. Следует отметить, что интенсивность и производительность труда в эти недели стояла значительно выше дней, предшествовавших наступлению Юденича.

Особо следует отметить отношение рабочих к текущему моменту на электрической станции «Гелиос», на которой работа при всех существовавших тяжелых условиях протекала дружно, и в результате чего освещение района не прерывалось в течение всего времени ни разу. Для того, чтобы подбодрить рабочих завода и увеличить производительность их работ, которая достигла в эти дни большой продуктивности, сам начальник внутренней обороны Смольнинского района работал вместе со всеми рабочими завода, после чего работа на заводе пошла еще успешнее. Такое же явление пришлось отметить и в работах на Главной городской водопроводной станции, находящейся в районе.

В некоторых учреждениях района, как в госпиталях, лазаретах и

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, лл. 24—25. Заголовок подлинника.

[2] Так в подлиннике.

больницах, были заведены две смены работ, вместо трех, устроено беспрерывное 24-часовое дежурство и учреждены санитарные отряды, готовые в каждый момент по указанию штаба района двинуться в любое направление.

Штабом внутренней обороны Смольнинского района велась широкая агитация среди мобилизованных на окопные работы товарищей из фабрик и заводов. Приходилось разъяснять значение окопных работ, значение укрепления и защиты Петрограда, текущий момент и т. д. Для этой цели штаб посылал своих партийных членов штаба, выступление которых имело влияние на рабочих и работниц, что сказалось на успешности выполненных по району рабочими оборонительных работ, которые часто с пением революционных песен отправлялись и производили работы.

В этих работах штаба революционные тройки фабрик, заводов и предприятий, кои подвергались мобилизации для окопных работ, сыграли немаловажное значение, всячески помогая и облегчая работу штаба.

В образовавшемся из мобилизованных районным штабом и районным комитетом партии рабочих и членов партии батальоне внутренней обороны района в первые же дни был сорганизован коллектив коммунистов, который всю свою работу проводил под непосредственным руководством районного комитета партии и наблюдением политкома районного штаба и батальона. Коллективом была организована библиотечка, распространялась литература и газеты, устроен был митинг-концерт. Кроме того, красноармейцы батальона изучали революционные песни и приступили к постановке своими силами революционной пьесы, посещали концерты-митинги и спектакли, которые организовал Штаб в залах Народного дома Смольнинского района в дни годовщины Октябрьской революции, оглашая на них приветствие тов. Подвойского к пролетариям Смольнинского района. Отношение батальона к коллективу, равно как и к событиям на Петроградском фронте, было очень хорошее. Было отмечено много желающих беспартийных из батальона вступить в тяжелые дни, переживаемые Петроградом, в члены партии.

Штабом внутренней обороны Смольнинского района одновременно с производством окопных работ приступлено было к организации всеобщего военного обучения из рабочих фабрик и заводов района для формирования партизанских отрядов для нужд района, готовых в случае надобности двинуться на любой участок фронта. Добровольно записываясь десятками и сотнями во всеобщее военное обучение, аккуратно посещая обучение, успешно проходя все приемы всеобуча, рабочие района тем самым дали возможность штабу быстро сорганизовать всеобуч в количестве свыше полутора тысяч человек. 16 ноября в районе был устроен смотр всеобучу. После приветствий и разъяснений о значении текущего момента, стройными рядами в сопровождении всего Штаба, с партийными знаменами, оркестром музыки двигались по улицам района колонны рабочих всеобуча, производя хорошее впечатление на все трудовое население района, подняв революционный дух и настроение рабочих. Вечером того же дня для рабочих, участвовавших в смотре, был устроен в Народном доме района митинг-спектакль с участием партийных и артистических лучших сил Петрограда.

В первых числах ноября штаб приступил к организации женского партизанского отряда из работниц фабрик и заводов района, подвергшихся временному закрытию, вследствие топливного кризиса.

Развив среди работниц агитационную деятельность, штабу приходилось отметить добровольную запись в женский партизанский отряд работниц, выразивших готовность немедленно приступить к занятиям. Отряд в сто работниц, сорганизованный в первые же дни, сейчас же выделил коллектив коммунистов в двадцать человек, который начал распространять литературу и развивать политическую и культурно-просветительную деятельность.

Деятельность штаба внутренней обороны Смольнинского района в области революционно-политической и культурно-просветительной, начатая с первых же дней образования Штаба, наравне с деятельностью военно-оперативной продолжалась беспрерывно и протекает в значительно еще более широком масштабе в настоящее время, в дни военного затишья.

Работая все время в теснейшем контакте с районным комитетом партии, штаб внутренней обороны Смольнинского района принял со своей стороны все зависящие от него меры к выполнению возложенных на него революционных задач пролетарской революцией и, в особенности, в тревожные дни, пережитые Красным Питером в октябре-ноябре месяцах 1919 г.

За и. д. начальника внутренней обороны Смольнинского района (подпись).

Телеграмма Реввоенсовета 7-й армии В. И. Ленину, 8 ноября 1919 г.[1]

Красные войска сражающиеся на Питерском фронте просили меня передать «Мы родились в самые критические для Красного Питера дни на смену частям утомленным пятимесячным пребыванием в худших условиях на фронте. Мы созданы, обуты, одеты, вооружены, накормлены, посажены на коней питерскими рабочими. Самоотверженной, напряженнейшей работой путиловцы, охтенцы, ижорцы, колпинцы дали нам бронепоезда, бронемашины, танки, орудия и пулеметы. Своим революционным энтузиазмом они зажгли в нас непреклонную волю к полной победе. Теперь питерские рабочие и Вы, вождь всемирной революции, отдали нам приказ — Северозападную армию стереть с лица земли. Часть приказа выполнена и сегодня в великую годовщину клянемся развить еще большую стремительность, не останавливаться ни перед какими жертвами, чтобы уничтожить Юденича в ближайшие дни. Отобрав награбленное у нас и купленное у Антанты за рабоче-крестьянскую кровь оружие, мы двинемся на Южный фронт для уничтожения Деникина».

Член Реввоенсоварм 7-й (подпись).

---

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 33, л. 1.

Стачка рабочих железнодорожных мастерских в Тифлисе (1900 г.)

Стачка тифлисских железнодорожников 1900 г.— крупнейшее событие в истории рабочего движения Закавказья и всей России в до-искровский период. Она явилась одним из показателей соединения социализма с рабочим движением. Базой для развития рабочего движения в Закавказье и соединения его с социализмом послужил рост капитализма и предшествующая работа революционной с. д. под руководством товарища Сталина.

Несмотря на сохранившиеся после реформы 1861 г. крепостнические пережитки в деревне и общий гнет феодально-самодержавного строя, тяжело давившего трудящихся, развитие капитализма в России шло быстрым темпом. Этот стремительный темп особенно давал себя знать на юге России — на Украине и в Закавказье, где были созданы новые промышленные центры страны. Применение паровых двигателей — один из наиболее характерных признаков крупной машинной индустрии — за какие-нибудь 15 лет возросло на Кавказе весьма значительно. Так, в 1875—78 гг. здесь насчитывалось 115 паровых котлов и 51 паровая машина (всего 583 лош. силы), в 1892 г. использовалось уже 514 паровых котлов и 514 паровых машин (с 5.283 лош. силами). В период 1870—1890 годов в Закавказье была создана сеть железных дорог. В 1871 г. было открыто движение по железной дороге Тифлис — Поти, в 1883 г. была закончена ж.-д. магистраль Баку — Батум, в 1895 г. была проведена Чиатурская узкоколейная ж.-д. ветка. Быстро развивалась нефтяная промышленность и добыча марганцевой руды. В 1865—1869 гг. в Бакинском районе было добыто 15 тыс. тонн нефти, в 1895—1899 гг.— 7.644 тыс. тонн. Добыча марганца с 1880 по 1900 г. возросла с 4,2 тыс. тонн до 660 тыс. тонн. Развитие железнодорожного сообщения и нефтяной промышленности произвело в Закавказье экономический переворот. «Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку...» [1]. Одновременно шел интенсивный процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности и рост городского населения на Кавказе (с 1863 по 1897 г. оно возросло с 350 тыс. до 900 тыс. человек). Русский капитализм, создавая себе рынок для своих фабрик и заводов, втягивал Кавказ «в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости» [2]. Под влиянием конкуренции привозных фабрикатов падали местные кустарные промыслы. «Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно кустарная обработка меди, золота и

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 464.

[2] Там же.

серебра, глины, сала и соды, кож и т. д. ...Падала обработка рогов в бокалы вследствие упадка феодального строя в Грузии и ее исторических пиров,— падал шапочный промысел вследствие замены азиатского костюма европейским, падало производство бурдюков и кувшинов для местного вина»...[1]

Все эти сдвиги в области экономики и социальной структуры со всей отчетливостью и определенностью сказались в Тифлисе,— одном из крупнейших городов Закавказья. Население Тифлиса с 1865 г. по 1897 г. с 70 тыс. жителей возросло до 160 тыс. В 1900 г. в Тифлисе насчитывалось 5.263 торгово-промышленных и кредитных учреждения с 21 тыс. рабочих и служащих и с оборотом в 60 миллионов рублей (рабочих — по официальным данным — в них было 11 тыс. человек). Далеко не все предприятия Тифлиса представлялись в это время капиталистическими крупными фабриками и заводами, банками и т. п., однако капиталистические отношения уже значительно преобразовали общее лицо города и его социальную структуру. Наряду с падением ряда местных производств, потеряли свое значение когда-то сильные ремесленные организации амкаров (цехов) и за счет отходничества из деревень и разорения ремесленников создалась пролетарская прослойка в городе. Наиболее крупными среди промышленных предприятий в Тифлисе являлись мастерские и депо Закавказской ж. д., в которых к концу 19 в. работало до 3 тысяч рабочих. Положение рабочих как всего Закавказья, так и Тифлиса было необычайно тяжелым. На Кавказе — колонии царской России, этой «тюрьмы народов», наряду с общим бесправием трудящихся всей России, особенно давали себя знать разжигание национальной розни, гнет местных владельцев — князьков, повседневные унижения и оскорбления представителей нерусских народов царскими чиновниками и самая свирепая и беспощадная капиталистическая эксплоатация рабочих. Налицо были полный произвол фабрикантов и заводчиков в отношении рабочих, отсутствие каких бы то ни было мероприятий по обеспечению безопасности и улучшению условий их труда. Грязь, копоть, вонь, частые несчастные случаи, непомерно длинный рабочий день, низкая заработная плата, произвольные вычеты из заработка рабочего, широкое использование женского и детского труда (на заводах Манташева в Батуме в начале 1900-х годов работали даже 7—8-летние дети, на предприятиях Тифлиса работало много детей и подростков с 12-летнего возраста), грубое обращение с рабочими вплоть до кулачной расправы — такова картина условий труда и быта рабочих Закавказья. Но по мере сплочения закавказского (и в том числе тифлисского) пролетариата и роста его классовой солидарности, увеличивалась сопротивляемость рабочих. Первые стачки возникли в Тифлисе еще в 70-х годах. Но эти стачки были незначительными. Более крупная стачка произошла в Тифлисе в 1889 г. в связи с переходом Закавказской ж. д. в ведение казны и отменой единовременных пособий рабочим при увольнении, бесплатного проезда по ж. д. и т. д. Рабочие мастерских забастовали, требуя возвращения к прежним условиям труда. К ним присоединились рабочие депо. Забастовка была подавлена при содействии войск. Во второй половине 90-х годов было несколько стачек на табачных и др. предприятиях Тифлиса.

Стачки до конца 90-х годов в своем большинстве носили экономический и недостаточно организованный характер. Предстояла задача связать борьбу рабочих за улучшение своего экономического положения с политической борьбой против царизма, задача осуществления соединения социализма с рабочим движением. Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса, под руководством Ленина, уже с конца 1894 г. вступил на этот путь. При возникновении стачек на тех или иных предприятиях Петербурга «Союз борьбы» немедленно откликался выпуском листовок и социалистических прокламаций, в которых обличались

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 463—464.

притеснения рабочих фабрикантами, освещалась нищенская жизнь рабочих, указывалось на непомерно тяжелый рабочий день, вскрывалось бесправное положение рабочих, разъяснялось как им бороться за свои интересы и тут же формулировались экономические и политические требования рабочих. После проведенной под руководством основанного Лениным «Союза борьбы» летом 1896 г. стачки 30 тысяч петербургских текстильщиков, царское правительство 2 июня 1897 г. было вынуждено издать закон об ограничении рабочего дня до 11½ часов.

Первой марксистской социал-демократической организацией в Тифлисе была «Месаме-даси», возникшая в 1893 г. при активном участии высланных царским правительством из центральных районов России русских социал-демократов (И. Коган, Г. Франчески и др.) и легальных марксистов Грузии, побывавших за границей (Ной Жордания, Карло Чхеидзе и др.). «Месаме-даси» не была однородной по своему политическому направлению организацией. Ее большинство, во главе с Жордания, искажало учение революционного марксизма, отрицая идею гегемонии пролетариата в революционном движении и не ставя вопросов о необходимости революционной борьбы с капитализмом, о свержении буржуазного строя и установлении диктатуры пролетариата. Отстаивая необходимость и неизбежность капиталистического развития Грузии, оно всячески выпячивало только положительную и прогрессивную сторону капитализма и вульгаризировало марксизм, окрашивая его в националистические тона. Положив начало распространению марксистских идей в Грузии и Закавказье, сыграв в период 1893—1898 гг. известную положительную роль, большинство «Месаме-даси» не пошло вперед, оставшись исключительно группой легального марксизма. Оно отказалось от создания нелегальной революционной прессы и организации революционной борьбы рабочего класса против самодержавия и буржуазии. Первые с.-д. рабочие кружки в Тифлисе, возникшие в 1896—1897 гг., носили преимущественно образовательный характер.

Совершенно иную роль сыграло меньшинство «Месаме-даси» — революционная марксистская группа в составе С. Цулукидзе, Л. Кецховели и И. Сталина. В 1898—1900 оно осуществило переход от мирной легальной пропаганды идей марксизма в легальной газете «Квали» и от узко-кружковой пропагандистской работы с рабочими к широкой революционной агитации и организации рабочих на революционную борьбу против царизма и буржуазии. Под руководством товарища Сталина тифлисская центральная социал-демократическая группа, образовавшаяся из меньшинства «Месаме-даси», местных передовых рабочих и высланных из России революционных социал-демократов (В. Курнатовского, Г. Франчески, М. Калинина, С. Аллилуева и др.) в 1898—1900 гг. провела огромную революционно-пропагандистскую и организационную работу по созданию нелегальной социал-демократической организации и по руководству забастовками и политической борьбой тифлисского пролетариата.

В 1898 г. в тифлисских железнодорожных мастерских впервые развертывается крупная забастовка, в которую вовлечены были кондуктора, машинисты и др. Было приостановлено движение товарных поездов. Рабочие требовали отмены распоряжения об уничтожении выдачи пособий во время болезни и при увольнении и т. п. Полицией была арестована делегация, предъявившая ж.-д. администрации требования рабочих; были вызваны войска и начались репрессии против наиболее активных революционных рабочих. Однако стойкость и выдержанность рабочих заставили правительство пойти на уступки. Министр путей сообщения по телеграфу на третий день стачки распорядился удовлетворить требования рабочих. Стачка 1898 г. была организована в результате начавшегося поворота внимания центральной тифлисской с.-д. организации в сторону широкой революционной агитации. Начало этому повороту положило первомайское празднование 1898 г., проведенное впервые в Тифлисе. Несмотря

на то, что на «маевке» приняло участие только 13 с.-д., предмайская агитация нашла среди рабочих значительный отклик. Рабочие потянулись во вновь организуемые социал-демократические кружки, в которых развертывалась пропаганда идей научного социализма и задач политической и экономической борьбы рабочего класса. В 1899 г. на «маевке», организованной за городом, участвовало 67 человек социал-демократов интеллигентов и передовых рабочих. Под красным революционным знаменем произносились горячие речи и выражалась готовность бороться до конца за политическую свободу, за социализм.

В конце 1899 г. и в первую половину 1900 г. началась полоса стачек. В декабре 1899 г., под руководством революционных социал-демократов, была подготовлена стачка рабочих и служащих тифлисской конной железной дороги. Начавшись 1 января 1900 г., она в тот же день была подавлена при содействии войск. Арестовано было 70 рабочих и служащих. Но спустя 3 месяца администрация конной железной дороги выполнила фактически отдельные требования, предъявленные рабочими и служащими во время стачки (был уменьшен рабочий день, увеличена заработная плата, отменены некоторые стеснительные для рабочих и служащих правила и т. д.). В период 1899 г. и 1900 г. дважды бастовали рабочие — наборщики типографий Шарадзе и Хеладзе и рабочие других типографий. Своей успешной стачечной борьбой рабочие типографий добились увеличения заработной платы, своевременной выдачи ее, улучшения условий труда, отмены работы в праздничные дни и т. п. В то самое время, как большинство «Месаме-даси» оставалось на националистических позициях, под руководством революционных с.-д. объединились на почве классовой солидарности и подлинного интернационализма различные национальные пролетарские отряды многонационального Кавказа. В боевой пролетарской партийной организации, возглавляемой товарищем Сталиным, объединялись революционные рабочие различных наций — грузины, армяне, русские, тюрки. Призывая к интернациональному единству пролетариев России различных наций, Ленин неоднократно указывал на необходимость проводить в жизнь принцип интернационального единства пролетариата «столь блестяще испытанный на Кавказе с 1898 г.» [1]. Пролетариат выступал в авангарде революционной борьбы всех трудящихся Закавказья. Деятельность революционной социал-демократии под руководством товарища Сталина особенно развернулась в 1900 г. В это время функционировало несколько десятков кружков. В ряде из них руководителем был товарищ Сталин.

Первомайское празднование в 1900 г. было проведено особенно организованно и торжественно. За городом под руководством товарища Сталина была проведена массовка, на которой присутствовало 400—500 рабочих; были подняты два красных знамени с революционными лозунгами и портретами Маркса и Энгельса. Речи говорились на грузинском, русском и армянском языках. Товарищ Сталин выступил с пламенным призывом к борьбе против царя и капиталистов. Затем собравшиеся пели революционные песни. Празднование продолжалось с раннего утра до 5 часов вечера. Маевка 1900 г. сыграла большую роль в новом подъеме стачечной борьбы тифлисского пролетариата и в росте его классовой сознательности и организованности. Начиная с мая 1900 г. снова начались забастовки рабочих типографий (Хеладзе и других). Рабочие типографии «Грузинского товарищества» выдвинули требование 8-часового рабочего дня и добились в конечном счете сокращения работы до 9 часов (в субботу до 8 часов). В июне—июле бастовали рабочие некоторых фабрик и механических заводов. Они добились сокращения рабочего дня до 10½ и 11 часов, увеличения и своевременной выдачи заработной платы и т. п. В литейном цехе железнодорожных мастерских рабочие добились полной отмены

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 559.

сверхурочных работ, в механическом цехе — отмены их по понедельникам. В июле 1900 г. успешно закончилась также стачка рабочих на табачной фабрике Бозарджиана, требовавших увеличения заработной платы, уничтожения штрафов, приема уволенных ранее 2 рабочих и т. д. Все эти забастовки протекали под непосредственным руководством революционных социал-демократов, возглавляемых товарищем Сталиным (в числе их были М. И. Калинин, С. И. Аллилуев). Стачка рабочих железнодорожных мастерских в Тифлисе в августе 1900 г. как бы подытожила весь предшествующий этап борьбы тифлисского пролетариата. Она прежде всего замечательна сочетанием экономических и политических требований рабочего класса и непосредственным руководством революционной социал-демократии стачечной борьбой пролетариата.

Выпускаемые без подписи с.-д. прокламации печатались в легальных типографиях рабочими социал-демократами и формулировали требования рабочих об отмене вечерних сверхурочных работ, увеличении заработной платы от 30 до 50%, человеческом обращении со стороны мастеров и бригадиров, улучшении условий труда и др. В них содержались также призывы мужественно и стойко продолжать борьбу и разоблачалась политика свирепых репрессий со стороны царского правительства.

Публикуемые документы рисуют общую картину и ход стачки и дают представление о напряженной и упорной борьбе рабочих, об исключительной гибкости тактики революционных социал-демократов, стремившихся под руководством товарища Сталина придать стачке характер всеобщей и вовлечь в нее все отряды рабочих, вплоть до паровозных машинистов и их помощников, ободрить и призвать к поддержке стачечников женщинами: их женами, сестрами и матерями (см. прокламации «Товарки» и «Товарищи машинисты» и др.) и т. п. В этом смысле эта стачка сыграла большую роль в подготовке общей стачки в Закавказье летом 1903 г. Основные прокламации, формулировавшие требования рабочих и др., писались безусловно при самом активном участии передовых рабочих и до известной степени сохранили их язык и стиль. В этом отношении тифлисские с.-д. под руководством товарища Сталина целиком следовали той практике, которая установилась в Петербургском Союзе Борьбы в первый период его существования. Известно, что первую агитационную листовку и обращение к забастовавшим рабочим Семянниковского завода Ленин написал при участии рабочего Бабушкина, другие «разоблачительные листки» Петербургского Союза Борьбы также писались на основании материалов, доставлявшихся революционным социал-демократам передовыми рабочими ряда петербургских предприятий. Другой отличительной особенностью этой стачки явилось массовое участие в ней рабочих. В результате общего выступления руководителям стачки удалось добиться того, что в течение 4 дней (после присоединения к стачке помощников машинистов) вместо 24 поездов по Кавказской ж. д. ходил только 1 почтовый поезд (см. брошюру «Из Тифлисского рабочего движения», рассказ рабочего, изд. «Искры»). Стачка, охватившая до 3 000 железнодорожных рабочих, была сломлена в результате замены забастовавших рабочих солдатами саперами, расчетов рабочих, массовых арестов и высылок их на родину. (Кстати сказать, эти массовые высылки сыграли большую роль в распространении революционных с.-д. идей в Закавказской деревне и в дальнейшем развитии крестьянского движения). Было арестовано и выслано свыше 400 рабочих.

Стачка кончилась поражением. «Но это поражение по своему значению и последствиям превышало многие победы» [1]. Августовская стачка 1900 г., подавленная зверскими правительственными репрессиями, вплотную подвела

[1] См. ст. Кецховели в «Брдзола» № 2—3, ноябрь — декабрь 1901 г., перепечатанную в сборнике «Ладо Кецховели», стр. 40.

широкие массы закавказского пролетариата к признанию необходимости активной борьбы за свержение самодержавия.

Вызвав отклик среди рабочих других предприятий в Тифлисе (в августе 1900 г.— апреле 1901 г. бастовали рабочие хлопчатобумажной фабрики Читахоза, кожевенного завода Адельханова, табачных фабрик Энфенджианца, Бозарджианца, Сапарова, Бутулова, «Мир», механических заводов Яралова, Карапетянца, Котрина и ряда типографий), стачка рабочих железнодорожных мастерских в Тифлисе подготовила переход тифлисского пролетариата к открытой массовой политической работе. 22 апреля 1901 г. в Тифлисе состоялась грандиозная первомайская уличная демонстрация, организованная под непосредственным руководством товарища Сталина. Несмотря на то, что город еще за неделю до демонстрации был переведен как бы на военное положение и наводнен войсками, 22 апреля на улицах Тифлиса демонстрировало около 2 тысяч рабочих. Они несли знамена с революционными лозунгами и портретами Маркса и Энгельса (те же, что и на маевке 1900 г.). Демонстрантов атаковали казаки и полиция. Во время столкновения было ранено 14 и арестовано свыше 50 демонстрантов. Товарищ Сталин участвовал в демонстрации и лично руководил ею. По поводу этой демонстрации Ленинская «Искра» в 1901 г. писала: «Событие, бывшее в воскресенье 22 апреля (ст. стиля) в Тифлисе, является исторически-знаменательным для всего Кавказа. С этого дня на Кавказе начинается открытое революционное движение» [1]. В результате деятельности товарища Сталина и руководимых им революционных социал-демократов тифлисский пролетариат, проделавший в 1898—1900 гг. сложный путь по осуществлению слияния рабочего движения и социализма, очень быстро проходит путь от отдельных экономических стачек к массовым политическим стачкам и демонстрациям и становится одним из основных отрядов российского пролетариата. Обуховская оборона 1901 г. в Петербурге и первомайская демонстрация 1901 г. в Тифлисе знаменовали собою уже начало нового этапа в истории рабочего движения в России, в истории героической борьбы российского пролетариата за свержение самодержавия.

О. Чаадаева.

Из отношения прокурора Тифлисской судебной палаты во временную канцелярию при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел, 5 сентября 1901 г., № 527 [2]

При Тифлисском губернском жандармском управлении производилось в порядке положения о государственной охране расследование об интеллигентском социал-демократическом кружке в гор. Тифлисе. Расследованием этим выяснено, что означенный кружок состоит из интеллигентных лиц, как туземцев, так и русских, которые образовали тайное сообщество, имеющее целью стремиться путем пропаганды возбудить среди местных рабочих недовольство настоящим положением, внушить им революционные идеи и тем способствовать подготовлению общего революционного движения рабочего класса. Средствами пропаганды для этого кружка служили подбор для чтения

[1] «Искра» № 6, июль 1901 г.

[2] М. Ю., вр. к., 1901 г., д. № 11296, л. 1—4. Публикуемые документы хранятся в Центр. архиве революции. Подготовлены к печати Е. В. Горелкиной-Чмыховой.

рабочих разрешенных изданий социального направления, распространение нелегальных брошюр и журналов, организация тайных рабочих кружков и рабочей кассы и устройство сходок, на которых интеллигенты читали нелегальные издания или вели с рабочими соответствующие беседы... С июля месяца 1900 г. рабочие Савченко и Калинин, образовав кружок, в состав коего вошли железнодорожные рабочие, стали устраивать сходки, собираясь для этого на квартирах. На сходках этих Савченко и Калинин говорили о тяжести положения рабочих, о необходимости борьбы с правительством, об устройстве демократической кассы для оказания помощи рабочим при забастовках; сверх того они читали разные нелегальные издания и объясняли прочитанное. Такой же кружок, но отдельно от железнодорожных рабочих, образовали и типографские наборщики[1]: об этом последнем кружке в жандармском управлении производится особое расследование[2].

И. д. прокурора палаты Хлодовский.

Из постановления Тифлисского губернского жандармского управления по делу о забастовке в июле — августе 1900 г. рабочих главных мастерских Закавказских железных дорог и депо «Тифлис», 16 октября 1901 г.[3]

С начала июля 1900 г. в среде рабочих главных мастерских Закавказских железных дорог появилось заметное брожение, основную причину и характер которого, хотя и нельзя было в точности установить, но из поступавших в управление агентурных сведений можно было заключить, что из токарного цеха мастерских пропагандировалась общая забастовка рабочих на почве требования сокращения часов рабочего дня и увеличения рабочей платы. Хотя в июле месяце ежегодно происходят недоразумения между рабочими и мастерами по поводу прибавки заработной платы и ежегодно бывает волнение неудовлетворенных прибавкой рабочих, но в данном случае движение это приняло настолько острый характер и возбуждение рабочих было настолько сильно, что во второй половине июля можно было уже безошибочно заключить о том, что неизбежным результатом

[1] В 1898—1900 гг. революционным движением тифлисских рабочих руководила центральная социал-демократическая группа Тифлисской социал-демократической организации, во главе с тов. Сталиным. В состав группы входили тов. Сталин, Сильвестр Джибладзе, М. Бочоридзе, З. Чодришвили, В. Стуруа и др. Центральная социал-демократическая группа провела огромную пропагандистскую и организационную работу по созданию нелегальной социал-демократической партийной организации. Члены группы руководили социал-демократическими кружками. Жандармерии не удалось раскрыть состав кружков и руководителей, действующих сугубо конспиративно. У одного только тов. Сталина в 1889—1900 гг. было более 8 рабочих социал-демократических кружков. (См. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, ОГИЗ, 1937 г., стр. 13). В начале мая 1900 г. в Тифлис приехал Михаил Иванович Калинин и поступил токарем в тифлисские ж. д. мастерские. Сосланный на Кавказ под особый надзор полиции после десятимесячного тюремного заключения по делу Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Михаил Иванович вел активную социал-демократическую работу, активно участвуя в стачке рабочих Тифлисских железнодорожных мастерских и депо.

[2] Далее в документе описываются сведения о работе кружка железнодорожных и типографских рабочих, относящихся к 1901 году.

[3] ДП, VII, 1900 г., д. № 487, т. II, лл. 95—101.

этого движения должны быть стачки, что 20 июля за № 3399 и было сообщено начальнику жандармского полицейского управления Закавказских железных дорог и доведено до сведения департамента полиции.

К 1 января и к 1 июля ежегодно наиболее отличившимся и усовершенствовавшимся в своем деле рабочим производится прибавка заработной платы. Таковых рабочих к каждой прибавке представляется от 200 до 300 человек. 28 июля сего года рабочие мастерских, преимущественно токарного цеха, заявили, что они находят неправильным представление их к прибавке мастерами, что по их мнению было бы целесообразнее и справедливее, если бы представление к прибавке делались самими же рабочими, знающими лучше, кто и как из них работает. Требование это они основывали на том, что мастера представляют рабочих к прибавке, основываясь на представлениях бригадиров, а последние делают эти представления за денежное вознаграждение или могарыч (угощение) со стороны желающих быть представленными. Кроме этого рабочие заявили, что число лиц представляемых к прибавке должно быть значительно увеличено.

Не находя первое из этих требований заслуживающим внимания, железно-дорожная администрация нашла возможным увеличить число представляемых к прибавке до 500 человек, но с тем однако условием, чтобы рабочим представленным сверх нормы к прибавке таковая была бы назначена в размере всего лишь по 5 коп. в день. Рабочие против этого слегка возражали, говоря, что прибавка эта только на смех, но затем, повидимому, успокоились.

11 июля рабочие токарного цеха, численностью до 200 человек, скопом потребовали прекращения вечерних работ, на которые обязательный наряд назначался только в экстренных случаях. Просьба рабочих была удовлетворена; в продолжении двух дней им было предоставлено на вечерние работы не ходить, но несмотря на это, желающие работать ходили, и работы продолжались без изменения и всякого ущерба для дела.

Находя несправедливым предоставление возможности желающим работать по вечерам более заработать, нежелавшие ходить на вечерние работы 13 июля потребовали от начальника мастерских совершенного прекращения вечерних работ, путем остановки машин. Требование это удовлетворено не было, машины не остановились и желающие работать, несмотря на увещания и брань со стороны оставивших работу, ежедневно в количестве до 60 человек являлись на вечерние работы. Администрация мастерских, видя, что требование об отмене вечерних работ исходит не от всех рабочих, положение о вечерних работах оставила без изменения, сохранив за собой право в экстренных случаях назначать рабочих на вечерние работы по своему усмотрению и помимо их желания, подвергая неявившихся взысканию. В управление поступали также указания на хотя и неопределенные, но упорные слухи о подстрекательстве рабочих со стороны политически неблагонадежных лиц и на усиленную агитацию из среды наиболее развитых рабочих и административно высланных. Сведения эти, как подтвердили последующие события, были совершенно справедливыми, но вследствие крайне осторожного образа действия подстрекателей и очень ограниченного числа наблюдательного состава управления, принужденного безотлучно находиться при рабочих, занятого наблюдением за одновременно происходившими в городе

пятью стачками [1], свелись лишь к глухим указаниям на то, что какой-то студент разъясняет рабочим ненормальность их положения, что прибывшие из С.-Петербурга, Харькова, Москвы и Риги студенты-практиканты волнуют рабочих, что рабочие время от времени устраивают в разных местах города и за городом сходки и что наконец в Тифлисе есть социал-демократический центр, которому собственно и принадлежит во всем движении руководящая роль, но кто были членами этого центра, в то время установить не представлялось положительно никакой возможности [2].

21 июля начальником Тифлисского отделения были указаны заподозренные в подстрекательстве рабочих мастеровые Аллилуев [3] [и другие]...

25 июля бригадир токарного цеха Пфунд, получив срочную работу, приказал рабочим своей бригады явиться на вечерние работы. Токари Федор Татаринов и Захарий Киктев заявили, что они утомлены и не явятся. Пфунд доложил о происшедшем цеховому мастеру Блюмбергу и представил Татаринова и Киктева, согласно правил, к увольнению. Татаринов и Киктев из цеха ушли, значительная же часть токарей отправилась к мастеру и стала просить, чтобы их не увольняли. На другой день, 26 июля, Татаринов и Киктев явились в мастерские и, обратясь к мастеру, спросили, где им стать работать, мастер им ответил, что за отказ от вечерних работ они уволены и могут явиться за расчетом. Обстоятельство это распространилось тотчас же по всему цеху и в отместку за жалобу рабочие, оставив станки, скопом потребовали от Блюмберга удаления Пфунда, как лица будто бы заведомо расхищавшего имущество дороги, и вновь стали просить об оставлении на службе Татаринова и Киктева. Получив на это отказ, рабочие разошлись обедать, затем возвратясь вновь, на работы не стали, а повторяли свои прежние требования.

В виду такого вызывающего поведения рабочих Блюмберг доложил о том начальнику мастерских, который выразил свое согласие на оставление Киктева и Татаринова в цехе. Узнав о резолюции начальника мастерских, рабочие приступили в работам и работали до вечера спокойно.

27 июля рабочие токарного цеха, повторив предъявленное накануне требование об удалении Пфунда и вторично получив на это отказ, потребовали, чтобы отказ этот был бы им изложен письменно. В то же время рабочие вагонного цеха предъявили совершенно подобное требование об удалении бригадира Гамкрелидзе. Одновремен-

---

[1] В 1900 г. перед августовской забастовкой рабочих Тифлисских железнодорожных мастерских состоялись забастовки на многих предприятиях: в конце июня произошла забастовка наборщиков тифлисских типографий, в первых числах июня забастовка на табачной фабрике Сафарова, 25 июля на фабрике Бозарджианца, 2 августа на чугунно-литейном и машиностроительном заводе Аралова и на табачной ф-ке Энфенджианца, 8 августа вновь забастовали рабочие фабрики Сафарова, 10 августа рабочие завода войлочно-бурочного производства и обуви Адельханова.

[2] Стачка рабочих Тифлисских железнодорожных мастерских и депо проходила под руководством тов. Сталина (см. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, ОГИЗ, 1937 г., стр. 15).

[3] Сергей Яковлевич Аллилуев — член ВКП(б). Родился в 1866 году. Рабочий — революционер, вступил в члены Тифлисской с.-д. организации в 1896 году. Принимал деятельное участие в организации стачки рабочих Тифлисских железнодорожных мастерских и депо. После ареста был заключен на три месяца в тюрьму и уволен из мастерских без права поступления на железную дорогу.

но с этим часть рабочих вагонного цеха потребовала отмены вечерних работ, а сборный цех предъявил требование об отмене ст. 16 положения о мастеровых, обязывающей каждого рабочего, в случае неявки, немедленно доводить до сведения мастера о причинах ее, под угрозой за неисполнение этого быть подвергнутым штрафу, как за прогульный день.

В продолжении всего этого времени забастовки рабочих хотя и не было, но работы производились вяло, многие рабочие в мастерские не являлись...

На бывших 27 и 28 совещаниях администрации края с участием чинов губернского и полицейского жандармских управлений и начальника Закавказских железных дорог, инженера Веденеева, в виду категорических заявлений последнего о том, что движение рабочих не носит угрожающего характера, было постановлено: к предупредительным арестам не приступать, дабы тем не вызвать раздражения рабочих.

29 июля прошло спокойно, но по поступившим в этот день агентурным сведениям нужно было ожидать возобновления требований в вагонном цехе, в виду чего в тот же день вновь состоялось совещание, на котором инженер Веденеев заявил, что хотя видимое положение дела со вчерашнего дня и не ухудшилось, но он считает возникновение стачки неизбежным и, не считая себя в состоянии ее предупредить, просит применения энергичных административных мер. Совещание признало необходимым принятие решительных мер по усмотрению и. д. начальника Тифлисского губернского жандармского управления, усиление полицейского надзора за мастерскими и постановило вывесить объявление рабочим с указанием, что производимое ими нарушение порядка в мастерских не может быть далее терпимо, а потому им объявляется, что рабочие замеченные в возбуждении других или в выполнении лично беспорядков будут подвергнуты строгим взысканиям, а именно: понижение денежной платы и увольнение от службы, почему для пользы их самих им дается совет прекратить беспорядки.

Воскресенье 30 июля прошло спокойно, в частях города, населенных рабочими, были выставлены усиленные полицейские караулы, было учреждено наблюдение за трактирами, садами и другими увеселительными местами и нигде не было заметно сходок или скоплений рабочих.

В понедельник 31 июля работы шли правильно.

В ночь с 31 июля на 1 августа были произведены обыски и арестованы рабочие, на вредную деятельность которых поступили наиболее веские указания чинов полицейского жандармского управления и агентурные.

1-го августа рабочие собрались в мастерские спокойно, но в тот же день после завтрака слесари токарного цеха, прекратив работы, гурьбой направились в вагонный цех и соединившись с последними прошли по остальным цехам мастерских и депо, принуждая остальных рабочих забастовать. К 9 часам утра все работы в мастерских и депо были окончательно прекращены. Выходя из мастерских совершенно спокойно, рабочие не производили никаких беспорядков и не предъявляли никаких объяснений причин стачки [1].

Ротмистр Цысс.

[1] Далее следует описание хода стачки и сведения об участниках стачки, привлеченных к обвинению.

Прокламация к рабочим Тифлисских железнодорожных мастерских и депо, 1 августа 1900 г.[1]

ТОВАРИЩИ!

Нигде труд не поставлен в такие ужасные условия, как у нас!

Нигде созидатели всех материальных благ не прозябают в такой нищете, как у нас!

Нигде рабочие не приннижены — порабощены, как у нас!

Из нас весь сок выжимают, с нас кожу заживо сдирают. Нам больно, мы о наших болях, о наших страданиях друг другу жалуемся — нам говорить воспрещают!

Мы стонем от побоев ежеминутно [нам] наносимых. На нас палачей — жандармов натравляют!

Мы требуем человеческого обращения. Наших товарищей, за наши интересы крепко стоящих, в острог сажают!

Вперед друзья-товарищи! Сбросим с себя позорную опеку наших кровопийц.

Докажем нашим эксплоататорам, что мы сумеем постоять за себя и за наших арестованных товарищей.

Покажем им наше презрение к острогам, где дышется ни чуть не хуже, чем в наших душных мастерских.

Противопоставим силе наших врагов нашу силищу, их бесстыдным приказаниям следующие наши требования:

1) Отмены вечерних сверхурочных работ.

2) Увеличения рабочей платы на 50%, кто меньше 1 руб. получает, на 30%, кто свыше 1 руб. получает.

3) Соответственно этому увеличения тарифа аккордных работ.

4) Выдачи рабочей платы 2 раза в месяц.

5) Уничтожения «нулей»[2].

6) Человеческого обращения со стороны мастеров и бригадиров.

7) Улучшения гигиенических условий труда в мастерских.

8) Вывешения ответа на требования в районе рабочего населения.

9) Освобождение наших арестованных товарищей.

На челе изменника клеймо: «Измена».

---

[1] М. Ю., вр. канц., 1900 г., д. № 11633, л. 27. Прокламация была выпущена на русском и грузинском языке, утром второго августа распространялась среди рабочих. Эта прокламация и прокламации публикуемые ниже без подписи.

В статье «Рабочее движение на Кавказе в 1898—1900 г.», напечатанной в газете «Брдзола» (орган Тифлисской революционной социал-демократии, основанный тов. Сталиным), имеются указания, что во время стачки прокламации выпускались комитетом, руководящим рабочими. (См. сборник «Ладо Кецховели», Партиздат ЦК ВКП(б), 1938 г., стр. 40).

[2] Рабочие требовали отмены штрафов за невыход на работу по уважительной причине. Невыход на работу администрацией отмечался в табели красным «0». По существующему в Тифлисских железнодорожных мастерских «Положению о мастеровых и рабочих в мастерских депо» в случае неявки на работу по уважительной причине, рабочие обязаны были довести до сведения начальства причину невыхода на работу. За каждый просроченный день невыхода на работу администрация взимала с рабочего штраф, в размере половинного дневного заработка рабочего.

Донесение прокурора Тифлисского окружного суда прокурору Тифлисской судебной палаты, 1 августа 1900 г. № 10613[1].

Доношу вашему превосходительству, что сегодня около 9 часов утра рабочие токарного цеха главных мастерских Закавказских железных дорог всею массою, в числе до 500 человек, самовольно оставили порученную им работу и направились к выходу чрез сарай, где помещаются рабочие сборного цеха, причем увлекли в своем движении, не оказывая однако никакого насилия, и всех рабочих этого цеха. Несколько минут спустя оставили работу и мастеровые вагонного цеха и также вышли гурьбою, в числе до 500 человек, из своего сарая. Затем, соединившись, рабочие токарного и вагонного цехов массою около 100 человек, с криком «бросай», прошли по мастерским всех цехов главных мастерских, а также и через сарай сборного цеха, куда большинство рабочих добровольно вернулось, и принудили всех мастеровых оставить начатую работу.

После этого толпа хлынула в депо станции «Тифлис» и тем же способом заставила прекратить работу и мастеровых депо, не принимавших до сего времени никакого участия в беспорядках. Насилия над отдельными лицами и повреждения железнодорожного имущества не было. Толпа держала себя сдержанно и было видно, что рабочие действуют по обдуманному плану, так как из среды ее не выделялся ни один вожак. Один лишь неизвестный мастеровой в толпе крикнул: «нужно освободить арестованных». На указанное движение ушло около часу и затем все рабочие молча стали расходиться группами по домам.

Никаких решительно требований и заявлений сегодня рабочими сделано не было, хотя есть основание думать, что общая забастовка произошла вследствие того, что утром рабочие узнали о произведенных накануне чинами Тифлисского губернского жандармского управления арестах и ознакомились с содержанием вывешенных сегодня в мастерских объявлений железнодорожной администрации о карательных мерах по отношению к стачечникам.

В состоявшемся сегодня заседании[2] особого совещательного присутствия под председательством и. д. тифлисского губернатора и при моем участии, в видах предупреждения дальнейших беспорядков, признано необходимым:

1) Не давать свистка для вызова рабочих на работы сегодня 1 августа после обеда и вывесить немедленно объявление в мастерских, Дидубе и Нахаловке, что вследствие самовольного прекращения работ рабочими главные Тифлисские мастерские закрываются и работы в них прекращаются до 4 августа.

2) Объявить 2 августа, что рабочие главных мастерских должны начать работы утром 4 августа, по свистку, и те из них, которые не явятся на работу, будут считаться заявившими нежелание служить на дороге и немедленно уволены, расчет же им и паспорта будут выданы 6 августа в помещении нового лазарета от 8 до 12 часов утра; расчет, деньги и паспорта рабочих не получивших таковых 6 августа без уважительных причин, известных администрации мастерских, будут переданы полиции для высылки в места родины или

---

[1] М. Ю., вр. канц., 1900 г., д. № 11533, лл. 15—16.

[2] Согласно циркуляра г-на министра внутренних дел от 12 августа 1897 г. за № 7587. (Примечание подлинника.)

приписки для вручения по принадлежности. В конце объявления присовокупить, что всякое нарушение порядка будет тотчас подавлено, а зачинщики и подстрекатели будут подвергнуты аресту и высылке; благоразумные рабочие, явившиеся на работу, могут быть уверены в ограждении их личности и безопасности.

3) Вывесить в депо объявление с требованием немедленно возобновить работы, под опасением увольнения лиц, которые не явятся на работы.

4) Принять усиленные меры полицейской охраны работ в депо и рабочих депо, чтобы рабочие мастерских силою не заставляли рабочих депо прекращать работу, и установить наблюдение за зданием мастерских и водокачкою в Мушгаиде.

Дознание о лицах, руководивших движением рабочих, производится начальником Тифлисского губернского жандармского управления в порядке положения об охране. В виду серьезности положения допрос свидетелей еще не начат; сведения о руководителях движения получаются еще агентурным путем.

И. д. прокурора Тифлисского окружного суда П. Клуген.

Прокламация к рабочим Тифлисских железнодорожных мастерских и депо, 3 августа 1900 г.[1]

ТОВАРИЩИ!

Нам господа угрожают увольнением, если завтра на зов гудка не поскачем на работы в мастерские!

Решим, друзья, не поддаваться этим пустым угрозам этих пустых паразитов, хотя бы пришлось на целые месяцы питаться одними только желудями!

Дадим друг другу клятву настоять на своем, пока не будут выполнены до единого все наши требования!

Смотрите, с каким мужеством бьются с врагами наши товарищи на фабриках Сафарова, Базарджианца, Энфенджианца и Бутулова.

Нам ли отстать от них!

Честь верным борцам!

Презрение жалким трусам!

Смерть отступникам-изменникам!

Из донесения начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 4 августа 1900 г., № 3597[2]

Имею честь донести департаменту полиции, что в течение 1 и 2 августа некоторая часть рабочих небольшими группами подходила к мастерским, останавливались, читали вывешенные объявления и уходила обратно; вечером 2 августа мальчишки бросили несколько камней в депо, где производились некоторые работы сторонними рабочими. 2 же августа начальником главных Тифлисских мастерских Закавказской железной дороги было получено анонимное письмо от рабочих; письмо это подал рассыльному управления дороги какой-то неизвестный господин[3].

---

[1] М. Ю., вр. канц., д. № 11533, 1900 г., л. 28.

[2] ДП, VII, 1900 г., д. № 487, т. I, стр. 392—394.

[3] В анонимном письме 2 августа 1900 г., присланном начальнику Тифлисской ж. дороги за подписью: «мастеровые Закавказской железной дороги», рабочие, требуя улучшения своего положения, выставляли следующие пункты:

По поводу этого письма и вообще для обсуждения мер на всякий случай, возможный произойти сегодня 4 августа, когда было назначено возобновление работ, у вр. и. д. губернатора статского советника Стефановича состоялось совещание в том же составе, как и ранее. На этом совещании было решено: если бы рабочие собрались в мастерские и не стали бы на работы, то вызвать войска и отделить желающих работать от нежелающих, причем от последних очистить мастерские, приняв в отношении их необходимые дальнейшие административные меры; если же рабочие не придут, то на следующий день оцепить мастерские войсками, вывесив накануне объявление, что безопасность работающих будет охраняться войсками. Независимо того, по настоянию начальника дороги было решено немедленно же вывесить объявление о вызове выбранных рабочих для объяснения причин забастовки. Что касается изложенных в анонимном письме рабочих требований, то начальник дороги заявил, что, если при объяснении с рабочими последние будут просить по существу пунктов 1-го и 5-го означенного требования, т. е. об уничтожении обязательности вечерних работ и о выдаче рабочим платы два раза в месяц, то просьбы эти могут быть уважены, так как вечерние работы и без того не считались обязательными, за исключением случаев экстренных, что же касается платы два раза в месяц, то такой порядок уже принят почти повсюду в России. По поводу пункта 6-го начальник дороги заявил, что он не основательный, так как мастера и бригадиры не обращаются грубо с рабочими, что же касается остальных пунктов, то их, как, очевидно, не подлежащих исполнению, в случае подобной просьбы оставить без последствий.

Того же 3-го числа днем у квартиры бригадира Пфунда, которого рабочие требовали удалить, появилось наклеенным возмутительное воззвание на русском и грузинском языках, а вечером подобные воззвания были расклеены близ мастерских и в районе расквартирования рабочих. В течение ночи чинами полиции и вверенного мне управления эти воззвания были посодраны, так что к утру остались наклеенными лишь один или два экземпляра.

Сего числа по гудку, данному по обыкновению в 5 часов утра, рабочие стали собираться к мастерским довольно значительными группами, но подстрекатели их остановили увещаниями и угрозами (двое уже из них взяты при посредстве агентов управления), большая часть вернулась назад и к 7 часов утра на работах оказалось 257 человек из 2 265, т. е. приблизительно 10%. Собравшиеся рабочие производили работы весьма вяло. После завтрака число рабочих несколько изменилось, в некоторых цехах пришло немного больше, но за то в сборный и котельный вовсе не пришли.

1, 2 и 3 августа чинами вверенного мне управления при содействии общей полиции производились обыски и аресты подозреваемых руководителей рабочих, каковые следственные действия осложнялись

---

1) безусловное уничтожение побоев,
2) увеличение платы с 60 к. на 50%, а свыше 1 р. на 30%,
3) уничтожение штрафов и «нулей»,
4) улучшение гигиенических условий мастерских,
5) улучшение обращения мастеров с мастеровыми,
6) уничтожение сверхурочных работ и
7) освобождение заключенных в тюрьму товарищей.

Письмо заканчивалось следующими словами: «Если просьба наша не будет уважена, то от Батума до Баку все низшие служащие прекратят службу, а затем прекратится и движение».

тем обстоятельством, что многие адреса рабочих оказались неверными и пришлось розыскивать их квартиры на окраине города, где нет ни названий улиц, ни №№ домов.

Всех арестованных в настоящее время 24 человека. Из числа этих лиц особое внимание обращает на себя Аллилуев[1], как представлявший, судя по переписке, центр, возле которого группировался неблагонадежный элемент токарного цеха, и как лицо подозревавшееся еще в 1896 г. в расклейке воззваний к рабочим Закавказской железной дороги.

За вр. и. д. начальника управления, штабс-ротмистр — Лавров.

Прокламация к рабочим Тифлисских железнодорожных мастерских и депо, 4 августа 1900 г.[2]

Дорогие товарищи!

Сотни тысяч глаз смотрят на вас с напряженным вниманием, следя за вашим освободительным движением!

Чудовищный рост ваших сил внушает врагам страх и невольное к вам уважение!

Мужество и единодушие ваше восхищает друзей, окрыляя их надеждой на лучшее будущее!

Тактика и дисциплина, с какими вы боретесь с бездушными угнетателями, вызывают к вам зависть у слепых защитников произвола и мошны, заставляя их в то же время вложить в ножны мечи, против вас обнаженные.

Ваша стойкость, дальнейшая выдержанность в борьбе покажут, насколько основателен этот страх врагов, эта зависть слуг капитала и радость друзей...[3]

Помните, товарищи, что вы не одни. За вашими спинами скрываются миллионы сил, готовые протягивать вам свои железные руки.

Наконец хорошенько вникните в новость, которую спешу вам сообщить: идут поддержать вас заявлением своих требований помощники машинистов, столь же многострадальные, как и вы.

Понимаете ли вы, товарищи, всю важность этого союза.

Понимаете ли, какое чудо можете совершить вы, действуя за одно с ними.

Так поддержите и вы их.

Ваши интересы совпадают.

Да здравствует пролетариат.

Из донесения начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 7 августа 1900 г., № 3629[4].

Имею честь донести департаменту полиции, что 5 августа работы в железно-дорожных мастерских производились приблизительно при том же числе рабочих, как и 4 числа, т. е. около 10% всех рабочих.

4 и 5 августа по городу расклеивались и разбрасывались в неболь-

---

[1] Сергей Яковлевич Аллилуев был арестован в ночь на 1 августа.

[2] М. Ю., вр. канц., 1900 г., д. № 11533, л. 29. 4 и 5 августа прокламация, выпущенная на русском и грузинском языках, расклеивалась и разбрасывалась по городу.

[3] Многоточие подлинника.

[4] ДП, VII, 1900 г., д. № 487, т. I, стр. 398—399.

шом количестве воззвания, литографированные и печатанные, последние с двумя параллельными текстами: русским и грузинским.

5 августа у вр. и. д. губернатора состоялось совещание в том же составе как и ранее.

В виду того, что число желающих работать не увеличивалось, воззвания продолжали расклеиваться и стало обнаруживаться волнение среди помощников машинистов, из которых некоторые под разными предлогами перестали ходить на службу, совещанием было решено следующее:

Для большего охранения безопасности рабочих, желающих итти на работы с вечера же, придать в помощь полиции 40 казаков, которые патрулировали бы в местах расквартирования рабочих.

6 августа утром, согласно бывшему уже объявлению, приступить к выдаче рабочим расчета, а затем к высылке по этапу на родину, или к местам приписки, причем, если бы рабочие явились в большой массе не для расчета, а с целью производства беспорядка, то вызвать войска, задержать всех и, препроводив в тюрьму, приступить к отправке этапом, выделив из них подстрекателей и вообще наиболее виновных для передачи во вверенное мне управление, если же рабочие вовсе не придут за расчетом, то приступить к арестам их для отправки по этапу, причем аресты начать с бессемейных, по преимуществу имеритин.

6 августа за расчетом явилось всего три человека, те которые ранее сами просили расчет, поэтому было решено в ночь с 6 на 7 августа арестовать 350 рабочих указанной выше категории, принять меры с утра к охранению мастерских войсками и вывесить с утра же объявление о том, что все помощники машинистов, не явившиеся на службу без уважительных причин, считаются уволенными.

К ночи 6 августа в 10-й полицейский участок прибыло две роты стрелкового батальона; одна рота осталась в резерве во дворе участка, а другая была разбита на 10 групп, которые и поступили в распоряжение полицейских чинов, назначенных для производства арестов. К утру сего числа в полицейский участок было доставлено свыше трехсот человек. По выделении из них тех, которые ходили на работы и были задержаны лишь случайно, остальные в числе 233 отправлены в губернскую тюрьму для отправки по этапу на родину, или к месту приписки. К 5 часам утра к зданиям мастерских прибыло две роты Мингрельского полка: одна стояла в резерве, а другая оцепила мастерские на тот случай, чтобы рабочие не могли бы ворваться в них и произвести беспорядков. С утра на работы в мастерские и депо прибыло 250 человек, т. е. приблизительно столько, сколько и прежде, большинство из тех, которые ходили 4-го и 5-го, но есть и из забастовавших, последние считаются вновь поступающими, причем от них отбирают подписку.

Около 12 часов дня сего же числа толпа рабочих человек в 300 прибыла к управлению 10-го полицейского участка и стала требовать освобождения арестованных, предлагая в противном случае взять их всех в тюрьму. К управлению названного участка было потребовано две роты стрелков, под видом военной прогулки. Во дворе участка, переполненном тихо стоявшей толпой рабочих, прибыл статский советник Стефанович и другие лица, участвовавшие на совещании. После краткой речи к толпе статского советника Стефановича рабочих начали пропускать по одному, записывали фамилию каждого и спрашивая приступит ли он немедленно к работам и тех, которые давали

утвердительный ответ отпускали домой, а остальных арестовывали; последних оказалось 69 человек; их немедленно под конвоем стрелков отвели в губернскую тюрьму для отправки по этапу. Кроме этих 69 человек и выше упомянутых 233, в тюрьму было приведено еще две партии, так что число подлежащих высылке доходит до 400.

После обеда число рабочих в мастерских и депо дошло до 350 человек.

Допросом цеховых мастеров, сторонних свидетелей и некоторых обвиняемых все главные виновные из рабочих выяснены и арестованы. Полиция задерживает группы препятствующие рабочим ходить на работы, а агенты управления подстрекателей и расклейщиков воззваний.

Всех привлеченных и арестованных в настоящее время 51 человек, кроме тех 24 лиц, которые были упомянуты в предыдущих донесениях.

За вр. и. д. начальника управления штабс-ротмистр — Лавров.

Прокламация к рабочим Тифлисских железнодорожных мастерских и депо, 8 августа 1900 г.[1]

Товарищи!

Нас арестовывают за то, что мы требуем исполнения закона — значит правительство издает законы, чтобы обманывать, морочить нас.

Нас арестовывают за то, что мы требуем повышения нищенской платы, значит правительство хочет, чтобы мы вели полуголодную, зверскую жизнь.

Нас арестовывают за то, что мы требуем, чтобы с нами обращались, как с людьми — значит правительство смотрит на нас, как на скотов, которые и лягаться не имеют права.

Запомним это, братцы! Когда придет день расчета с правительством, а этот день близок,— мы потребуем за это ответ.

Теперь, братцы, дружно будем стоять за свои требования и покажем нашим кровопийцам и их прихвостням с правительством, что они имеют дело не с жалкими рабами и бессловесными скотами, а с людьми, которые умеют требовать, умеют бороться, и если нужно и страдать за святое дело...

Дружно к победе друзья — товарищи...

Прокламация к помощникам машинистов, 8 августа 1900 г.[2]

Товарищи!

Происходит великое необычайное дело: пролетарии всех стран пробуждаются от векового сна. Везде они приходят к сознанию своего тяжелого положения. Везде они, объединяясь дружно, вступают в ожесточенную борьбу со своими врагами. Везде в этой борьбе выходят победителями. Хозяева (фабриканты, заводчики, или начальники разных казенных промышленных заведений), видя объединенную силу

[1] М. Ю., вр. канц., 1900 г., д. № 11533, л. 31 8 августа прокламация была расклеена на стенах нескольких рабочих домов и разбросана по городу.
[2] М. Ю., вр. канц., 1900 г., д. № 11533, л. 32.

рабочих, принуждены удовлетворять их требования: сокращать число рабочих часов, увеличивать заработную плату (жалованье и пр.).

В этой освободительной борьбе пролетариата не отстали и наши тифлисские братья. Почти все тифлисское рабочее население бросило работы, объявляя войну своим притеснителям.

В рядах этих честных борцов не видать вас только, товарищи.

Ну, где же вы, ну, что же стало с вами? Ужели ваши каторжные работы, столь жалко оплачиваемые, не дают вам права возвышать голос в защиту своих интересов?

Долой эту лень, прочь это безучастное отношение к вокруг вас происходящей борьбе...

Бросьте работы, присоединитесь к борющимся...

Стыд и срам всем изменникам.

Позор всем отступникам...

Да здравствует единство...

Да здравствует солидарность.

Из донесения начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 10 августа 1900 г., № 3674 [1].

В дополнение к донесению от 7 августа за № 3629 имею честь донести департаменту полиции, что 8 августа на работы в железнодорожные мастерские прибыло 392 человека, 9 августа — 490, а сего числа — 460. Помощники машинистов, подавшие анонимное заявление, также продолжают еще не все являться на службу, что вызвало некоторое сокращение движения поездов, именно: по негласным сведениям 8 августа было выпущено на два товарных поезда меньше, чем обыкновенно, а 9-го — на один. Все эти обстоятельства побудили начальника дороги инженера Веденеева обратиться с просьбой о назначении на железно-дорожные работы нижних чинов Кавказской саперной бригады. На посланную по сему поводу телеграмму в Петербург начальнику бригады генерал-майору Мурьянову, последний ответил, что для такого распоряжения необходимо просить военного министра, почему начальник дороги и послал соответствующую телеграмму министру путей сообщения. По докладе сего числа обстоятельств настоящего дела и. об. главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, его превосходительство разрешил своей властью назначить потребное число нижних чинов саперов в пределах до 500 человек, о чем и доносится военному министру.

8 августа жены арестованных рабочих в числе около 70, прибыв к канцелярии губернатора, требовали освобождения своих мужей. Прибывший полицеймейстер разъяснил им, что мужья их освобождены быть не могут, и предложил разойтись, что они и исполнили. Того же числа было наблюдаемо две сходки помощников машинистов: одна в саду «Мушгаид», а другая на квартире уволенного от службы помощника машиниста. В этот же день появились расклеенными и разбросанными по городу в небольшом количестве воззвания; воззвания «К помощникам машинистов» были гектографированы, а малые, с обращением «Товарищи» — отпечатаны.

За вр. и. д. начальника управления, штабс-ротмистр Лавров.

[1] Д. П. VII, 1900 г., д. № 487, т. I, стр. 402—403.

Прокламация к женам рабочих Тифлисских железнодорожных мастерских и депо, 8 августа 1900 г.[1]

Товарки!

Наших мужей арестовывают и их, как преступников, в тюрьму сажают.

Постыдно нам быть гнусными свидетельницами этого гнусного зрелища.

Еще позорнее — оскорбительнее для наших арестантов просить их прощения у самих начальников-душегубцев.

Нечего без борьбы просьбами ждать от тех, кто до пьяна кровью рабочих напивается.

Нечего ждать от тех, кто жандармов полицейских — этих лютых гончих — на нас натравляет.

Нечего ждать от тех, что казаков — это адское исчадие — нас разорять пущает.

Кто, как разбойники-грабители, ночью на нас нападают, кто кормильцев земли пролетариев с постели похищают.

Стыдно, товарки, ограничиться только нашею жалкою ролью в кухне коптеть, только около очага вертеться. Присоединимся, товарки, к нашим борцам, поддержим их хоть словами.

Ободрим колеблющихся, а отступников-изменников, будь они мужья или братья наши, кличкою позорною наградим.

Мужайтесь борцы — молодцы. Меры начальства одни пустые угрозы.

Кто не знает, что начальство без вас — рабочих то же, что цветок без влаги.

Побольше только мужества. Побольше смелости и гордости.

Заявление помощников машинистов начальнику депо ст. «Тифлис», 10 августа 1900 г.[2]

Мы неоднократно обращались к вам с просьбами обратить внимание на наши настоятельные нужды.

Но так как ни одна из этих просьб не была удовлетворена, то мы для улучшения своего тяжелого положения принуждены были прибегнуть к исключительному способу: Бросить работу.

Как известно, ответственность, на нас лежащая, огромна; условия жизни, в которые мы поставлены родом службы, крайне ненормальны; работы, продолжающиеся до 16 и 17 часов в сутки, изнурительны.

Жизнь, благодаря поднятию цен на квартиры и все жизненные припасы, постепенно вздорожает.

Между тем, вы, как бы в оправдание своей излюбленной поговорки: «машинисты и их помощники будут у меня служить за одни галуны», все более и более урезываете вознаграждение и без того жалкое за наш каторжный труд получаемое.

Так во 1-х, вы уменьшили жалованье с 32 р. 50 к. до 22 р. 50 к.; во 2-х, ввели: — а) американскую езду, более тяжелую, без соответ-

---

[1] М. Ю., вр. к., 1900 г., д. № 11533, к. 35.

[2] ДП, VII, 1900 г., д. № 487, т. I, стр. 462.

ственного вознаграждения, игнорируя циркуляр департ. жел. дор. от 15 декабря 1897 г. за № 1492; б) резервы, не оплачивая их; в 3-х, заставляете даром промывать и чистить паровозы, что по упомянутому выше циркуляру, должна была делать общая артель; в 4-х, увеличили стоянки поездов; в 5-х, за опаздывание поездов, что в последнее время доходит до 4—5—6 часов, ничего нам не платите; в 6-х, вообще уменьшили норму топлива, а вдобавок, сохранив эту норму, пустили в ход паровой Компаунд, и все это вызвало уменьшение премии за топливо с 20—25 р. до «0» р.; в 7-х, на этих Компаундах вы назначили такую норму смазки, что нет возможности не мазать паровозы мазутом; о премии, конечно, нечего говорить и т. д.

Все эти меры, принимаемые вами по отношению к нам, имели своим последствием уменьшение наших заработков с 80—90 р. до 35—40 р. А этих заработков ни в коем случае не хватит на удовлетворение необходимейших потребностей, принимая во внимание:

1) вышеупомянутое вздорожание жизни и

2) род службы, ставящий нас в необходимость: а) жить на два дома и б) делать сравнительно расходов больше на одежду и обувь.

Вследствие всего вышеупомянутого, мы заявляем следующие требования:

1) Увеличение жалованья помощникам машинистов III и II класса на 10 р. в месяц каждому,

2) Увеличение поверстных на 50%.

3) Платы за резервы.

4) Отмены промывок и чистки паровозов.

5) Увеличение нормы топлива и смазки.

6) Платы за каждый опаздываемый час в 10 коп.

7) Отмены обязанности снабжать песком паровозы, так как после продолжительного и утомительного труда эта работа становится непосильной и очень даже опасной для жизни.

8) Назначение особого ночного ламповщика в депо.

9) Назначение особого человека для выдачи смазки (кочегар не успевает и за паровозами смотреть и смазку выдавать).

10) Вывешение ответа на наши требования во всеобщее сведение.

Прокламация к машинистам, 10 августа 1900 г.[1]

Товарищи машинисты!

Рабочие мастерских и депо создали силу единения. Они не побоялись ни голода, ни грубой силы, ни тюрем, ни угроз и дружно защищают свои права. К ним присоединились помощники машинистов. Они решили бороться до конца. Что же делаете вы, товарищи!

Ведь и вы за ваш каторжный труд за вашу столь ответственную перед законом и обществом службу получаете гроши! — Много раз просили об улучшении своего положения и помощники и вы, машинисты, но ни просьбы, ни раболепие перед начальством не помогали ни помощникам, ни вам. Это поняли помощники, бросили работу и требуют:

[1] М. Ю., вр. канц., 1900 г., д. № 11533, л. 36. Вторая прокламация к машинистам аналогичного содержания, призывала поддержать бастующих рабочих.

а) повышения жалованья на 10 руб. каждому,
б) увеличения поверстных на 50%,
в) увеличения нормы на топливо и смазку,
г) платы за опаздываемый час 10 коп.
д) платы за резервы,
е) освобождения от обязанности сыпать песок,
з) назначения ночного ламповщика и особого человека для выдачи смазки.
ж) учреждения особой артели для чистки и промывки паровозов.

Ведь этим помощники хотят только достичь того заработка, который получали вы, когда были помощниками.

Чем же поддерживаете их? Тем, что работаете за двоих? Берете в поезд кондуктора, человека незнакомого с паровозом! Вы этим губите и себя и нас рабочих, помощников и общество!!

Знайте же, что, если мы потерпим поражение благодаря вам, то это обойдется дорого и вам и другим. Не забывайте судьбу варшавских изменников.

Рабочие депо, мастерских решили бороться до конца.

Они решили не подписываться на предлагаемых начальством позорных условиях.

Решили не явиться на «получку» в субботу!

Из донесения начальника жандармского полицейского управления Закавказских железных дорог в департамент полиции, 22 августа 1900 г., № 330 [1].

10 августа в Тифлисских главных мастерских работало — 459 человек. Принято по подпискам [2] — 224 человека, но из них в течение дня работало только 127 человек. В депо «Тифлис» работало — 54 человека, из них старослуживших и принятых по возобновленным подпискам — 20 человек. Работы производились под усиленной охраной команды нижних воинских чинов и жандармских унтер-офицеров...

11 августа, в Тифлисских главных мастерских работало: до завтрака — 540; после завтрака до обеда — 581 и после обеда — 592 человека. Возобновивших подписку — 284 человека, но из них работало — 196 человек. В депо «Тифлис» работало — 69 человек, из них по возобновленным подпискам — 25 человек. Охрана от войск и жандармских унтер-офицеров продолжалась по-прежнему.

Случаи неявки на службу помощников машинистов продолжались; неявившихся, администрация дороги немедленно увольняла и заменяла кондукторами, преимущественно из запасных нижних чинов, служивших в железнодорожных батальонах.

---

[1] ДП, VII, 1900 г., д. № 487, т. I, стр. 432—437.

[2] Приводим текст подписки:

«Поступая вновь на службу в Тифлисские мастерские Закавказских дорог на поденную плату в ... руб... коп. в день обязуюсь:

1) Подчиняться беспрекословно всем правилам и порядкам установленным или устанавливаемым для мастеровых и рабочих и для производства работ в мастерских.

2) Не возбуждать вопроса о правах по прежней службе моей, бывшей до 4 августа 1900 г., предоставляя решение этого вопроса всецело на усмотрение и снисхождение г. министра путей сообщения.

3) Немедленно приступить к работе и производить таковую без отлучки в установленное рабочее время». (ДП, VII, 1900 г., д. № 487, т. I, л. 401).

Тоже 11 августа, во время отлучки мастеровых и рабочих на обед, было подброшено в тифлисском депо, шесть экземпляров печатных воззваний, к «товарищам машинистам».

Негласным путем были получены сведения, что уволенные за беспорядки из депо «Тифлис», рабочие и помощники машинистов, всего от 50 до 70 человек, скрываются около, или в самом монастыре св. Георгия в 8-ми верстах от станции «Авчалы», Закавказских железных дорог. Есть основание предполагать, что там происходят все совещания и что там же находится и типография. Изложенные сведения начальника Тифлисского отделения, вверенного мне управления, от 11 августа за № 464 представлены в Тифлисское губернское жандармское управление.

12 августа, в субботу, работы в Тифлисских главных мастерских и депо производились с утра до 1 часу 30 минут пополудни, на работы явилось: в мастерские 897 человек, из них по возобновленным подпискам — 323 человека, всего же возобновивших подписки 574 человека. Таким образом из возобновивших подписки не явилось 251 человек.

В депо «Тифлис» работало всего 74 человека, из коих по возобновленным подпискам в этот же день — 8 человек; всего же возобновивших подписки 33 человека.

В этот день производилась уплата жалованья мастеровым и рабочим главных мастерских и депо,— в двух местах,— в здании нового железнодорожного лазарета — уволенным рабочим и в здании конторы начальника мастерских — служащим рабочим. Уплата производилась под усиленной охраной. Уволенных рабочих явилось за получением расчета более 700 человек. Расчеты всех явившихся рабочих как работающих, так и уволенных прошли без нарушений порядка.

В ночь с 11 на 12 августа на станции «Навтлуг» производилась посадка 300 рабочих, задержанных чинами общей полиции за беспорядки в мастерских и депо и подлежащих высылке этапом на родину. Охраной из жандармских унтер-офицеров и 25 нижних чинов, 16-го гренадерского Мингрельского полка, при 1 офицере для поддержания порядка на станции «Навтлуг»,— руководил адъютант вверенного мне управления, штаб-ротмистр Мальцев, который и сопровождал поезд до станции «Тифлис», где поезд с этапом рабочих был встречен ротмистром Жилиным и Смоленским, последним поезд сопровождался до станции «Мцхет». При посадке и следовании поезда рабочие беспорядков не проявляли.

13-го августа, по случаю воскресного дня, работ в Тифлисских главных мастерских не производилось. В депо «Тифлис», производились только экстренные работы, работало 70 человек под охраной воинских нижних чинов и жандармов.

14 августа работы в Тифлисских главных мастерских и депо производились до обеда, в мастерских работало до завтрака — 1 138, а после завтрака — 1 239 человек. Всех рабочих из старослуживших и возобновивших подписки в мастерских — 924 человека. В тифлисском депо работало 117 человек, возобновивших подписки — 61 человек.

Судя по ежедневно увеличивающемуся числу рабочих, настроению последних и негласно добытым сведениям забастовку в мастерских и депо можно считать приближающейся к концу, так как к числу неявившихся на работы из забастовавших рабочих относится: — 300 человек административно высланных из Тифлиса на родину, 79 человек арестованных, до 200 человек, находящихся в отпуску и больных, и

250 человек выехавших из города ранее забастовки, из опасения быть замеченными в беспорядке.

В виду сего и принимая во внимание, что число становившихся на работы несомненно должно увеличиваться и в ближайшем будущем достигнет нормы,— того-же числа было собрано совещание под председательством и. д. губернатора, тифлисского вице-губернатора, из подлежащих членов, на котором было постановлено: снять от мастерских и депо воинскую охрану, приведя это в исполнение постепенно; массовые аресты и высылку по этапу не производить, а задерживать для высылки по этапу отдельных выдающихся, нежелательных для приема на службу мастеровых и рабочих по особому списку, имеющему быть составленным начальником главных мастерских, начальником Тифлисского отделения и тифлисским полицеймейстером.

С 14 августа, охрана уменьшена на 100 нижних воинских чинов.

На том же совете начальник Закавказских железных дорог сообщил, что накануне, по Карской ветке, на товаро-пассажирском поезде, машинист, ведший поезд, доведя до станции «Навтлуг», отказался ехать с кондуктором вместо помощника машиниста. Вследствие сего ему был дан слесарь, но и тогда машинист отказался, и был вытребован один из главных машинистов, который и провел поезд. В виду начавшегося брожения, начальником Закавказских железных дорог было тогда же уволено пять машинистов и дана телеграмма в управление казенных железных дорог о присылке 15 машинистов с других дорог для обеспечения движения, после чего начавшееся брожение среди машинистов прекратилось.

15 августа по случаю праздника работы в Тифлисских главных мастерских и депо не производились.

В ночь с 15 на 16 августа были произведены чинами Тифлисской городской полиции задержания по квартирам шестнадцати рабочих, подлежащих высылке по этапу.

16 августа в Тифлисских главных мастерских работало: до завтрака — 1 374, до обеда — 1 415 и после обеда — 1 485 человек, из них по возобновленным подпискам — 954 человека. Всего возобновивших подписки — 1 096 человек. В депо «Тифлис» работало — 123 человека, из них возобновивших подписки 76 человек.

В тот же день явилось 150 человек, уволенных из мастерских, за неявку на работы со дня забастовки, с изъявлением желания вновь работать; из них были приняты только те, кои заслуживают доверия.

С 16 же августа, в мастерские вступили на работы 152 нижних чина из 1-го и 2-го Кавказских саперных батальонов, вызванных с разрешения его сиятельства, главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе,— начальником Закавказских ж. д. Число это не входит в общий итог рабочих, показанных выше.

Воинская охрана с этого числа уменьшена еще на 50 нижних чинов и откомандировано обратно 12 унтер-офицеров вверенного мне управления, из вызванных на усиление охраны.

17 августа на работе в Тифлисских главных мастерских было: до завтрака — 1 537, до обеда — 1 574 и после обеда — 1 576, из них по возобновленным подпискам — 1 127 человек. В тифлисском депо работало 140 человек, из них по возобновленным подпискам — 82 человека.

Работа производилась под охраной 50 нижних воинских чинов и наблюдением жандармов.

Полковник (подпись неразборчива)

Из корреспонденции из Тифлиса для заграничной социал-демократической прессы, 15 декабря 1900 г.[1]

Стачка в Тифлисских главных мастерских Закавказской жел. дор.

Ночью 31 июля на 1 августа в г. Тифлисе в рабочем квартале, именуемом Нахалука, имел место характерный грабеж. Совершили его, заметим тут-же, не профессиональные воры-грабители, не какие либо ингуши, лезгины или иные проголодавшиеся горцы из соседних аулов, которых, кстати сказать, так жестоко карает русский закон за малейший проступок. Его — этот грабеж, совершила та особенная привилегированная шайка разбойников, которая находится под сильной защитой российского закона, которая благословляется российским святейшим синодом и которая, по просту говоря, называется российской полицией. В 2 часа ночи среди глубокой тишины она произвела нападение на пять рабочих семейств. Чего же могла она утащить оттуда? Само собой разумеется не денег и никаких либо других благ материальных! Нет, вломившись со свирепостью монгольской орды в убогие жилища, не щадя стыдливости женщин и невинных спящих детей, эта шайка прямо с постели утащила пять здоровых представителей того класса, который именно и создает все эти материальные блага, испытывая сам одни нужды, одни лишения.

Вот этот факт и послужил поводом всеобщего восстания вокзальных рабочих, но только поводом. Главная же причина его скрывается, разумеется, в самих условиях труда, которые с переходом дороги от частной компании в казну (в 1889 г.) становятся все более и более невыносимыми. Это и понятно. Карманы нового хозяина дороги — правительства куда, как известно, шире и дырявее карманов старого частного хозяина. Этого не может не знать администрация дороги. Но заботясь о своих и своего хозяина интересах, она ведь не в состоянии в то же время заботиться и о карманах рабочих. Последние из кожи лезут, ночи со днями сравнивают, а толку нет — никак не смогут удовлетворять самых необходимых потребностей. Долго оставаться дела в этом положении очевидно не могли по той простой причине, что за последнее время условия жизни стали заметно изменяться. С одной стороны значительно поднялись, как все еще продолжают подниматься цены на предметы первой необходимости, а с другой расширились и самые потребности рабочих в связи с развитием их самосознания. Влиянием этих изменившихся условий и можно объяснить ту эпидемию стачек, которая с такой силой свирепствует в течение истекающего года во всех промышленных заведениях Тифлисса. Но с особенною яркостью оно — это влияние, сказалось в Тифлисских главных мастерских.— Было бы весьма любопытно проследить при этом ту логическую правильность, с которою в борьбе с врагами рабочие мастерских постепенно переходят от оборонительного положения в наступательное.

Сначала они просто бегут в разброд перед врагами, потом начинают сгруппировываться и, оставаясь на месте, отражать нахальные натиски хищников простым ляганием. Ободренные некоторыми удачными опытами в этом отношении, они пробуют двинуться с места и предпринять со своей стороны вылазки на своих кровопийц. Первый период — период покорного перенесения рабочими своего угнетения, заканчивает-

[1] ДП, О. О., д. № 5, ч. 52, лл. 20—38. Воспроизводится в выдержках с оригиналов двух писем, задержанных департаментом полиции. Письма были адресованы: «Германия», Нюренберг. Herr Katz. Praktischer Anzt Salzbacher Strasse 25

ся приблизительно в начале второй половины девяностых годов. Начиная с 1896 г. до конца 1899 г. мы видим несколько внушительных примеров обращения нападающих врагов в постыдное бегство, а с наступлением 1900 г. уже вступаем в третий период. Теперь последние сами принуждены защищаться от все более и более надвигающихся волн рабочего движения.

В течение июня и июля было 16 случаев стачек и стычек в отдельных цехах, мастерских и все они, или почти все, носят характер наступательный. Начинают рабочие с того, что требуют восстановления, столь бесцеремонно попранного с переходом дороги в казну, обычая, по которому, хотя в мизерных дозах, ежегодно увеличивалась заработная плата.

Получив удовлетворение этого требования, они идут дальше — требуют отмены сверхурочных работ. В некоторых цехах добиваются этого важного требования вполне (литейный цех), в других отчасти.

Поставленное в необходимость сделать ряд более или менее важных уступок, начальство не могло не призадуматься, оно не могло не видеть — чем могут кончится все эти покушения, всех этих «мерзавцев», если во время не положить им конец. И вот, в последних числах июня месяца всем уже известно, что г. Веденеев (начальник дороги) начал вести свои переговоры, свои совещания с г. Фрезе (помощник главнокомандующего на Кавказе) о мерах пресечения зла! Описанный нами в начале этого письма факт грабежа и был результатом этих совещаний. Решено было, очевидно, предупредить грозу всеобщей забастовки, которой, судя по естественному ходу вещей, нельзя было не предвидеть.

Да, рабочие действительно готовились к ней, да, они строили планы соединенного наступления, но теперь были совсем не подготовлены к тому — не доставало самого главного — средств материальных, а до «получки» было целых 12 дней. Между тем факт совершился, позор велик, врагами похищены лучшие товарищи, лучшие братья! Как быть, что делать? Да разве возможно тут задаваться подобными вопросами, разве мыслимо в таких случаях предаваться размышлениям, колебаниям?

Весть о совершившемся ночном грабеже, с быстротой молнии распространившись утром 1 августа, поднимает на ноги все мастерские; все рабочие около 4 000 человек, без различия возраста, веры и национальности, сливаются в одну нераздельную массу, волны которой направляются к выходным воротам с криком: «долой бесправие, долой произвол!»

Вожаки, сначала ошеломленные столь неожиданно разразившейся бурей, спешат придать делу желательное направление, прежде всего они спешат формулировать свои требования и в виде письменных заявлений представить их начальникам дороги и мастерских, губернатору и жандармскому полковнику, а также самому министру путей сообщения.

«Нищенские заработки,— говорится в заявлениях между прочим,— получаемые нами за наши каторжные работы, с одной стороны, а с другой неслыханное до сих пор повышение цен на жизненные припасы,— делают совершенно фиктивным узаконенные 10 ч. рабочего дня, ставя нас в необходимость удлинять его до 16—17 часов в сутки!»

На другой день 2 августа, среди рабочих распространяются печатные листки, в которых, между прочим, сообщается в сжатой форме о всех пунктах требований, изложенных в упомянутых выше заявлениях. Приводим здесь слово в слово содержание этих листков, отпечатанных на русском и туземном языках.—[1]

Читая листки нарасхват, рабочие ведут себя до высшей степени чинно. Это ставит начальство в неловкое положение и оно в начале ничего другого не может делать как издать приказание: во первых, расставлять жандармов внутри и вне мастерских, во вторых, вывесить объявление: «Вследствие самовольного оставления работ рабочими главных мастерских, до 4 сего августа таковые прекращаются, а кто 4-го не явится на работу, тот будет считаться уволенным...»

В ответ на это объявление 3 августа выходит следующее воззвание...[2].

Рабочие так и делают. Не взирая на фразы со стороны начальства, на работу никто не уходит, исключая разве несколько десятков человек и то самых забитых, самых жалких трусих. К тому же распространяются слухи о готовности помощников машинистов присоединиться к стачечникам.

По этому поводу к вечеру того же 4-го числа выходит новое воззвание[3].

Между тем надежды начальства,— с наслаждением ожидавшего бесчинства и буйства со стороны рабочих,— не оправдались: последние на зло всем западням, столь хитро расставленным полицией, ни на одну минуту не нарушают мирного течения стачки и тем бесят кровожадных врагов. Враги теряют терпение и пускают в ход все средства, чтобы, выражаясь словами Веденеева, «сломить упорство этих сволочей и негодяев»: поставлены на ноги войска с ружьями и нагайками, жандармы и городовые с обнаженными мечами; переодетые шпионы рыщут среди стачечников; пошли единичные аресты вожаков по ночам, массовые — днем!

Чтобы показать полнейшее свое презрение ко всем этим мерам, рабочие сами стекаются в участок сотнями, требуя взятия их под арест. Это послужило поводом выпущения следующей прокламации...[4]

Число всех арестованных дошло до 750 чел. (из них, за неимением места в Метехском замке, было разослано на родину этапным порядком около 400 ч.), положение которых, кстати сказать, было куда лучше их оставшихся на воле товарищей!

Нужда стала все более и более заявлять о себе; помочь было неоткуда, между тем железнодорожные магазины по приказанию начальства закрыли кредит стачечникам! Под давлением нужды зашевелились и женщины. Жены и матери арестованных собрались со своими бледными, от голода, изнемогавшими детьми (одна из них была разбита параличем при варварском производстве ареста поздней ночью). Они просили освобождения из-под ареста их кормильцев, или, в про-

---

[1] См. текст прокламации от 1 августа, стр. 42.

[2] См. текст прокламации от 3 августа, стр. 43.

[3] См. текст прокламации от 4 августа, стр. 46.

[4] В подлиннике корреспонденция текста прокламации нет, очевидно речь идет о прокламации от 8 августа с начальным текстом: «Нас арестовывают за то, что мы требуем исполнения закона», см. стр. 48.

тивном случае, заключения в тюрьму и их самих. Вот почему по их адресу выпущено 8-го числа следующее воззвание [1].

Нужда, с одной стороны, жестокость со стороны начальства с другой — не могли не поколебать стойкость стачечников. Единственное, что могло их ободрить в эту трудную минуту, так это тифлисские помощники машинистов, большая половина которых (53 ч. из 70 чел.) уже забастовало. Это поставило администрацию дороги в критическое положение. Чтобы выйти из него, она пробует приглашать на место забастовавших тифлисских кондукторов. Некоторые из последних оказались слишком порядочными и умными, чтобы принять подобное приглашение. Опасаясь восстановить их против себя в столь трудный момент, она [администрация] обращается к невежеству елизаветопольских, михайловских и др. ст. кондукторов, которые в вознаграждение за измену тифлисским стачечникам — товарищам по эксплоатации, вследствие неуменья обращаться с огнем на паровозе,— получили: одни серьезные увечья (был и смертный случай), а другие по окончании стачки даже угодили в участок, как говорят потому, что не очень экономно израсходовали топливо [2].

Не постеснялись поддержать врагов также некоторые из тифлисских машинистов. Принимая в столь ответственной роли помощников профанов-кондукторов, тем самым, очевидно, они берут на себя и двойную работу. Делают это одни сознательно — по своей низости; другие, чтобы заслужить начальническое спасибо или денежное вознаграждение, как это им было обещано; третьи не понимая, какое этим великое совершают преступление, какой вред приносят себе самим и всем рабочим. Это обстоятельство вызвало выпущение по адресу машинистов следующих двух прокламаций... [3]

Лучшие сознательные из тифлисских машинистов начинают отзываться на эти воззвания — они начинают присоединяться к своим борющимся братьям. Этот новый, совершенно неожиданный удар ввергает врагов в отчаяние: их надменность сломилась, их гордость смирилась; не скрывая более своей беспомощности, они буквально со слезами на глазах ползают перед грозными союзниками стачечников — рабочих, которые теперь и без того крепко чувствуют себя: сегодня 12 августа — день «получки» и им действительно выдана следуемая плата, хотя и в виде окончательных расчетов.

Значит все идет к лучшему?!

Значит победа рабочих уже обеспечена?!

Но нет, не спешите, друзья угнетенных! Защитники оскорбленных, не торжествуйте: ибо яд угнетения зашел далеко, язва оскорбления проникла глубоко! Надо прилагать много стараний, употреблять много усилий, чтобы вытравить их из их жертв!

Воскресенье — 13 числа, среди рабочих заметно два противоположных течения: настроение вожаков и всех вообще сознательных элементов поднимается до точки кипения, настроение массы опускается до

---

[1] В подлиннике корреспонденции текста воззвания нет, очевидно речь идет о прокламации от 8 августа с обращением «Товарки» см. стр. 50

[2] За издержку большего, чем полагается, материала начальство делало удержания из жалованья. Это вызвало протест кондукторов, результатом чего явились аресты.

[3] См. выше стр. 48, 51.

точки замерзания! Первые рукоплещут, торжествуют полную победу, вторая отчаивается — ей мерещится полное поражение и она уже решает завтра — понедельник — присоединиться к тем жалким трусам, которые вчера,— в субботу, преступно выделившись из среды своих товарищей, украдкой пошли на работу, подписавшись предварительно на унизительных условиях, диктуемых врагами!

Что такое случилось, что произошло? В чем причина такого невиданного поворота в настроениях массы?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо принять в соображение:

Во первых, это упорное и жестокое сопротивление, эти варварские и бесчеловечные расправы, которые совершенно неожиданно посыпались на головы стачечников. Последние ничего подобного не ожидали, потому, что ничего подобного не испытывали на своей прошлой борьбе с врагами.

Во вторых, [следует учесть] существующую у нас смесь рабочих различных народностей, национальные предрассудки коих столь же искусно эксплоатируются нашим начальством, как и вообще нашим правительством. Этот факт, в связи со слабым развитием классового самосознания — этой главной причиной всех неудач трудящейся массы в ее борьбе с врагами,— сыграл, без сомнения, решающую роль в печальном исходе стачки.

В третьих, привлечение в мастерские, на место забастовавших, солдат-саперов, число которых по распространившимся слухам, должно было еще увеличиваться. Бедные рабочие и не подозревали, само собою разумеется, что [солдаты] ни в каком случае не в состоянии заменять их, что [им] предназначено сыграть только роль чучела для их запугивания [рабочих]...

Так закончилась эта знаменитая стачка. Она закончилась, как видит читатель, полным поражением рабочих[2]. Но оно это поражение, можно сказать смело, научило нас гораздо большему, чем все победы, одержанные нами в прошлом над нашими врагами. Прежде всего оно научило, что между нами и нашим правительством, похвалившим, как это теперь всем известно, наше начальство за его дикую расправу с нами,— нет никакого, и не может быть, примирения; что в борьбе с нами оно также жестоко, как и в войне с внешними врагами; что если бы могло без нас жить, без нас обойтись, оно ни на одну минуту не остановилось бы перед тем, чтобы истреблять и рубить и нас с такой

---

[1] Автор, очевидно, имеет в виду поражение стачки, в смысле неудовлетворения требований. Требования, выдвинутые рабочими во время стачки, удовлетворены не были. Во время стачки, длившейся 15 дней, рабочие проявили большую стойкость. Даже официальные источники отмечают, что рабочие во время стачки держали себя «вполне спокойно». В газете «Брдзола» (Борьба (орган Тифлисской социал-демократии), в статье «Рабочее движение на Кавказе в 1899—1901 гг.» по поводу августовской стачки железнодорожных рабочих читаем: «Рабочим трудно было одержать полную победу при первой же схватке, рано или поздно они вынуждены были бы сложить оружие. Так и случилось: рабочие действительно сложили оружие, как будто потерпели поражение... Но это поражение по своему значению и последствиям превышало многие победы. Поражение это было своего рода победой для потерпевших поражение, во всяком случае оно было предвозвестником приближения победы. И, действительно, стойкость, которую проявили рабочие, еще не испытанные в борьбе, в продолжение целых десяти дней на поле ожесточенной битвы, и выход из этой борьбы почти невредимыми ничем не уступали блестящей победе». (газета «Брдзола» (Борьба) № 2—3, ноябрь — декабрь, 1901 г.).

же жадностью, с какой оно делает это, например, сейчас по отношению к несчастным китайцам[1].

Минувшая стачка, наконец, показала нам также воочию ту истину, что освобождение рабочих — это дело именно самих рабочих, что даже и наше, так называемое порядочное общество совершенно безучастно отнеслось к столь знаменательному в нашей жизни социальному явлению, даже и оно обнаружило полнейшую апатию к судьбе жертв свирепости и дикости русской полиции, русских палачей-жандармов.

Пролетарий.

Прокламация к рабочим Тифлисских железнодорожных мастерских и депо, [18] декабря 1900 г.[1]

Товарищи!

В нас свежа еще память о нашей недавней борьбе за улучшение нашего тяжелого положения, мы до сих пор не перестаем говорить о ней. Но некоторые из нас как будто пали духом и готовы даже думать, что стачка была бесполезна. Но это неверно. Стачка научила нас многому. Мы поднялись против гнетущего нас бесправия и эксплоатации и тем показали начальству, что способны открыто вступить в борьбу, что в нас растет сознание своих прав. Мы знаем теперь, чего нам ждать от начальства. На наши законные требования оно ответило арестами, высылкой наших товарищей, на нас были высланы полиция и казаки, нас разгоняли и били нагайками. В мастерские были посланы саперы, в потребительном обществе был закрыт кредит. Все эти насильственные меры одобрены теперь министром путей сообщения. Словом мы столкнулись в этой борьбе с организованным правительством, в руках которого вся власть. Но была товарищи и другая причина нашей неудачи. Мы действовали вразброд, не сорганизовались как следует, у нас не было достаточных средств, чтобы держаться дольше и благодаря этому некоторые товарищи преждевременно взялись за работу. В нас чувствовался недостаток единения и солидарности, а начальство нарочно старалось посеять в наших рядах рознь и недоверие друг к другу. Начальству, как и отдельному фабриканту легче эксплоатировать приниженный, неспособный к борьбе рабочий класс, чем сознательных рабочих, которые скорее добьются лучшего будущего.

Начальство старается держать рабочий класс в тупой покорности, и когда мы поднимаемся за защиту своих прав, оно выдвигает против нас всю свою военную и полицейскую силу. Против этой силы нам нельзя итти вразброд.

Силе мы должны противопоставить силу, а наша сила в единении и взаимной поддержке. Мы должны сорганизоваться и вести упорную

---

[1] В 1900 г. в Китае произошло национально-освободительное восстание, направленное против европейских империалистов. Восстание возглавлялось обществом «Большой кулак», восставших, европейцы прозвали «боксерами». Соединенными усилиями империалистических государств, в том числе и России, восстание было жестоко подавлено».

[1] М. Ю. вр. к., 1900 г., д. № 11533, л. 42—43. Воспроизводится в копии. Прокламация была отмечатана на русском и грузинском языках и в ночь на 19 декабря 1900 г. распространена в вагонном и токарном цехах Тифлисских железнодорожных мастерских. В эту же ночь прокламации были расклеены по городу, в местностях, где проживали железнодорожные рабочие.

борьбу. В этой борьбе мы должны быть готовы и на поражения и на победы. Но эти поражения не должны смущать нас. Мы не одиноки. Рабочие Питера, Иванова, Вознесенска, Лодзи, Варшавы, Риги, Киева, Екатеринослава организовались уже в рабочие союзы и успешно борются за свое освобождение. Заведем с ними сношения и они помогут нам в нашей борьбе.

Товарищи, вступим в ряды борцов за рабочее дело. Завоюем себе лучшую долю. Завоюем себе право открыто собираться для обсуждения наших нужд, открыто выражать наши мысли, словом завоюем то, что называется свободой союзов, собраний и стачек, свободой слова и печати. Тогда ничто не сломит объединенное рабочее движение.

Прокламация к рабочим Тифлисских железнодорожных мастерских, декабрь 1900 г.[1]

Товарищи!

На днях жандармы — эти подлые слуги царского правительства — арестовали девять наших собратьев[2]. За что же арестованы они? Их арестовали по простому подозрению в сочувствии рабочему делу. Еще раз мы убеждаемся, что в борьбе за лучшую жизнь мы сталкиваемся с правительством, которое жестоко расправлялось с нами за прошлую стачку. Правительство никогда не будет заботиться о нас. Оно опирается на войско, капиталистов, попов, чиновников и жандармов, чтобы угнетать и жить на наш счет. Оно издает законы против нас, заставляет нас жить в нищете и невежестве, сеет рознь и вражду между нами — рабочими, а как только мы поднимаемся на борьбу, оно одинаково сажает в тюрьму русских, грузин и армян. Не ждите, товарищи, от правительства ничего кроме казацких нагаек и тюрем.

Правительство давно предоставило широкие права капиталистам, ибо они сильны деньгами и могут подкупать министров. Сахарозаводчики, нефтепромышленники и прочие паразиты, сосущие нашу кровь, издают свои газеты, устраивают съезды, на которых открыто говорят о своих желаниях, как можно более грабить нас, и по первому требованию их правительство высылает против нас шпионов и войска. Мы же ни на кого не можем надеяться, как только на самих себя. Чтобы заставить правительство дать нам право свободно собираться для обсуждения своих нужд и открыто заявлять свои требования, мы должны соединиться в союзы, устраивать кассы, нам нужно выписывать и читать рабочие книжки и газеты, которые издаются нашими товарищами в других городах. Между нами рабочими, будет ли то русский, грузин, армянин, поляк или еврей, не должно быть никакой вражды,— у нас всех одно желание — сбросить гнет бесправия и зажить по-человечески. Примкнем к общему рабочему движению, завоюем то, что достигли наши заграничные товарищи упорной борьбой. Они живут уже лучше, пользуются правом открыто издавать свои газеты, собираются

---

[1] ДП, VII, 1900 г., д. № 487, т. II, л. 50.

[2] 22 и 23 декабря 1900 г. были обысканы и арестованы 9 рабочих, подозреваемых в принадлежности к кружку железнодорожных рабочих и в организации стачки в июле — августе 1900 г., среди арестованных был Михаил Иванович Калинин. После арестов прокламация распространялась среди рабочих железнодорожных мастерских и депо.

и толкуют о своих делах, имеют признанные правительством союзы, участвуют в издании законов.

Очередь за нами. Дружней, товарищи, в борьбу, 20-й век настал, нас ждет победа рабочего дела в России!

Прокламация Тифлисского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, 10 августа 1901 г.[1]

Товарищи!

Прошел год после августовской стачки рабочих железнодорожных мастерских и депо.

Вы помните тот переполох и страх, которым был объят сытый, обеспеченный Тифлис.

Мастерские и депо были оцеплены целым батальоном солдат; в рабочем квартале разместили казаков, и жандармерия,— эта краса самодержавного првительства, нагло врывалась в наши квартиры. Что-же такое случилось? Ничего страшного. 3 000 рабочих нашли, что довольно их эксплоатировать, довольно таки долго грабители набивали свои бездонные карманы, что пора возвысить голос против такой эксплоатации и произвола, дать знать о себе; и единодушно бросив работу, самым мирным образом разошлись по домам. А сытые люди вообразили, что вот-вот стачечники пойдут сжигать и ломать все и вся. Но конечно, этого не случилось: мы против такого рода насилий; наоборот, к насилиям прибегала противная сторона: на наши мирные требования она ответила нагайками и тюрьмой. Мы сумели продержаться две недели, но потом были побеждены. Побеждены не полицией и жандармерией, нет, они слишком слабы для этого, причины скрывались в нас самих. У нас не хватило энергии и единодушия довести начатое дело до конца, часть товарищей преждевременно пошла на работу.

Да, товарищи, на этот раз мы оказались недостаточно подготовленными для борьбы с врагом. Здесь нам пришлось столкнуться лицом к лицу с тем правительством, которому мы продаем свою рабочую силу и которое эксплоатирует наш труд нисколько не меньше, чем какой-либо частный предприниматель.

Здесь пришлось столкнуться с тем самым правительством, которое, опираясь на класс капиталистов, войско, жандармов, полицию, чиновников и попов, старается держать нас в рабской покорности, невежестве и нищете, тем самым правительством, которое попирает все свободное, давит все мыслящее и живое.

Всякая борьба с невежеством и нищетой, всякий протест против насилия и произвола ненавистны нашим эксплоататорам, напрасно нам что-либо ждать от них; чтоб уничтожить позорную эксплоатацию, чтоб сбросить с плеч своих ярмо деспотизма и произвола, мы должны надеяться только на самих себя.

Только мы, рабочие, как класс, объединившись в крепкие союзы, проникнувшись, что у всех нас рабочих должны быть одни и те же

[1] ДП, О. О., 1898 г., д. № 5, ч. 52, л. 42. Тифлисский комитет РСДРП был избран на конференции тифлисских социал-демократических организаций, созванной по инициативе тов. Сталина 11 ноября 1901 г. В состав комитета были избраны т.т. Сталин, Сильвестр Джибладзе, Васо Цабадзе, Захарий Чодришвили и др. (См. Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, ОГИЗ, 1937 г., стр. 25).

интересы, завоюем, подобно заграничным собратьям, свободу стачек и собраний, свободу слова и печати и права участия в издании законов. Возврат к рабству невозможен. Рабство сулит нам позорную жизнь. Свободу же, которая сулит нам счастье, мы должны завоевать!

Так вперед же, друзья, к борьбе за право жить счастливо и свободно!

Победа уж не за горами! Могучей волной разлилось рабочее движение в России! Объединяйтесь же, организуйтесь в союзы, кассы и тогда скоро осуществятся слова первого рабочего борца Петра Алексеева, воскликнувшего на суде: «Когда поднимется мускулистая рука рабочего, тогда ярмо деспотизма, охраняемое солдатскими штыками, разлетится в прах!» [1].

Тифлисский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

---

[1] Здесь приводятся заключительные слова из речи Петра Алексеева, русского рабочего революционера, произнесенной им 10 марта 1877 г. перед царским судом в Петербурге. «Речь Петра Алексеева» впервые печаталась в Петербурге 20 ноября 1878 г. в типографии — «Петербургская вольная типография». Переиздавалась во многих нелегальных изданиях «Социалист» № 1, июнь 1889 г., издание Раппопорта; «Речь П. А. Алексеева» с предисловием Плеханова 1889 г., издание русского социал-демократического союза «Рабочая библиотека» и в других изданиях).

В послереволюционных изданиях напечатана в хрестоматии «Революция и Р. К. П. (б)», изд. Истпарта, отдел Ц. К. Р. К. П. (б) по изучению истории Октябрьской революции и Р.К.П.(б-ков), 1925 г., стр. 95.

Из педагогической деятельности Ильи Николаевича Ульянова

Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов является одной из наиболее ярких фигур в истории развития народного образования России конца прошлого столетия. Его тридцатилетняя деятельность на ниве народного просвещения принесла огромную пользу народу. На трудном посту педагога, воспитателя и организатора школьного дела Илья Николаевич Ульянов проводил в жизнь передовые идеи русской демократической интеллигенции.

Илья Николаевич родился в Астрахани 14 июня 1831 года. Когда Илье Николаевичу исполнилось семь лет, его отец умер, оставив семью в очень тяжелых материальных условиях. Только благодаря поддержке своего старшего брата Василия Николаевича, Илье Николаевичу удалось получить образование. Среднее образование Илья Николаевич получил в Астраханской классической гимназии, после окончания которой он поступил на математический факультет Казанского университета.

По окончании университета Илья Николаевич был назначен Казанским учебным округом на должность старшего учителя математики и физики в Пензенский дворянский институт. Назначение Ульянова на эту должность было подписано великим русским математиком Лобачевским, который был в то время помощником попечителя Казанского учебного округа.

Кроме педагогической деятельности Илья Николаевич руководил по заданию Казанского учебного округа Пензенской метеорологической станцией. Лобачевский был осведомлен о больших метеорологических познаниях Ульянова, и в связи с этим предложил его кандидатуру для производства метеорологических наблюдений в Пензе.

В бытность свою в Пензе Илья Николаевич Ульянов написал научную работу на тему «о грозе и громоотводах». Эта работа была одобрена Физико-математическим факультетом Казанского университета.

Институт, в котором преподавал Ульянов, находился в крайне тяжелых материальных условиях. Дворянство Пензенской губернии, на средства которого содержался Институт, совершенно прекартило уплату взносов на его содержание. Илья Николаевич, как и другие преподаватели, месяцами не получал жалованья. Институт терпел полный крах. Все это вынудило Ульянова хлопотать о переводе в другое место. В июле 1863 года Илья Николаевич был переведен преподавателем математики в Нижегородскую классическую гимназию. Условия работы в этой гимназии были благоприятны, со стороны учеников Илья Николаевич пользовался любовью.

Но кипучая натура Ильи Николаевича влекла его к широкой организационной работе в области народного просвещения. В начале 60-х годов в России начинают возникать, в значительно большем количестве чем раньше, народные начальные училища, которые содержались, главным образом, за счет земских учреждений. Земские школы сыграли большую роль в деле развития

народного образования в России. Они пользовались симпатией и поддержкой всех прогрессивных элементов русского общества.

В течение предыдущего десятилетия (1856—1866) в журналах горячо обсуждались вопросы народного образования, ставился вопрос о распространении в народе грамотности, стали издаваться педагогические журналы, подробно обсуждавшие вопросы народной школы. Чернышевский и Добролюбов уделяли много внимания вопросам воспитания, создали педагогику революционной демократии. И. Н. Ульянов очень увлекался педагогическими идеями Добролюбова и старался применять их на практике. В это время работали великий русский педагог К. Д. Ушинский и целая плеяда замечательных методистов, разрабатывавших содержание, методы и организацию начального обучения (Корф, Паульсон и др.).

Этим стремлением работать по организации народной школы горел и И. Н. Ульянов. Его дочь А. И. Ульянова-Елизарова в своих «Воспоминаниях об Ильиче» пишет об Илье Николаевиче: «Он был педагогом в душе, любившим свое дело. Но ему хотелось поля работы пошире и хотелось применить ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов» [1].

И. Н. Ульянов понимал, на какую трудную работу он идет. В то время на целую губернию полагался один инспектор народных училищ. Это значило большую часть времени быть в разъездах на лошадях по плохим дорогам, со случайными ночлегами. Это значило выступать на земских собраниях всех уездов губернии, на заседаниях городских дум, на сельских сходках, доказывая пользу просвещения, добиваясь открытия школ, отпуска средств, ремонта школьных помещений и т. д. Работа в школах не была еще налажена, подготовленных учителей не было. Приходилось налаживать сколько-нибудь удовлетворительные школьные занятия заново [2].

Симбирская губерния, куда был назначен И. Н. Ульянов, была одной из наиболее отсталых губерний, настоящей «глушью». Нередко встречались в ней селения, где не было ни одного грамотного; по преувеличенным, оптимистическим подсчетам школы имелись лишь в 147 волостях из 210. Введение земских учреждений мало продвинуло вперед число народных школ и вообще дело народного образования в Симбирской губернии. Эта губерния была типично помещичьей; земство в ней было одним из наиболее консервативных и отсталых.

Учреждая должности инспекторов народных училищ, царское правительство в лице занявшего с 1866 г. пост министра нар. просвещения гр. Д. А. Толстого, заядлого реакционера, предполагало, что инспектор будет проводником в народную школу исконных «начал» — «самодержавия, православия и народности» (понимаемой в смысле великорусского шовинизма), органом надзора за «политической благонадеянностью» народных учителей, вытравляющим малейшие проявления прогрессивной мысли и деятельности. В Поволжских

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, Воспоминания об Ильиче, 1935, стр. 10.

[2] Эти условия работы и характеристика инспектора И. Н. Ульянова прекрасно описаны в очерках тогдашней Симбирской губернии В. Н. Назарьевым «Современная глушь», помещенных в «Вестнике Европы», № 3 за 1876 г. (выдержки из этих очерков приведены в брошюре М. Ульяновой «Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов»): «Инспектор был просветителем края, строителем училищ, архитектором, вечным просителем, настойчиво, но в большинстве случаев тщетно вымаливавшим у земства лишний грош на школы, руководителем основанных земством при городском приходском училище курсов...». Ему приходилось «скакать на перекладных по нашим проселкам, замерзать во время зимних морозов и метелей, утопать в весенних зажорах, голодать и угорать на т. наз. «въезжих» и т. д.».

губерниях (в том числе Симбирской), населенных татарами, чувашами и другими нерусскими народами, царское правительство возлагало на инспекторов народных училищ еще особую функцию — руссифицировать эти народы посредством школы, быть помощником миссионерской деятельности православной церкви. Такими, действительно, и были подавляющее большинство инспекторов — чиновников ведомства просвещения.

Но некоторые демократически настроенные шестидесятники шли в инспектора народных училищ, заранее поставив себе целью превратить эти навязываемые царским правительством функции инспектора в их противоположность. Они смотрели на инспектора, как на действительного организатора просвещения крестьянства, руководителя учительства. Они представляли себе инспектора, как деятеля, несущего луч света в темное царство.

Одним из первых таких энтузиастов, горевших желанием всю жизнь отдать на просвещение крестьянских масс, был И. Н. Ульянов. Либеральный член училищного Совета Симбирской губернии В. Н. Назарьев, описавший эту губернию в очерках 1876 г. «Современная глушь»[1], такими словами характеризовал начало деятельности И. Н. Ульянова, как инспектора: «Как же не назвать чудом появление в наших палестинах таких людей, как Илья Николаевич Ульянов, единственный в то время инспектор народных училищ на всю губернию, с первого же шага отдавший всю свою душу возложенной на него обязанности»[2].

Инспектором народных училищ И. Н. Ульянов был с 1869 г. по 1874 год. В этом году министерство нар. просвещения учредило в каждой губернии должности директоров народных училищ. Губернии, где была установлена дирекция, были разделены на инспекторские районы (охватывавшие обычно два—три и более уезда). И. Н. Ульянов был назначен в 1874 г. директором народных училищ Симбирской губернии и оставался в этой должности до самой смерти, последовавшей скоропостижно 12 января 1886 г. буквально за работой: еще в день смерти он составлял служебные бумаги, принимал своих помощников-инспекторов и т. д.

Деятельность Ильи Николаевича Ульянова на посту инспектора, а затем директора народных училищ Симбирской губернии является чрезвычайно интересной и показательной во многих отношениях. 17 лет работы Ильи Николаевича в Симбирской губернии являются одной из наиболее ярких страниц в истории русского просвещения и русской школы прошлого века.

Когда Илья Николаевич приехал в Симбирск, во всей губернии было не более 3-х десятков начальных училищ, которые влачили жалкое существование. Полуразрушенные здания, полное отсутствие учебных пособий, невежество преподавателей, телесные наказания — вот что характеризовало постановку начального образования в те годы.

С огромной энергией, с исключительной настойчивостью взялся Илья Николаевич за строительство новых школ, за выращивание педагогических кадров. Неутомимо разъезжал Илья Николаевич по всей губернии, добирался до самых глухих медвежьих уголков, внося в беспросветную мглу деревенской глуши начатки просвещения. Илья Николаевич не знал отдыха в своей работе: сам следил за строительством новых школ, или же ремонтом старых, входил во все кажущиеся «мелочи» строительства, предусматривал все детали, заботясь о том, чтобы ребятам было тепло, просторно и уютно в школе, чтобы они любили свою школу. В те времена еще не принято было устраивать в домах форточки. Илья Николаевич первый предложил устраивать форточки в

---

[1] «Вестник Европы», № 3, 1876 г.

[2] В. Н. Назарьев, Вешние всходы, Из воспоминаний, встреч и переписки 70-х годов, «Вестник Европы», 1898 г.

школах и внимательно следил, чтобы его указания выполнялись. Он ввел небывалые для тех времен новшества в деревенских училищах — широкие сени и раздевалки. В результате этих постоянных забот Ильи Николаевича о школьных помещениях за один только 1878 г. в Симбирской губ. было построено 16 новых школьных зданий и исправлены помещения 44 школ. Школы, которые строил И. Н. Ульянов, поражают своей продуманностью и свидетельствуют о горячей любви Ильи Николаевича к ребятам. С такою же настойчивостью добивался Илья Николаевич оборудования школ классной мебелью и учебными пособиями.

Начальные училища того периода содержались на средства, поступавшие из разных источников. Наибольшую сумму давали сельские общества. Так, из 173 962 р. 69 к., израсходованных в 1878 г. на содержание школ Симбирской губ., подведомственных дирекции народных училищ, поступило:

От казны	26 183 р. 83 к.	или 15,0%
От Городских обществ	19 665 р. 48 к.	» 11,3%
Земства	31 860 р. 89 к.	» 18,3%
Сельского населения	84 965 р. 22 к.	» 48,8%
и прочих источников (частных лиц, платы за учение, церковных попечительств)	11.290 р. 27 к.	» 6,6%

Если мы сравним это распределение расходов с тем, которое было в начале деятельности И. Н. Ульянова, когда ассигнования на школы от казначейства составляли только 2,4% и земства 16,3%, то увидим, что Илья Николаевич, стремясь вообще к увеличению средств, поступающих от всех источников, старался возможно больше получить на школы своей губернии от казны и от земства и, по возможности, облегчить долю, поступающую непосредственно от крестьян.

Своим личным влиянием на крестьян, частыми выступлениями на сельских сходах, сильным улучшением преподавания в школах И. Н. Ульянов умел добиваться увеличения отпускаемых сельскими обществами средств на школы. Вполне правильно он замечает в своем «очерке успехов народного образования в Симбирской губ. за 1878 г.: «Если принять во внимание..., что училищный сбор с крестьян есть повинность, размеры которой вполне определяются собственным усмотрением сельских обществ, то в факте значительного прироста сельского училищного сбора в отчетном году нельзя не усмотреть признака важного успеха народного образования в губернии» [1]. Мы к этому можем прибавить, что этот успех был достигнут благодаря деятельности Ильи Николаевича.

Целый ряд печатаемых ниже документов показывает, как неустанно добивается он из различных источников улучшения материального положения школы.

Благодаря энергии И. Н. Ульянова средства на содержание школ, поступавшие от сельских обществ с 1871 г. по 1886 г., возросли в 2½ раза, а от городского самоуправления почти в 9 раз.

Второй заботой Ильи Николаевича был подбор и подготовка учительского персонала.

При своем вступлении в должность инспектора он застал крайне низкий уровень учителей.

Уже в первый год своей работы в качестве инспектора (1869 г.) он организовал двухгодичные педагогические курсы для учителей при Симбирском приходском училище и руководил ими до 1873 г., когда в связи с открытием Порецкой учительской семинарии курсы прекратили свое существование.

[1] См. ниже, стр. 88.

Эти курсы были любимым детищем Ильи Николаевича. Какую трогательную заботу о материальном положении учащихся на этих курсах проявлял он, показывают публикуемые документы. Трудно было добиться средств на подготовку учителей у гласных Симбирского земства, большей частью консервативно настроенных помещиков. В той стипендии, о которой упоминает Илья Николаевич в своем заявлении от 15 ноября 1872 г., Земское собрание частично отказало. В 1877 г. Губернское земство сократило число своих стипендий в Порецкой семинарии, а в 1884 г. совсем прекратило выдачу этих стипендий.

Будущие педагоги воспитывались Ильею Николаевичем в духе любви к народу, в прогрессивных педагогических принципах. Их даже называли «учителями-ульяновцами». С этим не могли примириться симбирские земцы-помещики. М. И. Ульянова в своей брошюре «Отец В. И. Ленина — Илья Николаевич Ульянов» пишет: «И в 1877 г., уже после смерти отца, для учителей, подготовленных в этой семинарии, не оказалось даже «свободных вакансий» в Симбирской губернии, хотя им и полагалось прослужить там определенное число лет, как стипендиантам Симбирского земства».

Кроме курсов И. Н. Ульянов устраивал ежегодно учительские съезды то в одном, то в другом уезде Симбирской губ. Один из участников этих съездов, старый учитель В. А. Калашников так вспоминал об этих съездах: «Илья Николаевич стал устраивать учительные съезды для того, чтобы учителя и учительницы могли ознакомиться с новыми методами или способами преподавания предметов. Его такт, мягкость, деликатность, сдерживание слишком горячих в прениях с товарищами характеров оставили в каждом из нас воспоминания о съездах, как о счастливых днях, пережитых нами» [1]. Это начинание чрез несколько лет было прекращено правительством, запретившим учительские съезды во всей России.

И. Н. Ульянов проявлял большую заботу о материальном положении учителей, получавших до него буквально нищенское вознаграждение. Благодаря ходатайствам Ильи Николаевича это вознаграждение земствами повышалось (так, в донесении от 13 января 1879 г. упоминается, что два уезда увеличили жалованье учителям в 1879 г.).

До какой степени убогим было вознаграждение учителей, показывает печатаемый ниже документ [2]: Помощница учительницы женской школы г. Симбирска Емельянова, учительствуя уже четыре года, получала... 6 р. 66 к. в месяц. И. Н. Ульянов просит Городскую Симбирскую Управу повысить ей жалованье до 15 рублей.

Он заботится об улучшении материального положения не только работающих учителей, но и вышедших уже в отставку. В тот период пенсионного обеспечения бывших учителей не было. И. Н. Ульянов ставит перед губернским земством вопрос об организации эмеритальной кассы для бывших народных учителей. Мысль эта была нова, и земство не удовлетворило просьбы И. Н. Ульянова. Лишь много лет спустя, уже после его смерти, мысль его получила осуществление во всероссийском масштабе.

Всячески поощряя учителей, отдававших свои силы народному просвещению, Илья Николаевич, ставивший звание народного учителя очень высоко, не терпел таких «учителей», которые своим недостойным поведением роняли авторитет учителя. В печатаемых ниже документах эта его идейная требо-

---

[1] В. А. Калашников, И. Н. Ульянов (Воспоминания бывшего учителя), «Юбилейный сборник памяти И. Н. Ульянова», изд. Пензенским Метеорол. бюро, 1925, стр. 44.

[2] См. ниже, стр. 96.

вательность к учителю выступает чрезвычайно ярко: он требует строгого расследования случая телесного наказания в уездном училище; надо отметить этот случай особенно потому, что в тот период факты телесного наказания в школах были довольно часты. И. Н. Ульянов, будучи последователем идей Добролюбова, не допускал применения телесных наказаний ни под каким видом.

Не терпел он также случаев нетрезвого поведения учителей, устраняя таких «учителей» из школы.

Илья Николаевич заботился о самообразовании учителей. Так, он ставит перед губернским земством вопрос о создании в каждом уезде учительской библиотеки — мысль по тем временам совершенно новая. Он обращает внимание директора учительской семинарии, что воспитанники мало занимаются самообразованием.

Целый ряд печатаемых документов показывает, как умело руководил И. Н. Ульянов учителями, поощряя тех, кто проявлял педагогическое мастерство, отмечая недостатки неопытных еще учителей. В этом отношении громадный интерес представляет ряд отчетов Ильи Николаевича о посещении школ.

И. Н. Ульянов в этих отчетах и советах учителям показал себя, как замечательный методист. Он настойчиво вводил новый в то время в России, едва пробивавший себе дорогу звуковой метод обучения грамоте, широко применял наглядное обучение, заботясь о снабжении школ лучшими в то время наглядными пособиями, осуждал механическую зубрежку, требуя сознательного усвоения учащимися учебного материала и уменья передавать прочитанное своими словами с выделением главного, умелой постановки учителем вопросов при опросе учащихся. Он стремился развить в учениках самодеятельность. Рекомендовал на уроках применять разнообразные методы; требовал, чтобы учителя объясняли новые для учащихся термины (например, на уроках истории «уния», «догмат» и пр.). Он требовал от учителей при преподавании истории и географии, чтобы они не ограничивались сухим перечнем названий, дат и фактов, но оживляли уроки «более подробными рассказами о естественной и искусственной производительности страны, о быте и нравах жителей и пр.». Он обращал внимание учителей на необходимость вести не только учебную в узком смысле слова работу, но и воспитательную, проводя таким образом один из важнейших дидактических принципов — воспитывающее обучение. Илья Николаевич учил преподавателей работать с целым классом, внимательно подходя в то же время к каждому отдельному ученику.

В краткой статье нет возможности вскрыть всю глубину тонких методических замечаний И. Н. Ульянова. Отметим лишь, что эти замечания по методике преподавания русского языка, арифметики, истории, географии, естествоведения, чистописания, пения стояли вполне на высоте лучших методических достижений западноевропейских и русских методистов того времени. И. Н. обращал внимание учителей на необходимость использовать пришкольные участки для разведения огорода и сада с целью трудового воспитания учащихся и практических занятий по естествознанию. Рекомендовал также вести занятия с учащимися гимнастикой.

Особое внимание обращал Илья Николаевич на необходимость для учителя тщательного составления планов урока. Орфографическую грамотность учащихся и правильную постановку письменных работ он отмечает в целом ряде печатаемых ниже документов.

Большую борьбу вел Илья Николаевич за аккуратную посещаемость учащимися школы, воздействуя в этом отношении на детей, на учителей и родителей, ставя этот вопрос даже перед целыми сельскими обществами.

С огромной заботой относился Илья Николаевич к женским училищам, которые в тот период едва только начинали свое существование и подвергались ожесточенным нападкам со стороны реакционеров. Перед земством и городскими самоуправлениями он настойчиво ставил вопрос об открытии женских школ. Не ограничиваясь начальным училищем для девочек, он считал необходимым дать девочкам повышенное начальное обучение в городских училищах по положению 1872 г. и среднее в гимназиях и прогимназиях.

С такой же заботой относился Илья Николаевич к развитию национальных школ. При нем впервые в Симбирской губернии были учреждены училища для чуваш, мордвы и татар. Особенно большую роль сыграл Илья Николаевич в деле просвещения чуваш Симбирской губернии. Царское правительство, издав правила «О просвещении инородцев», ограничивало это «просвещение» крайне убогим уровнем (чтение, письмо, арифметика, «закон божий»). Система черносотенного «миссионера» Ильминского, широко применявшаяся в Поволжье, стремилась руссифицировать поволжские народы и сделать национальную школу очагом миссионерской деятельности. Система Ильминского заключалась в создании специальных школ для крещеных «инородцев», которые могли бы подготовить верных царю полупопов-полуучителей.

Совершенно иначе подходил к национальной школе Илья Николаевич. Он стремился к поднятию грамотности среди нерусских национальностей, к возможно большему обогащению детей, принадлежавших к этим национальностям, действительными знаниями, далеко выходящими за пределы официальной программы. Печатаемый ниже документ[1] дает ясное представление об этом: Илья Николаевич требует, чтобы эта национальная школа была снабжена наглядными пособиями по географии, книгами по естествознанию и пр. Уровень знаний детей учащихся в национальной школе, как видно из этого документа, высок,—значительно превышает требования официальной программы.

Илья Николаевич заботливо отмечает, что знание учителем родного языка учащихся нерусской национальности содействует успеху работы, и вместе с тем заботится о хорошем знании этими детьми русского языка.

Отчеты И. Н. Ульянова о посещении им училищ до сих пор могут служить ярким образцом, как следует инспектировать школу: ни один вопрос учебно-воспитательной работы школы и ее материального положения (вплоть до отсутствия форточек в классе или кадки в квартире учителя) не ускользал от внимания такого инспектора, каким был И. Н. Ульянов.

Илья Николаевич сам лично знакомился с каждым новым педагогом, часто посещал его уроки, охотно помогал начинающим преподавателям, ободрял их. Авторитет Ильи Николаевича был велик не только среди учителей Симбирской губернии. Его знали и ценили преподаватели и других областей России. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления на его имя преподавателей из других учебных округов, с просьбой о переводе в Симбирскую дирекцию народных училищ.

Энергичная и неутомимая деятельность Ильи Николаевича на пользу народного просвещения вызывала опасения и явное неодобрение многих мракобесов, сидевших на руководящих постах в министерстве народного просвещения. Особенно много препятствий чинил И. Н. Ульянову известный черносотенец, убежденный враг культуры и образования граф. Д. А. Толстой (1823—1889 гг.), бывший в течение многих лет министром народного просвещения. Толстой объявил поход против земских школ. По его предложению земские школы стали заменяться церковно-приходскими, которые находились под опекой черносотенного духовенства. Министерство народного просвещения в

[1] См. ниже. стр. 71.

последние годы жизни Ильи Николаевича открыто не одобряло его деятельности. Ему грозили отставкой. И только смерть избавила его от участи быть отрешенным от любимого дела, которому он посвятил всю свою жизнь.

Несмотря на эти тяжелые условия Илья Николаевич продолжал самоотверженно работать, вопреки всем препятствиям, он делал нужное и полезное для народа дело — строительство и укрепление народных начальных училищ.

Многие черты характера Ильи Николаевича, проявленные им на широком поприще педагогической деятельности, были унаследованы от отца Владимиром Ильичем. Пример отца, отдавшего все свои силы и знания делу народного просвещения, бескорыстно и честно служившего народу, не мог не оказать плодотворного влияния на Владимира Ильича в его детские и юношеские годы. Это заставляет нас с еще большим вниманием отнестись к замечательной личности Ильи Николаевича и его деятельности.

Публикуемые впервые документы характеризуют Илью Николаевича как передового деятеля русского просвещения и замечательного организатора народного образования. В них встает образ Ильи Николаевича во всей его кипучей практической деятельности. Здесь и отчеты о состоянии народного образования, записки о «мелочных» на первый взгляд вопросах, ходатайства об улучшении быта учителей, проекты и мысли о дальнейших путях развития школы. Все эти документы в своей совокупности представляют огромный культурный, научный и исторический интерес. Советская школа и советские педагоги, изучая эти замечательные ульяновские документы, извлекут для себя большую пользу. Прекрасный образ Ильи Николаевича Ульянова долго будет служить примером для всех, кто любит советскую школу, кто стремится к ее росту и процветанию[1].

Е. Медынский.

Представление И. Н. Ульянова попечителю Казанского учебного округа, 8 января 1872 г., № 4[2].

Обозрение инородческих начальных народных училищ Симбирской губернии содержимых на средства м-ва нар. прос. в 1871 году.

1) Ходаровское смешанное училище в селе Ходарах, Курмышского уезда открыто 6 декабря 1870 г.; содержится на средства м-ва нар. прос., в количестве 300 рублей, назначенных на жалованье учителю.

Училище помещается в доме, состоящем из классной комнаты, сеней и квартиры для учителя. За наем дома учитель платит в год 60 руб. без отопления, на которое выходит ежегодно 40 р. Чистота классной комнаты возлагается поочередно на каждого из учащихся. На учебные

[1] Публикуемые материалы хранятся в Ульяновском отделении Куйбышевского областного архивного управления в фонде инспектора и директора народных училищ Симбирской губернии. Все документы, исходившие от Ильи Николаевича Ульянова, печатаются с отпусков, собственноручно написанных Ильей Николаевичем. Документы подготовлены работниками Куйбышевского областного архивного управления тт. Подхватиловской и Шеффер. Комментарии к документам сделаны проф. Е. Н. Медынским.

[2] Ульяновское отделение Куйбышевского обл. арх. упр., ф. 18, св. 20, д. № 5 л. 10.

пособия и классную мебель назначено единовременно из сумм м-ва нар. прос.— 40 р.

Классная комната содержится опрятно, она светла; не очень тепла и не имеет форточки для вентиляции. В классе 5 новых и удобных ученических столов, классная доска на треножнике, к которой на время обучения детей чтению прикрепляется плановка для выставления подвижных букв, и шкаф для книг и учебных пособий, данный обществом на время для школы.

Число учащихся: мальчиков от 7 до 14 лет — 26, девочек от 9 до 12 лет — 4. Из 26 мальчиков — 7 русских и 19 чуваш, а из 4-х девочек — 3 русские и одна чувашка. Все православного исповедания.

Число жителей в селе Ходарах и соседних деревнях, откуда дети ходят в школу,— 1 630 душ, число учащихся относительно числа жителей составляет 2%.

Занятия происходят 9½ месяцев, с 1 сентября по 15 июня ежедневно, за исключением воскресных и праздничных дней, от 8 до 12¼ часа утра, с отдыхом в ½ часа, и потом от 2 до 3¼ пополудни.

Чтение гражданской печати происходит по звуковому способу Корфа, при помощи подвижных букв. Затем преподаются: письмо, закон божий, молитвы с объяснением, священ. история, объяснение праздников, 4 действия над именованными и простыми числами с упражнением в отношении задач, счисление умственное и на счетах и церковное пение главнейших молитв.

Успехи обучения вообще весьма удовлетворительны. Что касается учебных пособий при школьном обучении, то кроме подвижных букв, употребляется 1-ый год «Родного Слова» для объяснительного чтения и бесед учителя с учениками и 2-й год «Родного Слова». По арифметике — задачи Евтушевского. В училищах имеется 24 аспидных доски, 2 дюжины стальных перьев и 1 дюжина чернильниц.

Для внеклассного чтения учеников есть книги: «Дар слова», «Труд кормит, а лень портит», «Как надо жить, чтобы добро нажить».

Учителем состоит с открытия училища окончивший курс воспитанник Симбирской духовной семинарии Александр Рождественский. Он ведет дело обучения с уменьем и усердием, вполне сознавая важность обязанности народного учителя. Знание чувашского языка много облегчит для учителя труд по обучению чувашских детей.

Между наставником и учениками существуют весьма хорошие отношения: мальчики смотрят весело и бойко отвечают на вопросы.

Во время моего посещения училища (17 и 18 декабря) в классах было 23 мальчика и 1 девочка. Перед началом класса ученики порядочно пропели молитву на чувашском языке. Занятия по «Родному Слову» ведутся хорошо; пройдена вся 1-я часть и я застал учеников за повторением пройденного именно на 33-м № «Родного Слова». Класс очень оживлен, ученики бойко, смело и наперерыв отвечают на вопросы хором и по-одиночке.

Учащиеся ознакомлены с сторонами горизонта и имеют некоторые первоначальные географические сведения; умеют начертить земной шар и дать понятия о жарком, умеренном и холодном поясах. Читают громко и довольно правильно, в случае же неправильности учитель постоянно поправляет. На вопросы дают полные ответы. Обо всем пройденном и прочитанном мальчики имеют ясное, несбивчивое понятие. Чуваши читают порядочно по-русски, чего в других училищах за год обучения не достигается.

Из священной истории ученики рассказывают хотя не без затруднения о Рождестве И. х., о крещении Спасителя и о других событиях ново-заветной истории. Из молитв знают «Царю небесный» по-русски и по-чувашски с объяснением, молитву перед началом учения...

Учителем сделан опыт приучения детей писать под такт, что много оживляет учеников и они с охотою занимаются письмом. Класса арифметики мальчики ждут с удовольствием: все принимают участие в умственном решении задач, относящихся к крестьянскому быту.

В школе заведен классный журнал. Словом, организация училища весьма удовлетворительна.

Полезно было бы приобрести для школы: карту России, глобус, книгу с картинами изд. Шрейбера для наглядного обучения, свящ. историю Соколова, начальную главу Корфа, беседы о природе Зобова, «Свет божий», книгу Горбунова о том, что происходит в воздухе и первоначальную книгу для чтения Водовозова, приложенную к журналу «Народная школа» за 1870 год[1].

2) Кошкинское мужское училище, в деревне Кошки — Новотилебаевой, Буинского уезда, открыто 11 октября 1871 г., содержится на средства м-ва нар. прос., в размере 150 р. в год, в том числе на жалованье учителю 120 р. и на отопление 30 р.

Помещается училище в новом доме, выстроенном на средства м-ва нар. прос., в количестве 600 руб. Дом состоит из передней, комнаты для учителя и класса. Классная комната светла, довольно тепла, имеет 2 форточки для вентиляции и содержится довольно опрятно. В классе 3 ученических стола и 9 картин для наглядного обучения Золотова.

Число учащихся мальчиков от 7 до 13 лет — 13, пять чуваш; все православного исповедания.

Число жителей в деревнях Кошках 319 душ муж. пола; число учащихся относительно числа жителей составляет 7%.

Занятия происходят ежедневно, за исключением воскресных и праздничных дней, от 8 до 12 часов утра и потом от 2 до 3½ пополудни.

Чтение гражданской печати происходит по звуковому способу Корфа, при помощи подвижных букв. Затем преподаются: молитвы по-чувашски, счисление в уме от 1 до 10 и письмо. По недавнему открытию училища только трое мальчиков приступили к 1-ой части «Родного Слова», именно: двое читают № 6, а один № 2. Во время моего посещения училища (21 декабря) упомянутые 3 ученика читали порядочно, пятеро — средственно, а остальные только начинают сливать изученные звуки. Считают в уме средственно, 8 мальчиков пишут буквы и цифры, а остальные элементы букв...

Учителем состоит местный крестьянин Игнатий Иванов, который пока не имеет свидетельства на звание учителя, но обещает выдержать установленный для этого экзамен. До назначения своего к исправле-

---

[1] Начальные училища, по положению о них, должны были обучать чтению, письму, счету и пению и так называемому «закону божию». Тем более «инородческие» (как именовало царское правительство школы для детей нерусской национальности) училища, по положению 1870 г., должны были ограничиваться лишь этими предметами И. Н. Ульянов, как видно из документа, всячески стремился расширить знания учащихся сведениями по географии, естествознанию и пр.

Книги и др. учебные пособия, которые вводил И. Н. для употребления в подведомственных ему школах (Корфа, Ушинского «Родное Слово», Водовозова и др.) были в то время лучшими учебниками для начального обучения.

нию должности учителя в Кошкинское училище, Иванов обучал мальчиков из чуваш в г. Симбирске и там приобрел отчасти навык к обучению детей чуваш.

Предписание И. Н. Ульянова Шумовскому волостному правлению, 24 октября 1872 г.[1].

Учитель Шумовского сельского училища рапортом от 23 минувшего сентября за № 1 донес мне, что настоящее положение вверенного ему училища нисколько неблагоприятствует делу обучения и что для приведения училища в лучшее состояние необходимо озаботиться о следующем:

1. Училище помещается в старой крестьянской избе, приобретенной обществом на училищные суммы. Помещение сырое, темное, холодное, тесное и вообще нисколько не может удовлетворить требованиям школы, как в педагогическом, так и в гигиеническом отношениях.

2. Для училища следует приобрести 8 классных столов со скамейками, стол и стул для учителя, шкаф для хранения учебных пособий, две классных доски на треножниках: одну для письма, а другую для обучения по звуковой методе чтению.

3. Для училища необходимы книги по приложенному списку.

Вследствие отношения моего Симбирская уездная земская управа уведомила меня, что она не имеет основания разрешить какое-либо пособие из земских сумм на исправление дома для Шумовского училища, ввиду того, что расход этот не подходит под условия, выраженные в докладе комиссии, утвержденном очередным собранием 1870 г.[2].

Что же касается до приобретения для этого училища классных принадлежностей и учебных книг, то расход на этот предмет может быть принят на земские суммы.

Уведомляя о сем, предлагаю Шумовскому волостному правлению, на основании 9 пункта, 84 статьи положения 19 февраля 1861 г., озаботиться немедленным улучшением помещения для Шумовского училища и о последующем мне донести.

Представление И. Н. Ульянова в Симбирскую губернскую земскую управу, 15 ноября 1872 г., № 519[3].

Имею честь покорнейше просить Симбирскую губернскую земскую управу представить на рассмотрение губернского земского собрания следующие вопросы:

1. С открытием учительской семинарии в с. Порецком, имеют быть закрыты при Симбирском уездном училище педагогические курсы, в которых земство содержит на свой счет 40 стипендиантов для приготовления в учителя начальных народных училищ Симбирской губернии.

Принимая во внимание видимую пользу для дела народного образо-

---

[1] Ульяновское отделение Куйбышевского обл. арх. упр., ф. 18, св. 20, д. № 510, л. 84.

[2] Хозяйственные расходы по школе в 70—80-х годах, в том числе предоставление помещения, возлагались на сельские общества; оборудование же училищ школьною мебелью, учебными пособиями и письменными принадлежностями обычно принимало на себя земство.

[3] Там же, л. 29.

вания в губернии от хорошо подготовленных учителей и увеличение числа учащихся в тех школах, в которых состоят преподавателями окончившие курс в педагогических классах, я полагал бы весьма полезным для улучшения народного образования губернии иметь в учительской семинарии в с. Порецком 40 земских стипендиантов, по выбору педагогического совета семинарии. В ожидании решения губернского собрания относительно числа земских стипендиантов в семинарии, мною, с согласия г. председателя губернской управы, отправлены в Порецкое 11 земских стипендиантов 1-го курса для помещения их на казенную степендию.

2. Ввиду закрытия 1 курса педагогических классов с 1 января наступающего 1873 г., я просил бы губернское земское собрание оказать пособие 22[1] воспитанникам 1 курса, если они пожелают продолжать учение в семинарии, в размере 5 рублей каждому на проезд от Симбирска до с. Порецкое.

3. Принимая во внимание пользу для воспитанников педагогических классов 2 курса со стороны учителя Симб. муж. приходского училища Николаева, я ходатайствовал бы перед губернским собранием о вознаграждении учителя Николаева за руководство кандидатами педагогами в практических их занятиях, в размере 50 рублей.

4. Для доставления учителям народных училищ способов к дальнейшему самообразованию, я просил бы губернское собрание предложить уездным, не найдут ли они возможным завести в каждом уезде на первый раз по одной библиотеке, снабженной как книгами и журналами педагогического содержания, так и учебными пособиями, необходимыми для преподавания предметов, составляющих курсы народных училищ[2].

5. Для материального обеспечения преподавателей, не пользующихся в настоящее время пенсиею за многолетнюю службу, весьма полезно было бы устроить при губернской управе эмеритальную кассу для народных учителей.

6. Ввиду затруднения в средствах для заблаговременной выписки книг и учебных пособий для школ, я полагал бы просить губернское земское собрание об ассигновании мне, ввиде займа, 1 000 руб. на выписку книг, с возвратом этой суммы по мере продажи книг в губернскую управу.

7. Принимая во внимание, что в настоящее время в школах часто учатся дети из сел и деревень, находящихся на расстоянии 5 и даже 10 верст от местности, где находится училище, следствием чего является неаккуратное посещение классов учащимися, я просил бы губернское собрание предложить уездным, не найдут ли они возможным устроить на свой счет, на первый раз хотя при одной лучшей школе, особое помещение для приходящих учеников, которые могли бы жить в этих зданиях. К этому считаю долгом присовокупить, что в случае устройства таких ученических квартир, весьма полезно было бы во внеклассное время обучать детей какому-нибудь ремеслу или мастерству, особенно необходимому в данной местности.

8. Губернское собрание в минувшем году ассигновало 500 руб. на канцелярию губ. учсовета и на печатание отчетов инспектора нар.

[1] Дальше одно слово не разобрано.

[2] Губернские земские собрания, предусматривавшие те или иные мероприятия и утверждавшие смету земских расходов на предстоящий год, созывались по закону между 1 декабря и 1 января.

училищ. Из этой суммы назначено на канцелярию 410 р. Принимая во внимание, что инспектор народных училищ имеет ближайшее отношение к губ. учсовету, я полагал бы передать в ведение инспектора ассигнованные земством 410 р. на содержание канцелярии в губ. учебных советах [1].

Представление И. Н. Ульянова в Сызранскую Городскую управу, 23 августа 1873 г., № 365 [2].

При ревизии мною Сызранского городского приходского училища [3] оказалось, что помещение его при значительном числе учеников крайне неудовлетворительно.

Вследствие сего имею честь просить Сызранскую Городскую управу внести на обсуждение Городского собрания, по возможности в непродолжительном времени, вопрос о замене настоящего неудобного помещения приходского училища другим, более удобным и удовлетворяющим цели учебного заведения, и о решении собрания меня уведомить.

Представление И. Н. Ульянова в Сызранскую Городскую управу, 13 сентября 1876 г., № 851 [4].

Принимая во внимание, что в г. Сызрани нет ни одного женского приходского училища имею честь покорнейше просить Городскую управу доложить Собранию, не найдет ли оно возможным открыть в г. Сызрани женское приходское училище и тем открыть возможность жителям города дать своим дочерям первоначальное элементарное образование.

О решении Собрания прошу Управу меня уведомить.

Отношение И. Н. Ульянова инспектору народных училищ 3 района, 14 июня 1877 г., № 457 [5].

Препровождая при сем в подлиннике прошение фельдшера Феофила Львова о том, что учитель истории и географии Ардатовского уездного училища Федоров избил сына его, ученика 2-го класса Павла Львова, и донесение штатного смотрителя Ардатовского уездного училища от 5 сего июня № 154 о том, что учитель Федоров во время уроков доходит до раздраженного состояния и в горячности дозволяет себе обращаться с учеником не так, как следует, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, произвести на месте дознание о поступках г. Федорова и сообщить мне ваше заключение с возвращением препровождаемых при сем бумаг.

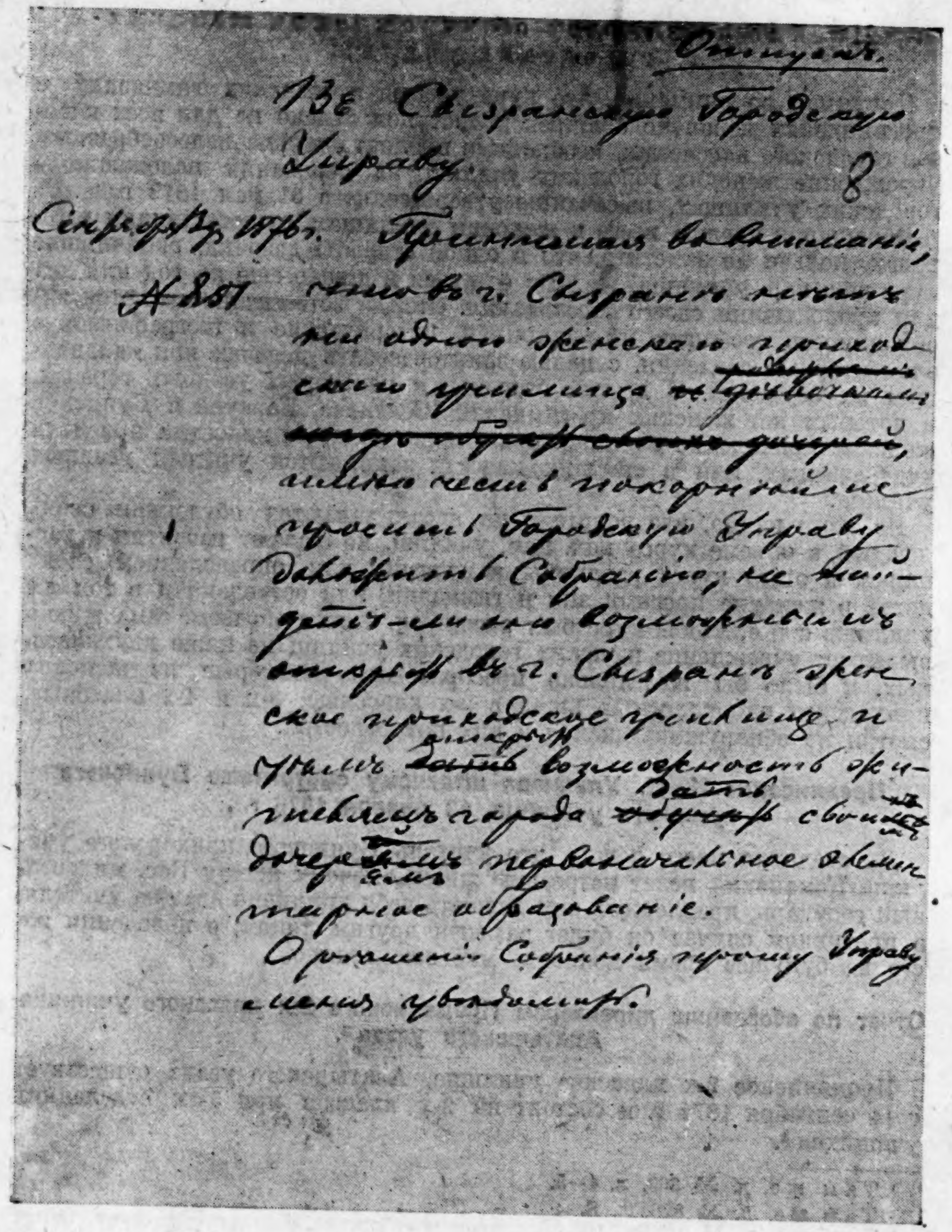
---

[1] Большинство мероприятий, намечаемых здесь И. Н. Ульяновым, Симбирским губернским земским собранием 1872 г. было отклонено, под предлогом недостатка средств.

[2] Там же, д. № 520, л. 8.

[3] Под именем «приходских училищ» разумеется не церковно-приходские, а начальные училища, состоящие в ведомстве министерства нар. просвещения, оффициально именовавшиеся «Приходские училища по уставу 1828 г.»

[5] Там же, д. № 800, л. 1.



Отпускъ.

Въ Сызранскую Городскую Управу.

8

Сентября 23 1876 г.

№ 851

Принимая во вниманiе, что въ г. Сызрани нѣтъ ни одного женскаго приходскаго училища ~~и дѣвочкамъ негдѣ обучать своихъ дочерей~~, имѣю честь покорнѣйше просить Городскую Управу доложить Собранiю, не найдетъ-ли оно возможнымъ открыть въ г. Сызрани женское приходское училище и тѣмъ ~~дать~~ открыть возможность жителямъ города ~~обучать~~ давать своимъ дочерямъ первоначальное элементарное образованiе.

О рѣшенiи Собранiя прошу Управу меня увѣдомить.

Из представления И. Н. Ульянова попечителю Казанского учебного округа, [1877 г.][1].

Мнение по вопросу об учреждении женских городских училищ

Принимая во внимание, что курс учения в женских гимназиях и прогимназиях довольно обширен и доступен далеко не для всех классов городского населения, необходимо признать весьма целесообразным учреждение женских городских училищ, на основании положения о городских училищах, высочайше утвержденного 31 мая 1872 года.

Обращаясь прежде всего к женским училищам, существующим в городах, нельзя не заметить, что с одной стороны девочки, окончившие курс нач. нар. училища, желают остаться в школе еще на год или два для продолжения своего образования. Отсюда естественно является необходимость сообщать им, например, исторические и географические элементарные сведения, с целью заинтересовать девочек при дальнейшем их обучении. С другой стороны, в некоторых уездных городах, в которых нет женских прогимназий (Сенгилее, Карсуне и Буинске), женские приходские училища существуют с двумя классами при двух учительницах, или в старших классах занимаются учителя уездных училищ.

Из этого видно, что родители не ограничиваются обучением своих дочерей в объеме курса нач. нар. училищ, но желают развития и расширения этого курса различными путями: или определением своих детей в женские прогимназии и гимназии, или оставлением в том же училище с тем, чтобы курс был расширен. Таким образом, сама жизнь вызывает учреждение женских городских училищ не ниже двухклассных, и было бы желательно преобразовать некоторые из женских приходских одноклассных школ в 2-х классные, 3-х и 4-х классные, смотря по обнаруживающейся в них потребности...

Предписание И. Н. Ульянова штатному смотрителю Буинского уездного училища, 13 января 1878 г.[2].

До сведения моего дошло, что учитель Буинского приходского училища Команский ведет нетрезвую жизнь, почему прошу Вас, милостивый государь, предложить ему держать себя прилично званию учителя, в противном случае он будет заменен другим лицом; о поведении же его на будущее время доносить мне ежемесячно.

Отчет по обозрению директором Промзинского 2-х классного училища Алатырского уезда[3].

Промзинское 2-х классное училище, Алатырского уезда существует с 14 сентября 1874 г. и состоит из 2-х классов при 5-ти отделениях учащихся[4].

---

[1] Там же, д. № 809, л. 4—5.

[2] Там же, д. № 826, л. 8.

[3] Там же, д. № 917, л. 16. Заголовок подлинника. Дата отсутствует. Отчет составлен И. Н. Ульяновым.

[4] Двухклассными училищами назывались начальные школы с продолжительностью обучения в 5 лет (тогда как обычное или «одноклассное» начальное училище имело трехлетний курс обучения). Кроме обычных для начального училища предметов в двухклассных училищах в течение 4-го и 5-го лет обучения преподавались геометрия, география, история, естествознание.

На содержание училища отпускается из государственного казначейства 885 руб. и от сельского общества 311 руб. Первая сумма идет на содержание личного состава: законоучителя — 150 руб., двоих учителей — 600 р., учителя пения — 60 р., и на снабжение училища учебными пособиями — 75 р. Назначенные обществом 311 руб. употребляются на застрахование дома и хозяйственные расходы по училищу.

Училище помещается в уступленном обществом весьма удобном деревянном доме. Длина и ширина каждой классной комнаты по 11 аршин, при высоте 4½ арш. Из 75 учащихся — 68 мальчиков и 7 девочек. По классам они распределены так: в 1-м классе 43 мальчика и 7 девочек, во 2-м — 25 (17 в младшем отделении и 8 — в старшем). Посещение детьми училища весьма исправно. Почетным блюстителем училища с января 1877 г. состоит колл. асс. Н. В. Позняков, законоучителем, с открытия училища, свящ. Кудеевский, учителями: 2-го класса, с 10 января 1875 г., Р. А. Преображенский, окончивший курс в педагогических классах, на котором лежит и заведывание училищем; 1-го класса: В. М. Дульцев, с 10 августа 1876 г., окончивший курс в Порецкой учительской семинарии.

Училище осмотрено мною 5 мая.

На 1-ом уроке во 2-м классе ученики младшего отделения чертили водные пути в России, с учениками же старшего отделения учитель занимался решением арифметических задач на правило смешения. Урок был веден удовлетворительно, в решении задачи принимали участие все ученики старшего отделения. Мною замечено только, что мальчик, делавший задачу на классной доске, иногда сбивался и выражался неясно.

В 1-м классе занятия на 2-ом уроке были распределены так: дети младшего отделения писали в 4 темпа букву Б, среднего — букву Я в 3 темпа, с учащимися же старшего отделения учитель занимался диктовкой, с целью приучить детей к правильному письму коренных слов с буквою ять. Преподаватель сообщил ученикам правила, что звательные слова отделяются запятыми. Урок шел по строго обдуманному плану и каждое отделение исполняло свою работу удовлетворительно...

Во время большой перемены ученики занимались гимнастикой. Письменные упражнения учащихся ведутся аккуратно и своевременно просматриваются преподавателями. Ученики старшего отделения 2-го класса пишут сочинения на темы, вроде следующих: «описание грозы в деревне», довольно удовлетворительно в грамматическом отношении.

Вообще, училище пользуется доверием не только местного общества, но и соседних деревень.

Насколько Промзинское 2-х классное училище отвечает своему назначению, можно судить по следующим характерным фактам. Двое из учеников этого училища, окончивших курс только в 1-м классе, поступили прямо в 1-й класс Порецкой учительской семинарии...

Наконец, считаю нелишним присовокупить здесь следующее: желая объяснить себе причины очень удовлетворительного состояния Промзинского 2-х классного училища, я пришел к убеждению, что успех его, зависи, конечно, от вполне добросовестного исполнения учителями своих обязанностей, от их хорошей подготовки и практической опытности, в то же время слишком много обуславливается тем, что каждый учитель занят с целым классом по всем предметам курса. Благодаря этому весь ход обучения идет стройно, весело для учителя и учеников

и, что особенно важно, ежедневные работы по каждому предмету всегда распределяются сообразно с силами учеников и с количеством работы по остальным предметам.

Отчет по обозрению директором Карсунского, Алатырского, Ардатовского, Кумышского и Сызранского уездных училищ, [1878 г.] [1]

1) Карсунское уездное училище[2] осмотрено было мною 4 мая. По классам 87 учащихся; распределяются следующим образом: в 1-м — 31, во 2-м — 34, в 3-м — 22 и один вольнослушатель из окончивших курс в уездном училище и желающий продолжать учение в Порецкой учительской семинарии.

В 1-м классе я был на уроке арифметики. Ученик, вызванный к классной доске, решал задачу, при чем учитель (Сурков) мало обращал внимания на умственный счет и почти не обращался с вопросами к прочим ученикам, которые поэтому почти не принимали участия в классной работе.

Во 2-м классе я присутствовал на уроках русского языка и географии. На первом уроке учитель (Салтыковский) занимался повторением о числительных именах. Преподаватель не заставлял повторить объяснения своего ни одного из учеников, а продолжал спрашивать далее, от чего мальчики затруднялись ответить на мой вопрос: какие числительные назвать количественными и какие порядковыми? Сверх того, мною замечено, что по расписанию назначен был урок славянского языка в этот час, учитель же заменил его уроком русского языка.

На уроке географии в этом классе учитель (Дубров) спрашивал о государствах Европы, с главными городами этих государств и с указанием на каких реках лежат эти города, при этом преподаватель не обращал внимания на то, чтобы ученик показывал на карте то, о чем он рассказывает.

В 3-м классе я слушал уроки русского языка и закона божия. На первом уроке учитель диктовал ученикам стихотворение «Утопленник». На мой вопрос, знают ли ученики заранее, какое стихотворение им будут диктовать, преподаватель дал отрицательный ответ. Писали ученики без грубых ошибок. По окончании диктовки ученики на вопрос мой о глаголах, видах и спряжениях глаголов дали удовлетворительные ответы.

На уроках закона божия законоучитель (свящ. Лиманов) спрашивал учеников о храме и литургии. На предложенные мною вопросы мальчики отвечали не вполне удовлетворительно. Обо всех замеченных мною недостатках я передал учителям с тем, чтобы они приняли меры к уничтожению этих недостатков.

При рассмотрении классных журналов мною замечено учителю арифметики Суркову о пропуске им довольно значительного числа

---

[1] Там же, д. № 917, л. 12. Заголовок подлинника. Отчет составлен И. Н. Ульяновым.

[2] Уездными училищами по положению 1828 г. являлись начальные училища с повышенным курсом. Срок обучения был 3-летний (3 класса),— поступали дети в уездное училище по окончании начальной школы. Прав перехода в среднюю школу (гимназию) уездное училище не давало. С 1872 г., когда были учреждены городские училища, уездные училища стали постепенно ликвидироваться. Городские училища по положению 1872 г. значительно расширили, по сравнению с уездными, объем знаний.

уроков, на что преподаватель ответил, что это произошло от болезни ноги, именно от растяжения сухожилий.

2) Алатырское уездное училище обревизовано мною 6 мая. Из 77 учеников в 1-м классе — 19, во 2-м — 32, в 3-м — 26.

По болезни штатного смотрителя Стефановича и учителя русского языка Немченинова, я застал в училище двоих учителей: арифметики Суркова и географии и истории Кудряцева.

В 1-м классе на уроке русского языка ученикам задано было написать рассказ: «Дедушка русского флота». Мальчики исполнили эту работу довольно удовлетворительно.

Во 2-м классе был урок арифметики о десятичных дробях. Ученики решали задачи удовлетворительно, но затруднялись иногда объяснить производимые ими действия.

В 3-м классе я был на уроках географии и арифметики. На первом уроке шло повторение географии России. На вопросы, предложенные мною, ученики отвечали вообще удовлетворительно, но некоторые из мальчиков затруднялись сказать, что значит «отходный промысел». Сверх того, мною предложено учителю делать сравнение губерний во всех отношениях для того, чтобы ученикам бросались в глаза особенности каждой из них.

На уроке арифметики решалась задача на пропорциональное деление довольно удовлетворительно. Замечено только, что ученики забыли признаки делимости чисел.

3) В Ардатовском уездном училище я был 8 мая. 83 ученика распределяются по классам так: в 1-м — 39, во 2-м — 22 и в 3-м — 22.

В 1-м классе я был на уроках русского языка и арифметики. Учитель первого предмета, допущенный к преподаванию, Смирнов, объяснял мальчикам страдательный залог и довольно удовлетворительно.

Учителем арифметики Стекловым дана была ученикам задача — умножение на счетах. На уроке мною замечено, что сам преподаватель много говорит и мало предоставляет самодеятельности ученикам. Кроме того, только ученик, вызванный к доске, считает в уме, между тем как умственным счетом должен заниматься весь класс.

Во 2-м классе на уроке арифметики все ученики делали задачи на досках. Замечено только из ответов учеников на предложенные мною вопросы, что мальчикам непонятно слово «степень», из чего можно заключить, что учитель не заботится о том, чтобы все ученики имели ясное понятие обо всем пройденном.

В 3-м классе на уроке русского языка речь шла о сокращении придаточных определительных предложений. Учитель вел урок довольно удовлетворительно.

При рассмотрении классных журналов мною замечено, что у законоучителя не записано содержание уроков в апреле и мае месяцах, а у преподавателя русского языка неопределенно записано содержание уроков, напр. «славянский язык».

4) Курмышское уездное училище осмотрено мною 12, 13 и 15 мая. Из 49 учеников в 1-м и 2-м классах по 18, в 3-м — 13 человек.

В 1-м классе я слушал уроки русского языка и арифметики, во 2-м — арифметики, географии, русского и славянского языков, закона божия и истории, в 3-м — русского языка, закона божия, географии, арифметики и геометрии.

Учитель русского языка, г. Матвеев, ведет преподавание вообще удовлетворительно. Так, преподаватель на уроке русского языка пи-

шет на классной доске план, по которому ученики сами пишут ответы; на уроке славянского языка обращает внимание на различные формы, в том числе и условные, сравнительно с формами русского языка. Но при всем том замечено, что ученики 1-го класса затруднялись отличить винительный падеж от родительного и составить ясное понятие о видах глаголов. Пишут под диктовку ученики удовлетворительно.

Учитель арифметики и геометрии И. Ковалев занимается своим делом усердно, но замечено, что ученики затрудняются при объяснениях деления десятичных дробей, не знают, какие простые дроби обращаются в конечные и какие в бесконечные десятичные дроби и не имеют ясных понятий о кубических и квадратных мерах.

Учитель истории и географии г. Перенсов, вел дело в последний учебный год удовлетворительнее, чем в предыдущий, но нельзя не заметить, что преподаватель делает сравнение губерний без строго обдуманного плана и мало оживляет уроки истории.

У законоучителя замечены весьма краткие объяснения и слишком близкие к учебнику ответы учеников.

5. В Сызранском уездном училище, осмотренном мною 2 и 3 июня, 91 ученик: в 1-м классе — 45, во 2-м — 29, в 3-м — 17.

Я был на уроках русского языка, истории, географии и арифметики.

Учитель русского языка, г. Нечаев, только что назначенный на это место, не успел еще ознакомиться с объемом преподаваемого ученикам, но есть надежда, что при руководстве исправляющего должность штатного смотрителя Добролюбского, преподававшего до сих пор русский язык, он поведет дело удовлетворительно. Мною предложено учителю диктовать громче и яснее, чтобы ученики не затруднялись при письме.

Учитель истории и географии, Ив. Клюжев, ведет дело вообще удовлетворительно, хотя преподавание его и не чуждо некоторых недостатков, заключающихся в некоторых неправильных выражениях.

Преподавание арифметики ведется допущенным к исправлению должности учителя Вас. Клюжевым удовлетворительно.

За исключением Алатырского уездного училища, помещающегося в наемной квартире, все прочие 4 училища помещаются в собственных домах, довольно исправных и удобных.

Осмотренные училища, благодаря усердию штатного смотрителя и преподавателей находятся вообще в удовлетворительном состоянии, как по учебной, так и по воспитательной части.

Во всех 5-ти училищах из учеников составлены хоры певчих, которые поют в церквах по воскресным и праздничным дням.

Представление И. Н. Ульянова в Сызранскую городскую управу, 20 августа 1878 г., № 676 [1].

Из отчета инспектора народных училищ видно, что Сызранское 1-е мужское училище помещается в высшей степени неудовлетворительно: класс состоит из 3-х смежных комнат, в которых только около 17¼ кубических сажен пространства. Принимая во внимание, что по самым умеренным требованиям гигиены в классной комнате должно быть не менее ½ кубич. саж. на ученика для того, чтобы пребывание в классе не было вредным для здоровья, я нахожу, что в

[1] Там же, д. № 917, л. 38.

классах 1-го приходского училища могло бы без вреда для здоровья обучаться 35 учеников, тогда как их учится втрое более, именно 102 мальчика.

Вследствие сего имею честь просить Городскую управу переменить вредную для здоровья учеников квартиру для 1-го приходского училища на более просторную к началу нового года, соответственно числу учеников, и о последующем меня уведомить в непродолжительном времени.

Из донесения И. Н. Ульянова попечителю Казанского учебного округа, 5 октября 1878 г., № 826 [1].

Представляя при сем отчет инспектора народных училищ Симбирской губернии 1-го района г. Стржилковского по обозрению им школ Симбирского и Сенгилеевского уездов, имею честь донести вашему превосходительству, что со стороны дирекции приняты следующие меры:

1) О неудобстве помещений и неудовлетворительности классной мебели сообщено местным обществам об устранении замеченных неудобств, вследствие чего некоторые сельские общества уже исправили классные помещения и мебель.

2) Относительно незначительного вознаграждения преподавателей некоторые сельские общества, вследствие предложения дирекции, увеличили жалование учителям, а именно: Тумыкинское на 45 р., Верхне-Кокинское и Шигонское на 36 р., Загоскинское на 110 р., Смышляевское на 80 р., Зеленецкое на 140 р. и Бесштановское на 44 р.

4) В те школы, в которых преподавали все предметы местные священники со средственными успехами, назначены особые учителя, с оставлением за священниками преподавания одного только закона божия.

5) Книги и учебные пособия высланы в нуждающиеся школы.

6) Малоусердным учителям сделано внушение, чтобы они усерднее вели свои занятия по школам, с напоминанием, что в противном случае они будут устранены...

Предписание И. Н. Ульянова Тархановскому волостному правлению Буинского уезда, 6 октября 1878 г., № 835 [2].

При осмотре Старо-Айбесинского училища инспектором оказалось, что классная комната страдает от неисправности ремонта, почему и необходимы следующие работы: промшить стены, скрепить их сваями, оштукатурить внутри. Необходимо также снабдить училище стулом, столом для учителя, чугуном, кадкою и тазом.

Вследствие сего предлагаю волостному правлению донести мне в непродолжительном времени, устранены ли замеченные инспектором недостатки.

---

[1] Там же, д. № 917, л. 52—53.

[2] Там же, д. № 917, л. 56.

Предписание И. Н. Ульянова Архангельскому волостному правлению Буинского уезда, 6 октября 1878 г., № 833[1].

При осмотре Архангельского училища инспектором оказалось, что классная комната для 41 учащегося тесна и квартира учителя неудобна, так как зимою бывает очень холодно.

Вследствие сего предлагаю волостному правлению донести мне в непродолжительном времени, устроена ли завалина снаружи, о чем предложено инспектором местному обществу через волостное правление.

Предписание И. Н. Ульянова заведующему Промзинским 2-х классным училищем, 13 октября 1878 г., № 879[2].

Из представленного мне инспектором отчета о состоянии училища видно:

1) что к концу года количество учеников уменьшилось, так что на экзамен явилось 77 вместо 87; 2) у законоучителя нередко замечается излишняя многословность и неопределенность в выражениях, а равно и частое задавание таких вопросов, благодаря которым ученикам приходится усвоять второстепенные подробности в ущерб главному; 3) на уроках учителя 1-го класса, г. Дульцева, замечено, что при передаче ученикам прочитанного желательно бы видеть побольше самостоятельности и именно передачи содержания, а не прочитанных слов. Сверх того, нельзя не пожалеть о том, что ученики, выработавши с учителем план упражнения, часто его совершенно игнорируют, а при изложении содержания чрезвычайно многословно передают второстепенные подробности, опуская важнейшее; 4) на уроках учителя 2-го класса замечено, что ученики скорее запоминают сообщаемое учителем, чем более или менее самостоятельно наблюдают и выводят, причем разбираемый пример служит поводом, по которому что-либо сообщается, а не материалом для наблюдения. На уроке геометрии учитель сам много и торопливо говорит, так что нередко предупреждает ответы учеников. Но так как последним это не нравится, то и они начинают торопливо говорить и нередко дают крайне необдуманные ответы. По пению замечено, что ученики поют слишком грубо, не разделены на несколько партий по голосам, не обучаются по нотам; регент напрасно не принимает во внимание диапазоны голосов держа хор почти исключительно на С-дур, тогда как Ф-дур было бы для него более по силам, и, наконец, следует образовать хор не из 8 мальчиков, а из большего количества голосов.

Сообщая о вышеизложенном, предлагаю вам, 1) донести мне с первою почтою о причине уменьшения учеников к концу учебного года, 2) о замеченных инспектором недостатках сообщить по принадлежности с тем, чтобы на будущее время недостатки эти были устранены.

Предписание И. Н. Ульянова заведывающему Берегово-Сыресевским, Ардатовского уезда, 2-х классным училищем, 18 октября 1878 г., № 903[3].

Из представленного мне инспектором отчета видно, что 1) законоучителю, при занятиях с несколькими отделениями, необходимо сле-

[1] Там же, д. № 917, л. 55.
[2] Там же, д. № 917, л. 65.
[3] Там же, д. № 917, л. 74.

дить возможно внимательнее за всеми и ни в каком случае не заставлять ученика рассказывать вслух, когда нет возможности слушать его рассказ.

2) Учителю 1-го класса, при выборе наглядных пособий по арифметике необходимо обращать внимание на однородность и даже одинаковость их, а не брать 2 грифеля и 2 карандаша; давать основательные объяснения о причине сравнения числа 40 с 5, 6, 7, 8, 9, 10, 4, 3, 2 и 1, чтобы не возникало предположение о нежелательной произвольности в выборе. Для звукового анализа выбирать не отдельные слова, а небольшие фразы, заключающие в себе определенный смысл. Необходимо с самого начала приучить учеников к четкости и возможной красивости почерка. При занятии чтением с учениками среднего отделения неудобно допускать краткие ответы учеников, состоявшие нередко из одного слова и потому неопределенные. Среднеотделенцы и младшие ученики слишком долго были заняты однообразными самостоятельными работами, которые видимо наскучили мальчикам к концу урока[1].

3) Бывший учитель 2-го класса, по недостатку терпения, совершенно без нужды предупреждал учеников своими объяснениями на уроке геометрии, черчения, для умственного вычисления давал ученикам слишком сложные задачи, напр. задача с резервуаром, наполняемым водою посредством 3-х труб; на уроке истории не употреблял исторических картин.

Сообщая об этом, предлагаю вам принять меры к устранению замеченных инспектором недостатков.

Предписание И. Н. Ульянова штатному смотрителю Алатырского уездного училища, 20 октября 1878 г., № 912[2].

Из представленного мне отчета о состоянии Алатырского уездного училища, осмотренного инспектором народных училищ 3-го района в 1877—78 учебном году, видно: 1) Что на уроках учителя истории и географии — по истории особенно резко бросалось в глаза непонимание учениками многих слов, ими же произносимых. Так в 3-м классе ученики, рассказывая о присоединении Малороссии к России произносили слова: «уния, догмат» и проч., а между тем не в состоянии были объяснить их значение; точно также произнося «философия, философ, софисты», не сказали ни одного признака, который бы свидетельствовал о понимании ими этих названий. Впрочем, один ученик про Сократа сказал, что «афиняне выбрали его в философы». Нельзя также одобрить слишком точного заучивания не содержания, а слов учебника. Учитель имеет обыкновение рассказывать новое через класс[3], ограничиваясь в остальное время одним задаванием урока по учебнику, хотя преподаватель владеет хорошим даром слова. По географии учитель не научает учеников чертить карты и не оживляет уроки более подробными рассказами об естественной и искусственной производительности страны, о быте и нравах жителей и проч.

---

[1] В двухклассном училище первые 3 года обучения считались первым классом и делились на отделения: 1-й год обучения — младшее, 2-й — среднее («среднеотделенцы») и 3-й год — старшее; 4 и 5 годы — составляли младшее и старшее отделение второго класса.

[2] Там же, д. № 917, л. 78.

[3] Так в подлиннике.

2) На уроках геометрии г. Стефанович, раздавая ученикам 3-го класса тетради с начерченными на них дома различными углами и треугольниками, ограничивался беглым просмотром их только при раздаче, сопровождая последнюю такого рода замечаниями: «Скверно, мерзко, хорошо, старайся» и т. п.

3) На уроках чистописания темп давался неправильно и слишком мало обращалось внимания на содержание списываемого, например, во 2-м классе ученики писали: «Строчные буквы должны быть одинаковой толщины и величины».

4) По делопроизводству кассовая книга велась неаккуратно и неправильно и деньги за право учения несвоевременно вносились в казначейство. Представления в дирекцию об освобождении от платы за учение бедных учеников делались несвоевременно. Кассовая книга за 1877 г. и список учеников, а равно и оправдательные документы расходов по 39 статье были представлены в контрольную палату только в мае м-це. Статистические сведения в департамент народного просвещения представлены только после 14 мая вместо 1 февраля.

5) Библиотека нуждается в пополнении. Так по русскому языку нет концентрически расположенной грамматики Бунакова, хорошего сборника для чтения и разбора статей. Нет мер емкости и веса, моделей геометрических тел, наглядной геометрии Малинина, арифметических задач Бугаева, руководства к черчению карт, картин для черчения; по истории и географии в библиотеке слишком мало учебных пособий, которыми возможно было бы воспользоваться учителю на своих уроках [1].

Сообщая о вышеизложенном, предлагаю вам, милостивый государь, пополнить библиотеку и приобрести учебные пособия и вообще устранить замеченные недостатки по преподаванию предметов учебного курса, обсудив замечания в педагогическом совете. Что же касается до делопроизводства, то я вынужденным нахожуь поставить вам, милостивый государь на вид вашу неисправность и небрежность и предлагаю на будущее время вести документальные книги аккуратно и немедленно вносить в казначейство деньги, полученные с учеников за право учения.

Предписание И. Н. Ульянова Верхне-Мазинскому волостному правлению Сызранского уезда, 15 ноября 1878 г., № 1018 [2].

Из отчета, представленного мне инспектором, по осмотру им училищ Верхне-Мазинской волости, мною усмотрено, что 1) классные комнаты всех 3-х училищ недостаточно просторны для наличного числа учащихся, 2) освещение класса в Верхне-Мазинской школе неудовлетворительно и необходимо устроить еще одно окно в южной стене класса, о чем инспектором и передано волостному старшине, обещавшему исполнить эту работу и 3) что классная комната в Соловчихе содержится весьма неопрятно.

Сообщая об этом, предлагаю волостному правлению принять меры к устранению упомянутых недостатков и донести мне, устроено ли еще одно окно в Верхне-Мазинской школе.

---

[1] Рекомендумые для пополнения библиотеки книги — грамматика известного педагога-методиста Н. Ф. Бунакова, наглядная геометрия Малинина и др.— представляли собою лучшие учебники того времени.

[2] Там же, д. № 917, л. 103.

Из отчета И. Н. Ульянова начальнику губернии за 1878 г.[1]

Очерк успехов народного образования в Симбирской губернии за 1878 год.

В жизни народных училищ Симбирской губернии важнейшим событием отчетного года было преобразование Курмышского уездного училища в двух-классное городское по положению 31 мая 1872 года.

Это было первым актом реформы, полное осуществление которой принадлежит ближайшему будущему. Не говоря о значении этой реформы для городского населения, которое отныне будет иметь новые общеобразовательные заведения с значительно расширенными программами, с улучшенными средствами содержания, с правильной педагогической подготовкой дела, учреждение городских училищ имеет ближайшее отношение и к интересам сельского населения. Во-первых, доступ в городские училища возможен и для детей крестьян. Во-вторых, городское училище с учителями, получившими основательную подготовку, каждое в своем уезде, будет служить хорошим образцом для учителей народных училищ во многих отношениях, общих для городской и сельской школы.

Учебные заведения

Число учебных заведений, состоящих в ведомстве дирекции народных училищ Симбирской губернии, в отчетном году уменьшилось на 6 и составляет 423 против 429 прошедшего 1877 года. Уменьшение произошло вследствие передачи одного учебного заведения в ведомство министерства финансов и закрытия нескольких школ (в том числе 4-х частных), не обладавших достаточными средствами содержания.

Таковое уменьшение числа училищ однако не выражало собою понижение образовательных средств края, но только большую их концентрацию. Дело заключалось в том, что несколько неудовлетворительных школ, существовавших наряду с училищами благоустроенными, закрылись подавленные естественною конкуренциею. Дети, в них учившиеся, нашли места в других, более правильно устроенных, училищах.

А посему и число учащихся в отчетном году не уменьшилось, а дало значительный прирост против цифры 1877 г., именно почти на 6% (в 1877 г. учащихся было 15090, а в 1878 г. 15905)[2].

Посещаемость школы женским населением гораздо ближе определяет соответствие школы народным потребностям, чем посещаемость ее мужским населением, потому что — для женского населения не существует никаких внешних прямых или косвенных побуждений

[1] Там же, д. № 909, л. 38.

[2] С наступлением реакции 70-х годов число учебных заведений и учащихся по другим губерниям возрастало крайне медленно. Увеличение числа учащихся за год по Симбирской губ. на 815 человек (или 5,4%) являлось значительным по тем временам приростом школ, особенно знаменательным потому, что это были годы русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда по другим губерниям вследствие сокращения ассигнований на нар. образование и использования крестьянами детей в хозяйстве взамен мобилизованных более старших членов семьи — число учащихся в других губерниях не только не выросло, но наоборот уменьшилось,

Точно также образовательный уровень учителей начальных школ, вследствие забот И. Н. Ульянова, по Симбирской губернии был несравненно выше, чем в подавляющем большинстве других губерний.

к посещению школы, которые в известной степени влияют на посещаемость школы мужским населением.

Относительно числа учащихся к общему числу жителей в отчетном году выражается следующей таблицею:

Для сословия дворян и чиновников	1 : 15
» духовного сословия	1 : 36
» городских сословий	1 : 28
» сельских сословий	1 : 88

Народное образование.

Выдающимся фактом обозреваемого года было, между прочим, весьма значительное приращение, более чем на 10% против предыдущего года, денежных средств народных училищ (в 1877 г. было 157 319 р. 96 коп., в 1878 г. 173 962 р. 69 к.). Наиболее значительное приращение дал сельский училищный сбор.

Если принять во внимание, что эта доходная статья училищного бюджета представляет наиболее обеспеченный от неблагоприятного влияния случайностей источник содержания училищ, и что училищный сбор с крестьян есть повинность, размеры которой вполне определяются собственным усмотрением обществ, то в факте значительного прироста сельского училищного сбора в отчетном году нельзя не усмотреть признака важного успеха народного образования в губернии. Когда сумма, добровольно жертвуемая населением на устройство и поддержание школы, растет, то это служит очевидным доказательством того, что школа более и более начинает удовлетворять потребностям населения, что заслуги школы начинают яснее обрисовываться в сознании общества. Но такое отношение общества к школе было бы немыслимо, если бы школа не представляла очевидных проявлений своего внутреннего совершенствования.

В отчетном году успехи школы отразились следующими фактами. Количество учителей, получивших основательную педагогическую подготовку в учительских семинариях, возросло, против прошлого 1877 г. на 22%, число учителей и учительниц с достаточным общим образованием, т. е. окончивших курс в средних учебных заведениях, не считая учителей — священников, увеличилось на 7%[1]. Училищные библиотеки получили приращение против 1877 г., равное 23%. С улучшением личного состава учителей и развитием образовательных средств школы, естественно, повысились и требования местного учебного управления от училищ. Сделаны попытки точнее определить продолжительность учебного года и ограничить произвол преподавателей в назначении каникулярных дней. Законоучителям дана в руководство программа уроков закона божия, выработанная авторитетными практиками. Выпускные испытания произведены с большею серьезностью, чем в прежние годы, но при этом число окончивших курс в 1878 г. превышало такое же число 1877 г. на 4½%.

В отчетном году со стороны дирекции было обращено внимание местных обществ на недостатки училищных помещений, вследствие

[1] По степени образования учители распределяются следующим образом: 60 окончили курс в средних учебных заведениях, 39 — в учительских семинариях, 25 — на педагогических курсах, бывших при Симбирском уездном училище, 172 — в низших учебных заведениях и 19 — домашнего образования. Из 103-х учительниц 44 окончили курс в средних учебных заведениях, 35 — в низших и 24 — домашнего образования. (Прим. в подлиннике).

чего и выстроено 16 новых училищных домов и исправлено помещение 44 существующих школ.

На содержание училищ израсходовано в 1878 г. 173 962 р. 69 к., в том числе из государственного казначейства — 26 180 р. 83 к., от городских обществ — 19 665 р. 48 к., от земства 31 860 р. 89 к., от сельского населения — 84 965 р. 22 к., от церковных попечительств — 1 420 р. 51 к., сбора за учение 2 083 р. 20 к., от частных лиц — 7 786 р. 56 к. ...

Ученые общества, музеи, библиотеки и проч.

Разрешенная к открытию еще в 1877 г. Ардатовская публичная библиотека при уездном училище фактически открылась в марте отчетного года.

Библиотека имела 27 подписчиков, с которых и поступило за право чтения 131 р. 50 к. При таких средствах библиотека имела возможность выписать 12 журналов и приобрести 24 названия книг, главным образом, научного содержания. Несмотря на скромные размеры библиотеки, она соответствовала потребностям своих немногих подписчиков. Публичные библиотеки в Алатыре и Буинске в отчетном году имели самое ограниченное число читателей.

Курмышская бесплатная читальня, получающая субсидию от города в размере 200 р., имела в отчетном году 32 подписчика и приобрела новых изданий 10 названий в 10 томах на 45 р. 55 к.

В отчетном году при Курмышской уездной земской управе открыт книжный склад для снабжения сельских училищ необходимыми пособиями.

Из донесения И. Н. Ульянова попечителю Казанского учебного округа, 13 января 1879 г., № 28 [1].

Представляя при сем отчет инспектора народных училищ 3-го района по обозрению им школы Алатырского, Ардатовского и Курмышского уездов в минувшем 1878 г., имею честь донести вашему превосходительству, что мною приняты следующие меры:

1) Предложено местным сельским обществам через волостные правления озаботиться улучшением школьных помещений, снабжением школ классною мебелью, приспособленною к росту учеников, и содержанием классов в чистоте. Вследствие этого сношения с сельскими обществами, уже в некоторых школах устранены замеченные инспектором недостатки, а именно: в Алатырском волостном училище неудобная классная мебель заменена новою, приспособленною к возрасту учеников; около дома Кувайского училища, Алатырского уезда, устроены уже двор и службы; в Ардатовском волостном училище окна увеличены; в с. Козловке, Ардатовского уезда, училищный дом исправлен; в с. Курмачкасах, того же уезда, сделан подтопок; в с. Тетюшах, того же уезда, оканчивается постройка училищного дома; в с. Кечушеве, того же уезда, пристроена квартира для учителя; Курмышского уезда, в с. Свинуха — прибавлена классная мебель; в с. Бартсурманах уже ремонтирован училищный дом, в м. Деянове выстроен новый дом, при пособии от земства.

2) О пополнении библиотек книгами и учебными пособиями сообщено мною по училищам Алатырского уезда в волостные правления, по

[1] Там же, д. № 917, л. 147.

школам Ардатовского — в Городскую, Земскую управы, а по училищам Курмышского уезда в училищный Совет. Вследствие сего некоторые школы уже снабжены книгами и учебными пособиями, а именно: Астрадамовская, Алатырского уезда, Керамсурская и Шугуровская, Ардатовского уезда.

3) Сделано распоряжение, чтобы свящ. Монадыш, Алатырского уезда, не поручал занятий по школе церковному сторожу.

4) Относительно улучшения учебной части я нахожу достаточными меры, принятые инспектором в каждом из осмотренных им училищ.

Сверх того, учителям, занимающимся неудовлетворительно, мною предложено усилить занятия и улучшить учебную часть.

5) Законоучителю Стельасского и учителю и законоучителю Монадышского училищ, Алатырского уезда, рекомендовано внимательнее относиться к принятым ими на себя обязанностям по занятиям в школах...

7) Усердным законоучителям, учителям и учительницам выданы денежные награды из сумм м-ва нар. прос. и из сумм земства.

8) Предложено учителю Курмышского приходского училища непременно исполнять сделанное прежде распоряжение о приеме детей в училище один раз в год.

9) В Анастасовское училище, Курмышского уезда, назначен особый законоучитель, священник Преображенский.

10) Относительно неаккуратного посещения учениками классов в училищах уездов: Алатырского — Гулюшевском, Ардатовского — Ардатовском волостном, Талыдинском, Жаренском, Керамсурском, Лобаськинском, Маколовском, Наченальском и Шугуровском и Курмышского — Можарово-Майданском и Четаевском,— местным сельским обществом выставлен на вид тот вред, который происходит в деле обучения от опущения детьми уроков и предложено устранить этот недостаток.

К сему имею честь присовокупить:

1) что учителям и учительницам Алатырского и Ардатовского уездов увеличено с 1879 г. жалование на счет земства, и 2) что Знаменское и Спасское училища, Курмышского уезда, закрыты — в конце минувшего 1878 г.

Предписание И. Н. Ульянова штатному смотрителю Ардатовского уездного училища, 15 января 1879 г., № 64 [1].

Из представленного мне инспектором народных училищ 3-го района отчета видно, что в Ардатовском женском училище: 1) Классная мебель, относительно света, расположена неправильно, потому что свет падает с правой стороны и сзади. 2) Содержание библиотеки осталось почти неизменившимся с открытия школы. 3) Законоучитель занимается очень усердно и разумно. 4) По чтению младшее отделение делится на две группы по той причине, что одни дети поступают в школу с умением читать, а другие без всяких знаний, но, во всяком случае, обозначенная неравность знаний крайне неудобна сама по себе, а учительница еще ухудшает дело тем, что ученицам младшего отделения дает чтение в виде самостоятельной работы; этот обычай только усиливает забегание одних вперед и укореняет неправильное чтение других, следовательно еще больше удерживает их назади. Чтение было бы несравненно полезнее, если бы при этом учительница объясняла непонятные сло-

[1] Там же, д. № 917, л. 167.

ва и выражения, вела беседу, приучала бы детей к обобщению прочитанного, к выработке плана, к точному выделению предмета, о котором что либо прочитано. Игнорируя все это, учительница делает чтение занятием узким, мало полезным и даже скучным. 5) Изложение содержания прочитанного ведется без должного руководства со стороны учительницы.

6) Из занятий учительницы по арифметике было замечено, что она не придавала разложению чисел того значения, какое следует ему придавать в начальном обучении арифметики, а именно: у нее разложение является занятием для забавы, а не главным средством, при помощи которого узнается состав числа и отношение его ко всем предыдущим числам. Равным образом несвоевременное выделение действий в арифметическом отношении и неправильная постановка умственного счета обнаруживает недостаточно отчетливое усвоение учительницей нового способа обучения арифметике.

Сообщая об этом прошу вас, милостивый государь, объявить бывшему законоучителю Остроумову благодарность дирекции за весьма усердное и разумное преподавание закона божия, сообщить учительнице об ее недостатках, расставить классные столы так, чтобы свет падал с левой стороны, озаботиться пополнением библиотеки посредством сношения с земством или городом и о последующем донести.

Предписание И. Н. Ульянова штатному смотрителю Ардатовского уездного училища, 15 января 1879 г., № 66 .

Из представленного мне инспектором народных училищ 3-го района отчета по обозрению Ардатовского волостного училища видно: 1) при квартире учителя нет необходимейших служб; 2) классная мебель старинного, неудобного устройства, и поставлена неправильно, т. е. свет падает не с левой стороны; 3) классных досок всего только одна и та до такой степени стерлась, что трудно бывает разобрать написанное на ней; 4) библиотека не пополняется и в ней больше половины книг негодных к употреблению, частию по устарелости, частию по ветхости; 5) школу ученики посещают крайне неаккуратно, особенно в базарные дни; 6) учителем не понят и не усвоен надлежащим образом способ письма-чтения[2]; он не учил учеников правильно держать себя во время письма, почему они пишут не буквы, а каракули; дети совсем не умеют передавать содержания прочитанного, о сознательности учитель также мало заботится, не ведет предварительных бесед, не вырабатывает плана письменных упражнений.

Книгой для чтения в старшем отделении служит книга Паульсона, совершенно не приспособленная к начальной народной школе[3]. Самостоятельные письменные работы делаются учениками совершенно без всякого разумного руководства со стороны учителя. По арифметике знания детей плохи, состава чисел они не понимают, умственно считают чрезвычайно медленно. Вообще учебная часть по всем предметам по-

[1] Там же, д. № 917, л. 168.

[2] Звуковой метод письма — чтения, рекомендуемый И. Н. Ульяновым, был лучшим методом обучения грамоте, разработанным великим русским педагогом К. Д. Ушинским.

[3] Книга для чтения Паульсона (методиста 70-х годов) была в большом употреблении при начальном обучении, но по материалу своему имела в виду городских детей. По качеству она значительно уступала «Родному Слову» Ушинского и «Нашему другу» Корфа, которые преимущественно и рекомендовал И. Н. Ульянов.

ставлена слабо. Учитель говорит необыкновенно тихо и неясно, всегда обращается только к одному ученику, а не к целому классу, постоянно и без цели ходит по классу во время урока и неудовлетворительно распределяет занятия между учениками различных отделений.

Сообщая об этом, прошу вас, милостивый государь:

1) объявить учителю Покровскому об устранении замеченных недостатков;

2) предложить волостному правлению увеличить окна в классе, устроить необходимые службы при квартире учителя, обновить мебель и расставить ее правильно относительно света, сделать другую классную доску и выкрасить старую, пополнить библиотеку и принять меры к аккуратному посещению учениками училища, в особенности в базарные дни и о последующем мне донести.

Отношение И. Н. Ульянова директору Порецкой учительской семинарии, 10 октября 1879 г., № 1023[1].

Вследствие отношения, от 12 минувшего сентября за № 388, имею честь сообщить, что хотя вообще окончившие курс во вверенной вам учительской семинарии воспитанники и удовлетворяют своему назначению, в качестве учителей народных училищ, но тем не менее мною и инспекторами замечены следующие важные недостатки:

1) Учителя из окончивших курс в учительской семинарии не ознакомлены с порядками необходимыми для правильно устроенных учебных заведений: они не ведут классных журналов, не умеют правильно расставить классные ученические столы, относительно освещения, не в порядке держат книги и учебные пособия, не в надлежащей чистоте держат классные комнаты.

2) Не заботятся о своем самообразовании: мало читают и нередко ставят себя в неловкое положение пред учениками, обращающимися к ним с вопросами, напр. один преподаватель назвал автором стихотворения «Буря мглою небо кроет» Водовозова, только потому что оно напечатано в книге для чтения Водовозова.

3) Считая себя чуть не всезнающими, учителя эти не следуют советам инспекторов и встречаются даже такие личности, которые не исполняют распоряжений инспектора, за что и получают от дирекции выговоры.

4) Обращая внимание на учебную часть, мало заботятся о воспитательной стороне школы.

5) В министерских училищах, где имеется десятина при училище, нередко преподаватели не обрабатывают эту десятину и не засевают ее ничем, так что лежит эта десятина без всякой пользы, между тем как она назначена для разведения огорода и сада.

6) На уроках чтения преподаватели нередко увлекаются объяснениями, клонящимися к пополнению статьи, оставляя без должного внимания выяснения содержания читаемого, а на классах арифметики мало практикуют учеников в решении сложных арифметических задач самостоятельно и не приучают детей к письменному изложению хода решений арифметических задач.

7) Почти не занимаются гимнастикой.

8) Не обращают внимания на красоту письма учащихся.

---

[1] Там же, д. № 935, л. 11.

Письмо заведующего Курмышским городским училищем директору народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянову, 12 марта 1882 г., № 116[1].

Члены Педагогического совета Курмышского городского училища в заседании своем от 8 марта сего 1882 г., желая ознаменовать исполнившийся 11 ноября 1880 г. 25-ти летний срок полезного и усердного служения вашего делу народного образования, изъявили желание, на собранные между членами совета деньги, приобрести большой фотографический портрет вашего превосходительства, который и поставить в рекреационном зале Курмышского Городского училища.

Донося о вышеизложенном я имею честь почтительнейше просить не отказать Городскому училищу иметь в своем зале изображение лица, столь долго с честью подвизавшегося на педагогическом поприще, лица, которое столь долго было во главе народного образования Симбирской губернии и с которым бывшее Курмышское уездное, а ныне городское училище, слилось и свыклось как с своим истинным руководителем и печальником о благе училища.

Если ваше превосходительство взглянет благосклонно на это скромное выражение чувств благодарности и вечной памяти о вас, то не приминет исходатайствовать высочайшего разрешения о постановке портрета[2].

Заведывающий Курмышским городским училищем Ф. Виноградов.

Представление И. Н. Ульянова в Карсунскую Городскую управу, 24 сентября 1882 г., № 570[3].

Покорнейше прошу Городскую управу ходатайствовать перед Городской думою, не найдет-ли она возможным увеличить жалованье учительнице 1-го класса Карсунского женского училища гр-ке Первильевой на 6 руб. в год, ввиду хороших успехов, достигаемых ею в 1-м классе, и в виду долговременной ее службы в женском училище.

Представление И. Н. Ульянова в Сызранскую Городскую Управу, 19 декабря 1882 г., № 203[4].

В городе Сызрани 30 лет существует частная школа девицы Люции Лосевой, в которой и до сего времени обучаются дети городских жителей. От постоянного занятия в школе г-жа Лосева начинает терять зрение: левым глазом она уже не видит, и скоро должна будет отказаться

---

[1] Там же, д. № 1051, л. 31.

[2] В конце 1880 г. исполнилось 25-летие службы И. Н. Ульянова по министерству нар. просв.; обычно в таких случаях срок службы министерством продолжался на 5 лет, затем снова на 5-летие. Однако неодобрительно относившееся к прогрессивной деятельности И. Н. Ульянова министерство нар. просвещения, в лице министра Сабурова, сочло возможным продлить срок службы только на год, т. е. угрожало через год отставкой, которая не состоялась лишь вследствие смены министров. Постановление Педагогического совета Курмышского Городского училища, преобразованного благодаря энергии И. Н. Ульянова из бывшего уездного училища, состоявшееся вскоре после того, как по мысли министерства должен закончиться срок работы И. Н., является своего рода выражением учителями возмущения политикой министерства нар. просвещения.

[3] Там же, д. № 1051, л. 152.

[4] Там же, д. № 1051, л. 192.

от занятий с детьми и ей угрожает тогда полная нищета: она должна будет просить милостыню.

Принимая во внимание усердные занятия г-жи Лосевой в школе в течение 30-ти лет, а равно и крайне бедное состояние ее, я считаю своим долгом покорнейше просить Сызранскую Городскую управу доложить Городской думе, не найдет-ли она возможным оказать помощь г-же Лосевой или назначением ей пенсии в размере 60 руб. в год, или выдаче ей единовременного пособия.

О последствиях моего ходатайства прошу Городскую управу меня уведомить.

Предписание И. Н. Ульянова штатному смотрителю Сенгилеевского уездного училища, 3 августа 1884 г., № 489[1].

Дошло до моего сведения, что учитель истории и географии вверенного вам уездного училища Виктор Веселицкий ведет нетрезвый образ жизни и на-днях, бывший в пьяном виде, допустил, что отставной чиновник, проживающий в г. Сенгелее, Михаил Извощиков прибил его, Веселицкого, давши ему несколько оплеух.

Предлагаю вам, милостивый государь, донести мне немедленно и подробно как о поведении г. Веселицкого, так и ссоре, бывшей у него с г. Извощиковым.

При этом считаю нужным предупредить вас, как начальника учебного заведения, что вы обязаны наблюдать за поведением учащих уездного училища и доносить мне немедленно о всяком неблаговидном с их стороны поступке.

Предписание И. Н. Ульянова инспектору народных училищ 5-го района, 3 августа 1884 г., № 470[2].

Из отчета вашего по осмотру школ в майскую треть сего года мною усмотрено: 1) что классная комната в Бартсурманах тесна, 2) что учащиеся в Бартсурманской, Каменской, Радовской и Болтинской школах неаккуратно посещают уроки, 3) что училищные помещения в Большом Талызине и Болтинке содержатся небрежно, и 4) что Киржеманское училище безусловно нуждается в устройстве нового здания, а Игнатовское — в серьезном исправлении и устройстве службы.

Вследствие сего прошу вас предложить местным волостным правлениям об устранении упомянутых выше недостатков и сообщить местным учебным советам о принятии мер: 1) к расширению класса в Бартсурманах, или, в крайнем случае к ограничению числа учащихся в этой школе, 2) к аккуратному посещению классов учащимися, 3) к содержанию училищных помещений в надлежащей чистоте и 4) к изысканию средств на постройку нового здания для Киржеманской школы и о последующем меня уведомить.

Представление И. Н. Ульянова попечителю Казанского учебного округа, 14 августа 1884 г., № 560[3].

Представляя при сем отчет инспектора народных училищ 4-го района по осмотру им в мае и июле м-цах сего года 39-ти народных школ Кар-

[1] Там же, д. № 1172, л. 78.
[2] Там же, д. № 1181, л. 10.
[3] Там же, д. 1181, лл. 14—15.

сунского уезда, имею честь донести вашему превосходительству, что с моей стороны приняты следующие меры:

1) Предложено инспектору при следующих осмотрах давать практические указания учителям и учительницам, как вести письменные занятия с большею пользою, каковые указания, как более полезные, чаще применять на будущее время.

2) Предложено инспектору, по получении уведомления от волостных и сельских властей об исполнении его распоряжений по ремонту школьных зданий, настоять на исправлении тех помещений, которые не будут исправлены по первому его предложению.

3) Предложено инспектору вменить в обязанность учителю Лавинской школы во время каждой перемены вентилировать классную комнату, посредством открытия дверей и форточек, не оставляя никого из детей на это время в классе.

4) По Белоключевскому волостному училищу не приняты инспектором меры по исправлению помещения, ввиду предложенной обществом постройки нового для школы дома, причем имеют быть устроены и новые ученические столы.

5) Учитель Больше-Кандаратской школы Покровский заменен окончившим курс в Порецкой учительской семинарии воспитанником.

6) Предложено инспектору обратить особенное внимание на учителей училищ: Никулинского — Артизанова, Юрловского — Сорокина и учительницу Ясашно-Сзганского — Полетаеву, и если в начале следующего учебного года они не обнаружат особой ревности к занятиям, то заменить их другими более ревностными лицами.

7) Предложено инспектору при осмотре Карсунского женского 2-х классного училища осенью нынешнего года указать учительнице Софийской на более правильный способ ведения занятий по всем вообще предметам 2-го класса и, в особенности, по письму.

В заключение считаю долгом ходатайствовать перед вашим превосходительством о выражении благодарности м-ва нар. прос. попечителю Акшуанской школы, местному землевладельцу Владимиру Николаевичу Поливанову за его постоянную заботливость о своем училище и за постоянное в пользу его значительное денежное пожертвование.

Донесение инспектора народных училищ Симбирской губернии 5-го района директору народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянову, 26 февраля 1885 г., № 86 [1].

При осмотре мною начальных училищ Курмышского уезда в настоящем месяце от очень многих учителей и учительниц я получал заявления о неполучении ими уже в течение очень продолжительного времени жалования, что ставит их в крайне безвыходное положение. Так учитель Верхне-Талызинского училища не получает жалования в течение уже четырех месяцев, учитель вновь открытого в декабре минувшего года Рогожского училища не получает жалования с самого открытия училища, в течение трех месяцев, учитель Кочетовского училища не получал жалования два месяца, тоже самое и учительница Болтинского училища.

По частным сведениям — в таком же положении находятся почти все учители и учительницы сельских училищ, содержимых главным

[1] Там же, д. № 1237, л. 33.

образом на средства земства. К сожалению случай подобной задержки учительского жалования обнаруживались в Курмышском уезде неоднократно и прежде: не далее, как минувшей осенью я ходатайствовал об удовлетворении жалованием учителя Ждановского училища, не получавшего жалования в течение пяти месяцев, и учительницы Медянского училища, не получавшей жалования в течение трех месяцев.

На крайне стесненное положение учителей и учительниц, вследствие неполучения жалования, я лично обращал внимание г. председателя училищного Совета и Земской управы С. А. Шипилова, который задержку учительского жалования объяснил отсутствием у земства наличных средств.

Независимо от сего, считаю долгом о положении учителей и учительниц сообщить вашему превосходительству.

Инспектор (подпись).

Прошение помощницы учительницы 6-го женского народного училища Глафиры Емельяновой директору городских народных школ гор. Симбирска И. Н. Ульянову, [октябрь 1885 г.][1].

Находясь уже четвертый год на занимаемой мною должности, я до настоящего времени получаю только 6 р. 66 коп. в месяц. Вознаграждение это достаточное для меня ранее, имея ввиду мою жизнь с родными, теперь становится черезчур малым, вследствие изменившейся домашней моей обстановки, так как отец мой, обеспеченный 11 руб. пенсии в месяц, невольно, по болезни, должен был задолжать, да и теперь еще продолжает должать.

При этих условиях: содержать ему 3-х дочерей, даже и имея помощь от сына, не только тяжело, но и невозможно. В свою очередь и как я могу не обременять отца, когда имею в своем распоряжении такое ничтожное вознаграждение. Мысль эта, мучительная для меня, что понятно каждому, заставляет прибегнуть к вашему превосходительству, прося вас не только, как начальника, но и как человека, войти в мое положение и ходатайствовать о прибавке мне содержания, на которое я могла бы существовать без помощи больного и обремененного долгами отца.

Помощница учительницы 6-го женского училища
Глафира Емельянова.

Приписка рукой И. Н. Ульянова.

В Симбирскую Городскую управу.

Помощница учительницы Симбирского 6-го женского училища девица Глафира Емельянова, находясь на этой должности 4-й год, получает жалования 6 р. 66 коп. в месяц.

Принимая во внимание, что девица Емельянова проявляет [при исполнении] обязанности усердие и знание дела и что, вследствие изменившихся домашних обстоятельств, по случаю продолжительной болезни отца, получаемого ею жалования оказывается совершенно недостаточно, чтобы жить без помощи отца, имею честь покорнейше просит Городскую управу [ходатайствовать] перед Думой об увеличении Емельяновой жалования до 15 руб. в месяц.

[1] Там же, д. № 1237, л. 125.

К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США

Борьба между капиталистической и рабовладельческой системами в США заняла важнейшее место в международной политике шестидесятых годов XIX в. Еще до гражданской войны в основном определилась позиция официальной дипломатии господствующих классов Европы, бесстыдное одобрение и притворное сочувствие которых не в малой степени способствовало контрреволюционному мятежу рабовладельцев.

Двум борющимся силам США соответствовали в основном две борющиеся силы в Европе: революционного пролетариата и прогрессивных демократических элементов, которые, защищая дело свободы и поддерживая федеральное правительство, боролись против европейской интервенции в США,— с одной стороны, и реакционных господствующих классов, которые помогали мятежному Югу и пытались организовать позорный крестовый поход за увековечение рабства,— с другой стороны.

Вместе с этим, международное положение США в этот критический для них период определялось в значительной мере также противоречиями между великими державами, которыми и воспользовалось федеральное правительство. В первую очередь следует иметь в виду англо-русские противоречия.

Главными факторами в русско-американских отношениях до гражданской войны, которыми обусловливалась, главным образом, позиция России к борющимся сторонам во время войны, было отношение обеих держав к Англии,— во-первых, и международная политическая обстановка в целом, осложнившаяся в 1861—1863 гг. польским вопросом, во-вторых.

Англия, завоевав гегемонию в мировой политике и торгово-промышленную монополию, ревниво оберегала свои интересы оружием и дипломатией, громя и ослабляя своих соперников в Старом и в Новом свете. В своей захватнической политике и после Крымской войны Англия сталкивалась с Россией в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Англо-русские противоречия возрастали по мере успехов русской дипломатии. На Ближнем Востоке, как и в Средней и Восточной Азии, англо-русские противоречия являлись источником новых беспокойств и частые столкновения между Англией и Россией нередко угрожали миру. Это был период перехода к царской России Хивы и подготовки захвата Бухары и Коканда в Средней Азии, приобретения, благодаря договорам с Китаем от 1 июня 1858 г. и 2 ноября 1860 г., Амурского края и Приморской области. Это было в то время, когда Англия для еще большего усиления своей мировой гегемонии боролась за Китай и Среднюю Азию. Охлаждение в англо-французских отношениях в 1857—1859 гг. принимало временами характер острой дипломатической борьбы, в связи с итальянскими и ближне-восточными вопросами, по которым после Парижского

мира 1856 г. как раз началось русско-французское сближение. Последнее, хотя и сопровождалось заверениями сердечности русско-французских отношений и даже заключением 3 марта 1859 г. франко-русского секретного договора в связи с подготавливаемой Наполеоном III войной с Австрией [1], не могло быть, однако, продолжительным. В Англии и еще более в России не верили Наполеону III. Когда русский посол в Париже Киселев, в октябре 1859 г. представил записку о необходимости заключения формального союза с Францией, Александр II, очень неодобрительно отзываясь о Наполеоне III, сказал: «Доверие мое к политическим видам Людовика-Наполеона сильно поколеблено. Его приемы небезупречны. Нужно внимание, чтобы не вдаться в обман» [2]. Одной из основных причин этого недоверия был польский вопрос.

Восстановленное в конце 1859 г. согласие между сентджемским кабинетом и Тюильри, сопровождавшееся отливом «сердечности» последнего к Петербургу, снова сменилось в январе 1860 г. новой волной охлаждения англо-французских отношений. В начале марта 1860 г. начались русско-французские переговоры в Париже по ближне-восточному вопросу, устное соглашение по которому едва не закончилось подписанием договора. Прежде всего поэтому, «задачей английской дипломатии было разорвать связь между Францией и Россией. Польские дела дали ей верное средство достижения этой цели» [3].

Летом 1860 г. в русской Польше началось национально-освободительное революционное движение. Приняв несколько смягченные формы борьбы в 1862 г., это движение 23 января 1863 г. переросло в восстание, а в марте охватило все районы Польши. В России знали, что Англия воспользуется этим восстанием для привлечения Франции и других европейских держав к вмешательству в польские дела. Еще на штуттгардтском свидании двух императоров 25(13) сентября 1857 г. Наполеон III заявил Александру II: «Что касается до отношений России к Франции, то я вижу только один вопрос, который может стать щекотливым. Это вопрос польский, если он должен подняться снова и занять собой европейскую дипломатию». И как бы извиняясь добавил: «Я имею обязательства, от которых не могу отречься и должен щадить общественное мнение, которое во Франции очень благоприятно Польше» [4].

Александр II не мог не вспомнить этого предупреждения Наполеона III в самом начале польского движения. Свидание русского императора с австрийским императором и прусским принцем-регентом в октябре 1860 г. в Варшаве, заключение англо-французского торгового договора в 1860 г. и затем конвенции о Мексике 31 октября 1861 г.— таковы были первые симптомы охлаждения, а вскоре враждебного обострения франко-русских отношений.

Россия не могла рассчитывать и на поддержку Австрии, несмотря на внешнее сближение с ней во время варшавского свидания, в целях совместной борьбы против революционного движения. Более того, острые противоречия на Ближнем Востоке, недружелюбная позиция в отношении России во время Крымской войны, несмотря на то, что царизм помог австрийскому императору разгромить венгерскую революцию в 1849 г. (об этой «черной неблагодарности» никак не мог забыть Александр II), а также и другие факты говорили, что Австрия окажется во враждебном лагере.

---

[1] См. «Красный Архив», т. 3/88 за 1938 г., стр. 215—216. В Англии об этом договоре были хорошо осведомлены тогда же, см. там же переписку между князем Горчаковым и послом в Париже Киселевым, стр. 230—234.

[2] Дневник графа Киселева, 9/X 1859 г. (цит. Татищевым в работе «Александр II», стр. 235).

[3] «Красный Архив», т. 38, стр. 149.

[4] Дневник графа Киселева, 13 и 17/X 1857 г. (Татищев, стр. 226).

Россия еще не оправилась после Крымской войны и не была готова к европейской войне, и потому не только не желала ее, но опасалась, что будет вовлечена в нее преждевременно из-за польского вопроса.

США, которые уже во время Крымской войны показали свое дружественное отношение к России и враждебное отношение к Англии, предупредив даже Россию о готовившемся нападении английского и французского флотов на дальне-восточное русское побережье, при данной ситуации приобретали важное значение в международной политике с точки зрения России, как и последняя для США, в особенности в период гражданской войны. Только существование и развитие Соединенных штатов было уже фактором, угрожавшим могуществу Англии. Именно последняя была заинтересована в распадении США и это великолепно понимали современники.

В Петербурге были хорошо осведомлены о позиции Англии, что не могло не сказаться в дальнейшем на отношениях России к борющимся в гражданской войне силам. Это видно как из дипломатической переписки, частично публикуемой ниже, так и из сообщений русской прессы различных направлений.

Окутанные тайной действия английской дипломатии были верно угаданы наблюдательным «Нестором русской дипломатии», послом в Лондоне, бароном Брунновым. В письме от 13 января 1861 г. он писал, что политическая жизнь двух государств не управляется одинаковыми законами: если бы северо-американская держава была бы разделена на две части, Англия, разумеется, ничего бы от этого не потеряла[1]. Он сообщал, что английские государственные деятели всегда предсказывали возможность разрыва между Югом и Севером, неизбежного в силу противоположности их интересов. При каждом разногласии, возникавшем между правительствами Лондона и Вашингтона, при каждом уязвлении английского самолюбия, Бруннов слышал от англичан, что надо выиграть время, не вызывать преждевременного конфликта, а терпеливо дожидаться дня, когда сильно растущая Северо-американская держава распадется на части. Первым чувством Англии, утверждал Бруннов, было полное удовлетворение при виде затруднений, испытываемых соперником. Она желала этого потому, что горделивой Англии пришлось не мало испытать от превосходства Америки. Английское правительство, констатирует далее Бруннов, «в глубине души желает распада Америки на две республики, которые ревниво следили бы друг за другом и противопоставляли себя друг другу. Тогда Англия, установив мирные торговые отношения с обеими, не опасалась бы ни одной из них, ибо она господствовала бы над ними, натравливая их друг против друга. На этом расчете построены все тайные, если не открыто выраженные надежды»[2].

Еще раньше и еще более резко и верно, чем барон Бруннов, высказывал свое мнение о политике Англии русский посол в Вашингтоне, барон Стекль. В январе 1860 г. он писал, что в случае распада Американского союза, Англия одна могла бы использовать это событие для усиления своего могущества, прежде наталкивавшегося на силу США. Раздробленная на две или более враждующие части, Америка оказалась бы во власти Англии, стала бы «игрушкой» в ее руках, «Лондонский кабинет,— писал он, внимательно следит за внутренними разногласиями в Союзе и ждет результатов с трудно

---

[1] Services rendered by Russian to the American People, p. 5.

[2] Ibidem, p. 6.

скрываемым нетерпением... Великобритания в обмен на хлопок признает Юг и, если понадобится, окажет военную поддержку. Из-за хлопка она возражала бы против освобождения рабов. Распад союза был бы несчастьем для всех народов, кроме английского, поскольку борьба между Англией и США была лучшей гарантией против честолюбивых замыслов и политического эгоизма англо-саксонской расы» [1]. Стекль неоднократно повторял эту мысль в продолжение первых лет гражданской войны. Более того, в январе 1861 г. он сообщал, что это не только его личное мнение. Стекль сам видел конфиденциальное письмо Тувенеля к французскому послу в Вашингтоне Мерсье, в котором подчеркивалось, что только английский кабинет был бы в восторге от распада Союза. Именно потому, что Американская федерация является необходимым элементом мирового равновесия, «все державы, за исключением одной, заинтересованы в ее сохранении» [2].

Это великолепно понимали не только дипломаты, но и военно-морские круги. Еще в 1859 г. один из наиболее дальновидных и энергичных русских моряков, капитан I ранга А. Попов, выразил, пожалуй, господствующее настроение и получил одобрение генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, заявив, что «при владычестве англичан на морях,— политического равновесия не существует» и что США представляют «грозный для Англии противовес» [3]. В другом месте он писал, что: «в целом свете нет государства, нет союза, которого бы боялась Англия больше Штатов» [4]. В случае войны с Англией можно было бы, предполагал он, воспользоваться портами США. В России нашел отклик и проект американцев о постройке телеграфной линии между Петербургом и Сан-Франциско через Сибирь и Аляску.

Следовательно, Россия не могла не быть заинтересованной в сохранении целостности Союза США.

В то же время в США, как сообщал в декабре 1858 г. нью-йоркский корреспондент «Русского Вестника» Мантиль, «с большим удовольствием смотрят на развитие русской силы в Азии и на расширение пределов Вашей империи... они (США — *М. М.*) предчувствует, что из всех могущественных европейских держав с одной Россией она может жить в наилучших отношениях» [5]. Он также неоднократно сообщал об экономической борьбе между США и Англией, «последствия которой будут значительнее последствий побед, одерживаемых на поле битвы» [6]. В 1860 г. Мантиль писал, что американская печать интересовалась всем, что происходило в России и сообщала все, что русские газеты и журналы писали о Соединенных штатах [7].

Американцы видели в России силу, направленную против державы, которая враждебно относилась к США в продолжение всей ее истории и лишь иногда набрасывала лицемерную вуаль миролюбия на свое непримиримо враждебное лицо. Англия стремилась господствовать и на американском материке, но наталкивалась на противодействие США. Это противодействие стремлениям Англии базировалось на быстром экономическом росте США.

---

[1] МИД, канц. 1860 г., д. № 195, лл. 14—16.
[2] См. ниже стр. 111.
[3] Морской историч. архив (МИА), 1859, д. № 4, л. 1.
[4] Там же, л. 7.
[5] «Русский Вестник», 1859 г., т. XIX, стр. 202.
[6] «Современная Летопись», 1859 г., т. XX, стр. 28.
[7] Там же, т. XXVI, 216.

В 1860 г., например, английский экспорт в США составил всего — 16 млн. ф. стерл., а американский в Англию — 38 млн. ф. стерл. [1].

США выступали соперником Англии и на море. Торговый флот США накануне гражданской войны достиг небывалых размеров. В 1861 г. весь тоннаж Великобритании с колониями составлял 5 895 000 т., а США — 5 539 000 т., а всех остальных стран мира вместе взятых — 5 800 700 т. Тоннаж судов США, занятых внешней торговлей, составлял в 1861 г. 2 642 000 т., тогда как в 1840 г. он составлял только 764 000, тоннаж английских судов в 1861 г. составлял — 3 179 600 т., а всех других вместе взятых стран 2 178 000 т.[2]. Следовательно, уже в тот момент для владычицы морей — Англии возникла реальная угроза потерять свое первенство. Действительно, США становились руководящей торгово-морской державой, располагавшей целой третью всего мирового тоннажа, при чем 63% торгового флота обслуживали заграницу. Более того, обладая быстроходными клиперами, торговый флот США не только стал угрожать монополии английского флота на Дальнем Востоке, но даже отчасти вытеснять последний. С другой стороны и буржуазия США, особенно в связи с экономическим кризисом и затем депрессией 1857—1861 гг., усматривала все бедствия в английской конкуренции, от которой нужно было защититься высоким тарифом.

Сецессионисты выразили мнение и уверенность широких кругов, когда утверждали, что Англия воспользуется кризисом в США, чтобы разорить американский союз. Они открыто шли на союз с Англией, предавая родину.

Мятежники считали международную обстановку весьма благоприятной для осуществления своей цели. В докладе особого комитета на конгрессе рабовладельцев в Монгомери в мае 1858 г. утверждалось, что европейские правительства, которые решительно ничего не имеют против существования рабства, будут состязаться друг с другом для того, чтобы приобрести расположение рабовладельческого государства, которое мятежники намеревались создать не только посредством реорганизации всего Союза (США) на рабовладельческой основе, но и путем захвата Кубы, Центральной и части Южной Америки. Лидеры рабовладельцев возлагали большие надежды на помощь Англии в реализации их плана. У них даже не возникало никаких сомнений относительно этого и основывались эти взгляды не только на логических предположениях. Политика английских официальных кругов, как и поведение значительной части прессы, в особенности пальмерстоновского органа «Times», направленная на поощрение авантюры южан, на развязывание гражданской войны и преследовавшая цель — разрушить мощь США,— была достаточным основанием для укрепления высокомерного мнения сецессионистов о значении рабовладельческих штатов. У Англии, кроме экономических интересов (зависимость от Юга в отношении хлопка, желание сокрушить экономически развитый Север США, который осмеливался посягать на промышленную и торговую монополию ее и к тому же угрожать присоединением Канады) были и другие мотивы, по мнению сецессионистов, для поддержки именно их. История показывает, говорили они, что Англия всегда руководствовалась идеей социального неравенства и поэтому ее аристократические, господствующие классы не могут смотреть иначе, как с расположением на рабовладельцев. Это относилось к господствующим классам всей Европы, которые боролись против демократии.

Крепостники России, никогда не скрывавшие свою классовую ненависть ко всему прогрессивному и демократическому, разумеется, должны были симпатизировать рабовладельческой олигархии, которая уже вырыла могилу политической свободе и готовилась похоронить ее под грохот пушек с тем, чтобы на

[1] History of Domestic and Foreign Commerce, v. II, p. 99.
[2] Commerce Relations 1868, p. 78.

могиле ее, залитой народной кровью, водрузить знамя рабства, расовой теории и господства избранных. Южные политики были связаны с русским посольством, информировали его о своих намерениях еще задолго до гражданской войны[1]. Накануне последней послом США в Петербурге был ярый сторонник сецессии Пиккенс. Дружественные отношения между США и Россией установились в период господства рабовладельцев. Не только в международной ситуации, но и во внутренних институтах искали общие обеим странам черты для обоснования русско-американского сближения. Этой общей чертой было рабство в южных штатах США и крепостничество в России. «Дружба как она развивалась между Соединенными штатами и Россией во время Крымской войны,— пишет историк Робертсон,— была достаточным основанием для убеждения в том, что Россия с ее системой крепостничества имела общие интересы с югом при ее системе рабства»[2]. В одной из своих первых инструкций, статс-секретарь США, республиканец Сьюард, писал вновь назначенному послу в Петербурге Клею, что бывший посол Пиккенс «должен был неизбежно встретить и приобрести расположение благоприятное делу Юга». Он был даже уверен, что Юг сразу пошлет своих агентов в Петербург[3].

Не вдаваясь в реальный анализ позиций царской России и действительных международных противоречий, сецессионисты предполагали, что в силу классовых симпатий царская Россия окажется на их стороне. До гражданской войны русские государственные деятели нигде публично не высказывали своего отрицательного отношения к сецессии. В то же время они подчеркивали свою ненависть к демократии, оказывали поддержку и высказывали сочувствие реакции и господству олигархии. Но именно этого и добивались рабовладельцы.

«Революционеры и демагоги старого континента,— писал Стекль,— всегда находили в американской демократии моральную поддержку и часто материальную помощь. С крушением демократической системы в Соединенных Штатах они теряют ныне одну из главных своих опор. В этом отношении американская революция, надо надеяться, явится спасительным уроком для европейских анархистов и фантазеров»[4].

Однако, несмотря на бесспорное желание царских кругов увидеть крушение американской республики,— символа борьбы европейской демократии той эпохи,— они в то же время видели в США и фактор международного равновесия. «С другой стороны,— писал Стекль,— дезорганизация Соединенных Штатов как державы, с нашей точки зрения, прискорбное событие. Американская федерация была противовесом английскому могуществу, и в этом смысле существование ее являлось элементом мирового равновесия»[5].

Именно поэтому можно было не так уже непримиримо относиться к республиканскому строю США, следовало разграничить и отличать демократию и буржуазно-демократическое правительство США от международного значения Соединенных Штатов. Если этот строй и вызывал классовую ненависть и ставил царскую Россию в ряд государств, враждебно настроенных к США и дружественно к мятежникам, то учет США, как международной силы, должен был вызвать с самого начала гражданской войны дружественные отношения России к федеральному правительству и враждебные — к мятежникам. Возможно,

---

[1] МИД, Канц. 1850 г., д. № 138, лл. 263—264.
[2] Robertson, J. R., A. Kentuckian of the Court of the Tsars, p. 17.
[3] Senate Documents 1861, part I, Seward to Clay 6/V, 1861, № 3, p. 294.
[4] См. ниже, стр. 125.
[5] Там же.

что именно благодаря этому противоречию царское правительство не могло сразу определить свое отношение к гражданской войне. Если под влиянием обстоятельств позиция России принимала характер дружественный по отношению к федеральному правительству, то политика эта все же не была последовательной.

В начале гражданской войны русская дипломатия заняла выжидательную позицию. До начала войны, когда Стекль предполагал еще возможность мирного исхода сецессии, ему казалось, что наиболее совместимым с интересами и достоинствами России была бы следующая политика: «Мы признаем южную конфедерацию тотчас, как только она, конституировавшись, урегулирует свое положение по отношению к Северу, путем установления постоянных дипломатических отношений» [1]. Правда, Стекль считал, что не следует при этом «проявлять излишней поспешности по отношению к сецессионистам, так как сохранение Союза в наших интересах». Но с другой стороны полезно заводить друзей повсюду и «не возбуждать напрасного раздражения по поводу положения дел, которое не связано для нас с каким-либо принципом и которое мы должны признать тотчас, как только оно станет совершившимся фактом». Предлагаемая им политика соединяла, как ему казалось, два преимущества: примирительное отношение к друзьям Союза без того, чтобы обидеть сецессионистов. Стекль и после того, как гражданская война началась, писал, что «разрыв к несчастью, представляется непреложным фактом, и в наших интересах соблюдать по отношению к обеим конфедерациям строжайшее беспристрастие». Более того, он полагал: «признание Южной Конфедерации со стороны Франции и Англии даст нам вполне естественный повод для того, чтобы последовать их примеру, санкционируя совершившийся факт, однако не создавая при этом впечатления, что мы заранее сговорились с этими державами» [2].

Эти соображения, получившие в Петербурге полное одобрение, четко формулировали двойственную, противоречивую позицию царского правительства. Но если политика последнего и отличалась двойственностью в продолжение всего периода гражданской войны и реконструкции юга, то все же преобладала тенденция дружественная США.

На почве борьбы против претензий одной нации на мировое господство и на основе стремления сохранения международного равновесия установилось сотрудничество США и России, несмотря на различие их политических систем. Если в силу последнего обстоятельства царское правительство не могло оказать активной помощи федеральному правительству, то оно в полной мере выполнило заверение Горчакова, данное им в самом начале гражданской войны, что «Американский Союз может рассчитывать на самую сердечную симпатию со стороны государя в течение того кризиса, который союз ныне переживает» [3].

Что же касается народов России, то они действительно были друзьями США. Передовые представители великого русского народа, как-то: революционный демократ Чернышевский, вся передовая периодическая печать, особенно демократический «Современник», с самого начала гражданской войны открыто и постоянно клеймили рабство и изобличали мятежников. Они были истинными друзьями Севера и резко порицали поведение английского и французского правительств, осуждая вмешательство в американские дела. Почти такую же позицию занимала и либеральная пресса. Все дипломатические представители США в Петербурге: Клей, Камерон и Тейлор неоднократно подчеркивали

[1] См. ниже, стр. 111.
[2] См. ниже, стр. 114.
[3] МИД, канц. 1861 г., д. № 167, стр. 399.

дружественное отношение русского народа. Тейлор включал всех русских в число друзей США [1]. Камерон сообщал, что проект прокламаций об эмансипации негров был принят с величайшим удовлетворением «интеллигентными русскими людьми» [2]. Все они посылали переводы нескольких передовиц из газет. «Вы несомненно,— писал Тейлор Сьюарду в январе 1863 г.,— будете тем более заинтересованы в прочтении статьи..., что она выражает чувства средних классов русского народа»; будучи «независимым выражением мнения... она запечатлевает рост общественного мнения в России» к США [3]. Среди первых добровольцев, откликнувшихся на призыв Линкольна, были и русские подданные, которые боролись против рабства вместе с демократами и социалистами, участниками германской революции 1848 г. [4].

Русское правительство, несмотря на свою выжидательную политику, которой оно придерживалось в продолжение всей войны, вытекавшую из ее двойственной позиции, все же первое откликнулось на обращение США и заключило 24(12) августа 1861 г. конвенцию о морских правах и не настивало на ратификации ее, когда, ввиду отказа Англии и Франции, конвенция лишилась практической пользы и могла бы стать источником затруднений для США. Этот акт Сьюардом рассматривался как новое звено в дружбе обеих стран [5].

В то время, как в мае 1861 г. Англия и Франция признали за Южной конфедерацией право «воюющей стороны» и провозгласили т. н. «нейтралитет», которым прикрывалась оказываемая мятежникам помощь,— русское правительство в июле выразило искреннее пожелание сохранить великое здание американского союза, который представлял «существенный элемент мирового политического равновесия» и к которому Россия питала «самый дружественный интерес». «Для нас нет ни Севера ни Юга,— писал Горчаков в марте 1862 г.,— а есть федеральный Союз, на расстройство которого мы смотрим с сожалением, разрушение которого мы наблюдали бы с прискорбием» [6].

В то время, как в Петербурге велись переговоры с представителями федерального правительства о постройке трансокеанской телеграфной линии через Сибирь до Сан-Франциско, в Лондоне и Париже велись переговоры с агентами мятежников о признании Юга, а в доках Англии и Франции строились корабли для мятежников с целью сокрушения торговли федерации. Более того, чтобы спасти южан, английские, французские и немецкие корабли нарушали блокаду, объявленную Линкольном, и снабжали мятежников всем необходимым, а английские, французские и немецкие банкиры предоставляли им заем (под обеспечение хлопка).

В этот период окончательно было установлено согласие США и России, встреченное с большим удовлетворением в Петербурге и Вашингтоне, в отношении политики на Дальнем Востоке, в особенности в отношении Китая. «Если ультра-демократический режим,— писал Стекль,— оказался несостоятельным, то нам об этом жалеть не приходится, но мы не можем оставаться безразличными к опасностям, которые угрожают самой нации. Ее существование для нас важнее, чем для любого иного государства. Нам необходимо защищать наши интересы и расширить наше влияние в Тихом океане. В этой области мы уже встретили и, по всей вероятности, будем продолжать встречать препятствия со стороны Англии, и помощь американцев нам всегда будет полезна. Позвольте мне, князь, добавить, что я сейчас не говорю о чувстве симпатии, которое могут

[1] House documents, 1863, p. 841.
[2] Ibidem, 1862, p. 451.
[3] Ibidem, 1863, p. 858—859.
[4] МИД, Канц. 1861 г., д. № 162, лл. 279—280.
[5] См. ниже, стр. 121.
[6] См. ниже, стр. 126.

к нам питать. Это чувство редко руководит политикой народов англо-саксонской расы, как бы эти народы ни назывались: англичанами или американцами. Я обосновываю свое мнение материальными интересами, а материальные интересы Соединенных Штатов будут склонять правительство на нашу страну, как это уже имело место во время последних осложнений в Китае и Японии» [1].

Именно поэтому, не отказываясь от выжидательной и примирительной политики, царское правительство отклоняло все предложения сентджемского и тюильрийского кабинетов о вмешательстве в дела США в пользу Юга. Неоднократные попытки английских дипломатов, а затем, после неудачи последних в связи с делом «Трента» в конце 1861 г., и французских (особенно в феврале, апреле и в октябре — ноябре 1862 г. и в феврале 1863 г.) втянуть Россию в совместные с ними демарши, последствием которых фактически была бы интервенция, наталкивались на решительное сопротивление России. Ввиду создавшегося внутреннего положения, в связи с решительной борьбой народа и части буржуазии против интервенции, трудностью ведения войны с США, а затем и успехами федеральных войск в сентябре 1862 г., вмешательство имело бы успех только в случае поддержки России и полной изоляции федерального правительства.

Пальмерстон обеспечил себя поддержкой Наполеона III в американских делах тем, что толкнул его на мексиканскую авантюру. Но он опасался, что выступление без России все же может привести к заключению военного союза между США и Россией и тогда, наверное, всякое выступление против США было бы обречено на неудачу. Он вынужден был отчасти с этим считаться в своей политике. Отвечая в палате общин на выступления друзей сецессионистов, требовавших нарушить нейтралитет в пользу Юга, Пальмерстон 18 марта 1862 г. заявил: «Действия Великобритании были обусловлены отчасти опасением, что недостаточное уважение к правам нейтралитета может легко вызвать нерасположение Соединенных штатов к союзникам (т. е. Англии и Франции.— *М. М.*) и принудить эту страну заключить военный союз с Россией» [2]. Огромное значение в вопросе о посредничестве правительство придавало позиции России. Королева Виктория, Пальмерстон и Россель считали необходимым привлечь для вмешательства в дела США Россию, без участия которой исход последнего был бы весьма сомнителен и мало эффективен. «Мы в настоящий момент не должны выступать без России» — писал Джон Россель в личном письме к Пальмерстону 20/X 1862 г.[3].

В официальной депеше в ноябре 1862 г. Россель утверждал, что если были бы предприняты меры для предложения посредничества США, содействие России было бы исключительно желательным, но пока не получено согласие последней, нет надежды, что Север посредничество примет, и потому Англия не может поддержать предложение Наполеона III о посредничестве [4]. Отклонение Россией 8 ноября (27 октября) проекта Наполеона III о посредничестве, сыграло значительную, хотя и не главную, роль в отклонении этого проекта и английским правительством. Последнее в официальном ответе Наполеону III указывало, как на один из мотивов его решения, на отказ России [5].

Горчаков именно в этот момент, не без основания, заявил Тейлору: «Англия чрезвычайно радуется всему, что случится с вами, она желает вашего разру-

---

[1] См. ниже, стр. 125.
[2] Hansard's Parliam. Debates, 3 ser., v. 65, p. 1170.
[3] Walpole, Russell, v. II, p. 362; Adams, Great Britain and the American Civil war, v. II, p. 39—42.
[4] Parliamentary Papers, Lords, 1863, v. XXIX, Desp. Respect, the Civil War in N. A., Russell to Cowley 13/XI. 1862.
[5] Ibidem.

шения и молится об этом. Франция менее активно проявляет враждебность... но и она не прочь увидеть ваше поражение. Она не друг вам... Только Россия с самого начала поддерживает вас и впредь будет вас поддерживать» [1].

Еще более укреплялись дружественные отношения между Россией и США во время польского восстания 1863 г. и после окончания гражданской войны, вплоть до 1870 г. Отклонение федеральным правительством предложения западно-европейских держав о вмешательстве в польские дела, дружественный прием в США русских эскадр в октябре 1863 г., приезд американской делегации в Россию в 1866 г., продажа Россией Аляски США в 1867 г.— все это были звенья той цепи, которая соединяла узы дружбы между двумя великими державами.

Только ненавистью к демократии, определившей двойственность позиции царского правительства можно объяснить, что развитие дружественных отношений не завершилось заключением союза. Правда, к последнему отрицательно относились и в США. Пребывание русских эскадр в американских водах не имело никакой непосредственной связи с гражданской войной в США. Начальники эскадр не только не имели никаких запечатанных инструкций об оказании помощи Северу, но им категорически запрещалось иметь какое-либо касательство к событиям в США. Тем не менее, последствия появления русских эскадр в Нью-Йорке и Сан-Франциско были весьма значительны и способствовали укреплению международного положения обеих держав.

Что же касается отношения царского правительства непосредственно к ходу гражданской войны и к вопросу о примирении Севера с Югом, то оно лучше всего было выражено Горчаковым в январе 1863 г. в беседе с Тейлором: «Нам весьма желательно, как вам известно, прекращение вашей злосчастной борьбы. Мы горячо надеемся на сохранение Союза, но в то же время не питаем вражды к южанам, и мы охотно предложим наши услуги ради обеих сторон, если эти услуги будут приняты и той и другой, но не раньше» [2]. Кроме постоянных призывов к примирению, Горчаков в феврале 1865 г. одобрил проект посредничества, но ввиду окончания гражданской войны в апреле и, очевидно, не совсем благосклонного отношения Стекля к этому проекту, последний не был осуществлен.

Печатаемые ниже документы не претендуют на исчерпывающее освещение русско-американских отношений этого периода. В настоящую публикацию включены только те более или менее существенные депеши, которые освещают позицию России, а не взгляды русских дипломатов на гражданскую войну, на ход и исход ее. Эти документы уже были частично использованы американским историком Голдером, снявшим в 1914 г. ряд копий для рукописного отдела библиотеки конгресса в Вашингтоне. Вероятно именно эти копии использованы историками Адамсом [3], Томасом [4] и Робертсоном [5]. Сам Голдер на основе архивных материалов написал статью о взглядах Стекля на гражданскую войну [6]. В 1881 г. были опубликованы на французском языке депеши Горчакова от 28/16/VI—1861 г. и 21/9/I 1862 г. [7]. В 1904 г. «Journal de S.-Petersbourg» также использовал в выдержках некоторые документы, главным образом, депеши Бруннова, относящиеся к характеристике позиций Ан-

---

[1] House Documents (Diplomatic Corresp.) 1863—1864, part II, p. 839; Robertson, op. cit, p. 121.
[2] House Documents (Diplomatic Corresp.) 1863—1864, pt. II, p. 855.
[3] Adams, op. cit, 2, v. Ld. 1925.
[4] Thomas, Russo-American Relations, N.-Y, 1930.
[5] Robertson, op. cit, 1935.
[6] The American Historical Review, v. XXVI, № 3.
[7] Сборник, изданный в память 25-летия управл. м-вом иностр. дел госуд. канц. А. М. Горчаковым, СПБ, 1881.

глии [1]. Кое-что было опубликовано, главным образом в выдержках, советскими историками — Адамовым [2] и Ефимовым [3].

Публикуемые документы, на ряду с американской документацией [4], с достаточной полнотой освещают русско-американские отношения и разрушают всякие версии о посылке в 1861 или 1863 гг. эскадр для оказания помощи Северу, о существовании тайного союза между США и Россией и т. д.[5], как и противоположные мнения, что Россия не занимала дружественной позиции по отношению к США [6].

М. Малкин

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля [1] министру иностранных дел Горчакову [2], 23/11 декабря 1860 г., № 60 *.

Князь,

Мы только что получили известие о том, что Конвент Южной Каролины [3] вынес постановление об отложении (сецессии) этого штата от Союза. Отделение одного штата, в котором едва насчитывается триста тысяч белого населения, являлось бы незначительным фактом, если бы оно не служило прелюдией к полному распаду Американской конфедерации.

Важность создавшегося положения обязывает меня, князь, подытожить сейчас все сведения, которые я имел честь неоднократно представлять вашему превосходительству относительно причин, вызвавших это положение.

Политические распри разных частей Союза продолжались из-за вопроса о рабстве, первая искра раздора вспыхнула на крайнем Севере.

Жители северо-восточных штатов, известных под названием Новой Англии, до сих пор сохранили религиозную нетерпимость, которая когда-то вынудила их предков покинуть свою родину и найти себе убежище на этом континенте [4]. Враждебное отношение этого населения к институту рабства всегда было значительно, но за последние пятнадцать лет оно превратилось в религиозное чувство и в политический принцип и приняло угрожающую форму против штатов, в которых существует рабство.

Г-н Вебстер [5], наиболее выдающийся государственный деятель Новой Англии, а за ним и гг. Эверетт, Чоэйт, Уинтроп и некоторые другие лица, в то время руководившие здесь делами, предвидели опасность распространения аболиционистских доктрин [6]. Они старались доказать своим согражданам, что насилием им никогда не удастся достигнуть своей цели и что, если исчезновение рабства в Соединенных Штатах может иметь место, то это должно совершиться посте-

---

[1] Services rendered by Russian to the American People, SP. 1904.
[2] «Красный Архив», т. 38, 1930 г., стр. 162—164.
[3] «Историк-Марксист», № 3, 1936 г.
[4] Senate Documents, House Documents (Diplomatic Corresp.) 1861—1865.
[5] Callahan, Y. M.— Russo-American Relations during the Civil War, M. 1908. Arnaud, C. B., the Union and its Ally Russia, w. 1890; «Literary Digest», N.-J, 1904, v. XXVIII, № 16.
[6] Johnson, America's Foreign Relations, v. II, N.-J. 1916.

* МИД, Канц. 1861 г., д. № 162, лл. 5—10. Подлинники всех публикуемых документов на французском языке хранятся в Гос. архиве внешней политики. Подготовлены к печати А. А. Юрьевым.

пенно и путем применения мер примирительного характера. Их усилия не привели ни к чему. Они были удалены от дел и заменены,— в конгрессе и в местных законодательных органах,— людьми неизвестными, которые не зарекомендовали себя ни своими талантами, ни своей репутацией. В политическом, полурелигиозном движении Севера, поднявшем их к власти, эти люди видели средство удержаться тут. Лишенные всякого патриотизма, эти люди, которым нечего было терять, стремились лишь к единственной цели — к увеличению возбуждения. Они получали огромную помощь со стороны пуританского духовенства, всегда готового смешать политику с религией. Вожаки различных протестантских сект проповедывали войну против Юга и требовали уничтожения рабства огнем и железом. В церквах открыто производились сборы на покупку оружия, предназначенного служить восстанию негров. Именно, под влиянием этих доктрин Джон Браун произвел в прошлом году свой набег на Виргинию, и, когда на Севере стало известно о печальном исходе этого дерзкого предприятия, Джон Браун с церковного амвона был провозглашен равным нашему спасителю.

Считаю долгом сослаться на эти факты, чтобы дать вашему превосходительству представление о том, до чего может дойти пуританский фанатизм.

Крайние учения Новой Англии мало по малу распространились и в смежных штатах. Но в виду того, что в Нью-Йорке, Пенсильвании и на Западе религиозный фанатизм не имеет той силы, что на Севере, аболиционистам пришлось видоизменить свои принципы: они не требовали больше уничтожения института рабства, а удовольствовались требованием, чтобы этот институт не распространялся за пределы, в которых он ограничен в данный момент. Остатки старой партии вигов [8] и вообще все враждебные демократам элементы присоединились к аболиционистам, и таким образом образовалась новая партия, получившая название республиканской партии. В 1856 г. при выборах г-на Бьюкенена [9], республиканцы были побеждены небольшим большинством. Они спокойно выдержали свое поражение, будучи уверены, что, запасшись терпением, они позднее добьются власти, что и случилось на последних выборах, в результате которых установилось президентство г-на Линкольна [10].

Беспрестанные угрозы Севера не могли не вызвать бурных волнений на Юге. Эта часть Союза не менее плодовита демагогами, чем Север; люди такого склада овладели этим брожением, чтобы направить его в свою пользу. Они не пренебрегали ничем для того, чтобы возбудить умы и разжечь ненависть рабовладельческих штатов против обидчиков Севера. Вызывающие речи аболиционистов, яростные проповеди пуританских проповедников ловко были пущены в обращение и комментировались в прессе и на митингах; этим способом легко удалось воспламенить жгучие страсти населения Юга. Все было таким образом подготовлено, и вожаки ждали только случая, чтобы приступить к выполнению своего плана, который был ничем иным, как разложением Союза. Избрание г-на Линкольна доставило им этот случай.

Отложение Южной Каролины, как я уже имел честь говорить вашему превосходительству, повлечет за собой без всякого сомнения отложение других рабовладельческих штатов. Распад Союза с сегодняшнего дня может быть рассматриваем, как совершившийся факт. Теперь дело в том, чтобы знать, смогут ли Штаты, после разъеди-

нения снова воссоединиться. Над этим много работают благонамеренные люди. Осуществление этого проекта представляется чрезвычайно трудным, но тем не менее не невозможным. Имеется одно обстоятельство, которое могло бы сильно воздействовать на пользу умеренных людей и помочь им спасти страну: это — нужда, охватившая Союз от края до края и растущая со дня на день. Эта нужда уже вызвала кое-какую реакцию, главным образом на Севере, где население привязано к своим материальным интересам не меньше, чем к своим религиозным принципам. На прошлой неделе в Бостоне [11], очаге аболиционизма, несколько фанатичных проповедников, до сих пор спокойно проповедывавших свое учение, чуть было не стали жертвами взбунтовавшейся черни, а на последних муниципальных выборах штата Массачузетс противники республиканской партии были избраны огромным большинством. Такая же реакция обнаруживается и в других штатах; если бы выборы г-на Линкольна должны были состояться сегодня, он, несомненно, потерял бы половину голосов, полученных им в ноябре месяце. Население Севера теперь было бы склонно пойти на уступки, но необходимо время, чтобы обсудить все вопросы, добиться соглашения, а события к несчастью совершаются слишком быстро.

Я имел случай недавно беседовать с одним из сенаторов крайней партии Юга и выразил ему мнение, что если бы рабовладельческие штаты договорились сообща сделать предложения свободным штатам, то я убежден, что Север не отказался бы пойти на компромиссы. Он мне ответил, что это, пожалуй, верно, но что дискутировать о революции значит — дать ей ускользнуть, а Юг хочет революции во что бы то ни стало. Таким образом обе части равно ответственны за разрыв федерального договора: Северная часть тем, что вызвала его, а Южная — тем, что хочет толкать события с такой быстротой, которая делает невозможным всякое сближение.

Таковы, князь, причины, вызвавшие теперешний кризис. Последствий распада Севера заранее точно определить невозможно, но уже сегодня можно сказать, что эти последствия будут пагубны для всех частей Конфедерации. Политически американцы перестанут быть великой нацией. Однажды поделившись пополам, Штаты не преминут подразделиться снова. Они таким образом потеряют свое значение, теперешнее свое благосостояние и ни в коем случае не смогут избежать гражданской войны.

Давая отчет вашему превосходительству об опасностях, грозящих федеральному Союзу, я должен добавить, что, по моему мнению, надежда на примирение неокончательно потеряна. Во время моего продолжительного пребывания в Соединенных Штатах я имел случай глубоко изучить характер американцев, и как бы ни были мрачны внешние признаки, я не могу поверить, чтобы народ столь практичный, столь преданный своим интересам и столь процветающий мог бы позволить увлечь себя страстям до такой степени, чтобы пожертвовать всем и ринуться в бездну, глубину которой никто не в состоянии измерить; и может быть, в последний момент случится неожиданный переворот, который спасет страну. Я этого желаю от всей души, так как откинув политические соображения, мы весьма сожалели бы о падении великой нации, с которой наши отношения были всегда дружественными и близкими, и которая в достопамятное время, была почти единственной державой, искренно симпатизировавшей нашему делу [12].

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 7 января 1861 г./26 декабря 1860 г., № 63 *.

Князь,

Я почел своим долгом дать новые инструкции нашим вице-консулам в портах штатов, отделяющихся от Союза. Так как эти вице-консулы являются гражданами штатов[13], в которых они пребывают, то мне было невозможно запретить им принимать участие в политических событиях. Я им предписал продолжать попрежнему исполнять свои функции, но не принимать никаких политических сообщений со стороны губернаторов отложившихся Штатов и воздержаться от всяких актов, которые прямо или косвенно могли бы быть использованы, как признание императорским правительством нового порядка вещей.

Представители Франции и Англии дали аналогичные инструкции своим соответственным консулам.

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 21/9 января 1861 г., № 3 **.

Князь,

В течение происходящих на наших глазах событий может наступить момент, когда будет поставлен вопрос о роли иностранного дипломатического корпуса в Вашингтоне. В предвидении этого считаю долгом представить вашему превосходительству некоторые соображения о тех или иных возможностях.

Следует предусмотреть два случая, при которых нашей миссии пришлось бы решать какую позицию занять.

Первый случай, когда избранный президент, г-н Линкольн, вступив в исполнение своей должности, установил бы свою резиденцию не в Вашингтоне, а в другом городе.

Второй случай, когда нам со стороны Южной конфедерации были бы сделаны предложения об установлении дипломатических отношений с Россией.

Ясно, что мы должны рассматривать г-на Линкольна, как законно избранного президента. Если он останется в Вашингтоне, дипломатический корпус также останется там. Но возможно, что сецессия распространится до Виргинии и Мэриленда. В этом случае Вашингтон окажется включенным в отделившийся штат. Уверяют даже, что у южных вожаков существует проект захватить этот город вооруженной силой и сделать его столицей новой намечаемой ими конфедерации. Если это будет иметь место, то дипломатический корпус, мне кажется, хотя бы на время, должен будет покинуть Вашингтон и выразить г-ну Линкольну свое приветствие в новой его резиденции ***.

Было бы преждевременно обсуждать сейчас вопрос об окончательном местопребывании дипломатического корпуса при новом порядке вещей, так как положение еще недостаточно выяснилось. Полезно, однако, заранее подготовиться к ответу на предложения, которые Южная конфедерация в своем стремлении сорганизоваться и добиться признания, не преминет, по всей вероятности, сделать нашему правительству либо

* МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, л. 22.

** МИД. Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 36—38.

*** Помета Александра II: «Правильно».

чрез посредство миссии в Вашингтоне, либо же прямо, через агентов, посланных в Европу.

Мне кажется, что наиболее соответствующий нашим интересам и нашему достоинству ответ, который мы могли бы дать, был бы следующий: «Мы признáем Южную конфедерацию тотчас, как только она, конституировавшись, урегулирует свое положение по отношению к республике Севера, путем установления постоянных дипломатических отношений» *.

Нам не следует проявлять излишней поспешности по отношению к сецессионистам, так как для наших политических интересов желательно сохранение Союза; но с другой стороны хорошо создавать себе друзей повсюду и не возбуждать напрасного раздражения по поводу положения, которое не связано для нас с каким-либо принципом и которое мы должны признать тотчас, как только оно станет совершившимся фактом. Предлагаемая мною декларация соединяет в себе, как мне кажется, оба эти преимущества: примиряет нас с друзьями Союза, не задевая в то же время сецессионистов.

Если мне будут сделаны подобные предложения, я, вполне естественно, доложу о них императорскому министерству; пока же я осмеливаюсь представить на благосклонное усмотрение вашего превосходительства изложенные выше соображения.

Стекль.

На депеше помета Александра II: «Совершенно правильно».

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 29/17 января 1861 г., № 5 **.

Французский посол доверительно сообщил мне письмо Тувенеля[14]. В нем сказано, что Американская федерация является необходимым элементом равновесия, что все державы, за исключением одной, заинтересованы в ее сохранении и что Наполеон станет сожалеть о распаде Союза тем более, что лондонский кабинет, вопреки всем заявлениям лорда Пальмерстона[15], от этого в восторге ***.

Стекль.

На депеше помета Александра II: «Мы можем только разделить мнение Тувенеля».

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 9 апреля/28 марта 1861 г., № 20 **.**

Князь,

В течение нескольких дней в порту и в арсеналах Нью-Йорка царит большое оживление. Один фрегат и несколько торговых судов, груженых съестными и боевыми припасами покинули порт, имея на борту войска. Несколько других кораблей готовятся последовать за ними.

Эти боевые приготовления, цель которых еще неизвестна, как будто указывают на то, что правительство готовится к какому то серьезному событию и что оно решилось прибегнуть к мерам принуждения в отно-

* Помета Горчакова: «Это мне кажется весьма благоразумным» и помета Александра II: «Да».
** МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, л. 43.
*** Помета Александра II: «Это весьма вероятно».
**** МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 99—102.

шении сецессионистов. Но с другой стороны, я узнал от представителя Южной конференции, что г-н Сьюард [16] дал им самые формальные заверения в том, что федеральное правительство не замышляет никакого нападения на южные порты, и что принятые в Нью-Йорке подготовительные меры, значение которых газетами преувеличено, не имеют иной цели, как только дать своего рода удовлетворение радикалам из республиканской партии, обвиняющим правительство в бездействии и слабости.

Объяснить противоречие между действиями правительства и мирными заверениями государственного секретаря можно только нерешительностью президента и разногласиями, продолжающими царить в его кабинете. Г-н Сьюард, как я об этом уже имел честь заявить вашему превосходительству, стоит за мир; но он часто дает себя увлечь воинственным настроениям некоторых из его коллег по кабинету, поэтому он склоняется то на одну, то на другую сторону.

Позволю себе, князь, привести один случай, который даст вам представление о его нерешительном характере.

Согласно установившимся обычаям я дал обед новому кабинету. Когда все удалились, г-н Сьюард выразил желание поговорить со мною частным образом. Он спросил меня, какое, по моему мнению, впечатление произвели в Европе происходящие в Соединенных Штатах события? Я ему ответил, что императорское правительство глубоко сожалеет о раздорах, волнующих Соединенные Штаты и что оно сочло бы несчастием окончательный распад Союза; что же касается Франции и Англии, то, мне кажется, что эти державы прежде всего озабочены своими коммерческими интересами; но не представляется вероятным, чтобы они произвели какую-либо демонстрацию, разве только в случае, если меры, принятые вашингтонским правительством, создадут серьезные препятствия для их торговли.

«Если это так,— заметил г-н Сьюард,— то наши отношения с европейскими державами не подвергнутся никакому изменению. Не будет предпринято ни нападения, ни блокады против Юга. Мы оставим сецессионистов в покое. Это — наилучшая политика. Предоставленные самим себе эти штаты не смогут долго просуществовать, как отдельная конфедерация, и рано или поздно кончат тем, что возвратятся в Союз».

Я заявил г-ну Сьюарду, что в течение дня я виделся с г-ном Рамоном, одним из комиссаров Юга, который заверил меня, что он и его коллеги расположены самым мирным образом и готовы пойти на всяческие уступки, чтобы избегнуть столкновения, которое своим неизбежным последствием имело бы гражданскую войну.

Воспользовавшись случаем, г-н Сьюард сказал мне, что он лично незнаком с г-ном Рамоном, но знает его за человека умеренных взглядов, и выразил сожаление, что в качестве официального лица он не может принять у себя г-на Рамона, ни нанести ему визит. Он затем спросил меня, не буду ли я иметь возражений против того, чтобы доставить им возможность свидания у меня на дому, где они могли бы встретиться как бы случайно. Я поспешил заверить государственного секретаря, что буду рад возможности, поскольку это будет зависеть от меня, содействовать примирению. Свидание это должно было состояться два дня спустя, и г-н Рамон, которому я сообщил о предложении г-на Сьюарда, засвидетельствовал мне все свое удовлетворение по этому поводу, но Сьюард переменил свое намерение и прислал мне записку, в которой сообщал, что после зрелого размышления, он отказывается от условленного свидания.

Через несколько дней я встретился с г-ном Сьюардом у лорда Лайонса [17]. Настроение г-на Сьюарда совершенно изменилось; он говорил только о блокаде и принудительных мерах. Между ним и английским послом произошел довольно оживленный спор в моем присутствии и в присутствии французского посла. Г-н Сьюард заявил нам: «Сообщаю вам, господа, если вспыхнет гражданская война, то всякие торговые сношения с портами Юга будут прерваны». Лорд Лайонс заметил ему, что подобная мера явилась бы в высшей степени невыгодной для английской торговли. «Сожалеем об этом,— ответил г-н Сьюард,— но некоторое время вам придется обойтись без торговли и без хлопка». Лорд Лайонс, нарушив свою обычную сдержанность, в том же тоне ответил ему, что Англия не может обойтись без хлопка, и что она его так или иначе будет иметь. Г-н Сьюард ничего не возразил, но слова лорда Лайонса должны были лишить его всяких иллюзий насчет роли, которую будет играть Англия в случае блокады хлопковых штатов.

Совсем недавно я снова увиделся с г-ном Сьюардом; он опять говорил мне о мире и примирении.

Страна тяготится таким положением. Газеты всех партий требуют какого нибудь решения и поддерживают мысль, что война была бы предпочтительнее этого состояния неуверенности; такое состояние парализует торговлю и промышленность. Правительство, уже достаточно дискредитированное, кончит тем, что падет, если только не примет в каком бы то ни было направлении более решительную политику.

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 14/2 апреля 1861 г., № 23 *.

Князь,

Уполномоченные, посланные Южной конфедерацией к европейским правительствам, о чем я имел честь сообщать вашему превосходительству в моем докладе за № 19, должны были покинуть Гаванну и направиться в Англию [18].

Французский и английский послы, предупредив свои правительства о посылке этих уполномоченных, в то же время изложили свои точки зрения по вопросу о том, будет ли своевременным признание Южной конфедерации.

Г-н Мерсье [19] написал г-ну Тувенелю, что, поскольку имелась надежда на устранение раздоров, возникших между Севером и Югом, и оставались какие-то шансы на примирение, было бы не совсем удобно вести переговоры с сецессионистами, но на сегодняшний день это положение изменилось; Южные штаты имеют правильно организованное правительство, их отделение стало совершившимся фактом, и Франции прежде всего надо думать об охране торговых интересов, которые могут подвергнуться серьезной опасности, ввиду враждебных действий между Севером и Югом; признав Южную конфедерацию, французское правительство придало бы углубляющейся борьбе характер войны нации с нацией и тем самым обеспечило бы своей торговле все выгоды нейтралитета.

Французский посол кроме того отмечает, что Соединенные Штаты всегда признавали фактические правительства, не очень беспокоясь на счет того, получили ли они свою независимость в результате револю-

* МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 110—113.

ции или иным путем и что, следовательно, они не будут иметь права высказать неодобрение, если европейские державы будут следовать той же политике по отношению к ним.

Г-н Мерсье, наконец, указывает своему правительству на необходимость договориться с Англией и другими великими державами и склонить их предоставить своим представителям в Вашингтоне выбрать момент, когда признание Южной конфедерации будет наиболее выгодным.

Лорд Лайонс, с которым г-н Мерсье договорился по этому вопросу еще до того, как доложил о нем своему правительству, сказал мне, что он полностью разделяет виды французского посла и что он в этом смысле написал лорду Джону Росселю [20]. Но лорд Лайонс не без основания добавил, что ему не хотелось бы брать на себя ответственность за определение момента, когда было бы своевременно признать Южную конфедерацию; к тому же подобный демарш, если бы он на таковой был уполномочен, скомпрометировал бы его положение по отношению к правительству г-на Линкольна.

Более чем вероятно, что Франция и Англия обратятся к нам с предложениями по этому вопросу. Поэтому я счел своим долгом сообщить вашему превосходительству те соображения, которые мои французский и английский коллеги представили своим правительствам и которые они были любезны сообщить мне.

Что касается нас, то наши торговые интересы в Соединенных штатах не имеют такого значения, как интересы Франции и в особенности Великобритании. Но мы не должны забывать, что потребление хлопка у нас значительно возрастает, и что вопрос о мире или войне в Соединенных штатах интересует наши фабрики; они будут серьезно задеты, если им не хватит хлопка или если им придется платить за него более высокие цены.

Положение совершенно изменилось со времени моего доклада от 21/9 января за № 3, где я имел честь предложить императорскому министерству ответ, который следовало бы дать в случае слишком преждевременных предложений со стороны сецессионистов. В то время речь шла о таком ответе, который не исключал бы возможности восстановления Союза, и то, что я тогда намечал, было единственно подходящим. Сегодня же разрыв, к несчастью, представляется непреложным фактом, и в наших интересах соблюдать по отношению к обеим конфедерациям строжайшее беспристрастие. Признание Южной конфедерации со стороны Франции и Англии даст нам вполне естественный повод для того, чтобы последовать их примеру, санкционируя совершившийся факт, однако не создавая при этом впечатление, что мы заранее сговорились с этими державами.

Стекль.

На депеше помета Александра II: «Нахожу его точку зрения правильной».

Из письма посланника в Вашингтоне Стекля директору канцелярии министерства иностранных дел Вестману [21], 24/12 июня 1861 г. *.

Моя сегодняшняя телеграмма довольно неясна [22]. Я предупредил князя о демарше, на который уполномочен Клей [23]. Я повторил вам то, что мне сказал Сьюард, а он сам не очень то знает, чего он хочет. Я думаю, что Англия маневрирует, чтобы добиться от Соединенных

* МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, л. 359.

Штатов уничтожения пиратства, но как бы ни был неопытен государственный секретарь, я сомневаюсь, чтобы он на это согласился. При нынешних обстоятельствах уничтожение пиратства явилось бы серьезной ошибкой со стороны Соединенных Штатов. Не знаю, поставили ли вас Англия и Франция в известность о предложениях, сделанных ими Вашингтону, но во всяком случае мы не будем вмешиваться во всю эту суматоху и избегнем осложнений, которые могут стать весьма серьезными. Если мы считаем необходимым сделать здесь какой-либо демарш, то сделаем его одни. Останемтесь пассивными зрителями этих внутренних споров двух ветвей англо-саксонской расы, человечество от этого только выиграет. Таково, как вам известно, всегда было мое мнение *.

Стекль.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 28/16 июня 1861 г., № 188 **.

С самого начала возникновения конфликта, поселившего несогласие в Соединенных Штатах Америки, вам было поручено поставить федеральное правительство в известность о том живом интересе, с которым наш государь следит за развитием кризиса, ставящего под вопрос процветание и даже самое существование Союза.

Государь император, к своему глубокому сожалению, видит, что надежда на мирное разрешение кризиса не осуществилась, и что американские граждане, уже вооруженные друг против друга, готовы развязать в своей стране гражданскую войну — этот самый страшный бич политических обществ.

В течение более 80-ти лет своего существования Американский союз обязан своей независимостью, своим развитием и своим прогрессом согласию между его членами, освященному, под покровительством его знаменитого основателя [24], учреждениями, которым удалось примирить единение со свободой. Это единение было плодотворным. Оно дало миру зрелище беспримерного в анналах истории процветания.

Было бы прискорбно, если бы после столь убедительного опыта конфедеративные штаты были бы увлечены до того, что разорвали бы торжественный договор, доныне составляющий их могущество.

Несмотря на различие их конституций и их интересов, а, может быть даже в силу этого различия, провидение как бы приглашает их упрочить традиционную связь, которая является основой, а также и условием их политического существования. Во всяком случае жертвы, которые им пришлось бы принести для сохранения этой связи, не могут пойти ни в какое сравнение с теми жертвами, которые повлек бы за собой разрыв. Будучи соединенными — они друг друга дополняют, разъединившись, они взаимно уничтожаются.

Борьба, которая, к несчастью, завязалась, не сможет ни продолжаться бесконечно, ни довести до полного уничтожения одну из сторон. Рано или поздно необходимо будет придти к какому-либо соглашению, допускающему существование различных ныне борющихся интересов.

Следовательно, американская нация дала бы доказательство глубокой политической мудрости, если бы она постаралась общими усилиями придти к подобному соглашению прежде, чем бесполезное кровопроли-

* Помета Александра: «Это также и мое намерение».

** МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 395—399.

тие, бесплодное расточение общественных сил и богатств, акты насилия и взаимные репрессалии вырыли бы бездну между обеими частями Союза и в конечном счете привели бы к их взаимному истощению и, быть может, к непоправимому разрушению их торговой и политической мощи.

Государь не может допустить возможности столь прискорбных перспектив. Его величество продолжает еще полагаться на практический здравый смысл граждан Союза, всегда рассудительно оценивающих свои подлинные интересы. Его величество хотел бы верить, что члены федерального правительства и владетельные лица обоих сторон используют все поводы и соединят все свои усилия, чтобы успокоить разбушевавшиеся страсти. Нет таких расходящихся интересов, которых нельзя было бы примирить, ревностно и упорно работая над этим делом в духе справедливости и умеренности.

Если в кругу ваших официозных связей ваши слова и ваши советы могли бы содействовать достижению указанного результата, то это, милостивый государь, соответствовало бы намерениям его величества государя; при этом вы должны были бы использовать ваше личное влияние, которое вы могли приобрести в течение продолжительного пребывания в Вашингтоне, и то уважение, с которым должны относиться к вам, как к представителю монарха, воодушевленного самыми благосклонными чувствами по отношению к Американскому союзу.

Этот союз в наших глазах является не только существенным элементом мирового политического равновесия, но он кроме того представляет нацию, к которой наш государь и вся Россия питают самый дружественный интерес, так как две страны, расположенные на концах двух миров, в предшествующий период их развития были как-бы призваны к естественной солидарности интересов и симпатий, чему они уже давали взаимные доказательства.

Я не хочу затрагивать ни одного из вопросов, которые ведут к разделению конфедеративные штаты. Не наше дело высказываться по поводу этого спора. Вышеизложенные соображения имеют своей целью только засвидетельствовать живую заботливость государя перед лицом опасностей, угрожающих Американскому союзу, и искренние пожелания, выражаемые его величеством в целях поддержания этого великого здания, с таким трудом построенного и обладавшего, казалось, столь богатым будущим.

В этом духе, милостивый государь, я приглашаю вас высказаться как перед президентом и членами федерального правительства, так и перед влиятельными лицами, с которыми вы будете соприкасаться, заверяя их, что во всех случаях Американский союз может рассчитывать на самую сердечную симпатию со стороны государя в течение этого серьезного кризиса, который Союз ныне переживает.

Горчаков.

На депеше помета Александра II: «Быть по сему».

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 28/16 июня 1861 г.*

Из газет, а также и из сообщений ваших коллег, вы знаете о заявлениях, сделанных европейскими державами, имеющими торговый

* МИД. Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 403—405.

флот, равно как и о мерах, которые они приняли для того, чтобы доказать свое полное воздержание от всякого прямого или косвенного участия в гражданской войне, грозящей опустошить Соединенные Штаты, а также и для того, чтобы оказать своим подданным соответствующую защиту от инцидентов, которые могут иметь место в результате военных выступлений.

Различные вопросы морского права, которые могут возникнуть в результате предусматриваемых событий, уже были предметом серьезных объяснений между некоторыми иностранными представителями и вашингтонским кабинетом. Ваша депеша за № 41 дает отчет о беседе, которую французский посол имел с государственным секретарем о возможности признания южных конфедеративных штатов воюющей стороной [25]. Этот, без всякого сомнения, преюдициальный вопрос не требует немедленного решения со стороны императорского кабинета. Но есть некоторые пункты, которые мы, как и другие державы, хотели бы разъяснить в интересах русских подданных и их торговли.

Лорд Лайонс имел уже объяснения с г-ном Сьюардом по вопросу о блокаде южных портов и способах, какими эта блокада будет осуществлена; как будто, ответы государственного секретаря не были настолько ясными, как того желал бы английский посол. С другой стороны в прилагаемом при сем документе вы найдете резюме [26] полученной вашим коллегою инструкции от 18/6 мая по вопросу о ст. I Парижской декларации об отмене пиратства [27]. Французское правительство со своей стороны предписало своему послу в Вашингтоне требовать, в начавшемся в Соединенных Штатах конфликте прав, предоставляемых Франции ее нейтралитетом. В то же время оно препроводило своим консулам весьма точные директивы, обязующие их наблюдать за поведением французов в Соединенных Штатах и в особенности отвращать их от всяких действий, противных принципу строгого нейтралитета, установленного тюильрийским кабинетом. Я прилагаю при сем французский циркуляр [28], который г-н герцог де Монтебелло [29] имел любезность мне сообщить, предоставляя вам, милостивый государь, право препроводить аналогичные директивы нашим консульским агентам. Вы рассудите, насколько положения этого документа относительно принудительного военного набора иностранных подданных применимы к нашим подданным.

Наконец ваш прусский коллега, может быть, сообщил вам депешу от 13/1 июня, в которой Берлинский кабинет выражает желание, чтобы правительство Соединенных Штатов, воспользовавшись настоящими обстоятельствами, заявило о своем присоединении к декларации от 16 апреля 1856 г.

Мы далеки от стремления несвоевременными запросами и требованиями увеличивать беспокойство вашингтонского кабинета. Но если бы вам пришлось сделать перед ним тот или иной демарш в интересах русских подданных, то я хотел бы думать, что это не создаст ложного впечатления по поводу той цели, которую мы, главным образом, имеем в виду, а именно, предохранить от какого бы то ни было урона наши добрые отношения с правительством Соединенных Штатов.

Горчаков.

На депеше помета Александра II: «Быть по сему».

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 28/16 июня 1861 г.*

Моя экспедиция уже была готова, когда я получил вашу депешу № 42 от 17/5 июня [30]. Она отчасти подтверждает оценки, данные мною вам в одной из моих сегодняшних депеш. Что же касается до переговоров о Парижской декларации, которые поручено вести французскому и английскому послам, то мне нет нужды напоминать вам, милостивый государь, что с 1854 г. мы находились в согласии с Соединенными Штатами по вопросу о принципах, установленных статьями 2 и 3 конвенции от 16 апреля 1856 г., а что касается вопроса о пиратстве, то мы приняли эту статью лишь с оговорками, в соответствии с намерениями Соединенных Штатов.

Горчаков.

Из депеши посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 9 сентября/28 августа 1861 г., № 57**.

Князь,

Барон Бруннов [31] препроводил мне через посредство посольства Соединенных Штатов в Лондоне пакет, который ваше превосходительство имели честь отправить мне 28-го прошлого июня.

Я поспешил сделать распоряжение о переводе главной депеши *** и зачитал ее президенту и государственному секретарю. Оба они были глубоко тронуты столь сочувственным призывом государя.

Г-н Линкольн сказал мне: «Соблаговолите довести до сведения императора о нашей глубокой признательности и заверить его величество, что вся нация сумеет оценить этот новый знак дружбы».

В тот же день государственный секретарь направил мне по приказанию президента, прилагаемую при сем ноту под № 1, с просьбой сообщить ее вашему превосходительству [32]. Г-н Сьюард выразил мне желание опубликовать депешу. Я воспользовался разрешением, которое вам, князь, было угодно мне дать, и ответил ему, что с своей стороны я не вижу к тому возражений.

Президент и государственный секретарь мне заявили, что из всех сообщений, полученных ими от европейских правительств, наше было самым дружественным и самым благосклонным и, пользуясь выражением самого г-на Линкольна, самым лойяльным. Я убежден, что оно произведет такое же впечатление по всей стране. Старание, которое вы, ваше превосходительство, приложили к тому, чтобы избегнуть какого бы то ни было упоминания о той или другой из сторон, сделает этот документ столь же популярным на Юге, как и на Севере.

К несчастью, мало надежды на то, что преисполненные мудрости советы, содержащиеся в депеше вашего превосходительства, будут приняты во внимание. Страсти слишком разгорелись, чтобы мог быть услышан голос умиротворения. Соблаговолите обратить внимание на одно место в ноте Сьюарда, где он трактует нынешний кризис, как простой, относящийся к прошлому, инцидент: «Внутренние разногласия,— говорит он,— которые в течение некоторого време-

---

* МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, л. 412.

** МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 266—267.

*** См. выше стр. 115, депешу Горчакова Стеклю от 28 июня 1861 г.

ни как бы разделяли американский союз». Государственный секретарь явным образом стремился создать себе иллюзии по этому вопросу, так как положение нисколько не улучшается и становится с каждым днем все более серьезным...

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 9 сентября/28 августа 1861 г., № 58 *.

Князь,

Я имел честь получить направленные мне вашим превосходительством инструкции по различным вопросам морского права, поднятым американским кризисом, а равно и приложенные к ним два письма **.

Наше положение отличается от положения Франции и Англии: консулы этих держав состоят на обычной службе своих правительств, тогда как наши консульские агенты являются либо американцами, либо натурализованными иностранцами, которым пришлось, в большей или меньшей степени, стать на сторону той части, в которой они обитают. Давать им официальные инструкции при настоящих обстоятельствах мне казалось не совсем благоразумным, тем более, что наши коммерческие интересы не столь значительны, наши подданные не столь многочисленны, как интересы и подданные Франции и Англии. Я посему воздержался от какого бы то ни было демарша и смею надеяться, что ваше превосходительство одобрит мое поведение.

Несколько англичан и французов были вынуждены служить в гражданской гвардии Нового Орлеана, но по требованию подлежащих консулов, они были освобождены от службы. Что касается меня, то я никаких требований не получал. Мне говорили, что среди солдат, расположенных лагерем в окрестностях Вашингтона, имеется несколько добровольцев, русских подданных. Среди офицеров находится Струве[33], который в 1848 г. участвовал в германской революции. Из газет я узнал также, что некий Турчанинов, бывший русский офицер, командует полком добровольцев штата Иллинойса. Я не знаю, кто он такой, и по какому случаю он здесь находится.

Не знаю, имеются ли наши подданные в южной армии, так как мы ничего не знаем о том, что там происходит; всякие сношения прерваны. Лорд Лайонс и г-н Мерсье мне сказали, что уже около месяца они не получали никаких писем от своих консулов и не могли им ничего послать.

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 21/9 октября 1861 г., № 64 *.**

Князь,

Я имел честь получить депешу вашего превосходительства от 12 прошлого августа[34], равно как и копию договора о морских правах,

---

* МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 279—280.

** См. выше стр. 116, 118, депеши Горчакова Стеклю от 28 июня 1861 г.

*** МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 309—310.

подписанного в тот же день в С. Петербурге. Я отправился к государственному секретарю, чтобы ознакомить его с этой депешей. Г-н Сьюард мне заявил: «Благоволите заверить ваше правительство, что его готовность согласиться на наше предложение мы рассматриваем, как новое доказательство его благосклонного к нам отношения; но после разрыва вызванных нашим предложением переговоров в Лондоне и Париже, только что заключенный нами договор лишился практической пользы и может стать для нас источником затруднений. Следовательно, я думаю, что мы поступили хорошо, отложив его ратификацию, чтобы затем сделать его предметом общего соглашения между всеми державами. Впрочем,— добавил г-н Сьюард,— заверьте императорское правительство, что мы готовы поступить так, как оно сочтет удобным».

Я ответил г-ну Сьюарду, что сочту своим долгом довести его слова до сведения вашего превосходительства. Санкция сената может последовать не ранее конца года, а до этого момента я буду иметь время получить инструкции, какие вашему превосходительству будет угодно мне дать.

Стекль.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 6 декабря/24 ноября 1861 г.*

В вашей депеше за № 64 вы изложили соображения, которыми вы обменялись с г-ном государственным секретарем по иностранным делам относительно договора, подписанного мною с послом Соединенных Штатов в С. Петербурге, относительно присоединения федерального правительства к принципам морского права, установленного Парижским трактатом.

Г-н Сьюард вам заявил, что после разрыва вызванных этим вопросом переговоров в Лондоне и Париже, заключенный нами договор утратил практическую пользу и мог бы стать источником затруднений для федерального правительства. Вследствие этого он выразил пожелание, чтобы ратификация этого акта была отложена.

По повелению императора, вы, милостивый государь, уполномочены заявить г-ну государственному секретарю по иностранным делам, что, вступив по этому вопросу в переговоры с федеральным правительством по собственному желанию последнего, императорский кабинет имел в виду только сделать всеобщим принцип цивилизации и гуманности, всяческое расширение которого нам желательно в целях сокращения бедствий, неразрывно связанных с состоянием войны. Но у нас никогда не было мысли причинить какие-либо затруднения федеральному правительству. А раз оно полагает, что при нынешних обстоятельствах только что подписанный в С. Петербурге акт мог бы иметь такой результат, то мы вполне расположены отложить его ратификацию до того времени, когда федеральное правительство найдет полезным приступить к ней.

Горчаков.

На депеше помета Александра II: «Быть по сему».

---

* МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 441—442.

Нота государственного секретаря по иностранным делам Соединенных Штатов Сьюарда русскому посланнику в Вашингтоне Стеклю, 8 января 1862 г./27 декабря 1861 г.*

Милостивый государь,

Я получил и прочел с большим интересом и искренним удовлетворением направленные вам 24 ноября князем Горчаковым инструкции, касающиеся недавно подписанного по нашим настояниям князем и г-ном Клеем договора о правах нейтральных стран.

Я специально уполномочен выразить князю Горчакову в словах, какие ему покажутся наиболее приемлемыми, высокую оценку президентом того великодушия и добрых чувств по отношению к Соединенным Штатам, которые его императорскому величеству угодно было проявить своим согласием временно, в виду нынешних обстоятельств, отложить ратификацию договора.

Этот акт прибавит новое звено к старой дружбе.

Благоволите оказать мне благосклонность передать эти чувства вашему правительству.

Сьюард.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 9/21 января 1862 г.**.

Федеральное правительство не будет сомневаться в том, с каким живым интересом мы следим за различными фазами инцидента[35], который в конечном счете приковал к себе тревожное внимание обоих полушарий.

Его величество государь не слишком переоценивал мудрость вашингтонского кабинета, оставаясь в убеждении, что в этих важных обстоятельствах кабинет будет руководствоваться только чувством справедливости и желанием примирения, а также серьезными интересами страны.

Его императорское величество с глубочайшим удовлетворением усмотрел, что его предвидения подтверждены решением, только что принятым федеральным правительством.

Хотя это решение пока дошло до нашего сведения только через газеты, государь поспешил сообщить президенту с каким удовлетворением его имп. величество оценивает это свидетельство умеренности и справедливости, заслуживающее тем большей похвалы, что оно было весьма затруднено разгоревшимися национальными страстями.

Мне, милостивый государь, нет нужды добавлять, что американская нация, оставаясь верной принципам, какие она всегда защищала в то время, когда эти принципы были обращены против нее, и воздерживаясь в свою очередь ссылаться на выгоды доктрин, которые она всегда отвергала,— эта нация дала доказательство политической честности, что завоевывает ей бесспорное право на уважение и благодарность со стороны всех правительств, заинтересованных в том, чтобы мир на море был сохранен и чтобы в международных отношениях принципы права одержали верх над силой в интересах мира, прогресса, цивилизации и блага человечества.

---

* МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, л. 45. Нота была переслана Стеклем в МИД 2/14 января 1862 г. при сопроводительной депеше № 2.

** МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, лл. 500—502.

Его величеству государю угодно надеяться, что та же мудрость и та же умеренность, которые продиктовали федеральному правительству его последние решения, будут руководить правительством и в области внутренних затруднений, стоящих в настоящее время на его пути.

События должны были доказать, какой ущерб наносят эти затруднения политическому положению страны, как они содействуют развитию стремлений, клонящихся к уменьшению мощи Соединенных Штатов, и насколько, следовательно, в интересах правительства возможно скорее избавиться от этих затруднений.

Император убежден, что государственные люди, которые со столь высокой точки зрения сумели оценить внешние политические интересы их страны, сумеют равным образом поставить свою внутреннюю политику выше народных страстей.

Благоволите, милостивый государь, выразить федеральному правительству эти пожелания императора и вновь заверить его в том, что его императорское величество с удовлетворением увидело бы укрепление Американского союза в результате примирительных выступлений, которые могли бы урегулировать настоящее, не оставляя семян раздора на будущее. Союз таким образом вернулся бы к условиям мощи и процветания, которых мы ему желаем не только в силу соединяющей обе страны сердечной симпатии, но еще и потому, что от сохранения его могущества в высшей степени зависит всеобщее политическое равновесие.

Горчаков

На депеше помета Александра II: «Быть по сему».

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 24/12 февраля 1862 г., № 10 *

Князь,

Американской революции, ввиду ее серьезного значения и ее последствий, суждено фигурировать среди великих политических потрясений, волновавших цивилизованный мир, начиная с конца прошлого века.

В то время как монархический принцип вел борьбу с революцией, и старый континент являлся театром жестоких пертурбаций и кровавых войн, Соединенные Штаты при республиканском режиме пользовались спокойствием, которому ничто, казалось, не угрожало; но час испытаний наступил также и для демократии, и в высшей степени важно изучить причины и последствия этого.

В Европе мало следили за движением американской демократии. В Соединенных Штатах видели нацию, которая делала беспримерные успехи. Эти успехи приписывали политическим установлениям. Это была ошибка. В первые дни существования Конфедерации демократические учреждения, может быть, и способствовали развитию огромных рессурсов страны, но позднее если Соединенные Штаты и продолжали процветать, то причины этого процветания были чужды демократическому режиму, который постепенно приходил в упадок. Доказательством этого является то, что происходит сейчас.

Нация пользовалась благосостоянием, чему удивлялся мир, она совсем не хотела перемен, но тем не менее она против своей воли каза-

* МИД, Канцелярия, 1862, д. № 152, лл. 83—89.

лась вовлеченной в революцию несколькими демагогами, которых всеобщее избирательное право подняло к власти.

Позвольте мне, Ваше превосходительство, сказать несколько слов о ходе развития демократической системы в Америке.

Американцы в период своей независимости приняли республиканскую систему, единственно которая им приличествовала. Им посчастливилось иметь во главе генерала Вашингтона, который, не являясь каким-то высшим гением, в огромной степени обладал всеми качествами, необходимыми для выполнения миссии, начертанной ему провидением. Вашингтону и тем честным и патриотически настроенным лицам, которыми он сумел себя окружить, удалось примирить противоречивые интересы прежних колоний. Они таким образом заключили федеральный договор и дали нации Конституцию, которая хорошо осуществлялась, потому что она была удивительно приспособлена к нуждам и нравам эпохи.

Преемникам Вашингтона и современным государственным людям ничего не нужно было создавать; им оставалось только следовать обычному пути, проложенному основателями республики. Несмотря на это, задача их была не из легких. Согласие между различными штатами не было уже столь сердечным, начал проявляться дух демагогизма; однако, эти затруднения были преодолены благодаря таланту и энергии таких государственных людей, как Клей, Джексон, Вебстер и друг., которые управляли судьбами нации.

Но, исчезнув с политической сцены, эти выдающиеся люди оставили в управлении и в конгрессе пустоту, которая после уже не заполнялась. В способных людях, пожалуй, не было недостатка, но средства к достижению цели были им недоступны.

Опыт последних лет показал нам, как легко манипулировать всеобщим голосованием во всех странах и во всех направлениях. В Соединенных Штатах этот институт был ловко использован кучкой политиканов самого низкого пошиба, которым, благодаря подкопу и потворству страстям черни, удалось осуществить неограниченный контроль над выборами. Таким путем пришли к власти люди, которые сейчас управляют страной. Конечно, среди них имеются честные люди, и на первое место я должен поставить президента Линкольна, но их немного, и они слишком слабы, чтобы противостоять влиянию демагогов, которые заправляют всем. События показали, на что способны эти люди.

Исследуя причины, вызвавшие революцию* нельзя не удивляться до чего они ничтожны. Дело шло совсем не об отмене рабства; по существу, вопрос шел лишь о том, чтобы выяснить, допустимо или недопустимо рабство на почти необитаемой территории Новой Мексики. Не было ничего легче, как притти к соглашению. Но любители крайних мер, составлявшие огромное большинство конгресса, были обязаны своим политическим положением агитации, и только путем агитации они смогли удержать его за собой. Компромисс низверг бы их; вот почему они сделали все, чтобы помешать соглашению, и война разразилась.

Когда начались военные действия, конгресс издал постановление о наборе шестисот тысяч человек, и все они явились к набору. Правда, застой в торговле и в промышленности и высокое жалование солдат оказали большее действие, чем патриотизм. Но от этого прави-

* Надо понимать — гражданскую войну (*Ред.*).

тельство не располагало менее многочисленной армией; более того, ему удалось обеспечить себя суммой в 500—600 миллионов долларов. Но употребление, сделанное из этих громадных рессурсов, не соответствовало ожиданиям нации. Правда, федеральные войска за последнее время одержали довольно значительные успехи на Западе, но главная армия сепаратистов продолжает занимать свои позиции в пятнадцати милях от столицы. Итак, можно считать, что война едва началась, а федеральная казна уже пуста, и правительству грозит национальное банкротство.

Цель, которую в настоящий момент имеет в виду федеральное правительство, это — вторгнуться на Юг и подчинить его себе. Допустим, что это ему удастся, и оно займет своей армией отделившиеся Штаты, которые по своему пространству равны двум третям Европы, что же станут делать дальше? Энергия, проявленная южанами, не имеет другого источника, кроме ожесточения и ненависти против Севера. Под влиянием унижения, связанного с поражением, они не изменят своих чувств по отношению к своим бывшим союзникам. Следовательно, нужно будет удерживать их силою оружия, военной оккупацией. Но сможет ли правительство, порожденное революцией и всегда признававшее и провозглашавшее своим основным принципом — право всякого народа управляться по своему желанию,— держать в повиновении силой оружия одну треть своего населения, требующего отделения? Я не один раз ставил этот вопрос перед людьми, стоящими у руководства, и никогда не получал удовлетворительного ответа. Факт тот, что среди членов кабинета и конгресса, не исключая и г-на Сьюарда, который бесспорно самый умный среди них, нет ни одного с широким и ясным кругозором, и имеющего определенный план на будущее. Они слепо идут вперед, не отдавая себе отчета в опасностях, которые им угрожают даже в еще сомнительном случае завоевания Юга.

Поклонники американской демократии особенно любят выдвигать на первый план финансовое положение Соединенных Штатов по сравнению с положением европейских держав. Государственная задолженность европейских монархий прогрессивно накоплялась в течение одного-двух столетий среди политических потрясений и величайших войн. А сейчас Соединенные Штаты в отношении государственного долга и налогов находятся в положении более плачевном, чем любое другое государство, и чтобы дойти до такого положения, демократическому правительству Союза потребовался короткий срок в 9—10 месяцев.

События, которые мы здесь переживаем, не могут не возыметь громадного влияния в Европе. Революционеры и демагоги старого континента всегда находили в американской демократии моральную поддержку и часто материальную помощь. С крушением демократической системы в Соединенных Штатах, они теряют сейчас одну из главных своих опор. Наконец, та не менее опасная группа политических мечтателей, которые как в своих речах, так и в своих писаниях не перестают проповедывать безграничную свободу и которые думают, что нашли в американской республике осуществление своих теорий произвола и самоуправства, должны будут убедиться в том, что самоуправление, как все человеческие институты, имеет свою слабую сторону даже в Соединеных Штатах, где ультра-демократическая система, поставленная в исключительные условия, казалась защищенной от всякой опасности.

В этом отношении американская революция, надо надеяться, явится спасительным уроком для европейских анархистов и фантазеров *, но с другой стороны, дезорганизация Соединенных Штатов, как державы, с нашей точки зрения,— прискорбное событие. Американская конфедерация была противовесом английскому могуществу, и в этом смысле ее существование являлось элементом мирового равновесия.

Во всяком случае американская нация слишком жизнеспособна, чтобы быть унесенной революционным водоворотом. Крах потерпела ультра-радикальная система. Даже допуская завоевание или подчинение Юга, гражданская война будет иметь своим последствием необходимость поставить страну в новые условия. Американцы всегда хвастались тем, что у них нет правительства, и в некотором роде это было верно, но это положение вещей не сможет более продолжаться. При наличии долга в несколько миллиардов и при необходимости держать армию и взимать чрезмерные налоги, можно существовать только, имея очень сильное правительство. Лишь при этом условии американцы смогут реконструировать и вновь занять положение, которое они занимали в великой семье народов.

Стекль.

Из депеши посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 24/12 февраля 1862 г., № 11 **.

Князь,

...Что касается нас, то наша политика ясна. Она ясно и точно определена в депеше вашего превосходительства от 28 июня 1861 г.***, а только что полученное мною сообщение от 9 января послужит ей дополнением. Если ультра-демократический режим оказался несостоятельным, нам об этом жалеть не приходится, но мы не можем относиться равнодушно к тем опасностям, которые угрожают самой нации. Ее существование для нас важнее, чем для любого иного государства. Нам необходимо защищать наши интересы и расширить наше влияние в Тихом океане. В этой области мы уже встретили и, по всей вероятности, будем еще встречать препятствия со стороны Англии и помощь американцев нам всегда будет полезна. Позвольте мне, князь, добавить, что я не говорю сейчас о чувстве симпатии, которое могут к нам питать. Это чувство редко руководит политикой народов англо-саксонской расы, как бы эти народы ни назывались: англичанами или американцами. Я обосновываю свое мнение материальными интересами, а материальные интересы Соединенных Штатов будут склонять правительство на нашу сторону, как это уже имело место во время последних осложнений в Китае и Японии [36].

При настоящем положении вещей было бы не совсем благоразумным принимать участие в демаршах, которые возможно, пришлось бы сделать западным державам. Позднее дружеское посредничество могло бы, пожалуй, привести к примирению, но сейчас оно было бы неприемлемым. Поэтому наша роль должна ограничиться тем, чтобы внимательно следить за событиями и выжидать

---

* Помета Александра II — «Я хотел бы этого, но сомневаюсь, чтобы это было так».

** МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, лл. 92—94.

*** См. выше стр. 115.

результатов с тем, чтобы потом сообразовать с ними нашу политику. Таков путь, указуемый во всех сообщениях, которые вашему превосходительству угодно было мне направить, и я сочту своим долгом неизменно следовать по этому пути.

Стекль.

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 8 марта/24 февраля 1862 г.*

Исключительное значение американских событий придает вашим донесениям, как вы сами легко себе представляете, особый интерес. Этот интерес еще усиливается вследствие того, что как в доходящих до нас известиях, так и в газетах, невозможно уловить достаточно достоверные указания, которые позволили бы нам составить какое-либо суждение о вероятном исходе конфликта, последствия коего чересчур серьезны, чтобы мы могли остаться безучастными.

Ваше знание местных условий побуждает нас придавать особую ценность вашим личным впечатлениям. Мы ценим ясность ваших взглядов и полную правильность ваших действий.

Вывод, который нам приходится извлечь из происходящего, тот, что до сих пор над федеральным правительством тяготеют разногласия и затруднения. Но разве Южным штатам не приходится бороться со столь же большими затруднениями? Вера, которую проявляет Север в отношении конечного исхода кризиса, не имеет ли более серьезных оснований, чем свойственное демократии хвастовство? Не имеется ли каких-либо шансов на то, что усталость обоих сторон или решительный перевес одной из них приведут, наконец, к какому либо соглашению?

Чем больше вы постараетесь углубить эти вопросы, тем признательнее мы вам будем за ясность, которую вы в них внесете.

Мне нет нужды добавлять, что, сообщая нам все те сведения, которые вам удастся собрать, вы должны приложить старания к тому, чтобы ничто в вашем официальном или частном поведении не обнаруживало ваших впечатлений. Существенно важно не давать даже повода предполагать, что императорский кабинет имеет благоприятное или неблагоприятное мнение в отношении той или другой из обеих сторон.

Такая осторожность диктуется нам позицией, которую мы заняли и которую хотим сохранить.

Для нас нет ни Севера, ни Юга, а есть федеральный Союз, на расстройство которого мы смотрим с сожалением, разрушение которого мы наблюдали бы с прискорбием.

Мы проповедуем умеренность и примирение, но мы признаем в Соединенных Штатах только то правительство, которое находится в Вашингтоне.

Вы, без сомнения, оцените необходимость соблюдать эти нюансы. Благоволите рекомендовать их всему персоналу нашей миссии.

Горчаков.

* МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, лл. 526—528.

Из депеши посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 6 апреля/25 марта 1862 г., № 21 *.

Князь,

Письмо, которое ваше превосходительство благоволили отправить мне 24 февраля, прибыло ко мне позавчера.

В тот же день я имел случай видеться с государственным секретарем. Я ему сказал, что императорское правительство с живейшей заботливостью следит за развязкой американского кризиса, и добавил, что я был бы счастлив, если бы он дал мне возможность ознакомить ваше превосходительство с той оценкой, какую он дает настоящему положению вещей, и с возможными шансами на разрешение кризиса.

Г-н Сьюард принял мою просьбу с благосклонностью, которую он постоянно высказывал в наших официальных и частных сношениях. «Чтобы ознакомить вас с взглядами федерального правительства,— сказал он мне,— я вам зачитаю депешу, которую я только что отправил г-ну Дэйтону, нашему послу в Париже. Это ответ на донесение г-на Дэйтона о разговоре, который он имел с французским императором».

Согласно этого донесения, зачитанного мне государственным секретарем, Луи Наполеон сказал американскому послу: «Из моей речи и из адреса законодательного корпуса вы видели, что мы желаем избегнуть всякого вмешательства в ваши домашние смуты, но вы со своей стороны не должны терять из виду интересов нейтральных стран: блокада южного побережья длится уже год и имела серьезные последствия для нашей торговли; многие из наших промышленных округов находятся в бедственном состоянии, и такое положение вещей, естественно, должно еще более усугубиться по мере исчерпания запасов хлопка; через два месяца у нас не останется ни одного тюка хлопка». Засим император поставил г-ну Дэйтону два вопроса: 1) считает ли федеральное правительство, что оно в скором времени окажется в состоянии снять блокаду; 2) после открытия портов согласятся ли плантаторы юга отправлять туда хлопок. На эти вопросы государственный секретарь ответил общей оценкой положения.

Заслушав чтение этой депеши, я спросил г-на Сьюарда, не мог ли бы я сообщить ее содержание вашему превосходительству. Он выразил согласие и прислал мне копию депеши с весьма вежливой запиской.

Имею честь представить вашему превосходительству оба эти документа...**.

Стекль.

Письмо государственного секретаря США Сьюарда посланнику в Вашингтоне Стеклю, 3 апреля/22 марта 1862 г.***.

Дорогой г-н Стекль,

Я ценю выраженное мне вами сегодня утром желание дать вам возможность представить князю Горчакову положительные сведения.

---

* МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, лл. 151—152.

** Дальше печатаем только записку Сьюарда Стеклю.

*** МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, л. 158.

касающиеся наших надежд на успех и на исход нашей злосчастной гражданской войны.

Мы рассматриваем Россию как своего друга, а князя Горчакова как благородного представителя своей нации.

В виду этого предоставляю в ваше распоряжение для информации извлечение из депеши, которая мною только что отправлена г-ну Дэйтону в Париж и которая, несомненно, сохранит в руках князя свой конфиденциальный характер.

Когда вы будете посылать ее князю, будьте добры заверить его в том, что его линия поведения в делах России завоевала ему истинное и признательное уважение всего американского народа и мое в первую очередь.

Я надеюсь на мирное течение дел в России и уверен, что в этом случае я являюсь выразителем общих чувств моих соотечественников.

Ваш искренний друг
Вильям Г. Сьюард

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 4 мая/23 апреля 1862 г., № 34 *.

Князь,

Прошу позволения вашего превосходительства добавить несколько слов к тем сведениям, которые я уже имел честь передать вашему превосходительству относительно поездки французского посла в Ричмонд [37].

После первой своей беседы с г-ном Сьюардом г-н Мерсье явился ко мне и сообщил свой проект. Он приглашал меня поехать вместе с ним в надежде если не начать переговоры, то по крайней мере нащупать почву и посмотреть, нельзя ли найти какой-либо путь к примирению. Я ему ответил, что при нынешнем положении вещей я должен от этого воздержаться, так как не вижу никаких шансов на удачу его проекта. Г-н Мерсье не замедлил сам убедиться в этом после беседы, которую он имел на следующий день с государственным секретарем. Г-н Сьюард неблагожелательно принял предложения французского посла и отказался уполномочить его сделать какие-либо предложения конфедератам.

Два дня спустя я имел случай видеть государственного секретаря, который со мной говорил об этом деле. «Я не знаю,— сказал он мне,— действовал г-н Мерсье с разрешения или без разрешения своего правительства, но остается фактом то, что Луи Наполеон не один уже раз пытался заставить нас принять посредничество; как бы то ни было, поведение французского правительства во время настоящего кризиса не таково, чтобы оно внушало нам большое доверие. Если какая-нибудь держава и могла бы быть посредницей между обеими сторонами, так это была бы, несомненно, Россия, которая дала нам так много доказательств сочувствия. Но посредничество,— добавил он,— с какой бы стороны оно не исходило, было бы плохо встречено нацией. Это домашняя ссора, которая должна быть урегулирована нами самими. Во всяком случае, в настоящий момент нам остается только следить за событиями и выжидать исхода военных операций».

*МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, лл. 211—212.

Таким образом, поездка г-на Мерсье, которая дала место всякого рода толкованиям в газетах Соединенных Штатов и равным образом станет предметом толков европейской прессы, не привела ни к какому результату.

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 11/9 августа 1862 г., № 6 *.

Господин вице-канцлер [38],

Газеты, прибывшие с последними пароходами из Европы, говорят о начавшихся между Россией и Францией переговорах о том, чтобы согласованно вмешаться в дела Соединенных Штатов. Государственный секретарь спросил меня, имею ли я какую-либо информацию на этот счет. Я ответил г-ну Сьюарду, что никакой информации об этом я не имею. Я добавил, что политика императорского правительства с самого начала революции ** была изложена в депешах вашего превосходительства, которые я ему сообщал, с такой ясностью и откровенностью, что я имею основания полагать, что эта политика не подверглась никакому изменению, и что, наконец, я убежден в том, что императорский кабинет не присоединится к таким демаршам, которые сопровождались бы какою-либо угрозою.

Здесь были весьма обеспокоены приемом французским императором г-на Слайделя, агента конфедератского правительства. Г-н Мерсье был добр зачитать мне депешу, полученную им по этому вопросу от своего правительства. Г-н Тувенель писал ему, что прием г-на Слайделя не носил официального характера и посему не имеет никакого значения. Однако, он добавляет, что общественное мнение во Франции, в особенности в среде торговых и промышленных классов, все более и более высказывается в пользу признания Юга, что император, верный своим дружеским отношениям с Соединенными Штатами, до сих пор не поддавался этому давлению, но что федеральное правительство не должно ожидать, чтобы это положение вещей, наносящее такой ущерб интересам Франции, длилось без конца.

Как я уже имел честь заявить вашему превосходительству в моей последней почте, всякое иностранное вмешательство сейчас только сделало бы положение еще более тяжелым. Франция поступит хорошо, если еще некоторое время выждет исхода событий. И та и другая сторона в скором времени будут истощены, и если можно строить предположения при наличии столь необычайных событий, то я думаю, что весною или, самое позднее, будущим летом военные действия неизбежно будут приостановлены. Тогда, пожалуй, можно иметь кое-какие шансы на то, что Соединенные Штаты примут иностранное посредничество, если оно будет иметь дружеский характер. Согласованный демарш России и Франции, может быть, мог бы привести к счастливому результату, но английского вмешательства никогда не захотят.

Стекль.

---

* МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, лл. 340—341.

** Революцией Стекль называет гражданскую войну в США.

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 8 ноября/27 октября 1862 г.*

При сем прилагается копия депеши г-на Друэн де-Люиса [39], сообщенной мне г-ном французским послом [40], и копия ответа, который я дал на нее по повелению императора.

Вам достаточно известны намерения его величества, поэтому мне нет необходимости сообщать вам, насколько выраженное французским правительством желание приостановить военные действия и попытка добиться соглашения между враждующими в Соединенных Штатах сторонами, соответствует нашим собственным пожеланиям. Но мы придаем чрезвычайно большое значение вашим суждениям, которыми вы поделились с нами относительно возможного эффекта от какого бы то ни было предложения коллективного посредничества; мы поэтому не сочли себя обязанными присоединиться к проекту соглашения, намеченному французским правительством, хотя проект представляется по своей форме довольно примирительным и смягченным, исключающим всякую мысль о давлении в случае отказа.

Нам не приличествует совершенно отказываться от содействия в предлагаемой в такой форме попытке, имеющей своей целью приблизить конец прискорбной борьбы. Но, будучи всегда готовыми присоединиться к ней путем отдельных дружеских советов, мы не находим возможным принять в ней участие официально.

Само собой разумеется, что, если бы, как это полагает французское правительство, настал бы момент, когда стали бы обнаруживаться миролюбивые настроения у обоих сторон и лишь разнузданные страсти были бы единственной помехой к началу переговоров между обоими частями, то примирительная инициатива европейских великих держав могла бы быть приемлемой; и в этом случае мы не смогли бы отказаться от сотрудничества.

Настал ли этот момент? Нам приходится сомневаться в этом как по нашим собственным впечатлениям, так и по впечатлениям, которые вы нам передаете.

Во всяком случае, только вы в состоянии судить об этом, и мы питаем полное доверие к достоверности ваших оценок. Вот почему я постарался в моем ответе французскому кабинету сохранить за вами полнейшую свободу.

Если французский кабинет будет настаивать на своей идее коллективного посредничества, и лондонский кабинет к этому присоединится, вы окажете этому демаршу вашу моральную поддержку в той мере, как это вам внушит ваш такт. Но вы примете официальное участие в этом вопросе только в том случае, если ваша личная оценка обстоятельств момента и местных настроений даст вам уверенность в том, что это участие будет принято обеими заинтересованными сторонами.

Мне нет нужды рекомендовать вам величайшую осмотрительность в отношении этой последней гипотезы. Хотя предложенный нам демарш имеет характер чисто примирительный, хотя он отнюдь не предрешает исхода спора и исключает всякое давление на переговоры, однако мы не можем скрыть от себя дистанции, отделяющей наши взгляды от взглядов держав, к которым нам пришлось бы присоединиться. То, что для нас является безкорыстным пожеланием, то для них — настоятель-

* МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, лл. 538—541.

ная потребность, и чтобы добиться осуществления этого, они легко могут отойти от своего исходного пункта гораздо дальше, чем мы были бы склонны следовать за ними.

Итак, вы нас обяжете к этому пути только при полной уверенности в исходе, к которому он нас приведет.

Горчаков.

На письме помета Александра II: «Быть по сему».

Из депеши посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 17/5 ноября 1862 г., № 79.*

Господин вице-канцлер,

...Г-н Друэн де-Люис в своей депеше г-ну Мерсье упоминает о намерении французского правительства добиться сотрудничества России на случай вмешательства.

Лорд Лайонс повторил мне тоже самое, но он добавил, что лондонский кабинет желает присоединения не только России, но и других великих держав для того, чтобы, как он мне заявил, выраженное нами желание,— увидеть прекращение этого ужасного кровопролития,— исходило бы не только со стороны Франции и Англии, но и от всего цивилизованного мира.

Не мне, князь, предрешать шаги, которые предпримет императорское правительство по этому поводу. Я ограничусь лишь тем, что сообщу вашему превосходительству какое впечатление произведет здесь коллективное сотрудничество России, Австрии и Пруссии с морскими державами. Это впечатление, скажу об этом без колебаний, будет очень плохим. Не имея одинаковых интересов с Францией и Англией, мы в такой комбинации будем поставлены наравне с Австрией и Пруссией и будем рассматриваться как простые помощники морских великих держав. Эта роль не будет соответствовать той полной достоинства позиции, которую императорское правительство заняло с самого начала нынешнего кризиса, и которая так высоко оценена американским народом. Революция в Соединенных Штатах обречена пройти еще различные фазы, и мы, как я уже имел честь заявить о том вашему превосходительству, можем оказаться призванными предложить наши добрые услуги в качестве посредников, когда развязка станет возможной. Но чтобы быть, если когда-либо представится случай, непосредственно полезными нации, которая постоянно поддерживала с нами самые дружеские отношения, существенно важно, чтобы мы были свободны от всякого антецедента, могущего повредить нам в общественном мнении.

Я прошу князь, вашего благосклонного снисхождения, если, выражая таким образом мое мнение о столь серьезном вопросе, я переступаю границы моих полномочий. Прошу ваше превосходительство видеть в этом только добросовестное желание исполнить свой долг.

Стекль.

На депеше помета Александра II: «Нахожу его мнение весьма разумным».

* МИД, Канцелярия, 1862 г., д. 152, лл. 422—423.

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 28/16 февраля 1863 г.*

Все ваши депеши до № 3 включительно до нас дошли и были представлены на усмотрение его величества императора, который соблаговолил отнестись к ним с живым интересом.

Единственная депеша, требующая ответа, это та, в которой упоминается о французском проекте посредничества. Государь одобряет благоразумную сдержанность, которую вы сохранили по отношению к вашему французскому коллеге, когда он вам открылся.

Ответ, который вы ему дали, может служить для вас инструкцией. Я не сумел бы начертать вам поведение более соответствующее мнению его величества, каковое я имел случай не раз вам излагать.

Вы приглашаетесь настойчиво придерживаться его, внося сюда оттенки, какие вам будут подсказаны местными обстоятельствами и теми настроениями, которые вы сможете обнаружить у федерального правительства.

Что же касается предусмотренной вами возможности посредничества, присоединиться к которому мы могли бы быть призваны вместе с Францией, оставляя в стороне Англию, то мы очень хотели бы избежать необходимости сделать выбор между принятием или отклонением подобного предложения. И то и другое из этих предположений представляет действительные неудобства. Мы не желали бы оскорбить Францию, а быть может, и федеральное правительство отказом, но исключить Англию из подобной комбинации, было бы демаршем, противоречащим, как нам казалось бы, цели предлагаемого примирения.

Во всяком случае столь важное предложение, очевидно, не может быть вам сделано французским послом до того, как его правительство предварительно не договорилось бы с нами. А между тем тюильрийский кабинет до сих пор не сделал нам никакого предложения в этом роде.

Горчаков.

На письме помета Александра II: «Быть по сему».

Из депеши посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 26/14 апреля 1863 г., № 29**

Господин вице-канцлер,

Только с последним пароходом я получил письмо, которое ваше превосходительство оказали честь послать мне 16 февраля, относительно иностранного посредничества в Соединенных Штатах.

Сейчас уже нет больше речи об этом проекте. При наличии весьма напряженных отношений между Соединенными Штатами и Англией эта держава не может и помышлять о дружеском вмешательстве в американский кризис.

Что касается Франции, то и она, кажется, равным образом отказалась от всякой мысли о вмешательстве, и доказательством этого является то, что г-н Друэн де-Люис не счел нужным ответить на последнюю депешу г-на Сьюарда.

---

* МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/а, лл. 396—397.

** МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/а, лл. 179—180.

Если посредничество было неприемлемо три месяца назад, то сегодня оно является таковым еще больше. Превратности, испытанные американцами, сделали их в высшей степени восприимчивыми, и всякое иностранное вмешательство в их дела оскорбило бы сейчас их самолюбие больше, чем когда-либо.

Надо дать событиям развиваться. Война ведется в размерах чересчур крупных для того, чтобы она могла продолжаться безконечно; придется кончить тем, чтобы приступить к переговорам. Лишь тогда, как я уже имел честь говорить об этом вашему превосходительству, добрые услуги нейтрального государства могли бы при случае оказаться полезными, и если такой случай представится, я повторяю это без колебаний, Россия больше чем всякая другая держава, будет в состоянии оказать эту услугу американцам.

Этим я выражаю мнение многих выдающихся личностей, между прочим мнение бывшего президента Пирса [41], с которым я недавно встретился в Нью-Йорке.

Г-н Пирс заявил мне, что он с величайшим удовлетворением прочел сообщения, которые ваше превосходительство поручили мне сделать федеральному правительству, и что он увидел в них искреннее выражение открытой и сердечной симпатии. «В наших ужасных испытаниях,— добавил г-н Пирс,— одна только Россия показала себя нашим бескорыстным другом, и на нее мы можем рассчитывать, если когда-либо мы будем нуждаться в поддержке...»

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 11 мая/29 апреля 1863 г., № 34.*

Господин вице-канцлер,

Государственный секретарь конфиденциально уведомил меня о сообщении, сделанном правительству Соединенных Штатов французским правительством. Луи-Наполеон просил содействия американцев по вмешательству трех держав в польский вопрос [42].

Г-н Друэн де-Люис в своей депеше говорит, что в своем демарше в пользу Польши французский император руководился мотивами гуманности и желанием сохранить всеобщий мир. Г-н Друэн де-Люис прибавляет, что исторические симпатии американцев к полякам и добрые отношения, которые всегда существовали между Россией и Соединенными Штатами, способны сделать более действенным сотрудничество федерального правительства в предпринятом по польским делам выступлении.

Г-н Сьюард мне заявил: «Это — просьба, на которую мы никогда бы не согласились, и она не может подлежать обсуждению сейчас, когда наши собственные дела дают нам достаточно затруднений. В тот момент, когда отвергнута, как мы знаем, мысль о каком бы то ни было вмешательстве в наши внутренние разногласия, по какому праву мы могли бы вмешиваться в дела других государств?».

Государственный секретарь обещал мне сообщить свой ответ, как только он будет готов для передачи французскому правительству.

Стекль.

* МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/а, лл. 198—199.

P. S. В момент когда я заканчивал мою корреспонденцию государственный секретарь попросил меня зайти к нему и прочел мне свой ответ французскому правительству. Это — отказ, основанный на традиционной политике федерального правительства,— не заключать союзов с европейскими державами. Г-н Сьюард сказал мне, что свой ответ он отправляет с пароходом, отходящим завтра из Бостона, и добавил, что если бы у него было время, то копию он отправил бы г-ну Клею. Копию ответа он обещал дать также и мне. Я буду иметь честь доставить ее вашему превосходительству только с пароходом будущей недели.

Стекль.

На депеше помета Александра II: «Браво!».

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 15/3 мая 1863 г., № 38*.

Господин вице-канцлер,

Имею честь представить вашему превосходительству прилагаемую при сем копию депеши государственного секретаря в ответ на французское предложение относительно польских дел. Г-н Клей, которому этот документ был послан с предыдущим пароходом, по всей вероятности сообщил его вам, господин вице-канцлер, еще до получения настоящего донесения.

Передавая мне свой ответ г-ну Друэн де Люису, г-н Сьюард сказал мне: «Я изложил наш отказ в выражениях самых вежливых по отношению к Франции, но в то же время я приложил старания к тому, чтобы подчеркнуть, насколько федеральное правительство и американская нация ценят те великодушные труды и в особенности великий акт освобождения крестьян, которые уже прославили царствование его величества императора Александра II. Я поэтому выразил мнение, что, если вмешательство Франции имеет предметом интересы гуманности и заботу о сохранении всеобщего мира, то мы не имеем никакого сомнения в том, что оно будет хорошо принято его величеством государем императором, поскольку оно совместимо с интересами его великой империи».

«Такова,— добавил г-н Сьюард,— мысль, которую я хотел выразить в моем ответе на предложение Франции; надеюсь, что ваше правительство будет этим удовлетворено».

Стекль.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 4 июня/23 мая 1863 г.**

Ваше донесение от 15/3 мая[43] было доложено его величеству государю императору. Депеша г-на Сьюарда г-ну Дэйтону в ответ на недавний демарш французского правительства перед вашингтонским кабинетом по вопросу о Польше,— с каковой депешей г-н государственный секретарь по иностранным делам был любезен вас ознакомить,— была уже передана нам г-ном Клеем.

* МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/а, лл. 218—219.

** МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/а, лл. 401—402.

Прилагаемая при сем копия письма, только что отправленного мною по повелению государя г-ну американскому посланнику [44], ознакомить вас с тем, как его величество оценил достойный и твердый язык федерального правительства, оценил доверие, им выражаемое по отношению к взглядам и намерениям государя и лойяльность, с которою это правительство поддерживает по отношению к другим те принципы, соблюдение которых оно требует по отношению к себе.

Г-н Сьюард вполне предугадал впечатление, какое произведет на государя ответ, столь соответственный тем добрым отношениям, которые соединяют нас с федеральным правительством.

Подтверждение этому вы найдете в моем письме г-ну Клею. Г-н американский посланник, несомненно, доложит о нем своему правительству.

По повелению государя приглашаю вас быть проводником этих чувств его величества перед президентом и государственным секретарем по иностранным делам в выражениях самой откровенной сердечности.

Горчаков.

На депеше помета Александра II: «Быть по сему».

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 6 июля/24 июня 1863 г., № 50 *

Господин вице-канцлер,

Депеша от 4 июня/23 мая, которую ваше превосходительство имели честь мне отправить, а равно и копия ноты г-ну Клею, аккуратно до меня дошли.

Я поспешил, господин вице-канцлер, исполнить ваши приказания и я выразил президенту Соединенных Штатов и государственному секретарю чувства, которыми проникся государь, когда он познакомился с ответом федерального правительства на французское предложение. Г-н Линкольн и г-н Сьюард в свою очередь заверили меня, что они были как нельзя более тронуты тоном и содержанием письма, адресованного их представителю. «Мы всегда встречаемся на почве, где наши интересы тождественны,— заявил мне г-н Линкольн,— а именно, на почве принципа иностранного невмешательства. Этот принцип был основой нашей традиционной политики и, не взирая на переживаемый нами злополучный кризис, мы решили придерживаться этого принципа во всяком случае». Президент повторил, что он, как и вся американская нация, ценит возвышенный характер и все благожелательные намерения государя императора и выражает пожелания, чтобы его величество мог без препятствий твердо двигаться на пути прогресса, по которому он следует на благо своей обширной империи.

Стекль.

Из письма посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 23/11 сентября 1863 г.**.

Князь,

...Государственный секретарь недавно говорил мне о циркулирующих в европейских газетах слухах по поводу союзного договора, ко-

---

* МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/а, лл. 263—264.

** МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/а, лл. 392—394.

торый якобы заключен между Россией и Соединенными Штатами, и добавил, что он опасается, не имел ли г-н Клей, располагающий связями со многими европейскими журналистами, отношения к этим слухам. Он спросил меня, не сделал ли г-н Клей вашему превосходительству какого-либо предложения по этому предмету *. Я ему ответил, что мне об этом ничего не известно. Тогда он сказал мне: «Напишите конфиденциально князю Горчакову, что я рекомендовал г-ну Клею отнюдь не делать какого-либо предложения в этом духе и быть очень осмотрительным. Тождество наших интересов,— продолжал г-н Сьюард,— делает нашу дружескую связь гораздо более надежной, чем какой бы то ни было союзный договор.**

Я позволил себе заметить государственному секретарю, что правительство государя императора полностью разделяет эту точку зрения. В действительности, для нас было бы опасно связать себя каким бы то ни было союзным договором с Соединенными Штатами. Внешняя политика Конфедерации всегда была подчинена расчетам и партийным комбинациям. Эти партии постоянно сменяются, и люди, приходящие к власти, не считают себя связанными обязательствами своих предшественников.

Относительно того, что государственный секретарь заявил мне насчет г-на Клея, я должен добавить, что они продолжают весьма плохо относиться друг к другу. Более, чем вероятно, что г-н Сьюард преувеличил в своем представлении то участие, какое мог принять г-н Клей в циркулировавших в Европе слухах о мнимом русско-американском союзе.

Появление впервые нашего военного флага в Соединенных Штатах произвело сенсацию в стране и особенно в Нью-Йорке [45]. Все власти посетили фрегат «Ослябя», прибывший несколько дней тому назад. Г-жа Линкольн, находившаяся в Нью-Йорке, также посетила его и была в восторге от приема, оказанного ей капитаном Бутаковым. Муниципалитет Нью-Йорка официально предложил нашим морякам гостеприимство города.

Я незамедлительно еду в Нью-Йорк, где надеюсь встретить адмирала Лесовского, который не должен замедлить прибыть с кораблями, вышедшими из Кронштадта. Я не пренебрегу ни одним случаем быть полезным нашим морякам и сделать для них приятным пребывание в Соединенных Штатах.

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 23/11 сентября 1863 г., № 62.***

Господин вице-канцлер,

Недавно прибывший сюда капитан императорского флота Кроун, привез мне письмо морского министра, который извещает меня о посылке в Соединенные Штаты эскадры, вышедшей из Балтийского моря под командой контр-адмирала Лесовского, и фрегата «Ослябя», прибывающего из Средиземного моря. Этот фрегат неделю назад вошел в Нью-Йоркский порт.

---

* Пометы Александра II: «Мне неизвестно, чтобы он когда-либо делал подобное предложение».

** «Совершенно правильно».

*** МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/б, лл. 13—14.

По своем прибытии сюда, контр-адмирал Лесовский ознакомит меня с данными ему инструкциями, и я приму все необходимые меры, чтобы, насколько это будет зависеть от меня, облегчить ему возложенную на него миссию.

Я уведомил федеральное правительство об отправке этой эскадры и получил заверение, что наши моряки получат от компетентных властей всяческие услуги, какие им могут потребоваться.

Я позабочусь о том, чтобы держать контр-адмирала Лесовского в курсе политических событий; я обратился к нашим послам в Лондоне и Париже с просьбой информировать меня о всяком серьезном событии, дабы я мог во время известить об этом командиров наших кораблей. Настоятельно необходимо, чтобы в случае военных действий наша эскадра могла выйти в море раньше, чем она может подвергнуться внезапному нападению или быть блокированной в американских портах бесконечно превосходящими силами, которые англичане и французы держат у берегов Нового Света.

Стекль.

P. S. При сем имею честь передать для вашего превосходительства в копии письмо, которое я только что сию минуту получил от морского министра г-на Уэллса. Он извещает меня оффициально, что адмиралу Паулдинг отдан приказ предоставить в распоряжение нашей эскадры нью-йоркское адмиралтейство на случай, если наши суда будут нуждаться в какой-нибудь починке, и вообще оказывать нашим морякам все услуги, какие им могут потребоваться.

Стекль.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 22/10 октября 1863 г.*

Я получил вашу корреспонденцию от 23/11 сентября и поспешил направить ее его величеству государю императору.

Клей не делал нам никакого предложения о союзном договоре. Мы бы впрочем отклонили его как беспредметное. Договор существует de facto в силу совпадения наших политических интересов и традиций.

Мы весьма тронуты приемом, оказанным нашей небольшой эскадре. Концентрация судов имела своей главной целью охранение безопасности в то время, когда, как нам казалось, нам угрожала война. Мне нет нужды заявлять, что такая возможность никогда не соответствовала нашим желаниям. Сегодня шансы на войну кажутся нам еще менее вероятными. Мы хотели бы быть уверены, что наши храбрые моряки, сердечно отвечая на оказываемый им прием, воздержатся от того, чтобы придавать своим речам характер, угрожающий какой бы то ни было державе, и чтобы тем самым давать повод к предположениям, не входящим в наши намерения и не соответствующим нынешней политике. Такая осторожность тем более необходима, что наши моряки находятся в стране, где страсти чересчур возбуждены и нравы весьма экспансивны.

Горчаков.

На депеше помета Александра II: «Очень хорошо».

* МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/б, лл. 18—19.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 26/14 ноября 1863 г.*

Я не преминул доложить его величеству государю императору ваши депеши и письма от 2 ноября/21 октября, в которых вы доносите о сердечном приеме, какой был оказан в Нью-Йорке морякам нашей эскадры.

Столь благожелательное и непринужденное выражение чувств является наилучшим доказательством дружеских отношений, соединяющих обе страны. Это выражение чувств может только содействовать еще большей близости этих отношений, ибо русская нация высоко оценит прием, оказанный нашим храбрым морякам, которым доверена в этих дальних краях честь национального флага.

Государь император был весьма тронут и поручает вам, милостивый государь, засвидетельствовать г-ну президенту Линкольну его благодарность.

Его величество равным образом оценил ту действенную помощь и добрые услуги, какие были оказаны федеральными властями Сан-Франциско офицерам и экипажу корвета императорского флота «Новик» во время крушения этого судна [46].

Поспешность, с какой эта помощь была предложена, не выжидая инструкций от правительства, и немедленное одобрение, которое дал этому г-н министр федерального казначейства, являются более чем простым актом гуманности и во всяком случае заслуживают нашей живейшей благодарности.

Государю императору угодно было усмотреть в этом следствие той сердечной симпатии, которая обнаруживается по всякому поводу в наших отношениях с американской нацией. Его величество приглашает вас выразить по этому случаю г-ну президенту Линкольну полное свое удовлетворение.

Горчаков.

На депеше помета Александра II: «Быть по сему».

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 31/19 декабря 1863 г., № 80 **.

Господин вице-канцлер,

С последним пароходом я получил депешу, которую ваше превосходительство имели честь отправить мне 14-го минувшего ноября.

В соответствии с содержавшимися в ней приказаниями, я поспешил выразить в частной аудиенции президенту благодарность государя императора за сердечный прием, оказанный нашим морякам. Г-н Линкольн мне ответил, что он был чрезвычайно тронут этим демаршем и еще раз заверил меня, что появление нашего флага у берегов Соединенных Штатов и обмен учтивостью и любезностями, который за этим последовал, создают дружескую связь между обоими странами.

Адмирал Лесовский прибыл в Вашингтон 3 декабря на борту фрегата «Ослябя», в сопровождении корветов «Витязь», «Варяг» и клипера «Алмаз». К сожалению, нельзя было видеть президента, заболевшего ветряной оспой за несколько дней до прибытия наших военных су-

* МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/б, лл. 32—33.
** МИД, Канцелярия, 1864 г., д. № 150, лл. 10—12.

дов. Поэтому я представил наших моряков государственному секретарю и другим членам кабинета, которые на следующий день явились с ответным визитом на борт флагманского судна. Г-н Сьюард, который принял на себя оказать честь нашей эскадре, дал банкет адмиралу и командирам кораблей, а на следующий день государственный секретарь и другие члены кабинета оказали мне честь своим присутствием у меня на обеде с нашими офицерами.

В этот период собрался конгресс. Посоветовавшись с адмиралом Лесовским, я попросил г-на Сьюарда пригласить от нашего имени председателя Сената, спикера палаты и всех членов конгресса посетить наши корабли. В назначенный день мы приняли на борту пятьсот человек: сенаторов, депутатов и членов их семейств. Во время приготовленного для них завтрака я предложил тост за процветание Соединенных Штатов, который был встречен с энтузиазмом и сопровождался национальным салютом. Спикер, который был главным персонажем, поблагодарил несколькими любезными словами.

Адмирал Лесовский, пребывание которого в Вашингтоне было более продолжительным, чем он рассчитывал, должен был еще задержать свой отъезд, в виду выраженного президентом желания видеть наших офицеров. Г-н Линкольн попросил меня зайти к нему и сказал мне, что он еще не поправился настолько, чтобы явиться на борт корабля, но что он принял бы наших моряков у себя. На большом приеме, где присутствовали дипломатический корпус, высшие должностные лица и члены конгресса, я имел честь представить президенту и г-же Линкольн адмирала Лессовского и командиров эскадры.

Здесь было меньше оффициальности чем в Нью-Йорке, но отсутствие публичных демонстраций и спичей нисколько не повредило этому чрезвычайно сердечному приему. Все прошло настолько хорошо, насколько этого можно было желать.

Адмирал Лесовский отправился в Гэмптон-Роад, расположенный у входа в бухте Чизэйпик, где к нему должны присоединиться оба фрегата, оставленные им в Нью-Йорке. Он предполагает совершить с одной частью эскадры поездку в Гаванну [47] и в Западную Индию, а другую часть оставить в Аннаполисе [48].

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 22/10 марта 1864 г., № 14. *

Господин вице-канцлер,

Командующий нашими тихоокеанскими морскими силами контр-адмирал Попов [49] сообщал мне из Сан-Франциско, что там опасаются нападения со стороны конфедератских корсаров и спрашивал моего мнения, мог ли бы он в подобном случае использовать наши силы для защиты города. Я тотчас же ответил ему по телеграфу и отправил почтой письмо.

Я счел своим долгом сообщить адмиралу характер инструкций, которые ваше превосходительство неоднократно благоволили давать мне относительно американского кризиса. Я ему писал, что для нас нет ни Севера, ни Юга, что мы признаем американскую нацию, что мы сожалеем о конфликте, возникшем между различными штатами и что

* МИД, Канцелярия, 1864 г., д. № 150, лл. 71—72.

всякое соучастие наших морских сил могло бы повлечь за собою серьезные затруднения для императорского правительства. Я добавил, однако, что в том, весьма маловероятном, случае, когда какому-либо корсару удалось бы пройти через укрепления и войти в порт, адмирал мог бы использовать свое моральное влияние, чтобы воспрепятствовать бомбардировке города; можно предполагать, что при наличии тех сил, какими он располагает, такие предостережения произвели бы желательное действие.

Кажется, в Сан-Франциско перепугались без всякого основания. По имеющимся здесь сведениям, в Тихом океане имеется только один корсар: это — «Алабама» [50], небольшое судно, которое не в состоянии напасть на укрепления, защищающие порт Сан-Франциско. Следовательно, предположение о нападении на столицу Калифорнии выходит за пределы всякой вероятности.

Стекль.

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 8 марта/24 февраля 1865 г.*

Настоящее письмо я вверяю г-ну Данзасу, направляющемуся в Вашингтон, чтобы заменить там г-на Давыдова [51]. Рекомендую этого чиновника вашему благосклонному вниманию.

Ваши депеши от 24/12 января нами получены [52]. Император ознакомился с ними с интересом, который внушают его императорскому величеству ваши здравые оценки тех серьезных событий, какие совершаются или подготавливаются в Новом Свете.

Ваши оценки убеждают государя императора в необходимости вашего присутствия на доверенном вам посту; ваш проект о поездке в Россию необходимо отложить до более спокойных времен.

Это, дорогой мой Стекль, свидетельствует о той ценности, какую его императорскому величеству угодно придавать нашим услугам.

Как ответ на один из мотивов, внушивших вам желание вернуться в Россию, я прилагаю при сем памятную записку об общей политике. Эта записка поставит вас в курс дела императорского кабинета и ознакомит со всеми оттенками, какие сюда привносятся текущими обстоятельствами и прогнозами ближайшего будущего.

Благоволите рассматривать это сообщение как строго конфиденциальное и предназначенное исключительно для вашего личного сведения.

Горчаков.

Помета Александра II: «Быть по сему».

Записка чиновника особых поручений при вице-канцлере Катакази [53] министру иностранных дел Горчакову**.

Многочисленные и серьезные признаки позволяют предполагать о близком прекращении гражданской войны в Америке. Конфедеративные штаты Юга дошли до крайних пределов, истощив людей и растратив силы и деньги. Федеральные флот и армия каждый день достигают новых успехов. Возможно, что после взятия Чарльстона [54],

* МИД, Канцелярия, 1865 г., д. № 183, лл. 454—455.

** Записка не датирована и приложена к первоначальному проекту письма Горчакова Стеклю, где имеется дата 6 февраля 1865 г.

Вильмингтона [55] и Мобиля [56], этих трех последних портов, которые остаются у сецессионистов, генерал Ли [57], лишенный своей операционной базы и всяких средств снабжения, должен будет прекратить сопротивление, оказываемое им в стенах Ричмонда настойчивым усилиям генерала Гранта [58].

А между тем федеральные войска находятся в 15 милях от Мобиля, на расстоянии одного дневного перехода от Чарльстона; падение Вильмингтона в настоящее время, должно быть, уже совершившийся факт, так как последние известия сообщают, что конфедератский генерал только что взорвал два передовых форта, составляющих главную защиту города, и уже принял необходимые меры, чтобы обеспечить отступление гарнизона, удовлетворив чувство воинской чести длившимся несколько дней сопротивлением.

Еще более серьезным, чем эти военные неудачи, является моральный разгром дела сепаратистов. Громадное большинство конфедеративных штатов громким голосом требует мира, многие из них требуют мира даже любой ценою. Чтобы доказать, с какой настойчивостью и единодушием проявляются эти пацифистские настроения, небесполезно, может быть, будет сослаться на следующие факты:

Законодательные собрания Тенесси и Кентукки [59], двух штатов, наиболее преданных делу рабовладельцев, только что вынесли огромным большинством решение об окончательной и безусловной отмене рабства, мотивируя эту меру желанием положить конец гражданской войне.

Законодательное собрание штата Георгии [60] официально обратилось к конфедератскому президенту за разрешением — вступить с вашингтонским кабинетом в переговоры для восстановления мира. Г-н Джефферсон Дэвис ответил на это документом, воспроизведенным во всех газетах, где он оспаривает право и пользу изолированных переговоров каждого из конфедеративных штатов, но признает необходимость просить мира, оговаривая, разумеется, принцип независимости Юга.

Охранный лист, предоставленный г-ну Блейру [61],— официозному посланнику президента Линкольна,— его переговоры с Джефферсоном Дэвисом, свидетельствуют о том, что этот последний уяснил себе невозможность дальнейшего сопротивления, и что, если он не принимает еще предложений вашингтонского кабинета, то, по крайней мере, прислушивается к ним с бесконечно большей благосклонностью, чем в предшествующие годы.

Впрочем, его вынуждает к этому крайняя финансовая скудость его администрации, полное исчерпание всех военных ресурсов и, в особенности, требования общественного мнения, которые проявили себя недавно даже в недрах конгресса в Ричмонде.

Газета «The Sentinel», официальный орган правительства конфедератов, опубликовала очень резкую статью, где она обвиняет «в измене и бесчестии всех, кто хотел бы вступить в прямые переговоры с вашингтонским кабинетом»,— и вот один из наиболее влиятельных на Юге лиц, г-н Орр, представитель штата Миссисипи, заявил протест против диктаторских замашек президента Джефферсона Дэвиса, взывая к здравому чувству страны и конгресса против этих диких теорий войны до конца, и даже не поколебался заявить категорически, «что все попытки запугивания при существующем положении вещей могут повлечь за собой только ускорение событий и вызвать сопротивление, что только сумасшедшие или бешеные люди могут отсоветовать мир и что необходимо, чтобы правительство тем или иным способом удов-

летворило преобладающие пожелания страны — положить конец этой ужасной и бесплодной человеческой бойне, которая длится уже почти пять лет».

Предложение вынести порицание правительству, сделанное г-ном Орр, было отвергнуто большинством, но необходимо заметить, что представители Георгии и Алабамы весьма энергично поддерживали его, а один из них даже заявил, что не желает принимать участия в прениях Конгресса, пока статья в «The Sentinel» не будет осуждена правительством. Достаточно того, что подобный язык оказался терпимым в среде собрания, которое еще 6 месяцев тому назад не допускало простого упоминания о какой бы то ни было пацифистской мысли. чтобы более не сомневаться в повороте, какой произошел за это время в умах конфедератов.

За исключением очень небольшого меньшинства, которое почерпает смелость для своего упорства только в желании наивозможно дольше удержать власть, все в конфедеративных Штатах жаждут мира, и все решили внушить это президенту Джефферсону Дэвису, если он будет упорствовать в своем отказе от мира.

Едва ли необходимо добавлять, что те же самые стремления и такие же решения преобладают в Северных Штатах Америки. Будучи переизбран на самую высокую должность огромным большинством всей нации, президент Линкольн не может иметь более настоятельного интереса, более законного желания, чем завершить свою политическую карьеру восстановлением длительного мира.

При наличии, если не открыто признанного, то молчаливого соглашения между двумя большими частями американского общества о неотложности окончания войны, расхождение существовало бы только относительно условий, на которых мог бы быть заключен мир.

Эти условия со стороны Севера с неизменной ясностью были формулированы не один раз. Вашингтонский конгресс и г-н Линкольн, все избирательные съезды в прошлом году, все законодательные собрания федеральных штатов во многих случаях заявляли, что мир мог бы быть заключен только на следующих условиях:

1. Отмена рабства взамен более или менее щедрого вознаграждения собственникам.

2. Безусловное подчинение конфедеративных штатов и их вхождение в федеральный союз; допускается, однако, возможность пересмотра органической конституции и предоставление каждому из федеральных штатов некоторых требуемых ими уступок, что можно было бы согласовать с единством и неприкосновенностью центральной власти.

Что же касается нынешних притязаний Юга, то и они весьма ясно излагаются в следующей статье, напечатанной в «Richmond Examiner», главном органе умеренного большинства южан.

«Если Юг будет завоеван, сказано там, то он найдет себе утешение, помогая отстоять доктрину Монроэ [62] (т. е. изгнать англичан из Канады и французов из Мексики) и создать мощную власть на американском материке. Эта цель могла бы быть достигнута в настоящее время, если бы Север признал независимость Юга, заключив с ним договор об оборонительном и наступательном союзе, о таможенном союзе, о свободе обмена и о свободе мореплавания».

Первоначальная причина этого великого столкновения — рабство — не упоминается в этой программе по тому простому соображению, что эта причина сама собою исчезла, так сказать, в перипетиях борьбы.

В одних конфедеративных штатах рабство является уничтоженным фактически, в других — оно отменено даже юридически, как об этом свидетельствует выше приведенное постановление законодательных собраний Тенесси и Кентукки.

Следовательно, нет ничего легче, как придти к соглашению о способе справедливого вознаграждения в пользу бывших рабовладельцев. Финансовая операция. аналогичная той, которая была применена при выкупе земель, уступленных крестьянам при их освобождении в России, могла бы быть предложена и с успехом принята, благодаря, главным образом, практическим способностям американцев. Будущий труд негров был бы учтен при выкупе их личной свободы подобно тому, как это было у наших земледельцев при их наделении землей [63].

Что же касается требований знаменитой доктрины Монроэ, то здесь между Югом и Севером будет иметь место не только согласие, но и полная гармония, как это доказывают недавние решения вашингтонского конгресса относительно Мексики и Канады [64].

В конце концов действительное и серьезное расхождение остается только по вопросу о независимости, т. е. об отделении или о политическом объединении.

Но и здесь Юг допускает оборонительный и наступательный союз, таможенный союз и полную свободу торговли и мореплавания, иначе говоря, он склонен вернуться к status quo ante belli, за единственным исключением о президентстве и об отдельном управлении.

Сводя таким образом вопрос к его реальному содержанию, можно придти к убеждению, что в споре остается только мало существенное. В действительности, это лишь вопрос самолюбия и личного интереса, поддерживаемый группой карьеристов.

Географически Юг не может существовать изолированно, принимая во внимание отсутствие всяких естественных границ. Политически он от этого потерял бы больше, чем Север, так как ему первому пришлось бы признать, что для отстаивания с какими нибудь шансами на успех столь дорогой ему доктрины Монро восстановление союза было бы необходимо.

Из всего предшествующего можно сделать вывод, что, если сейчас тактично и с необходимой скромностью предложить американцам добрые услуги для разрешения спорных интересов, то можно было бы, пожалуй, способствовать заключению мира.

Неуспех французского вмешательства в 1862 г. не представляется противоречащим такой гипотезе. Это вмешательство было преждевременным. К тому же личный характер выступившего в то время государя, обычные приемы его политики, его открыто признанное пристрастие к рабовладельцам и особенно французская экспедиция в Мексику — все эти обстоятельства были вескими поводами как для того, чтобы это вмешательство не увенчалось успехом, так и для того, чтобы обострить борьбу и посеять семена будущей вражды между американцами и правительством Наполеона.

Сдержанные и дружеские предложения России были бы сделаны сейчас при совершенно иных условиях.

Американцы Севера так же хорошо, как и американцы Юга, убеждены в искренности нашей доброй воли по отношению к ним. Строгий нейтралитет, соблюдавшийся императорским кабинетом с самого возникновения конфликта, старания, которые оно проявляло к тому, чтобы отклонить всякую солидарность с французскими неумелыми по-

пытками вмешательства или давления, слова, полные симпатии и дружеского интереса, с которыми по приказанию государя императора обращался к вашингтонскому кабинету князь Горчаков в депеше г-ну Стеклю от 28 июня 1861 г., наконец, память об успешном вмешательстве России в 1812 г. [65],— вот те соображения, которые позволяют предположить благожелательный прием, какой был бы оказан нашим добрым предложениям сейчас, когда обе воюющие стороны ищут мирного выхода.

Довольно тяжелый опыт должен был убедить американцев в практической правде тех увещеваний, с которыми обратился к ним императорский кабинет в 1861 г. Они не могут теперь более сомневаться в том, что:

«Несмотря на различие их конституций и их интересов, а может быть именно в виду этого различия, провидение как бы приглашает их упрочить традиционную связь, которая является основой и также условием их политического существования»,— что «те жертвы, которые им пришлось бы возложить на себя для ее сохранения, не могут пойти ни в какое сравнение с теми жертвами, какие повлек бы за собою разрыв этой связи»,— что «будучи соединенными, они дополняют друг друга, разъединившись, они взаимно уничтожаются»,— что, наконец, настал момент подумать о соглашении,— допускающем существование различных ныне борющихся интересов».

Такое соглашение является сегодня тем более легким, что перипетии борьбы устранили, как было констатировано выше, главное расхождение и преобладающий в этом деле интерес, и чтобы придти к решению столь желательному во всех отношениях, нам пришлось бы только совместно работать над применением на практике тех теорий, которые мы излагали еще четыре года тому назад.

Нет нужды указывать на нашу очевидную и традиционную заинтересованность в поддержке Американского Союза, т. е. на нашу заинтересованность в силе и процветании единственного государства, способного уравновесить английское превосходство. Равным образом едва ли есть необходимость указывать на те преимущества для нашего европейского престижа, которые были бы результатом нашего успеха в деле всеми желаемого умиротворения, предпринятого четыре года тому назад Наполеоном III с полнейшим, столь нашумевшим, неуспехом. К тому же не заключалось ли бы в действительности нечто грандиозное, позволим себе сказать, нечто предуказанное провидением, в мероприятии подобном тому, которое поставило бы под покровительство освободителя 20-ти миллионов крепостных окончательное освобождение 4 миллионов рабов Нового Света.

Относительная неуверенность в успехе не должна была бы служить препятствием для каких бы то ни было серьезных попыток, имея ввиду подобные результаты.

К. Катаказин.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 13/1 марта 1865 г., № 18. *

Я имел продолжительный разговор с Сьюардом. Он мне сказал: «теперь, когда восстание находится накануне своего подавления, мы обратились к нескольким державам, в частности к Англии и Франции,

* МИД, Канцелярия 1865 г., д. № 183, лл. 104—111.

с предложением сделать в пользу Соединенных Штатов официальную демонстрацию, которая могла бы показать, что эти державы не против восстановления Союза, и успокоить в этом отношении общественное мнение Соединенных Штатов. Мы хотим, чтобы они перестали предоставлять Югу право воюющей стороны».

Я спросил Сьюарда, полагает ли он, что Англия согласится сделать подобную демонстрацию. Он мне ответил: «Да, полагаю, не потому, что ей желателен Союз, а потому, что она опасается последствий своего поведения по отношению к нам во время войны. Она желает примирения, так как она нас боится, и это ясно видно из поведения ее правительства. Пальмерстон и Россель чувствуют себя как на иголках всякий раз, как в парламенте заходит речь об американском вопросе. Что же касается до Луи-Наполеона, то его держать в руках труднее, и сомнительно, чтобы он согласился сделать то, что мы у него просим».

Я сказал Сьюарду, что нам, поскольку мы не сделали никакой декларации, и нечего брать обратно. Он мне ответил: «Это правильно, но не могло ли бы ваше правительство сделать какой-либо оффициозный демарш перед лондонским и парижским кабинетами, приглашая их согласиться с нашей просьбой». Я ему откровенно заметил, что это мне кажется довольно серьезным; что мы до сих пор воздерживались от вмешательства в осложнения, созданные между Соединенными Штатами и европейскими правительствами американской войной, и что я, между прочим, не знаю, являются ли наши отношения с западными державами по своему характеру такими, чтобы они могли нам позволить сделать столь щекотливый демарш. Я добавил, что его просьбу я доложу вашему превосходительству и сообщу ему Ваш ответ.

Не думаю, что мы должны согласиться с просьбой Сьюарда *. Наша политика воздержания как по отношению к внешним, так и по отношению к внутренним делам Соединенных Штатов, поставила нас в очень хорошее положение, которое мы несомненно сохраним, продолжая настойчиво придерживаться той же линии поведения. Сьюард без сомнения преувеличивает боязнь Англии, но доля правды в том, что он говорит, есть, если судить по поведению английского поверенного в делах в Вашингтоне, Бернлея. Он всячески подлаживается к государственному секретарю, и так как у него нет ни достаточно опыта, ни достаточно ловкости, чтобы вести борьбу со Сьюардом, то последний делает с ним все, что хочет. Мне сам Бернлей сказал, что Россель в каждом письме рекомендует ему не щадить никаких усилий для того, чтобы умиротворить американцев и держать их в спокойствии.

Сьюард говорил со мною об Англии в тоне ненависти и пренебрежения и все здесь выражаются точно также. Несмотря на это, федеральное правительство будет очень осмотрительным, оно пойдет до известного пункта, но не дальше. Обе нации,— как правительства, так и отдельные лица,— глубоко презирают друг друга, но обе стороны одинаково боятся разрыва. Только американцы, как более смелые, берут верх своим высокомерием и становятся все более несговорчивыми по мере того, как англичане обнаруживают боязнь. Признание мятежников воюющей стороной глубоко задело американцев. Они могли бы выждать окончания борьбы, что само по себе положило бы предел подобному состоянию вещей, но они хотят иметь удовольствие

* Помета Александра II: «И я не более».

увидеть, чтобы морские державы отказались от своего поведения по отношению к Югу, пока война еще длится. В этом — идея Сьюарда.

Стекль.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 15/3 апреля 1865 г.*

Подтверждаю получение ваших депеш до № 20 включительно.

Как вы это и предвидели, мы ничуть не хотим отходить от нашей политики воздержания и не намереваемся дать согласие на просьбу Сьюарда об официозных демаршах с нашей стороны перед кабинетами Лондона и Парижа, как это изложено в вашей депеше № 18. Речь, которую вы держали, одобрена его величеством. Если Сьюард вернется к этому вопросу, дайте ему понять, что падение Ричмонда [66] и блестящие успехи, одержанные, наконец, федеральной армией, позволяют надеяться на близкое окончание конфликта и на восстановление сильного и могущественного Союза, и что официозный демарш, которого он хотел, оказался бы фактически беспредметным. Само собою разумеется, что это сообщение вы сделаете весьма осторожно, чтобы федеральное правительство не могло иметь никакого сомнения в постоянных симпатиях нашего государя императора.

Горчаков.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 28/16 апреля 1865 г.**

Телеграф принес нам известие о двойном покушении, в результате которого скончался президент Соединенных Штатов и жертвой которого едва не стал г-н Сьюард [67].

Выстрел, поразивший г-на Линкольна в тот самый момент, когда президент, казалось, был близок к тому, чтобы пожать плоды своей энергичной, настойчивой политики, глубоко почувствовали в России.

В виду отсутствия императора, я не в состоянии передать вам выражение чувств его императорского величества. Тем не менее, зная симпатии, которые государь император питает по отношению к Соединенным Штатам Америки, мне легко предвидеть впечатление, какое произведет на его императорское величество известие об этом гнусном преступлении.

Я поспешил засвидетельствовать г-ну генералу Клею чувства живейшей и сердечной симпатии императорского кабинета к федеральному правительству

Благоволите выразить это в самых горячих словах г-ну вице-президенту Джонсону [68], добавив к ним наши самые искренние пожелания, чтобы это новое и прискорбное испытание не помешало стремлению американского народа к восстановлению Союза и согласия, что является источником его могущества и процветания.

Горчаков.

---

* МИД, Канцелярия, 1865 г., д. № 183, лл. 459—460.

** МИД, Канцелярия, 1865 г., д. № 183, лл. 463—464.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 22/10 мая 1865 г., № 38. *

Господин вице-канцлер,

Я имел честь получить депешу от 16 апреля, которую ваше превосходительство благоволили послать мне, поручая выразить президенту Соединенных Штатов соболезнование императорского кабинета по случаю смерти г-на Линкольна.

Перевод этой депеши я сообщил г-ну Хентеру [69], прося его ознакомить с нею президента и спросить его, угодно ли будет ему принять меня, дабы я мог лично передать ему те чувства, выразителем которых мне приказано быть.

Г-н Джонсон поспешил удовлетворить мою просьбу, и на следующий день я имел у него аудиенцию. Он просил меня поблагодарить императорское правительство за изъявления симпатии, столь красноречиво выраженные в депеше вашего превосходительства. Президент добавил, что он пользуется этим случаем, чтобы заверить меня, что он, как и его предшественники, ценит дружбу России и ничего не упустит для поддержания самых близких отношений между обоими правительствами.

Депеша вашего превосходительства была опубликована в полуофициальной газете и по всей вероятности появится во всех газетах. Я убежден, что она произведет наилучшее впечатление.

Стекль.

Notes

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стекль Э. А., русский посланник в Северо-Американских соединенных штатах (г. Вашингтон) с 1 января 1857 г. по 20 апреля 1869 г.

2. Горчаков А. М., князь, министр иностранных дел с 1856 г. по 1882 г.; вице-канцлер с 17 апреля 1862 г.; государственный канцлер царской России с 18 июня 1867 г.

3. Южная Каролина — один из южно-атлантических штатов США. В декабре 1860 г. на Конвенте этого штата было отменено решение 1783 г., утверждавшее конституцию США, и Конвент Ю. Каролины объявил союз между этим штатом и другими штатами США расторгнутым.

4. Новая Англия — шесть северо-восточных штатов Северной Америки (Мэн, Нью-Гемпшир, Вермонт, Массачузетс, Род Айленд и Коннектикут), которые были первыми колонизированы англичанами.

Значительное число первоначальных колонизаторов принадлежало к религиозным английским группам сектантского типа — пуританам. Преследуемые в XVII в. официальной англиканской церковью за свои свободомыслящие стремления пуритане, не разделяя политики усиления правительственной опеки над церковью, вынуждены были эмигрировать частью в Голландию, частью в Сев. Америку.

5. Вебстер Даниэль (1782—1852), американский политический деятель, сенатор, был министром иностранных дел в 1841—1843 гг. и в 1850—1852 гг.

6. Речь идет о движении в США за освобождение негров — рабов. Движение обусловливалось политическими и экономическими интересами торгово-про-

---

* МИД, Канцелярия, 1865 г., д. № 183, лл. 194—195.

мышленной буржуазии Севера в противоположность интересам помещиков-рабовладельцев Юга. Привело к войне Севера с Югом (1861—1865 гг.) и к отмене рабства негров.

Руководящей политической партией Севера была партия «республиканская» — сторонница централизованного управления. Руководящей партией Юга была партия «демократическая» — сторонница широкой автономии отдельным штатам.

7. Джон Браун (1800—1859), борец за освобождение негров в Америке. Стремился добиться этого путем восстания негров против рабовладельцев. Создал в Канаде тайную революционную организацию. В октябре 1859 г. с небольшим отрядом сторонников совершил смелое нападение на федералистский арсенал в Зап. Виргинии и овладел им. Был разбит правительственным отрядом; одновременно были убиты его два сына. Сам Браун был арестован, предан суду и повешен в 1859 г. Героический поступок Брауна и его трагическая судьба вызвали в США сильное возбуждение.

8. Виги — название политической партии в XVII—XIX вв., предшественницы теперешней английской либеральной партии.

9. Джемс Бьюкенен — президент США, с 1857 г. по 1861 г., сторонник рабства.

10. Линкольн Авраам (1809—1865), шестнадцатый президент США (с 1861 г.). Сын фермера из Кентукки, был мальчиком в лавке, дровосеком, лодочником. В 1832 г. во главе отряда волонтеров участвовал против индейцев; получив юридическое образование, был избран депутатом конгресса, где с большой смелостью выступал против невольничества. Избрание Линкольна в президенты послужило сигналом для начала мятежа южан, но энергичными мерами Линкольну удалось вывести страну из военных бедствий и потрясений. Провел закон об уничтожении рабства. После вторичного избрания в президенты был убит фанатичным сторонником рабовладения — актером Бутсом (в апреле 1865 г.). На Авраама Линкольна, «честного сына рабочего класса, пал жребий провести свою страну сквозь беспримерные бои за освобождение порабощенной расы...» (Маркс и Энгельс (Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 22). «Это был человек... непреклонно стремившийся к своей великой цели..., он был одним из тех редких людей, которые, достигнув величия, сохраняют свои прекрасные качества. И скромность этого великого и прекрасного человека была такова, что мир увидел в нем героя лишь после того, как он пал мучеником» (Из обращения Международного товарищества рабочих к президенту Джонсону. Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 93).

11. Бостон — гл. город штата Массачузетс, крупнейший порт и промышленный пункт США. Влиятельный центр в подготовке борьбы с рабовладельческими штатами.

12. Повидимому Стекль имеет здесь в виду Крымскую кампанию (1854—1856), во время которой США оказывали в отношении России неоднократные дружественные демарши, становясь на сторону России в ее войне с Англией и Францией.

13. В практике царского М. И. Д. были многочисленные случаи, когда на должности вице-консулов и даже консулов приглашались и утверждались лица, не принадлежащие к подданным России, а являющиеся иностранцами, занимавшимися по преимуществу торговлей в стране, с которой царское правительство было связано политическими отношениями.

14. Тувенель Эдуард-Антуан, французский политический деятель. В 1860 г. назначен министром иностранных дел на место Валевского. В октябре 1862 г. вышел в отставку. Написал несколько исторических трудов.

15. Пальмерстон Генри Джон (1784—1865), лорд, англ. государственный деятель. С 1830 г. по 1851 г. руководил внешней политикой. С 1855 г. до смерти с небольшим перерывом занимал пост премьера, продолжая руководить внеш-

ней политикой Англии, ведя ее в духе активной борьбы за мировое преобладание английского промышленного капитала.

16. Сьюард Вильям-Генри (1801—1872), северо-американский политический деятель. С 1861 г.— государственный статс-секретарь, т. е. министр иностранных дел. В день убийства Линкольна (14 апреля 1865 г.) на жизнь Сьюарда было сделано покушение сторонниками рабовладения. Сьюард и его сын были ранены.

17. Лайонс Ричард (1817—1887), лорд, посол великобританского правительства в Вашингтоне с 1859 г. по 1865 г.

18. В этой депеше Стекль сообщает о назначении президентом Южной конфедерации, Джефферсоном, представителей, снабженных полномочиями для переговоров с различными правительствами Европы.

19. Мерсье Анри, французский посол в Вашингтоне с 1860 г.

20. Россель Джон (1792—1878), лорд, впоследствии граф, лидер английской партии вигов, министр иностранных дел (1852—1853 гг. и 1859—1865 гг.).

21. Вестман В. И., директор Канцелярии МИД с 1846 г. по 1865 г.

22. В депеше № 44 на имя Горчакова от 24/12 июня 1861 г. Стекль говорит о морских правах нейтральных стран и о предполагаемых со стороны США переговорах по этому вопросу с Лондоном и Парижем.

23. Клей Кассий, посол США в С. Петербурге с 1861 г.

24. Имеется в виду Вашингтон — первый президент и основатель Соединенных Штатов Северной Америки (1789—1797), а до этого — главнокомандующий американской армией в войне за независимость (1776—1783).

25. В депеше № 41 от 10 июня /29 мая 1861 г. Стекль сообщает, что Комитет министерства иностранных дел в Париже, на основании решений которого французское правительство признало правительство Юга воюющей стороной,— положил в основу своих решений позицию нейтральных держав в войнах, предшествовавших независимости Греции и старых испанских кампаний, и позицию, занятую Соединенными Штатами Америки в отношении этих же государств.

26. В этом резюме Росселя английскому послу в Вашингтоне Лайонсу от 18/6 мая 1861 г. № 186 излагается позиция лондонского правительства по отношению к морским правам.

27. Парижская декларация (конвенция) подписана 16 апреля 1856 г. Россией, с одной стороны, Францией, Англией, Сардинией и Турцией,— с другой, при участии Австрии и Пруссии. Декларация, подписанная через несколько дней после подписания Парижского мира (30 марта 1856 г.), закончившего Крымскую войну, включает четыре статьи, из которых первая говорит об отмене каперства (преследование и захват частными судовладельцами неприятельских судов во время войны).

28. Циркуляр французского правительства от 4 июня 1861 г. предписывает своим консулам в США категорически заявлять, что правительство считает несовместимым с нейтралитетом, которого оно намерено придерживаться, какой бы то ни было набор или принудительное зачисление на военную службу той или другой воюющей стороной США французских граждан, проживающих в США.

Поводом к посылке консулам этого циркуляра послужили доходящие до французского правительства слухи о том, что подданные Франции принуждаются участвовать в войне для защиты дела США, как граждане страны, в которой они проживают.

29. Монтебелло Густав-Луи, герцог, французский дипломат. Французский посол в С.-Петербурге с 1858 по октябрь 1864 г.

30. В депеше № 42 от 17/5 июня 1861 г. Стекль говорит о сделанном английским и французским посланниками приглашении вашингтонскому кабинету

присоединиться к 2 и 3 пунктам Парижской конвенции от 16 апреля 1856 г. о правах морской державы.

Статьи 2 и 3 этой конвенции говорят о том, что нейтральный флаг покрывает неприятельский груз, исключая военную контрабанду (ст. 2) и что нейтральный груз, кроме военной контрабанды, не подлежит захвату под неприятельским флагом (ст. 3).

На это приглашение Сьюард ответил, что он предпочитает этот вопрос передать на обсуждение в Париж и Лондон. «Очевидной целью Сьюарда,— говорит Стекль,— было — вести переговоры об этом отдельно с Англией и Францией, чтобы помешать им действовать сообща».

31. Бруннов Ф. И. (1797—1875), барон, впоследствии граф, царский дипломат, играл большую роль в международной политике России в качестве представителя России в Англии (1840—1874 гг. с перерывом в Севастопольскую войну). Участник Парижского конгресса 1856 г.

32. Нота Сьюарда Стеклю от 5 октября 1861 г. здесь не приводится. Она говорит о чувствах глубокой благодарности к России со стороны федерального правительства за новые гарантии дружбы между двумя странами.

33. Струве Густав (1805—1870), германский политический деятель. Принимал участие в вооруженном восстании в Бадене в 1848 году. После неудачи баденской революции бежал в Швейцарию, потом в Америку, где в качестве офицера принял участие в гражданской войне на стороне северян.

34. В депеше Горчакова Стеклю от 24/12 августа 1861 г. сообщается о подписании Горчаковым и послом США в Петербурге Клеем соглашения о признании принципов Парижской конвенции 16 апреля 1856 г. Конвенция состоит из четырех пунктов аналогичных Парижской конвенции.

35. Имеется в виду инцидент с английским почтовым судном «Трент», на котором были арестованы американским военным судном «Сан-Джасинто» посланные в Европу представители Южной конфедерации, Слайдель и Месон. Арест произошел в проходе Старого Багамского канала в ноябре 1861 года.

Слайдель Джон (1793—1876) являлся американским сенатором и был направлен послом во Францию, а Месон — сецессионист был направлен послом в Англию. Целью отправки в Европу Слайделя и Месона было вызвать Англию и Францию на интервенцию против Соединенных Штатов.

Английское правительство, усматривая в инциденте с «Трентом» оскорбление национального флага, предъявило федеральному правительству ультиматум: либо в течение семи дней освободить арестованных представителей Южной конфедерации, либо, в противном случае, Англия отзывает своего посла в Вашингтоне и порывает сношения с США. Федеральное правительство, обсудив инцидент, грозивший разрастись в крупный конфликт, приняло решение освободить арестованных и передать их Англии. См. об этом подробно Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. 2, стр. 272—274 и ряд др. статей в том же томе.

36. В конце 50-х годов США проявляли полную солидарность с Россией по отношению к Китаю и Японии в вопросах установления с ними торговых связей и утверждения там своего влияния.

37. Депеши Стекля, в которых он сообщает Горчакову о поездке французского посла в США Мерсье в Ричмонд,— главный город штата Виргинии, столицу Южной конфедерации,— здесь не приводятся. Стекль сообщал, что Мерсье предпринял поездку в Ричмонд для ознакомления на месте с состоянием торговли, главным образом, хлопком (2 телеграммы Стекля от 13/1 апреля 1862 г.).

28 апреля 1862 г. Стекль сообщал о возвращении Мерсье и о впечатлениях последнего о положении на юге: хлопок сжигают, увозят его вглубь страны и готовы воевать дальше.

38. С 17 апреля 1862 г. Горчаков назначен вице-канцлером с оставлением в должности министра иностранных дел.

39. Друэн де-Люис, Эдуард (1805—1881), французский дипломат, министр иностранных дел (1848—1849; 1852—1855; 1862—1866).

40. В депеше, которую мы не приводим, Друэн де-Люиса французскому послу в Петербурге Россия приглашается принять участие во вмешательстве трех морских держав (Франция, Англия и Россия) в американскую войну в целях достижения между воюющими сторонами перемирия на 6 месяцев.

41. Пирс Франклин (1804—1869), президент Северо-Американских соединенных штатов (1853—1857), кандидат демократической партии, проводил политику в интересах рабовладельцев.

42. Вскоре после начала польского восстания в 1863 г. между Францией, Англией и Австрией завязались дипломатические переговоры по вопросу о вмешательстве в польские дела с целью оказать давление на Россию в смысле предоставления с ее стороны полякам уступок в их политических требованиях.

Каждая из трех держав, предпринимая этот дипломатический поход против России, преследовала свои собственные цели, используя польское восстание как средство для закрепления своих позиций против России.

Лондонский и парижский кабинеты вместе с тем обратились ко всем европейским державам с приглашением принять участие в дипломатическом давлении на Россию в целях вызвать ее на уступки полякам.

В числе прочих держав такое приглашение было сделано и США.

43. С письмом от 15/3 мая Стекль послал Горчакову копию депеши Государственного секретаря в ответ на предложение Франции по поводу вмешательства в польские дела.

44. В письме Горчакова Клею от 3 июня/22 мая 1863 г. сообщается о том, что письмо Сьюарда Дэйтону соответствует дружбе между Россией и США.

45. В сентябре 1863 г., под командой контр-адмирала Лесовского в Нью-Йорке остановилась русская атлантическая эскадра в составе трех фрегатов, двух корветов и одного клипера (впоследствии должны были подойти еще несколько клиперов). Фрегат «Ослябя» под командой капитана Бутакова прибыл в Нью-Йорк на несколько дней ранее Лесовского.

Целью посылки эскадры Лесовского в США было, как говорит инструкция морского мин-ва адм. Лесовскому: «в случае предвидимой ныне войны с западными державами, действовать всеми возможными доступными ей средствами против наших противников, нанося посредством отдельных крейсеров наичувствительнейший вред и урон неприятельской торговле или делая нападения всей эскадрой на слабые и малозащищенные места неприятельских колоний» (см. «Красный Архив», 1930 г., т. 38, стр. 159).

46. 26 сентября 1863 г. русский корвет «Новик» потерпел крушение у западных берегов США, около 30 миль к северу от порта «Punta de Bas Keyo». Весь экипаж судна был спасен американским береговым катером.

47. Гаванна — гл. город вест-индского острова Кубы. Важный пункт испано-американской торговли.

48. Аннаполис — гл. город штата Мэриленд.

49. Русская тихоокеанская эскадра, под командой контр-адмирала Попова, с октября 1863 г. находилась в Сан-Франциско, имея заданием, в связи с осложнившейся после польского восстания международной обстановкой, «по получении известия об открытии военных действий направиться к наиболее уязвимым неприятельским колониям для нанесения противникам вреда в морской торговле».

50. Английское правительство, симпатии которого были на стороне рабовладельческих штатов Юга, допустило постройку и снаряжение в английских гаванях нескольких военных судов для Южной конфедерации. Эти суда, спущенные на воду, наносили в открытом море огромный вред морской торговле

Северных штатов. Среди этих судов особенно отличалась канонерка «Алабама», которая в продолжение двух лет (1862—1864) причиняла Северным штатам значительный урон в торговле. Инцидент с «Алабамой» известен в истории гражданской войны Севера и Юга, как «Алабамский спор», тянувшийся несколько лет и закончившийся уже после победы Севера. Инцидент заключался в том, что правительство США потребовало от Англии возмещения за убытки, причиненные действиями судов, снаряженных на английской территории: (Об «Алабаме» см. Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. 2, стр. 400).

51. Давыдов Александр Петрович — младший секретарь Российской миссии в США (Вашингтон).

52. В пяти депешах Стекля Горчакову от 24/12 января 1865 г. Стекль говорит о попытках Линкольна начать мирные переговоры с Югом. В частности, Стекль говорит о намерении Линкольна отправить в Ричмонд Блейра, одного из своих доверенных лиц, для переговоров о мире.

53. Катакази Константин Гаврилович — чиновник особых поручений при вице-канцлере. С 1869 г. по 1872 г.— посланник в США.

54. Чарлстон — морской порт штата Ю. Каролины (США) на берегу Атлантического океана. Важный хлопковый рынок.

55. Вильмингтон (правильно Уильмингтон) — главный порт штата Сев. Каролины (США) в 30-ти километрах от Атлантического океана. Вывоз хлопка и леса.

56. Мобил — порт в штате Алабама (США). Вывоз леса, хлопка, железных и стальных изделий.

57. Ли Роберт Эдуард (1807—1870) — конфедератский генерал. Главнокомандующий (с 1862 г.) армией южан во время гражданской войны в США.

58. Грант Улисс Симпсон (1822—1885) — 18-й президент США (с 1868 г. по 1876 г.). Горячий приверженец уничтожения рабства. Во время гражданской войны в США сражался на стороне северян. С 1864 г.— главнокомандующий армиями северян. Закончил гражданскую войну победой Севера над южанами, за что был прославлен как национальный герой.

59. Тенесси — один из южных штатов США. Главнейшая с.-х. культура — табак и хлопок. Кентукки — один из юго-западных центральных сельско-хозяйственных штатов США. Ведущие культуры — табак и кукуруза.

60. Георгия (правильно Джорджиа) — один из штатов южно-атлантической группы (США). Производство хлопка.

61. Блейр Френсис Пристон — американский журналист и политический деятель США. Ярый сторонник аболиционистов. Принимал участие в гражданской войне на стороне северян.

62. Доктрина, названная по имени президента США, Джемса Монро (1758—1831), и заключавшая в первоначальной своей формулировке (в послании президента Монро конгрессу в 1823 г.) принцип невмешательства европейских государств в дела американского континента. В эпоху империализма доктрина Монро послужила оправданием интервенции США в страны Северной и Южной Америки. По настоянию президента Вильсона доктрина Монро была включена в ст. 19-ю Лиги Наций. В послевоенный период эта доктрина, изменив свой первоначальный смысл, стала выражением лозунга «Америка для американцев».

63. Царский дипломат Катакази не мог, конечно, вскрыть сущность «финансовой операции», проведенной при освобождении крестьян от крепостной зависимости в России. Рекомендуя эту «операцию» американцам в расчете на «практические способности» американской буржуазии, Катакази имел в виду прежде всего интересы рабовладельцев, учтя, как при этой «операции» царское правительство оградило интересы помещиков в ущерб интересам крестьян.

64. Решение Вашингтонского конгресса относительно Мексики состоит в том,

что уже после окончания гражданской войны, Конгресс США во имя доктрины Монро потребовал от Франции (Наполеона III) увода ее войск с мексиканской территории. Как известно, Франция в 1861 г., сначала совместно с Англией и Испанией, а потом одна начала интервенцию в Мексике в целях эксплоатации ее нефтяных источников в угоду французским ростовщикам. Наполеон III быстро уступил требованиям Конгресса США, так как к этому времени во Франции начались громкие протесты против мексиканской авантюры — этого «одного из самых чудовищных предприятий, когда-либо занесенных в летописи международной истории» (Маркс и Энгельс. Соч. т. XII, ч. 2-я, стр. 202).

Решение Вашингтонского конгресса относительно Канады касается отмены заключенного в 1854 г. между Канадой и США торгового договора о взаимном предоставлении максимальных торговых преимуществ в течение десяти лет. Занятая Великобританией во время гражданской войны в США позиция, враждебная интересам северян, и ряд инцидентов, в которых Великобритания становилась на сторону южан, заставили американцев заявить англичанам о нежелании дальнейшего продления этого договора о взаимности.

65. Война Англии с США из-за морской торговли в 1812—1814 гг.— окончилась заключением мира в Генуе при посредстве России.

66. В апреле 1865 г. Ричмонд был эвакуирован конфедератами, понесшими серьезные поражения. Вскоре после падения Ричмонда гражданская война в США была закончена победой Севера и восстановлением Американского союза.

67. Линкольн был убит 14 апреля 1865 г. выстрелом из револьвера агентом мятежников, актером Бусом, в помещении Вашингтонского театра, спустя несколько дней после вторичного занятия им президентского кресла; на пост президента Линкольн был вторично избран в ноябре 1864 г.

Одновременно с убийством Линкольна было совершено покушение на генерального секретаря Сьюарда и его сына. От серьезных ран сын Сьюарда скончался.

68. Джонсон Эндрью (1808—1875), член республиканской партии, вице-президент, заступил должность президента США после убийства Линкольна.

69. Хентер — заместитель генерального секретаря Сьюарда.

Выборы в Париже в Генеральные Штаты в 1789 г.

(Из писем современника)

Публикуемые ниже документы имеют большой интерес как письма очевидца событий Французской буржуазной революции[1]. Большое значение им придает то обстоятельство, что автор их — Демишель — был ближайшим другом одного из крупных деятелей революции Жильбера Ромма[2], выразителя интересов буржуазии, хотя и далекого от народных масс, но одного из самых стойких деятелей буржуазной революции; с ним тесно связана жизнь Демишеля.

Письма адресованы Дюбрейлю, почтмейстеру города Риома в Оверни, видному общественному деятелю, другу и приверженцу Ромма, содействовавшему избранию Ромма в Законодательное собрание. Дюбрейль оставил нам свои замечательные письма, адресованные Ромму (1779—1791 гг.), до сих пор неопубликованные, являющиеся «летописью» города Риома в предреволюционный период и в дни революции.

Демишель, так же как Ромм и их общий друг, почтмейстер Дюбрейль,— уроженцы Риома. Демишель — внук крестьянина. «Из моей генеалогии, пишет он в письме от 13 сентября 1786 г., мне известно только то, что мой дед был крестьянин... Мой отец первым из нашей семьи стал называться «господином» (monsieur), но это случилось так недавно, что он не удостоился даже чести быть сборщиком налогов».

В детстве Демишель был отдан на обучение моцахам (les oratoriens), в школе которых учился и Ромм. По окончании учения Демишель намеревался поступить в монашескую конгрегацию, но не привел своего намерения в исполнение, а открыл кондитерскую в Риоме, но дела его шли плохо. В поисках новых средств к существованию Демишель, оставив семью, в 1776 г. приехал в Париж к Ромму.

В Париже Демишель по примеру и под влиянием Ромма, ум, знания, способности которого он превозносит в своих письмах, пополняет свое образование, очевидно недостаточное, занимаясь географией и арифметикой; вместе с Роммом посещает открытые заседания Академии наук, часто бывает в кафе, по его словам «от скуки», но куда его влечет также и желание узнать политические новости, послушать толки о короле и королеве, политике министров и т. д. Главная же цель его жизни в Париже сводится к отыскиванию себе заработка, потому что материальное положение его незавидно, несмотря на денежную помощь, оказываемую ему Роммом и Дюбрейлем. Он находит себе

---

[1] Письма Демишеля хранятся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи. Написаны они чрезвычайно мелким и трудным для чтения почерком. Письма переплетены в два тома (281+298 листов), некоторые обороты листов имеют адрес: A monsieur. Monsieur Dubreuil, directeur à la poste aux lettres à Riom en Auvergne», и остатки сургучных печатей. Подписей письма не имеют.

[2] Ромм (1750—1795) член Законодательного собрания и Конвента, один из составителей республиканского календаря. В разгар реакции, после восстания в прериале II года (1795 г.) Ромм и его единомышленники так наз. «последние монтаньяры» были приговорены к гильотинированию. Перед казнью все приговоренные, в том числе и Ромм, покончили с собой (См. Е. Тарле, Жерминаль и Прериаль).

место кондитера, бросает его и переходит на службу в качестве приказчика в ювелирную фирму, по его словам, близкую к разорению. После отъезда Ромма в Россию, в качестве домашнего учителя детей гр. Строганова [1], положение Демишеля ухудшается.

В октябре 1782 г. он получает письмо от Ромма из России с предложением занять место библиотекаря у графа А. С. Строганова. После долгих колебаний, советов с ромскими друзьями Демишель решает ехать в Россию, намереваясь захватить с собой немного французских товаров для сбыта их с выгодой для себя, что ему между прочим Ромм категорически запрещает.

В июле 1783 г. Демишель уезжает в Россию. В Петербурге он жил в доме у графа Строганова в качестве библиотекаря только пять месяцев. С февраля 1784 г. он становится гувернером барона Г. А. Строганова [2] и уезжает с ним в июле 1785 г. за границу.

На основании этой краткой биографии Демишеля до 1789 г. не трудно сделать вывод, что Демишель был рядовым представителем мелкой буржуазии. В дальнейшем, не участвуя активно в революции, он только переживал события, наблюдал их с заостренным интересом к политической жизни и запечатлел в письмах свои наблюдения с большой точностью; все приведенные им даты проверены, и ни одной неточности не обнаружено, все факты, которых он касается, находят подтверждение и часто дополняют другие данные. Ромм, пользующийся большим авторитетом у своих друзей, имел огромное влияние на Демишеля и можно безошибочно утверждать, что точка зрения Демишеля, при описании им событий, обусловлена взглядами и мнениями Ромма.

Для публикации отобраны письма, относящиеся к 1789 году. В этом году с января до середины мая Демишель жил в Париже вместе с Роммом, Строгановым и архитектором Воронихиным, бывшим дворовым графа А. С. Строганова, и был очевидцем выборов в Генеральные штаты и их открытия. Всего сохранилось от этого периода 40 писем. Наиболее интересные из них публикуются или полностью или в выдержках.

В письме от 3 января 1789 г. Демишель сообщает о своем приезде в Париж. В первые же дни, проведенные в Париже, Демишель, отмечая напряженную, тревожную обстановку в дни предвыборной кампании, подчеркивает тяжелое положение беднейших слоев населения. «Сильные холода все еще продолжаются,— пишет он Дюбрейлю,— и нельзя без содрогания думать о всех причиненных ими бедствиях. Однако Париж спокоен, но я боюсь, что малейший переворот в правительстве может иметь самые неприятные последствия» [3].

С первых же дней своего приезда Демишель сосредоточивает свое внимание на политической жизни Парижа. Прежде всего он отмечает постановление королевского совета от 27 декабря 1788 г.[4], в котором была выражена программа, выработанная Неккером и принятая под его давлением королем, далеким от какой бы то ни было программы и желающим получить от собрания трех

---

[1] А. С. Строганов — сенатор, член Госуд. совета, президент Академии художеств.

[2] Г. А. Строганов — барон, двоюродный брат воспитанника Ромма — Павла Строганова.

[3] См. ниже, стр. 160.

[4] «Resultat du conseil d'état du roi, tenu à Versailles le 27 décembre 1788». В этом постановлении по докладу Неккера было установлено количество депутатов в Генеральные штаты в 1000 человек, при чем число депутатов третьего сословия по сравнению с количеством депутатов двух других сословий было удвоено (от дворянства — 250 депутатов, от духовенства — 250 депутатов и от третьего сословия — 500). (Текст этого постановления см. у Brette, Collection de documents, relatifs à la convocation des Etats généraux de 1789, Paris, 1894. г. I, стр. 37).

сословий Франции только деньги для покрытия государственного дефицита [1]. В этом постановлении устанавливалось важное преимущество для буржуазии, а именно: удвоение количества депутатов по сравнению с другими сословиями. Хотя сохранением системы посословного голосования это преимущество было сведено на нет, тем не менее появление этого постановления 1 января 1789 г вызвало ликование парижской буржуазии, Париж был иллюминован, как в дни больших торжеств, парижане называли его «новогодним подарком, полученным народом от короля». Так же называет его и Демишель, обещая выслать Дюбрейлю один его экземпляр.

Демишель вполне разделяет одобрение третьим сословием политики Неккера, мероприятия которого являлись, по мнению Демишеля, «предпосылками великой реформы» [2]. Непоследовательность, выразившаяся в сохранении посословного голосования, не вызывает его критики. Затрагивая вопрос о системе голосования в Генеральных штатах, Демишель прибавляет: «Неккер предоставил решить этот вопрос нации, и мне кажется это было единственным правильным решением в данный момент». Это увеличение политикой Неккера, популярность которого в то время была очень велика, вполне разделяет Ромм, от имени которого между прочим Демишель посылает Дюбрейлю в подарок гравированный портрет Неккера [3].

Описывая выборы, Демишель отмечает прежде всего борьбу третьего сословия с правительственной регламентацией выборов. Борьба эта вышла из пределов лояльности и выразилась в неразрешенном третьему сословию переизбрании председателей, назначенных правительством из муниципальных должностных лиц, в отстранении и удалении их с собраний. Кроме того, Демишель отмечает: недопущение третьим сословием к выборам лиц, состоящих у дворян на службе, и, следовательно, от них зависимых, политику дворянства во время выборов, которое, в целях сохранения своего авторитета первенства, желало, чтобы третье сословие выбирало депутатов и составляло наказы не самостоятельно, а сообща с дворянством; в связи с этим Демишель констатирует большую настороженность по отношению к дворянству и недоверие к нему третьего сословия.

Демишель, сообщая о приеме третьим сословием дворянских депутаций на выборных собраниях, прибавляет: «эти депутации были приняты со всеми подобающими им почестями, но почти везде соблюдали мудрую сдержанность, очень осторожно выражали свое доверие, чтобы не повредить интересам третьего сословия» [4]. Отмечает Демишель и позицию правительства во время выборов, с одной стороны, из опасения восстания, поставившего охрану у входа церквей, где происходили выборы, а с другой стороны, возбуждающего восстание путем подкупов, желая его использовать против третьего сословия, устрашив им тех, кто его поддерживал. Заострение внимания Демишелем на всех этих фактах типично для него, как для представителя третьего сословия, который, наблюдая и описывая свои наблюдения, всегда учитывает интересы и преимущества третьего сословия и грозящие ему опасности.

Кроме интересов третьего сословия, Демишелю дороги интересы его родного города Риома, что характерно для него, как для обывателя города — «буржуа». Во время предвыборной кампании Риом в лице своих судебных властей и муниципалитета отстаивал свое право быть местом собрания трех сословий для выборов в Генеральные штаты от Овернского судебного округа — «сенешаль-

---

[1] А. Олар, Политическая история французской революции. М. 1938, стр. 48–49.
[2] См. ниже, стр. 162.
[3] См. ниже, стр. 161.
[4] См. ниже, стр. 171.

ства», на что претендовал другой город Оверни — Клермон, в качестве древней ее столицы, в которой всегда происходили выборы в Генеральные штаты [1]. Клермонцы прислали в Париж для отстаиванья своих прав перед правительством депутацию. Отстаиванье же прав Риома взял на себя Малуэ [2], уроженец Риома, занимавший важный правительственный пост, человек близкий к Неккеру, который через него добивался, чтобы местом выборов от Овернского сенешальства стал Риом. Этой борьбе двух городов посвящен целый ряд писем.

Центральным местом писем Демишеля является описание им восстания в Сент-Антуанском предместье Парижа, направленного против фабрикантов Ревельона [3] и Анрио. Восстание сопровождалось враждебными по отношению к Ревельону манифестациями, стачкой, разграблением их домов и т. д. Почва для восстания была подготовлена дороговизной хлеба, безработицей, лишением избирательных прав неимущих слоев населения. Лишенные избирательных прав в дни выборов толпились у дверей церквей, где происходили выборы и составлялись наказы, и выражали свое неудовольствие и сомнения, по сообщению одной роялистской газеты («L'ami du roi»), вопросами: «Занимаются ли нами? Думают ли о том, чтобы понизить цену на хлеб? Мы голодны» [4].

Сопровождавшая восстание стачка свидетельствует о том, что в состав восставших, главным образом, входили рабочие, руководимые мотивами классового порядка, объединенные чувством классовой солидарности, что вполне явствует из ответа одного участника восстания на вопрос во время допроса, почему он не работал в день восстания — «если бы не поддерживали друг друга, то все бы погибло» [5].

Формы восстания — грабеж, разгром домов, характерные для стихийного массового движения, показывают, что в восстании принимали участие и деклассированные слои населения, лица, подкупленные секретными агентами двора. Толчком к восстанию послужили слова Ревельона, избранного выборщиком от третьего сословия и заявившего на одном собрании, что рабочие могут существовать на 15 су в день. Кроме того, по сообщению упомянутой выше газеты «Ami du roi» от 27 и 28 апреля, Ревельон и Анрио возбудили классовую вражду к себе, как представители буржуазии, своим поведением на выборном собрании: они занимали особые места, отведенные им, как почтенным избирателям, не обращали внимания на речи и требованья рабочих, что вызывало ропот и раздражение. «Рабочие,— по сообщению этой газеты,— желая устрашить всех собственников столицы, произвели свое первое нападение на самого крупного из них» [6].

Правительство, не принявшее никаких мер к предупреждению восстания, подавило его с большой жестокостью.

Газета «Ami du roi» устанавливает, что убитых было 200 чел., раненых — 300. Приблизительно ту же цифру дает в своих мемуарах Besenval

---

[1] Последний раз штаты собирались в 1614 году.

[2] Малуэ, Пьер Виктор (1740—1814) крупный политический деятель. В 1789 г. был «интендантом» Тулона. Был избран депутатом в Генеральные штаты. В национальном собрании занял правую позицию, выражал интересы крупной финансовой буржуазии, отстаивая двухпалатную систему и абсолютное veto короля. После свержения монархии эмигрировал. После 18 брюмера VIII года (7 ноября 1799 г.) вернулся во Францию, был членом Государственного совета. При Людовике XVIII незадолго до смерти был назначен морским министром.

[3] У Ревельона была крупная по тому времени фабрика обоев. По свидетельству самого Ревельона у него было 350 рабочих (Chassin, Les élections et les cahiers de Paris en 1789, стр. 116).

[4] Chassin, La génie de la révolution, Paris, 1863, т. I, стр. 293.

[5] Протокол допроса раненых при подавлении этого восстания, привезенных 28 апреля в Парижскую больницу — «Hotêl Dieu» (см. Chassin, op. cit, т. III, стр. 74).

[6] Chassin, op., cit., т. III, стр. 54.

и книгопродавец Hardy, автор интереснейшего «журнала событий» («Journal des évenements»), посвященного этому восстанию[1]. 28 апреля было обнародовано правительственное сообщение о предании чрезвычайному — «превотальному» суду без права апелляции и отсрочки приговора участников восстания[2]. Суд состоялся 29 апреля утром, вечером в тот же день двое — кровельщик Жильбер и поденщик Пура, арестованные в подвале дома Ревельона, обвиненные в подстрекательстве к восстанию и участии в нем, были по приговору этого суда повешены у заставы Сент-Антуанского предместья.

2-й чрезвычайный суд над участниками восстания состоялся 18 мая 1789 года. 2 человека были приговорены к повешению, 5 — к вечной каторге. Так закончилось восстание, которое Жорес и Луи Блан рассматривают, как первое стихийное восстание пролетариата против капиталистов. Луи Блан говорит по его поводу следующее: «В момент предвыборного возбуждения сказано было о заработной плате, и одни эти слова заключали в себе более глубокую революцию, чем та, в которую устремлялась буржуазия»[3].

Вышеупомянутый книгопродавец Hardy различает в толпе восставших «рабочих и разбойников»; Демишель «рабочих» не замечает совсем, а видит только «бродяг», «оборванцев», «чернь». Непонимание классовой сущности восстания характерно как для эпохи, так и для Демишеля, представителя мелкой буржуазии.

В заключение необходимо отметить, что письма Демишеля, публикуемые в ознаменование 150-летия буржуазно-демократической революции 1789 г., вскрывают социальную сущность этой революции. В них красной нитью проходит борьба буржуазии и дворянства, приведшая в конечном результате к победе капитализма над феодализмом. Кроме того, по ним можно установить начало «восходящей линии» движения этой революции, когда руководящая роль принадлежала умеренным партиям, представителями которых являются упоминаемые Демишелем Малуэ, Лалли-Толендаль и др., в дальнейшем уступившие свое место сначала более радикальным партиям, затем жирондистам, отстраненным в свою очередь якобинцами.

Е. Александрова

Париж, 3 января 1789 г.

Приехал я, мой милый Дюбрейль, вполне благополучно, если не считать холода, от которого я очень страдал, и сильного отека ног. Одним из самых больших неудобств наших общественных карет, особенно в это время года, является невозможность пройти пешком хотя бы немного, чтобы поразмяться и согреться...

Мне надо еще причесаться прежде чем идти к г. Малуэ. Если будет возможно, то я постараюсь еще написать вам о том, как он принял меня, если же нет, то я сообщу вам об этом со следующей почтой. Вы уже знаете о только что обнародованном постановлении государственного совета короля[1]; на всякий случай посылаю вам один его экземпляр. Никаких новостей я еще не знаю, кроме того, что парижане были очень довольны этим «новогодним подарком» короля. Не верьте смешным слухам об убийствах и опасностях, которым якобы подвер-

---

[1] Chassin, op. cit., т. III, стр. 58, 62.
[2] Chassin, op. cit., т. III, стр. 71.
[3] Louis Blanc, Histoire de la révolution française, т. II, стр. 219.

гаются в столице, мне кажется повод к этим ложным толкам дали некоторые происшествия, неизбежные в таком большом городе.

Я выхожу от г. Малуэ. Я долго с ним беседовал и он мне сообщил краткое содержание письма, которое он написал в сенешальство. Он мне сказал, что он опасается некоторых возражений со стороны Клермона[2] и сообщил, что у него есть осведомленный друг, который принимает близко к сердцу интересы нашего города. Было объявлено, что указы о выборах будут разосланы на этой неделе, но посылка их отложена на несколько дней. У меня нет времени продолжать письмо; уже около полудня, а я хочу, чтобы мое письмо было отправлено сегодня утром. Я вам напишу обо всем этом в будущий вторник.

Париж, 6 января 1789 г.

Я вам обещал, мой милый Дюбрейль, дать более обстоятельный отчет о моем посещении г. Малуэ. Я поделюсь с вами моими наблюдениями с просьбой не разглашать их. Я был принят нашим компатриотом самым учтивым образом. Он прочел те два письма, которые я ему передал, и сказал, что все устроилось в пользу нашего города. Он подробно сообщил обо всем, что было им до сих пор сделано для нашего города, и послал к своему брату за черновиком письма, написанного им в сенешальство. Он мне сообщил, какая причина побудила его желать более широких полномочий, чтобы действовать с большей пользой для нас. Он мне сказал, как ему было досадно, когда его, главного деятеля, доведшего это дело до конца, в момент его окончания тотчас же заменили другим. «В связи с новым порядком, установленным министерством,— прибавил он,— дела приняли другой оборот. Я сделаю все, что должен сделать для Риома, и моя миссия будет выполнена».

Я ему сказал о желании всех в нашем городе избрать его депутатом в Генеральные штаты. Из его скромного ответа мне, однако, не трудно было заметить, что он будет восхищен, если на него возложат такое почетное звание. Я должен еще прибавить, что я убедился в его усердии, в его готовности служить нам, принимая во внимание то удовольствие, которое он проявил при нашей обстоятельной беседе обо всем, что он сделал и что он намерен предпринять. «Мне нечего бояться, нечего ждать от нашего правительства, я имею независимое от него состояние; я всегда искренно говорил правду и в более бурные времена». Я вам передаю его собственные слова, которыми он выразил свои идеи. Стоит ли вам теперь сообщать мое мнение о том, кого должен избрать город? Я вижу в г. Малуэ единственного человека, способного не только защитить наши частные интересы, но способствовать надлежащим образом благодетельным намереньям министра[3] не только для общественного блага, но и для пользы Оверньской провинции. Вы знаете его тесную близость с г. Неккером. Только благодаря этой близости он мог присутствовать на собрании, состоящем только из дворян, иначе наш город лишился бы лучшего из всех своих прав. Г-н Неккер даже не задумывался о том,— могла ли бы просьба Клермона подлежать обсуждению.

Я прибавлю еще, что г. Малуэ, благодаря своим большим связям, в столице и при дворе, во время сможет остановить своим влиянием те удары, которые хотели бы нам нанести. Я могу сказать, что благодаря привычке к постоянному общению с министрами и с самыми

замечательными людьми, он выражает свои мысли с благородной смелостью, которая привлекает к себе внимание и заставляет себя слушать. Я также уверен и в его справедливости, которую я ставлю рядом с его просвещенностью. Я его причисляю к группе того небольшого числа честных людей, которые поддерживают цели умного и просвещенного министра, потому что считают их разумными и справедливыми, и которые способны содействовать их успеху.

Я призываю вас, мой милый друг, начать действовать заблаговременно и призвать к действию и других, чтобы способствовать избранию г. Малуэ нашими компатриотами. Я полагаю, что я ничего не прибавлю к тому, что вы и многие наши компатриоты знаете о нем, но мне хочется, чтобы все были убеждены так, как убежден я сам, что г. Малуэ во всех отношениях заслуживает предпочтение пред теми, которые будут добиваться чести избрания депутатами в Генеральные штаты. Впрочем, при теперешнем положении вещей все могут быть удовлетворены, потому что сенешальство должно избрать определенное количество депутатов. Когда я уходил от г. Малуэ, он сказал мне: «Наконец-то я могу выразить надежду, что у нас будет конституция и что мы умрем свободными»...

Я виделся с управляющим доменами, который не может ничего сделать для «Бюллетеня» Фокона [4]. Сильные холода все еще продолжаются и нельзя без содрогания думать о всех причиняемых ими бедствиях. Однако Париж спокоен. Но я боюсь, что малейший переворот в правительстве может иметь самые неприятные последствия...

Париж, 12 января 1789 г.

...Если вы подумаете, что я из угождения вашему вкусу буду говорить с вами о политике, то вы ошибетесь. Ни одного слова о новостях. Мы живем в Париже, как в лесу, никого не видим; как же мы можем знать, что происходит и о чем говорят? Я опять виделся с моим управляющим доменами, но я не мог от него получить никаких сведений для «Бюллетеня» Фокона, и я совсем не знаю, к кому мне обратиться, чтобы удовлетворить Фокона. В прошлый четверг состоялось собрание парламента; есть несколько версий о причинах, вызвавших это собрание, но ничего определенного об этом не говорят. Парламент должен опять собраться в будущую пятницу. По Парижу ходят слухи, что появилась брошюра с резкой критикой, направленной против г-на д'Эпремениля [5], но я ее еще не видел. Очень много говорят о большом заговоре против Неккера, во главе которого стоят министры, его сотоварищи. Вчера мне рассказали, что на заседании секретного комитета эти негодяи в отсутствие Неккера чуть не убедили короля дать ему отставку. Этот уважаемый человек делает вид, что он не слышит того, что говорят, и уйдет из министерства только тогда, когда его оттуда вытолкают.

Я еще не получил известий из России и я тем более обеспокоен этим потому, что m-lle Додэ [6] сообщила мне, что барон [7] опасно болен. Я не могу ничем объяснить такого долгого молчания. Граф [8] в своем письме г. Ромму ничего не говорит об этой болезни и я не знаю, что и подумать.

Два дня тому назад нам показалось, что наступила оттепель. Потом всю ночь шел снег и холод возобновился. Я не понимаю, что предпринимают для снабжения Парижа и для помощи тому большому количеству несчастных, которые в нем живут. Благотворительность очень

велика и в будущем она нужна в таких же размерах. В прошлую пятницу в ратуше было собрание всех парижских кюре для обсуждения и согласования с муниципалитетом мер помощи нуждающимся...

Париж, 24 января 1789 г.

Я сегодня сдам на дилижанс небольшой, адресованный вам, ящик. Вот стоимость посылки.

Большую гравюру — портрет Неккера, в рамке . .	13	ливров	10
Маленькую гравюру в рамке	15	»	10
Фунт фитилей	18	»	
Ящик и упаковка	3	»	10
	53	лив.	10

Кроме того я положил туда гравюру для вас; бумажный пакет, который вы передадите г-же Ромм, переплетенный в сафьян часослов для моей двоюродной сестры и молитвенник для моей сестры...

Никаких новостей у меня нет, я ничего не знаю о том, увенчалось ли успехом дело клермонской делегации. Здесь с большим нетерпением ожидают указа о созыве. Появилось в печати несколько проектов наказов для депутатов от провинций в Генеральные штаты; я предполагаю, что вам известно все, что в этом роде выходит.

Прощайте, мой добрый друг, поклонитесь от меня всем нашим друзьям...

Париж, 27 января 1789 г.

Вчера вечером умер г-н д'Омерсон, первый президент парламента. Указы о выборах уже два дня тому назад сданы в королевскую типографию и должны выйти сегодня. Король призвал к себе главного прокурора и главного адвоката и отдал им распоряжение начать следствие по делу типографщиков, разносчиков газет и автора пасквиля, приписываемого Мирабо[9], в котором он пишет ужасы о великой княгине[10], о прусском короле[11], принце Генрихе[12] и о многих других лицах. В течение нескольких дней я не видел г. Малуэ, но я узнал то, что вам наверное уже известно, а именно, что созыв избирателей в Оверни возложен на сенешальство, и что делегаты Клермона посрамлены в результате их хлопот. Вероятно, вы не знаете о том, что расходы на эту делегацию оплачивают различные корпорации и что одним только президиальным судом дано 50 луидоров.

Я еще не узнал ничего вполне достоверного о Бретани[13] и Франш-Конте, и потому вынужден молчать об этом. Уверяют, что замаскированные люди истребили всю дичь в l'Ile Adam; сделали они это по внушению принца де Конти[14], который прибег к такой хитрости, чтобы вызвать жалобы на жестокость третьего сословия и внушить населению мысль, что третье сословие способно на бесчинства, если ему предоставить хотя немного свободы. Если этот факт верен, то напрашивается такой вывод: тот, кто вынужден хитрить, обнаруживает свою слабость; третье сословие, по всей вероятности, будет сильнее всех в Генеральных штатах. Дай бог, чтобы это было так, но в то же время пусть оно будет столь же разумным, сколь и сильным, только тогда оно выполнит благое дело.

В воскресенье мы обедали в Сен-Жермене у графа де Ла Колиньера. Говоря между нами, он мне совсем не понравился. Он мне пока-

зался ярым сторонником дворянских притязаний, пытающимся умалить и выставить с самой невыгодной стороны предпосылки великой реформы г. Неккера и все что последним до сих пор сделано для обеспечения ее успеха. Я не сомневаюсь в том, что он присоединился к клятве дворянства Бретани[15]. Я виделся с г. Бордом и с г. Субрани[16]. Последнего я нашел вполне поправившимся, он в полном здоровье и очень хорошо выглядит. Г-же Борд очень помогает магнетизм. Г. Ромм присутствовал в ее доме на сеансе г. Брюссель[17] и видел удивительные явления. Эти великие испытатели природы переживают большие наслаждения, недоступные обыкновенным смертным. Наверное это вознаграждает их за те труды, которые они несут при исследованиях.

Париж, 31 января 1789 г. Улица des petits Augustins, гостиница «Люксембург» № 9[18].

...Указы о выборах еще не получены. Предполагают, что они будут обнародованы только 5 февраля. Некоторые уверяют, что они уже разосланы по самым отдаленным провинциям, но я не могу поручиться за достоверность этого слуха. Я спросил г. Арто, пошлет ли он вам сегодня подробности волнений в Бретани, и так как он ответил, что у него нет для этого времени, я постараюсь рассказать вам обо всем. что я вчера по этому поводу узнал. Я очень хотел достать письмо с сообщением о событиях, чтобы скопировать его, но это мне не удалось.

Ночью с четверга на пятницу прибыл в Версаль член реннского муниципалитета и привез письмо с подробным описанием побоища, которое имело место в этом городе 27-го числа. Этот делегат явился к г. Неккеру; Неккер направил его к г. Вильдейлю[19], которому подведомственна Бретань. Пока еще содержание этого письма неизвестно, но вот, что сообщают частные письма.

В понедельник 27-го, по городу распространялось обращение к многочисленным в этом городе лакеям, носильщикам портшезов и другим бродягам, в котором дворянство вменяет в вину третьему сословию вздорожание хлеба и призывает всех этих негодяев расправиться с третьим сословием, угрожая тем, что в случае неповиновения домашняя прислуга и другие, находящиеся на службе у дворянства лица, будут уволены без уплаты жалованья. На «Cours de Montmorin» было объявлено собрание; несколько дворян обратились к собравшимся с речами, в которых призывали их вооружиться; затем собравшиеся под предводительством этих дворян вернулись в город в количестве 800 человек, чтобы избить всех буржуа, которых встретят в кафе, в других общественных местах, на улицах или даже в домах частных лиц. Побоище, продолжавшееся с 9 часов утра до 2 часов, не могли остановить. Граф де Тиар[20] двинул было войска, находившиеся в трех милях от города, но на другой день вынужден был их вернуть обратно. Вам, конечно, известно, что во время собрания Генеральных штатов войска должны быть на расстоянии восьми миль. Полиция начала производить расследования о зачинщиках этой смуты. Парламент запретил продолжать это расследование до нового распоряжения. 28-го около двух часов побоище возобновилось и продолжалось до 5-ти. Столкновения, сопровождавшиеся самыми ужасными убийствами, происходили у места собрания штатов. Вооруженное дворянство стреляло в буржуазию, набрасывалось на нее со шпагами в руках.

Три дворянина убито. Говорят среди раненых дворян находятся де Буаюль и де Ламбилли. Один из раненых объявил, что он получил 36 ливров и очень сожалел, что так дешево продал свою жизнь. Один городской стражник, хотел арестовать одного слугу, замахнувшегося палкой на четырнадцатилетнего молодого человека, но вынужден был отпустить его; принудил его к этому маркиз де Тремарга, приставив к его горлу пистолет. Маркиз этот один из тех двенадцати, которые во время управления г. Бриенна [21] были заключены в Бастилию. Он уехал из Ренна. Многие молодые люди отправились за подкреплением в восточном направлении и в Нант; очень опасаются того, что с их возвращением побоище возобновится. Во время второй стычки граф де Тиар очень рисковал своей жизнью.

Я вам даю только краткое изложение того, что мне показалось заслуживающим доверия, но с будущей почтой вы, наверное, получите сообщение о более интересных подробностях. Я не могу описать вам того впечатления, которое эта новость произвела здесь.

Я считаю, что это восстание бретанского дворянства увеличит энергию третьего сословия и тем обеспечит его победу. Вчера я присутствовал в кафе Фуа [22] на чтении постановления третьего сословия Бретани [23]. Чтец стоял на столе и около 500 человек слушали его с самым напряженным вниманием, и когда чтение было закончено, раздались оглушительные аплодисменты. Это возобновлялось каждый раз, когда появлялось что-нибудь интересное. В другом кафе я присутствовал при чтении письма с официальным сообщением о происходящих волнениях; один человек, по моему предположению дворянин, ежеминутно кричал: «преувеличивает, так написать мог только простолюдин». Но перед самым носом этого жалкого благородия все принялись хохотать, потом сказали ему: «вы сошли с ума», и вытолкали вон из кафе.

Г. Готье де Биоза [24] подарил мне свое недавно опубликованное сочинение о подушном налоге. Если вы еще с ним не знакомы, я вам его вышлю. Он мне сообщил, что у него есть копия мемуара в защиту дворянства и его привилегий, который приписывают одному риомскому адвокату; по почерку можно определить, что копия снята секретарем нашего городского адвоката. Очень удивительно то, что в эпоху, когда вся Франция объединилась, чтобы уничтожить привилегии, Риом отделяется, вставая на их защиту.

Париж, 3 февраля 1789 г.

...Г-н Малуэ сообщил мне, что в скором времени появится брошюра, содержащая следующие вопросы и ответы: «Что такое третье сословие? Все. Чем оно было до сих пор? Ничем. Чем оно хочет быть? Чем нибудь». Малуэ считает ее лучшей из всех появившихся до сих пор брошюр о третьем сословии. Она написана лучше всех и лучше всех обоснована. Ее приписывают шартрскому главному викарию [25]. Я вам ее вышлю, как только она выйдет.

Сегодня или завтра должно появиться подробное сообщение о событиях в Бретани с 26-го по 29-е, на основании официальных бюллетеней событий, присланных главнокомандующим и интендантом. Эти сообщения подпишут привезшие его делегаты. Наверное я вам вышлю их в четверг, потому я воздержусь от подробного сообщения того, что я узнал по этому поводу. Обе стороны сложили оружие, третье сословие продолжает требовать суда над совершившими это преступление.

Уверяют, что из Нанта прибыло 350 молодых людей, вооруженных до зубов, и что на расходы в связи с этой кампанией уже собрано по подписке 60 тыс. ливров. Все другие города Бретани выражают желание подняться на защиту третьего сословия города Ренна, но тут предполагают, что это выступление не принесет никакой пользы. Предполагают, что новые штаты будут собраны в Сен-Брие...[26].

Париж 5 февраля 1789 г.

...Хотя г. Малуэ и сообщил мне, третьего дня вечером, что указ о выборах еще не разослан, но я в тот же вечер присутствовал на его чтении в кафе Фуа[27]. Я нахожу, что введение к указу составлено очень умно. Указ содержит 50 статей; мне очень трудно изложить вам подробно содержание их. Сенешальства как будто разделяются на сенешальства 1 разряда и 2 разряда. Сенешальства 1 разряда получают указ о выборах непосредственно от правительства и пересылают их в сенешальства 2 разряда. Впрочем я не могу поручиться, что действительно установлен такой порядок. Чтение указа привлекло большую толпу и не все время соблюдалась должная тишина. Я понял, что все кюре имеют право выбирать на собрании в главном городе избирательного округа или лично, или через своих уполномоченных. Скоро вы наверное познакомитесь с этим указом. В Париже он еще не продается и потому я не могу вам его выслать, я вышлю его вам только в субботу, когда он поступит в продажу.

Сегодня утром я пошлю г. Форие брошюру, о которой я вам сообщал в последнем моем письме озаглавленную: «Что такое третье сословие». О Бретани до сих пор не напечатано ничего достоверного. «Бюллетени» вас в самом скором времени познакомят с выдержками из тех писем, на чтении которых я присутствовал. Приверженцы и эмиссары дворянства делают все от них возможное, чтобы распространять ложные слухи о причинах восстания, но все повертывают им спины и их никто не слушает...»

Париж, 17 февраля 1789 г.

...Накануне я встретился с депутатами от Клермона, они подошли ко мне в Пале Рояле и удостоили меня приглашением пообедать с ними, от чего я наотрез отказался. Я не понял, чему приписать такое внимание с их стороны, тем более что они и раньше неоднократно встречались со мной и всегда делали вид, что меня не замечают. Мне кажется это происходило потому, что тогда со мной были гг. Д'Альбиа[28] и Буара[29], которые не дружат с г. Ламотом. Как бы то ни было, мы долго говорили о нашем деле; во время этого разговора я был настороже. Я понял по их намекам, что у них мало надежды; они жаловались, что г. Неккер, слушая их в течение получаса, не сказал им ни одного слова в ответ. Я не знал верить ли этому и с большим нетерпением ждал свидания с Малуэ, чтобы узнать от него о том, что произошло.

Увиделся я с ним только вчера утром и узнал о результатах предпринятых им шагов и об успехе, о котором без сомнения уже знали клермонские депутаты, когда прогуливались со мной. Он мне сообщил, как много ему надо было приложить усилий, чтобы аннулировать третье решение совета, которое было в пользу Клермона. Он пришел в совет, когда все уже было решено и перешли к рассмотрению дел, относящихся к Лотарингии. Приняли его очень плохо. Ему очень

сухо сообщили, что это дело уже окончено, что он ввел в заблуждение комиссию ложными утверждениями*, и что выборы в Генеральные штаты всегда происходили не в Риоме, а в Клермоне для Нижней Оверни и в Сент Флуре — для Верхней, и что надо было сообразоваться со старыми обычаями. Малуэ решил уйти и обратиться в генеральный контроль, чтобы узнать там ответил ли Неккер на его письмо и на его мемуар. Когда он узнал, что и то и другое было послано в комиссию, то он туда вернулся и застал членов комиссии за чтением его письма и мемуара; он заставил выслушать его и снова склонил всех к решению производить выборы по бальяжам. Установили было, что Риому надо дать трех депутатов, но по его настоянию сохранили 5, согласно указа о выборах.

Вам, без сомнения, известно, что по его настояниям совет постановил, что все части Верхней Оверни, подведомственные Риому и Клермону, соберутся в Сент-Флуре, что, однако, не дает никакого права к сокращению круга веденья того и другого сенешальства, и в результате этого нового распределения Сент Флур получит третьего депутата. Бальи Сент-Флура получит указ о выборах от овернского сенешала. Это постановление сопровождает письмо с выговором муниципалитету Клермона, такое же письмо адресовано и г. Шалера. Первый получил выговор за то, что допустил такой раскол в провинции, второй за то, что закрыл глаза на все происки клермонцев. Возможно, что город Клермон и интендант не станут рассылать печатных копий этих указов в города подведомственные нашему городу, так же как они не рассылали копий их письма к Неккеру. Если же однако ими овладеет мания к напечатанию, то я вас попрошу выслать мне один экземпляр...»

Париж, 4 марта 1789 г.

Наконец то, мой добрый друг, вы освободились от ваших гостей и ваше избрание с грехом пополам подготовлено. Я был недоволен, когда узнал, что к инструкциям [30], которые вы мне прислали, сделаны новые дополнения. Они были напечатаны здесь и произвели впечатление. Здесь сожалеют, что они не были обнародованы значительно раньше. На них смотрят, как на лучшее произведение из всех появившихся до сих пор в этом роде.

Мне хочется как можно скорее получить наказы дворянства и духовенства. Вы меня спрашиваете, хорошо ли меня принял г. Форие. К моему стыду я должен признаться, что я виделся с ним всего только один раз. Я посылаю обычно к нему Клемана [31]. Но сегодня утром я предполагаю пойти к нему сам, чтобы взять посланный вами на его адрес пакет. Я ему также передам то сочинение, о котором вы меня просили.

Я вам ничего не написал в четверг, потому что у меня совсем не было времени. Я был у г. Малуэ, там я встретил графа д'Эстена. Все остальное утро я провел в суде на знаменитом процессе Корнманна [32]. Его жалоба не была удовлетворена, все поданные в суд мемуары уничтожены, как ложные и клеветнические. Бергассу [33] запрещено писать против его противников под страхом наказаний, которые за это полагаются. По приговору суда Корнманн и Бергасс оба должны заплатить судебные издержки Ленуара и Бомарше по тысяче ливров каждый. Эти деньги должны пойти в пользу бедных; прокурор учреждает

* Речь идет о ходатайстве Малуэ по поводу производства выборов в Риоме.

опеку над осужденными на три месяца за подписание этих мемуаров, и адвокат Оверье должен подвергнуть их увещеванию у решетки суда. Истцы приговорены к оплате всех издержек на напечатанье приговора суда в 2 тыс. экземпляров и за его расклейку. Все недовольны главным образом тем, что восторжествовали Бомарше, Ленуар и Додэ, но, отбрасывая в сторону возбужденное этими лицами негодование, беспристрастные люди полагают, что приговор справедлив.

Опротестование приговора было судом отклонено, несмотря на очевидные доказательства прелюбодеяния, потому что кроме этой жалобы Корнманном подано в суд прошение о возвращении ему жены, которой он все простил, и после обращения в суд с этим прошением он не представил никаких доказательств о ее связи с Додэ. Заставляет меня также считать приговор суда правильным та высокая репутация, которой пользуется главный адвокат г. Дамбрей, с точки зрения его нравов, его талантов и просвещенности. Все его доказательства пункт за пунктом были приняты во внимание. Его речь продолжалась около 5 часов, и по памяти он говорил в течение 3½ часов. Вы не можете себе представить всех ужасов и всех гадостей, не относящихся к делу, которые откопали Корнманн и Бергасс, чтобы облить грязью своих противников. Они ни перед чем не остановились, чтобы добыть письма, вплоть до того, что выкрадывали их на почте, давали взятки; они извращали эти письма при чтении, ругались самым подлым образом, что было совсем не убедительно ни для судей, ни для аудитории, и возмутило всех честных людей. Я не советую вам читать все эти ужасы, хотя все, что можно сказать за и против, будет напечатано. Вышло письмо одного судьи из Прованса о Бергассе, очень хорошо написанное, и если я найду его интересным для вас, то я вышлю его вам, чтобы вы могли познакомиться с этим человеком, который мог бы сделать лучшее применение своим способностям.

Вот новость, которая еще больше возбудит ваше любопытство. Бывший субделегат Лильского интендантства, друг Калонна [34], действовал тайно в Байольском бальяже, чтобы собрать там побольше голосов для своего друга Калонна; из 34 голосов последний был обеспечен 20-тью. Г. де Калонн, уверенный в своем избрании, покинул Англию и явился в Байоль. Обещавшие ему свои голоса не сдержали своего слова под тем предлогом, что ими обещаны были голоса самому субделегату, а не г. Калонну. Дворянское сословие объявило, что оно не соберется, пока Калонн будет в городе; третье сословие вынесло постановление, в котором оно обещается не выбирать министров, бывших министров и никаких других лиц, которые были членами совета его величества или состоят его членами теперь. И в виду того, что до сведенья третьего сословия дошло, что изгнанный из своего отечества, обвиненный в лихоимстве и преступлениях по должности, министр сейчас находится в городе с целью интриги, третье сословие требует изгнания этого бывшего министра из провинции и призывает все бальяжи приостановить выборы, пока Калонн не удалится. Я конечно могу ошибаться в некоторых подробностях, но можно кажется быть уверенным в том, что г. Калонн приехал морем из Дюнкирхена в Байольи и что принц де Робюк тотчас же известил об этом двор, но ничего определенного не сообщают об ответе на это короля. Вчера вечером меня уверяли, что де Калонн был вынужден отправиться тем же путем обратно. Конечно, мы получим более обстоятельные подробности, и я вам тотчас же о них сообщу. Это происшествие

так интересно, что нельзя ему не радоваться, и все приверженцы этого бывшего министра, интриговавшие как никогда раньше для того, чтобы провалить планы г. Неккера, получили пощечину...

Париж, 21 марта 1789 г.

Ваше письмо от 17-го доставило мне очень большую радость и избавило меня от большого беспокойства. Я все время боялся, как бы интриги и зависть не помешали избранию г. Малуэ[35]. Теперь, слава богу он выбран, как он того заслуживал, и я уже не беспокоюсь за то, кто будет дополнительно избран в качестве его товарищей. Я надеюсь, что сделают хороший выбор, но если даже ошибутся в некоторых, то Малуэ ответит за всех. Я никогда не сомневался в том, что Генеральные штаты будут созваны, но я иногда опасался, не будут ли они бесполезны; теперь я могу утверждать, что у нас будет конституция, что нация будет осуществлять все свои права. Мне доставляет удовольствие мысль, что наш компатриот будет этому содействовать и обратит на себя внимание такого высокого собрания. Я хотел бы написать ему и доставить себе удовольствие поздравить его, но я не буду этого делать, чтобы не заставлять его тратить на ответ мне время, которое он может употребить с большей пользой. Я ограничусь тем, что зайду поздравить его, когда он вернется. Он лучше поймет искренность моей радости, глядя на мою физиономию, чем читая мое письмо.

Как только я получил ваше письмо, то первым моим движением было пойти к его жене, которая приняла меня очень хорошо. Затем я отправился в суд к Гунолю, затем к г. Ваше, потом я виделся с Шапсалем, Бертоном и Шампфлуром, я хотел бы встретиться со всеми риомцами, которые сейчас находятся в Париже, чтобы поделиться с ними этой приятной новостью. Я прочел ваше письмо целиком моему управляющему доменами. Он был в восхищении от всех интересных подробностей, которые вы сообщаете и от естественной и непринужденной манеры вашего рассказа обо всем происходящем. Ваше замечание о кюре и о прагматической санкции нас насмешило до слез. Если вы знаете г. Маттиаса[36], уважаемого кюре новой церкви, то передайте ему, что мы все присоединяемся к нашим компатриотам, чтобы благословить его. Я бы очень хотел, чтобы кюре Фэйоль был бы одним из депутатов в Генеральные штаты и мы все горячо желаем, чтобы не был избран епископ[37].

Не появилось в печати ничего нового, что заслуживало бы большого интереса. Вчера вышли указы для Бретани[38] и инструкции немурского бальяжа[39], очень хорошо составленные, очень сходные с нашими. Дворянство этого бальяжа не так упорно возражает на два пункта, вызвавшие протест нашего дворянства[40], и само требует равенства распределения налогов и уничтожения всех своих унизительных для третьего сословия привилегий, и если это требование не буквально выражено такими словами, то в основном оно исходит из этих принципов...

Париж, 26 марта 1789 г.

...С большим удовлетворением я узнал об обстоятельствах избрания г. М.*, я его слишком мало знаю, чтобы утверждать, что он способен

* Малуэ.

на интриги с целью воспрепятствовать избранию г. Ред[41]. С последним вы меня примирили вашим сообщением о том, что он руководствуется советами Буара и придерживается его принципов. Я не считал его способным быть под чьим либо влиянием, и это меня заставляло опасаться, как бы он не принес все в жертву своему самолюбию. Я знаю его дар красноречия, но и вы и я хорошо знаем также, как его речи проигрывают при чтении; я думаю, что в нем больше упрямства, чем энергии, и как раз это упрямство, которого я так опасаюсь, он и проявляет, когда настаивает, что среди наших депутатов царит самое совершенное согласие. Я предвижу, что он не предпримет никаких шагов, чтобы помириться с г. М. и я очень желал бы, чтобы последний решил отказаться от всякого предубеждения и чтобы ревность к общественному благу подавила в том и в другом эти мелкие проявления их самолюбия. Я вам признаюсь, что я в восхищении от победы г. Ред, и я был бы очень недоволен, если бы он не прошел вторым кандидатом. Предоставьте *... наслаждаться плодами его гордости; когда он будет в Париже, то он смешается с толпою и будет оказывать только пассивное влияние. Вы совершенно верно предполагаете, что не он поведет за собой приверженцев, независимо от того дворянин ли он или простолюдин.

Я совсем не был удивлен ограничительным условием принятым нашим дворянством, и я думаю, что оно было предложено всеми нашими мелкими дворянчиками с небольшим состоянием и без всяких достоинств, которые очень хорошо понимают, что если у них не будет никаких денежных отличий, то им не на что больше претендовать. Было бы очень печально, если подобное ограничение было принято; оно посеяло бы раздоры, которые никогда не прекратились бы. Я еще надеюсь, что наше дворянство откажется от этой претензии, прежде чем будет составлен наказ.

Как я одобряю всех наших кюрэ! Они хорошо себя вели, и я с большим нетерпением жду известия о том, кто ими избран в депутаты. Меня приводит в ярость мысль, что в Клермоне восторжествует епископ, а он неминуемо будет избран; уверяю вас, что это произойдет вопреки желанию всех честных людей. Я нахожу ваши рассуждения о смешном энтузиазме наших обывателей вполне справедливыми и мне было бы очень неприятно, если бы эти восторги были выражены публично. Этим они показали бы, как мало у них энергии, как мало они достойны той свободы, которую нам хотят дать. Кроме того нельзя же добиться всего сразу; благоразумие, которое помогало нам достигнуть того, что мы имеем теперь, незаметным образом овладеет всеми классами, и настанет время, когда потребуют как право того, что теперь получают в виде милости. О милости первый сказал генерал-лейтенант. Но очень трудно поверить тому, что какой то генерал-лейтенант[42] произнес это слово и несмотря на это был избран защитником нашей свободы. Надо очень надеяться на то, что Генеральные штаты создадут более приличную форму выборов депутатов и в будущем исчезнут все превышения власти сенешала и его представителя. Правительство же не имело никакой возможности удовлетворить всех. Мы достигнем многого, если Генеральные штаты соберутся, вопреки усилиям всех желающих сохранить злоупотребления, и если честные люди одержат верх над господами генерал-лейтенантами. Я льщу себя этой надеждой, потому что я жажду этого, но я не могу не высказать

* Имя не разобрано.

некоторых опасений. Я боюсь всего, что исходит от Калонна и его сторонников, которых много среди дворянства, духовенства и простолюдинов. Вам, конечно, известно, что его брат аббат был избран дополнительно кандидатом депутата. Вы знаете также, что г. Мирабо[43] выбран депутатом от третьего сословия в Провансе, и он, наверное, не будет защитником планов г. Неккера. Если справедливое презрение, которым его награждает общественное мнение, не гарантирует депутатов от влияния его красноречия, он может причинить много зла. Есть ли такое благо, которому он не воспротивится?

За эти дни совсем не появилось интересных брошюр. Мы имеем наказы Немура, очень хорошо составленные, наказы Мелона, которые уступают первым. Скоро начнем получать один за другим наказы различных бальяжей и если хотите иметь коллекцию, то по выходе их всех я вам их пошлю. Госпожа де Сталь[44], дочь Неккера, обнародовала небольшую работу, где она высказывает свое мнение о Жан Жаке. Как будто бы ее суждение о нем правильно, но в этом своем произведении она чрезмерно превозносит своего отца, что при теперешних обстоятельствах мне показалось неуместным. Я вам вышлю один экземпляр этого произведения в субботу вместе с «Новым ответом» Черутти[45] на план, предложенный де Калонном.

Париж, 16 апреля 1789 г.

Сегодня я не напишу вам много, мой добрый друг, потому что мне почти нечего вам сообщить. Я виделся с г. Малуэ в прошедший вторник и сказал ему о вашем мемуаре. В ответ на это он заметил, что в настоящий момент бесполезно предпринимать какие либо шаги, потому что по всем отраслям управления вынесено решение не вводить ничего нового до собрания Генеральных штатов; это относится, главным образом, к жалованию. Кроме того я говорил с ним о г. Р.*, и он по прежнему мало расположен к общению с ним. Если бы я предвидел опасения, которые вы высказываете относительно обеспечения квартирами депутатов в Версале и о сосредоточении там войск, то я попросил бы его дать мне на этот счет разъяснения. Но я ничего определенного об этом не узнал. Мне сообщили, что будут квартиры на все цены и что правительство уже внесло четверть платы, но я не ручаюсь за верность этого факта; меня уверяли, что можно недорого устроиться и со столом.

Что касается войск, то я слышал только о лейб-гвардии, которую перевели в Сен-Жермен. Но почему это сделали? Регламент для Парижа[46] должен появиться только сегодня утром, и я вам вышлю его в субботу, если он сможет заинтересовать вас. Я очень недоволен наказом дворянства, ни протоколом, ни речью г. де Булье. Это не может иметь никакого значения...

Граф прислал письмо г. Ромму и просит меня в нем как можно подробнее сообщить о моем ученике. Кроме того он просит прислать счет на мои дальнейшие расходы. Вот опять мне придется получить деньги только через два месяца, но в данный момент это меня не очень интересует. Крепко целую вас и сердечно люблю.

Париж, 21 апреля 1789 г.

...Предварительные собрания для избрания выборщиков от духовенства и дворянства состоялись вчера в двадцати отдельных избира-

* Редон.

тельных участках. Собрания же третьего сословия идут сегодня, для этого Париж разделен на 60 дистриктов. Около дверей церкви, где происходят эти собрания, поставили барьеры и отряды стражи от 24 до 30 человек[47]. Для поддержания порядка увеличена охрана по всему городу. Многие очень недовольны опубликованным регламентом, устанавливающим правила ведения этих собраний. Дворяне устраивают всякие каверзы, чтобы быть выбранными третьим сословием. Один старый адвокат, по фамилии Луазо, состоявший на службе у Неккера, когда он в первый раз занимал пост министра, опубликовал вчера из мести Неккеру за то, что Неккер стал им пренебрегать в последнее время, свое очень резкое сочинение, направленное не только против регламента, устанавливающего порядок выборов в Париже, но также и против регламента для провинции. Это произведение может только увеличить количество недовольных, но не принесет никакой реальной пользы при теперешних обстоятельствах и автор, вне всякого сомнения, дурной патриот. Каким бы он однако ни был, надо надеяться, что г. Неккер одержит верх над всем.

Меня сильно уверяли в том, что король имеет намерение на первом же заседании, посвященном обсуждению общественных дел, сам предъявить нации конституцию, которая оправдает и даже превысит все ожидания. Мне приятно верить в эту хорошую новость, потому что я уверен в хороших намереньях г. Неккера, в доброжелательстве монарха, который для того, чтобы заранее приготовиться к тем жертвам, которые он хочет принести, проводит все время за чтением наказов от бальяжей и всех вышедших произведений, относящихся к Генеральным штатам. Нам осталось уже недолго ждать, чтобы придти к определенному решению, и я очень желал бы уехать только после этого первого заседания[48].

Дворянство собралось в 8 часов утра и в 2 часа дня оно прервало свое собрание, которое возобновилось в 5 часов и в 10 часов вечера оно еще не закончило своих обсуждений. Уверяют, что большое количество дворян совсем не явились в свои дистрикты. Были такие, где насчитывалось не более 40 дворян, а в некоторых и меньше. Я еще постараюсь сообщить вам в четверг обо всем, что мне удастся узнать...[49]

Париж, 23 апреля 1789 г.

Я предполагаю, мой добрый друг, что вы уже осведомлены о порядке созыва в столице трех сословий и об опубликованном по этому случаю регламенте. Вы уже знаете, что в прошедший понедельник * должно было собраться дворянство в двадцати отдельных дистриктах и в каждом был назначен временным председателем советник из Шателе[50]. Когда эти отдельные собрания начались, то первым предметом их занятий был выбор председателя; если советник был дворянин, то ему было предоставлено право выбора наравне с другими избирателями. Регламент вызвал протест, в нем было усмотрено нарушение права каждого дворянина избирать депутатов, но, чтобы не оттягивать созыва Генеральных штатов, на этот раз только решили сообразоваться с регламентом, прекратив дальнейшее его обсуждение[51]. Эти собрания не были многочисленны; некоторые из них затянулись до поздней ночи. Все они проходили почти однообразно.

На другой день, во вторник с семи часов утра в 60-ти дистриктах

* 20 апреля 1789 г.

происходили собрания третьего сословия. Каждый предъявлял при входе квитанцию на уплату налога или же патент на звание мастера [52].

Вы знаете, что городом были названы 60 председателей из среды муниципальных должностных лиц, служивших раньше или находящихся на службе теперь [53]. Каждого председателя сопровождали два помощника, секретарь и от 6 до 8 стражников из городской охраны. На дежурном посту находился отряд Парижской гвардии для подкрепления внешней полиции. В девять часов двери во всех местах собраний были закрыты, затем председатель прочитал грамоты о созыве Генеральных штатов и регламент. Происходило ли это чтение в большинстве дистриктов, или может быть во всех — я еще пока не знаю. В виду того, что по мнению собрания ему принадлежало право выбирать самому себе председателя, то последним было предложено отказаться от председательства добровольно, в противном же случае угрожали отстранить их силою [54]. Многие председатели не заставили себя долго просить и тотчас же были выбраны, иногда открытым, иногда закрытым голосованием, те, которые пользовались заслуженным уважением. Потребовали, чтобы стража была удалена, а упорствующих председателей принудили уйти и на их место избрали других. Потом перешли к избранию выборщиков и комиссии для редактирования наказа, затем выбирали оратора [55]; во многих дистриктах некоторые частные лица произнесли патриотические речи; отличился один москательщик из предместья St. Marceau, маклер и ремесленник, профессию которого я не запомнил. Дистрикты посылали друг к другу депутации, для сообщения о том, как у них идут события.

Во вторник почти весь день ушел на прием депутаций и ответ на них. Среди членов этих депутаций обращали на себя внимание легкостью своего красноречия и своей энергией молодой адвокат г. Сенар. Одним из дистриктов было принято до 12 депутаций, другим — 8, третьим — 4. Всюду дворянство появлялось с самыми дружественными намерениями; оно заявляло, что его решения доказывают желание отказаться от всех денежных привилегий, выражало сожаление, что оно отделено от третьего сословия, тогда как они, как обыватели Парижа, должны были бы составлять одну корпорацию в столице, и предлагали объединиться для составления наказов [56] сообща. Все члены дворянских депутаций произносили речи, призывающие к единению и согласию. Отличились больше всех г. де Валенс [57] и г. де Лалли Толлендаль [58],— особенно последний заслужил всеобщее одобрение и растрогал всех до слез. Эти депутации были приняты со всеми подобающими им почестями, но почти везде соблюдали мудрую сдержанность и очень осторожно выражали свое доверие, чтобы не повредить интересам третьего сословия.

Собрания третьего сословия были не так многочисленны, как предполагали. Меры, которые сочла нужным предпринять полиция для предупреждения беспорядков, внушили страх и привели к хорошему результату: собрания были менее шумны и были лучше организованы. Гвалт и ожесточенные споры господствовали, смею утверждать, главным образом там, где преобладали судейские. Каждый из них желал держать речь к собранию и входил на кафедру, чтобы так или иначе исполнить свое желание. Если он встречал возражения со стороны своих коллег, то он их оспаривал, осыпая ругательствами, следуя похвальному, установившемуся среди судейских обычаю. Продол-

жалось это очень долго. Но во всех других собраниях все происходило в порядке и вполне прилично.

Самое многочисленное собрание было в дикстрикте St. Roch [59]; там собралось около 550 человек, в других же было 350, 280, 160, 110, а в некоторых было даже ниже ста. Каждое собрание выбирало выборщиков пропорционально установленному регламентом числу голосующих, но так как было сказано, что всего выборщиков будет 300, то те, например, дистрикты, которые имели право избрать только двух выборщиков, выбрали дополнительно трех кандидатов, чтобы в случае надобности довести общее количество выборщиков до 300. В дистрикте St. Roch избирали около 15 кандидатов [60]. Комиссии для редактирования наказов выбирались также пропорционально количеству голосующих. В этом дистрикте выбрали в комиссию 24 человека, в других же 12, 8, 6 и т. д.

На собрание дистрикта St. Roch явился граф де Лорагэ [61]. Он потребовал, чтобы его допустили на собрание, при чем заявил, что он отказался от всех своих владений, что у него не осталось никакого другого дворянского преимущества, кроме титула, данного ему его рожденьем. Когда он заметил, что его приняли не совсем благосклонно, он ушел. Г. де Линион, контролер финансов герцога Орлеанского, схитрил; чтобы быть избранным в выборщики, он выдал себя за берейтора и получил было очень большое количество голосов, но когда он был разоблачен, тогда единогласно постановили, что он не может быть избранным, и ему пришлось удалиться [62].

Одно предложение относилось к г. Неккеру. Один из собравшихся заявил, что он уверен в существовании заговора, участники которого намерены добиться отставки Неккера, и предложил вынести постановление от имени коммуны Парижа, умолять короля сохранить такого дорогого нации министра; он предложил также сообщить об этом постановлении всем дистриктам города. Об этом заговоре сообщили депутации от дворянства, так же как и о вынесенном по этому поводу постановлении. Все обратили внимание на то, что сообщение об этом постановлении не произвело на депутацию большого впечатления, и кто-то предложил совсем не говорить об этом вновь прибывающим депутациям. Один из собравшихся ему возразил и заявил, что дворянским депутациям необходимо сообщать об этом, чтобы устрашить их нашим рвением и показать, какой интерес мы проявляем к сохранению этого министра. Это последнее мнение победило. Г. Карте был избран выборщиком на собрании дистрикта St. Roch.

Председатель собрания в дистрикте St. Eustache господин Галле [63] был с позором изгнан с собрания и вот почему: заметили, что через секретаря и сопровождавшего его городского стражника он поддерживал корреспонденции с находящимися вне места собрания, вероятно с городским бюро [64]. Видели, как он писал записки и несколько раз сам их получал, перехватили одно его письмо и ответ на него, хотели сорвать печать, но решили не прибегать к этому средству в тот момент, когда сами выступали с протестом против насилий, и положили письма на бюро и предложили председателю огласить их. Кто-то, вероятно, один из его друзей, сказал, что лучше их уничтожить и тотчас же секретарь вскочил и разорвал их. За его поспешность его наградили ударами палок и вытолкали за дверь вместе с председателем [65].

С собрания дистрикта «des petits Pères» прогнали брата королевского портного Ледюка за то, что он не хотел отказаться от привиле-

гий, которыми он пользовался в качестве секретаря короля, несмотря на то, что не состоял уже в этой должности. Г. Луазо, адвокат, о котором я вам сообщал в моем последнем письме, был выбран в комиссию по редактированию наказа. Он хорошо говорил, но слишком долго; поэтому он не понравился, и ему возразили, что он не имел права присутствовать на собрании, потому что жил в меблированных комнатах [66] и что, кроме того, он был вычеркнут из списка адвокатов. На первое возражение он ответил, что он сам меблировал себе квартиру, а на второе, что он был вычеркнут из списка адвокатов по собственному желанию. Все отвернулись от него и он решил удалиться с собрания. Удивительно то, что такой ярый формалист и знаток права не мог предвидеть того, что с ним произошло.

Мне рассказали, что в один дистрикт явился герцог де Ларошфуко [67] и что там воздали должное его любви к общественному благу, но сказали ему, что каждый добрый гражданин должен начинать с уплаты своих долгов и прибавили, что одно частное лицо несколько лет ждало, чтобы герцог заплатил ему по счету 60 ливров, и что за это время действительная стоимость этих денег упала до 50 ливров. Я не могу ручаться за достоверность этого факта и прошу вас не разглашать его.

Собрания третьего сословия во многих дистриктах происходили и в восемь часов вечера. Предполагали, что город может не одобрить того, что отставили назначенных им председателей и вследствие этого аннулировать избрание выборщиков; все дистрикты единодушно решили, вопреки всему, поддержать это избрание. Большинство дистриктов уже вчера вечером послали городу свои протоколы, и все участники собрания должны были собраться в 9 часов, чтобы узнать его ответ. В субботу я сообщу вам обо всем, что еще узнаю.

Вчера я читал письмо, полученное из Бретани, которое содержит некоторые подробности о событиях в St. Brieue. Граф де Тиар, узнав, что дворян сопровождает большая толпа их лакеев, которых можно заподозрить в дурных намерениях, отдал приказ пропускать через городские ворота одних только дворян без этой свиты, при чем караульному офицеру было дано распоряжение предупреждать их, что в ратуше им будет указано место, где они могут остановиться и даны будут люди для переноски их вещей и для их обслуживания. Некоторые не хотели подчиниться этим распоряжениям и переоделись сами и надели на своих слуг костюмы, которые обыкновенно носит буржуазия, и набросились с бранью на охрану ворот, которая все без возражений вытерпела. Граф де Тиар, узнав о происшедшем, распорядился раздать гвардии, отправленной на парад, патроны заряженные пулями. Каждый солдат получил 7 патронов и ему было дано от имени короля распоряжение стрелять при всякой попытке оскорбить часовых. Эта мера предосторожности образумила дворян, вызвала среди них раздоры и споры; те которые сознают, что они вели себя плохо, сильно упрекают тех, которые вовлекли их в это дело, а последние укоряют первых в слабости и трусости. Это вызывает ссоры и поединки. Шевалье де ла Гер, один из самых больших забияк, дрался, я не могу припомнить только с кем, и был, как сообщают, убит. Очень недовольны г. Сегье [68], который приговорил к сожжению постановление реннских адвокатов [69]; эти последние готовят ответ по поводу приговора и уже избрали депутацию из четырех адвокатов из своей среды. Возможно, что переговоры этих господ не достигнут своей цели.

Я не буду вам сообщать всех росказней относительно заговора,

замышляемого против Неккера. Говорят, что король негодует на всех своих министров, говорит грубости г. Монморен[70] и де Вильдейлю, угрожает прогнать всю эту сволочь и очистить от них свой дом. Подобные факты требуют ясных как день подтверждений и тогда только можно им поверить. Верно пока одно то, что заседания Генеральных штатов начнутся с 27 апреля, и об этом уже даны все необходимые распоряжения...

Париж, 25 апреля 1789 г.

Выборы депутатов от города Парижа не могли состояться третьего дня. Я не мог еще получить точных разъяснений о причине, побудившей отложить их на следующий день, т. е. на воскресенье *. Я смутно слышал, что духовенство отправилось туда в очень большом количестве — церковников было около 660 человек, тогда как от дворянства было только 110 чел. и от третьего сословия 330 человек. Третье сословие потребовало сокращения духовенства до 150 человек, духовенство с этим не согласилось и весь день прошел в шумных и бесполезных дебатах[71]. Я еще не знаю ничего о выборах депутатов от виконтства[72], которые должны были произойти вчера.

Мне удалось собрать немного новых анекдотов о собраниях дистриктов в дополнение к сообщенным мною вам в моем последнем письме. Я еще не знаю в какой день состоится открытие Генеральных штатов, вероятно об этом будет провозглашено в понедельник герольдами при оружии на всех перекрестках Версаля. Затем соберутся депутаты для проверки своих полномочий, и общее главное собрание произойдет только 11 мая, т. е. через пятнадцать дней после провозглашения о нем[73].

Необходимо сообщить вам большую новость, распространившуюся вчера в Пале Рояле, благодаря которой я там задержался до 10 часов. Военный министр, морской министр г. Парижа и хранитель печати разжалованы. Первый заменен маршалом Брольи, второй г. де Кастри, третий г. де Лассаром и последний г. Видан де ла Тур; право присутствовать в совете дано принцу Бово, а г. Бретейль назначен первым министром[74]. Я не ручаюсь за достоверность этой новости, как и за распространившееся вместе с ним известие о смерти императора[75]. Несмотря на предосторожности, принятые правительством для обеспечения спокойствия в столице во время собраний, все же можно предполагать, что готово вспыхнуть восстание вроде того, какое происходило во время управления г. Тюрго[76]. Может быть оно подготовлено министрами, об отставке которых говорят; их даже обвиняют, что они донесли королю на Неккера, как на тайного зачинщика всех восстаний, которые происходили в Бретани, Провансе и других провинциях.

Париж, 28 апреля 1789 г.

Все сообщенные мною вам, мой добрый друг, новости были опровергнуты на другой же день. Впрочем в известие о смерти императора все еще верят и каждую минуту нам угрожают смертью дофина. Все единогласно уверяют, что против Неккера имеется большой заговор, во главе которого стоят все другие министры. Наш монарх клянется, буйствует, говорит грубости, тычет кулаком в нос г. Монмо-

* 26 апреля 1789 г.

рену, угрожает виселицей господину Вильдейлю, если он не обнаружит книгопродавца, поставщика брошюр его величества, который по его же распоряжению был упрятан. Вот о чем больше всего говорят и возможно, что во всем этом верны только толки о заговоре. Открытие Генеральных штатов было вчера объявлено герольдами при оружии в Версале и первое заседание их назначено на 4 мая, говорят даже, что вчера вечером в Париже были расклеены афиши с этим объявлением. Я узнал об этом слишком поздно и не мог убедиться своими собственными глазами. Собрание виконтства состоялось 24-го; оно продолжалось два дня, в течение которых была принесена присяга и выбрана комиссия для редактирования наказов.

Г. аббат Сабатье наговорил дерзостей аббату д'Еспаньяку, что вызвало всеобщее неодобрение, и вот по какому поводу: г. аббат д'Еспаньяк предложил сделать представление [77] о том, что количество депутатов, установленное для виконства, не пропорционально количеству населения, и что необходимо созвать объединенное собрание трех сословий для предъявления требования об увеличении этого количества. Это предложение было принято, и было решено немедленно послать депутации для сообщения его двум другим сословиям. Аббат д'Еспаньяк был единогласно избран членом этой делегации, но архиепископ [78] не пожелал согласиться на его избрание. Аббат д'Еспаньяк во всеуслышанье жаловался на это, и как раз тогда и напал на него аббат Сабатье. После ухода последнего, аббат д'Еспаньяк отказался от своего предложения.

23 апреля собрание intra muros * после долгих и бесплодных дебатов, продолжавшихся до 11 часов вечера, разошлось, не приняв никакого решения, и продолжение собрания было отложено до воскресенья 26-го. Гражданский лейтенант был выбран председателем собрания открытым голосованием [79]. Ему был задан вопрос, считает ли он себя председателем в силу этого избрания или в силу своей должности и когда он ответил, что в силу должности, то он был отставлен. На его место был избран г. Тарже [80], а г. Бальи [81] из французской академии выбрали секретарем. С избранием г. Тарже в собрании третьего сословия восстановился порядок, каждый говорил в порядке очереди и только с разрешения председателя. Вчера весь день был у них занят выборами комиссии для составления наказов. Дворянское сословие имело только 104 депутата [82], а потом это количество было увеличено до 150. Духовенство, говорят, не захотело сократить количества своих депутатов. Вы конечно помните некоего Ревельона, торговца обоев, к которому я должен был поступить; он, говорят, имел неосторожность выступить с предложением установить заработную плату рабочим в размере 5 су в день, что вызвало восстание, взволновавшее вчера весь Париж [83]. Толпа рабочих Сент-Антуанского предместья [84], в котором жил Ревельон, в количестве превышающем 1 200 человек, бросилась в его дом и все там разграбила [85]. Затем сделали из соломы чучело и носили его сначала по всему Парижу, а потом повесили на Гревской площади [86]. В Сент-Антуанское предместье был послан батальон французской гвардии, все купцы закрыли свои лавки, но пока еще ничего не сообщается о несчастных случаях.

Я совершенно не понимаю, как мог Ревельон, избранный выборщиком и занесенный в их списки, сделать подобное предложение? Можно только предположить, что его враги побудили его на это дело. Мой

* В стенах Парижа.

управляющий доменами вчера уверял меня, что это восстание возбуждено издалека и что правительству известны его вожаки и что были уже даны распоряжения арестовать их при первых волнениях, могущих причинить малейшую опасность [87]. Пока эта чернь ограничилась повешением соломенных чучел, и против нее ничего не будет предпринято, только приняты меры к воспрепятствованию сборищ [88], насколько это возможно; еще помнят об ошибках, совершенных в сентябре прошлого года [89], стоивших жизни нескольких невинных граждан. В четверг я вам сообщу о последствиях восстания.

В Париже начинают замечать, что среди депутатов в Генеральные штаты преобладают адвокаты и опасаются их приверженности к магистратуре. На 300 выборщиков от Парижа приходится 150 адвокатов, прокуроров и нотариусов и это конечно обусловлено способами формирования собраний. Не знали друг друга и естественно давали свой голос тем, кто сумел завоевать себе большинство голосов силой своего красноречия. На основании их слов верили в твердость их принципов и можно наверняка утверждать, что при этом нередко обманывались.

Королева, говорят, находится в таком отчаянии, что возбуждает сочувствие даже своих самых заклятых врагов [90].

Депутаты третьего сословия, в своем большинстве состоящие из представителей провинций, как будто бы намерены образовать могучее собрание для единодушной борьбы с врагами общественного блага, и, если они сами являются благонамеренными людьми и задались такими хорошими целями, то надо надеяться, что эта коалиция сможет разбить много вредных намерений. Время покажет, что из всего этого последует. Так как собрание Генеральных штатов состоится наверное 4-го, я думаю, что я могу отложить мой отчет до субботы 9-го или даже до вторника 12-го. Я вам сообщу об этом в следующий вторник...

Париж, 30 апреля 1789 г.

Восстание, о котором я вам сообщил в последнем моем письме, казавшееся в начале только шуткой, имело самые серьезные последствия. Я не знал, что в понедельник вечером эта чернь не могла войти в дом Ревельона и ринулась на дом некоего Анрио — селитровара, который, говорят, придерживался мнения Ревельона. Толпа разбила в его доме всю мебель, сложила ее в кучу и подожгла. В огонь бросали драгоценности, серебряную посуду, даже деньги [91], и после этого первого предприятия начали расхаживать по всему городу, как я вам об этом сообщил. На другой день во вторник восстание возобновилось, подошло подкрепление в 400 или 300 человек из предместья St. Marceau, вооруженных палками и камнями. Были посланы несколько отрядов швейцарской и французской гвардии, выступил один эскадрон кавалерийского полка; установили караул на хлебном рынке и около казначейства.

Между 10 часами по-полудни и 1 часом дня начался грабеж, который продолжался до 10 часов вечера. Когда приблизился отряд в 50 гренадер французской гвардии, чтобы отрезать сообщение улицы Св. Антуана с улицей de Montreuil, где живет Ревельон, то чернь забросала солдат камнями. Этот отряд сделал поворот направо и дал сначала холостой залп, а когда нападение возобновилось, тогда солдаты зарядили ружья и начали стрелять пулями. Два человека остались на мостовой, и площадь была моментально очищена. Затем восставшие,

взломав двери, спрятались в домах компаньонов, забрались на крыши, бросали оттуда черепицу в солдат и многих опасно ранили. Потом восставшие рассеялись по предместью, где они принуждали рабочих уходит из своих мастерских и присоединяться к ним, также принуждали присоединяться всех любопытствующих и всех тех, которые в это время находились в предместье по своим делам. Видя, что они не могут пройти в дом Ревельона с улицы de Montreuil, часть восставших пошла в обход и проникла в дом со стороны сада. Они произвели ужасные опустошения. Я не преувеличу, если скажу, что убыток этого заведения, одного из самых значительных заведений такого рода во Франции, можно установить в 300 или 400 тыс. ливров. Они все сожгли, проникли в погреба, где опьянели от вина и от этого пришли в еще большую ярость. Во время этого грабежа была усилена стрельба, чтобы помешать сожжению всего квартала.

Двинулись новые войска с пушками, заряженными картечью, но они, однако, не были приведены в действие. Невозможно передать вам точные подробности всего происшедшего; каждый квартал предместья был свидетелем ужасных сцен. Наконец к 10 часам вечера все успокоилось. Несколько из этих бездельников напились в погребах Ревельона и там заснули, там их было арестовано 26 человек, им надели кандалы на руки и ноги; нашлись среди них такие, которые имели клейма. Вчера носился слух, что 15 из них уже повешены и что остальных повесят сегодня [92].

Вчера утром было дано распоряжение выступить целому полку, были удвоены и увеличены караульные посты, потому что, по разнесшимся слухам, хотели грабить дворцы принцев Конти и Бурбона. Ужас охватил принцев; для защиты дворцов им было предоставлено два отряда швейцарской гвардии.

Во вторник в сумерки собравшиеся в городе толпы останавливали кареты, господ и их лакеев заставляли кричать: «да здравствует король», «да здравствует господин Неккер», «да здравствует третье сословие» и вымогали у них деньги. Вчера утром все было спокойно, но зрелище всех этих солдат, расставленных на всех площадях со штыками на конце ружей, внушает ужас и печаль.

На основании всех дошедших до меня слухов я полагаю, что в этом восстании было убито и ранено 200 человек. Я не смею повторить, что, по всеобщему мнению, эти бродяги были подкуплены. Это преступление мне кажется ужасным, совершенно непостижимым. Но меры предосторожности, принятые правительством, как будто, показывают, что ему был известен этот черный заговор. Я не буду сообщать вам всех анекдотов, придуманных теми, которые сами их распространяют. Таков например анекдот, рассказанный одним аббатом на приеме у княгини, тетки моего ученика, на котором я присутствовал. Он рассказал, что было выставлено несколько плакатов с надписями, призывающими к истреблению ненавистного дворянства и подлого духовенства и что 250 тысяч человек готовы принести их в жертву свободе и нации. Я чуть было не поддался соблазну поверить в сообщение об эпитетах этого плаката.

Во вторник утром во время катанья в Венсене все экипажи были вынуждены отъехать, когда показался экипаж герцогини Орлеанской [93], чтобы пропустить ее. Возвращаясь, эта принцесса хотела ехать другой дорогой, но ее коляску окружили и ей сказали: «наш добрый принц проехал здесь и вы также проедете, мы скорее убьем

вас и ваших спутников, чем позволим вам отступить». «В таком случае обещайте мне,— сказала им принцесса,— что вы не пойдете за мной следом». «Мы вам даем наше честное слово» — и принцесса отправилась своей дорогой, но до въезда в предместье ее провожала толпа этих бродяг, и когда на это обратили внимание принцессы, то она сказала: «меня провожают не те, которые мне дали честное слово». Я слышал, что прусский посланник граф Гольц говорил, что император чувствует себя гораздо лучше, что кровохарканье, которое заставляло опасаться за его жизнь, было вызвано закупоркой вен вследствие геморроя, как только они открылись — кровохарканье прекратилось и таким образом можно было определить причину его заболевания.

Дофин не поправляется и как будто на это нет никакой надежды.

День открытия Генеральных штатов назначен. 4-го будет процессия, а 5 состоится первое публичное заседание. Женщины должны быть в парадных платьях. Зала вместит 9 тыс. зрителей. Мы не будем иметь чести показать туда наши носы, но все-таки я предполагаю поехать в воскресенье в Версаль, и если мы найдем место, где нам можно будет остановиться, то мы проведем там 3 дня...

Париж, 2 мая 1789 г.

Восстание совершенно прекратилось. Повесили только 2 человек, вместо пятнадцати, как я вам сообщил вчера. Очень большое количество арестовано и утверждают, что у многих была найдена почти равная сумма денег, и на основании этого делают соответствующие выводы. Это восстание распространилось и на Орлеан и даже Прованс. Главным организатором его считают аббата Руа [94], королевского цензора. Этот аббат был замешан в уголовном процессе вместе с Ревельоном и хотел отомстить. Но как объяснить, где этот аббат,— бездельник, человек нескладный и без средств,— взял столько денег, чтобы поднять весь этот сброд. Нет ли первопричины, орудием которой является аббат и не поискать ли ее поблизости от трона. Вы понимаете, мой добрый друг, что совершенно невозможно составить определенное мнение на основании всех толков об этом. Я вам не сообщаю о многих фактах, я желал бы быть их свидетелем, хотя бы для того только, чтобы поверить в них.

Я не мог получить никаких сведений о выборах депутатов от Парижа. Уверяют, что сильно интригуют против Тарже, которому парламент не может простить, что он был избран председателем третьего сословия вместо гражданского лейтенанта. Тарже возбуждает ревность всех своих коллег, которые преобладают среди выборщиков. Не верят, что возможно закончить выборы к понедельнику [95].

Сегодня депутаты в Генеральные штаты будут представлены королю: духовенство — в 11 часов утра, дворянство — в 6 часов и третье сословие — в 4 часа. Все будут в парадных одеяниях. Духовенство в стихарях, длинных плащах, дворянство в красных кафтанах, камзолах из золотой парчи, плащах с отворотами из золотой парчи и в шляпах с перьями. Третье сословие будет в черных кафтанах, в полотняных воротниках, коротких плащах и в шляпах со спущенными полями. Процессия назначена окончательно на понедельник, но нельзя быть уверенным в том, что первое собрание состоится во вторник. Вчера мне говорили, что возможно оно будет отсрочено на две недели, что

совсем не устраивает депутатов. Завтра мы отправимся в Версаль, чтобы увеличить нашим присутствием толпу любопытных; мы так и не получили билеты, чтобы пройти в святилище. К счастью княгиня сняла окна, и мы также получили места, чтобы посмотреть как пойдет процессия.

Париж, 5 мая 1789 г.

Я рассчитывал остаться еще и сегодня в Версале, но так как совсем не предвидел возможности попасть на собрание Генеральных штатов, был плохо устроен в отношении помещения и очень устал, то я решил вернуться в Париж. Я вам дам отчет обо всем, чему я был свидетелем в воскресенье и понедельник *.

В воскресенье утром, около одиннадцати часов, герольды при оружии объехали город и объявили о церемонии, назначенной на другой день. Им предшествовал отряд с барабанщиками впереди, за ними ехали трубачи на лошадях и затем пять конных герольдов при оружии. Они были одеты в далматики, украшенные золотыми цветами лилий, на них были шляпы с перьями, в руках они держали скипетры, обтянутые фиолетовым бархатом с цветами лилий. Одежда короля герольдов была такая же, как у других, но цветы лилий были гораздо больше и на конце его скипетра была корона. Один из четырех герольдов держал афишу, на которой было написано то, что он должен был обнародовать. Он прочел ее громко и закончил словами: «да здравствует король! Фанфары!». До конца дня не произошло ничего замечательного; после полудня все время шел дождь и мы очень опасались, что наше путешествие будет совсем бесполезно.

Я вам сообщил в моем последнем письме, что депутаты должны были быть представлены королю в субботу; это представление состоялось, но при обстоятельствах, очень не понравившихся депутатам третьего сословия. Им был назначен прием в 4 часа дня, собрались они в 3 часа и были представлены только в семь часов. Случилось так, благодаря оплошности церемонеймейстера, который никак не мог решить, как вводить депутатов — по бальяжам, по провинциям, или по губерниям.

Вчера утром в семь часов три сословия должны были отправиться в собор Парижской богоматери. Они вполне естественно предполагали, что места для каждого сословия были определены церемонеймейстером, но этого сделано не было и случилось так, что несколько депутатов третьего сословия заняли места, предназначенные для дворян, и их предупредили об этом, когда они уже сели, и они отказались уйти; тогда вынуждены были поставить вокруг скамейки для дворян, которые остались без места. Когда поднялся вопрос о порядке следования процессии и церемонеймейстер стал делать перекличку депутатам по бальяжам, начав с депутатов от духовенства и от дворянства, то когда он дошел до депутатов третьего сословия, они отказались отвечать на его вызов и заявили, что каждый пойдет так, как найдет нужным. Об этом доложили королю, который одобрил этот порядок и распорядился, чтобы образовали две колонны, по два человека в ряд в каждой; дворянство согласилось с таким порядком шествия, низшее духовенство также, но высшее духовенство никак не хотело сообразоваться с этим распоряжением, отделилось от приходских священников и пошло хотя и в две колонны, но по одному в ряд.

* 3 и 7 мая 1789 г.

Около 10 часов король отправился в карете из дворца в собор Парижской богоматери в сопровождении monsieur[96], графа Д'Артуа[97], герцога Ангулемского и еще двух лиц. Все высшие должностные лица королевства ехали перед ним в другой карете. Затем ехала королева в сопровождении madame[98], принцессы Елизаветы[99] и др., за ними следовали герцогиня Орлеанская, Бурбонская и принцесса Ламбалль и наконец от 34 до 36 придворных дам. Когда прибыл король, запели «Veni creator» и началось шествие в церковь.

Путь был устлан коврами. Представляете, какое количество зрителей толпилось у окон. Ряд из швейцарских гвардейцев и из французской гвардии не позволял толпе мешать этому шествию. Дорогу посыпали песком, 4 скорохода в роскошных одеждах открывали шествие, за ними шли 12 гренадер, два человека несли богато разукрашенное знамя, затем шли монашеские ордена и за ними духовенство, после которого следовали депутаты третьего сословия. Среди них выделялся земледелец в одежде крестьянина, но с плащем, как и другие депутаты *. Его встречали аплодисментами. После депутатов третьего сословия шли депутаты от дворянства и среди них герцог Орлеанский, которого очень приветствовали.

Я забыл сказать вам, что между духовенством и депутатами третьего сословия шел превотальный полицейский отряд или Hoquetons; по обеим сторонам депутатов от третьего сословия и дворянства следовала швейцарская сотня. После швейцарской сотни по сторонам депутатов от дворянства шла лейб-гвардия. Кюре шли в две колонны, по-двое в ряд, затем следовали епископы один за другим и между их рядами шли певчие и музыканты, по-двое в ряд,— все в черных одеждах. Каждый присутствующий нес свечу. Балдахин несли 16 депутатов от дворян, а шнуры его несли monsieur, граф д'Артуа, герцог Ангулемский и герцог Шартрский[100]. Парижский архиепископ нес св. дары. Капитаны гвардии шли впереди короля, а также много других лиц, в красных шитых золотом одеждах. Два из них несли золотой жезл, похожий на жезл, который церковнослужители носят впереди церковных процессий.

После короля с левой стороны шла королева и придворные дамы, каждая занимала место соответственно своему рангу, а по правой стороне шли принцы крови и высшие должностные лица королевства. Отряд швейцарской сотни замыкал шествие.

Я не сообщаю вам ничего о роскоши одежд, которая вполне соответствовала такой торжественной церемонии. Пока длилось шествие, короля время от времени встречали аплодисментами, королеве же не уделяли никакого внимания, чем она была очень недовольна. Я нашел ее сильно изменившейся со времени моего отъезда в Россию, она подурнела и не имеет того приветливого выражения лица, которым она всех к себе располагала. Я не смел бы утверждать, что все в ней выражало недовольство и отвращение, но я не совсем удивляюсь, когда узнаю, что она делала новые попытки воспротивиться успехам готовящейся революции.

В церкви St. Louis нанийский епископ произнес речь, с какой мог только выступить самый ярый сторонник привилегий нации. Ему очень аплодировали, но он немного испортил конец своей речи, сказав, что намерение двух первых сословий разделить с третьим сословием тяжесть податей является большой жертвой с их стороны, пото-

* Жерар — бретанский крестьянин, депутат в Ген. штаты.

му что никто не имел права их к этому принудить. Вы понимаете, конечно, что эта часть его речи совсем не сопровождалась аплодисментами...

Париж, 9 мая 1789 г.

Я только что собрался написать вам в четверг на прошедшей неделе, как ко мне пришел гость и помешал мне это сделать и я вынужден был уйти. Проходя мимо дома Legai, я решил подписаться для вас на газету де Мирабо — «Генеральные штаты», два первых номера которой вы уже получили. Таким образом, я хотел обеспечить вас этой газетой; сам я не смогу вам ее выслать, потому что она только что запрещена, но можно, говорят, надеяться, что она снова выйдет в будущую среду. Пока же из всего, что вышло за это время, она имела наибольший успех и имела влияние на падение курса, который наблюдался вчера на бирже. Доверие к министерству падает после его речи, оно не удовлетворяет все три сословия, оно не хочет принести никакой жертвы, возвещенной в постановлении; наоборот правительство мало расположено отказываться в чем бы то ни было от своей власти. Но чтобы составить себе ясное представление об этом, надо подождать, пока эта речь будет опубликована и тогда прочесть ее спокойно и со вниманием. До понедельника она едва ли появится.

Речь короля вы наверное читали[101]. Она помещена в «Journal de Paris». Все согласно утверждают, что она была произнесена с твердостью и очень прочувственно и поэтому ей сильно аплодировали; но чтение ее не возбуждает энтузиазма. Речь хранителя печати[102] совсем не была слышна и о ней ничего не говорят. Говорят, что ему шикали, когда он ее читал. Я почти не имел времени, чтобы собрать все сведения о происшедшем и о том, что происходит теперь...

На другой день открытия третье сословие собралось в зале штатов, два других сословия в предназначенных для них помещениях. В собрании дворянства было решено большинством в 188 голосов против 45, что будет выбрана комиссия для проверки полномочий этого сословия. В собрании третьего сословия сначала царил большой беспорядок. Ораторы выступали с мало интересными сообщениями. Наконец г. М.* предложил послать депутацию к двум другим сословиям и пригласить их присоединиться к третьему сословию для проверки полномочий, но господин де Мирабо горячо воспротивился предложению г. М., указав, что этот шаг очень опасен, поспешен, незаконен в виду того, что национальное собрание не будет образовано, пока не проверены полномочия. Г. Мутье[103] согласился с г. де Мирабо. Собрание разошлось не придя ни к какому решению.

На другой день г. М. появился с приготовленной речью, в которой он поддерживал свое предложение и оспаривал мнение г. Мирабо и Мутье. Несколько депутатов высказались и за и против и наконец предложение прошло не большинством голосов, которых кстати сказать и не считали, но его поддержали криком те, которые имели более здоровые легкие. Депутация не произвела никакого впечатления на собрание дворянства, которые уже выбрали комиссию и отложили свое заседание до понедельника. Духовенство же в ответ сообщило свое решение выбрать комиссии для обсуждения этого предложения и пригласить это сделать и два других сословия. Таким образом, низшее духовенство уже теряет свои преимущества, потому что путем избра-

* Малуэ.

ния этих комиссаров, высшему духовенству обеспечивается равенство, если не преобладание голосов, а дворянство, уверенное в большом количестве голосов при посословном голосовании, намерено избрать только таких членов комиссии, которые придерживаются их мнения.

Третье сословие должно было собраться вчера, чтобы обсудить эти предварительные переговоры. Такое начало увеличивает недоверие к Р.* Каждый, говорит он, стремится составить себе партию, хочет иметь своих ставленников, верных себе людей и клиентов. М.** хочет непременно комиссию, это значит, что г. Н.*** этого хочет. Дай бог, чтобы я ошибался, говорит г. Р., но по моему мнению случай уже упущен. Что же делает все это время город Париж? Он совсем ничего не предпринимает и не верят, что выборы будут закончены ранее 4, 5 дней. Г. д'Эпремениль выбран депутатом от дворянства вице-графства.

Я уезжаю в понедельник или вторник утром...

Прощайте, из Страсбурга я напишу вам. А вы с своей стороны напишите мне через 15 дней в С. Петербург, но пишите на тонкой бумаге.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Постановление государственного совета от 27 декабря 1788 года. См. примечание на стр. 155.

2. Муниципалитет и судебные власти Клермона прислали в Париж депутацию ходатайствовать перед правительством об устройстве выборов в Генеральные штаты от трех сословий Нижней Оверни в Клермоне. Риомцы же добивались устройства выборов в их городе.

3. Неккер (1732—1804), банкир, «генеральный директор» (министр) финансов Франции. Был чрезвычайно популярен в буржуазных кругах. Сыграл видную роль в подготовке созыва Генеральных штатов и добился удвоенного представительства третьего сословия. Его вынужденная отставка, которой добилась придворная партия, послужила толчком для восстания 14 июля 1789 г., после чего он был возвращен к власти. Но его колеблющаяся политика оттолкнула от него влиятельные круги буржуазии и Нац. собрания, популярность его стала падать и в 1790 г. он вышел в отставку.

4. Фокон, друг Демишеля и Ромма, поэт, автор стихов на оверньском наречии и пародий. Выпускал в Риоме еженедельные «бюллетени» событий, материалы для которых ему давал иногда Демишель (см. Vissac, Romme le montagnard, 1883, стр. 16, 17).

5. Д'Эпремениль (1745—1794), советник парижского парламента, один из главных деятелей парламентской оппозиции, вызвавшей закрытие парламента в 1788 г.

6. М-lle Додэ, уроженка Страсбурга, была компаньонкой графини Строгановой, матери ученика Ромма.

7. Отец ученика Демишеля — А. Н. Строганов.

8. А. С. Строганов.

9. Речь идет о письмах Мирабо из Пруссии генеральному контролеру финансов Калонну, напечатанных в 1789 г. под заглавием «Секретная история Бер-

---

* Ромм.

** Мутье.

*** Неккер.

линского двора...», в качестве якобы «посмертного» издания писем анонимного автора — путешественника за 1786, 1787 гг., без указания места издания («Histoire secrète de la cour de Berlin ou correspondance d'un voyageur français depuis le 5 juillet 1786 jusqu'au 19 janvier 1787. Ouvrage posthume» в двух томах»). Постановлением парижского парламента от 10 февраля 1789 г. книга была приговорена к сожжению.

10. Екатерина II. На стр. 168, 1-го тома «Секретной истории берлинского двора...» имеется рассказ о свидании ее в бытность великой княгиней с молодым французом на придворном костюмированном балу, свидетельствующий о ее распущенности.

11. Фридрих II, король Пруссии с 1740 по 1786 г.

12. Принц Генрих (1726—1802), брат Фридриха II. Военный деятель.

13. Волнения в Бретани вызваны были разногласиями между третьим сословием и дворянством, возникшими на местных штатах Бретани, собранных в Ренне в конце декабря 1788 года. Третье сословие требовало отмены посословного голосования и уничтожения дворянских привилегий. В результате возникшего столкновения между дворянством и третьим сословием штаты были распущены до 3 февраля 1789 г.

14. Принцы Конти — ветвь бурбонского дома.

15. Дворяне Бретани «поклялись» поддерживать установившиеся традиционные формы представительства в Ген. штатах и посословное голосование и объявили изменником всякого, кто откажется от дворянских привилегий (см. Louis Blanc, т. II, стр. 201).

16. Субрани, маркиз, член Конвента, единомышленник Ромма, принадлежавший к группе, так называемых, «последних монтаньяров», был привлечен к суду «народной комиссии» за возбуждение восстания в прериале 1805 г. и приговорен к смертной казни. До приведения приговора над ним в исполнение покончил с собой.

17. Так называемый «животный магнетизм» (гипноз) стал применяться в XVIII в. врачом Месмером, как врачебное средство. Месмер своим лечением вызвал много толков и в 1784 г. по распоряжению короля была назначена комиссия от Академии наук для исследования явлений животного магнетизма. Комиссия высказалась отрицательно по поводу методов Месмера и он должен был покинуть Париж. Брюссель был последователем Месмера.

18. Гостиница «Люксембург» находилась в Сен-Жерменском предместьи, где Строганов и Ромм жили до 1790 г.

19. Вильдейль — министр двора.

20. Де Тиар, граф, главнокомандующий в Бретани (см. Ардашев, Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, СПБ., 1900, т. I, стр. 428).

21. Ломени де Бриенн (1727—1794), кардинал, предшественник Неккера в качестве генерального контролера финансов. Противник созыва Генеральных штатов. Был отставлен 25 августа 1788 г.

22. Кафе Фуа находилось в Пале-Рояле — дворце, построенном в XVII в. кардиналом Ришелье и принадлежавшем герцогу Филиппу Орлеанскому (впоследствии «Эгалите»), который окружил сад дворца зданиями и галлереями и стал сдавать эти помещения под магазины, кафе, увеселительные заведения. Пале-Рояль в дни революции стал местом сборищ революционно настроенного населения Парижа.

23. Третье сословие Бретани выставляло требование отмены посословного голосования и введения равномерного распределения налога.

24. Готье де Биоза — клермонский адвокат.

25. Аббат Сиейс (1748—1836), один из крупных деятелей и ораторов Фран-

цузской революции, представитель крупной буржуазии, член Национальных собраний и Конвента. При директории был министром иностранных дел.

26. Речь идет о местных штатах Бретани, открытых 3 декабря 1788 г.; в результате волнений в Бретани, вызванных борьбой дворянства с третьим сословием, они были распущены правительством до 3 февраля 1789 г. (см. Louis Blanc, т. 2, стр. 200).

27. Указ от 24 января 1889 г. В этом указе открытие Генеральных штатов было назначено на 27 апреля в Версале (см. Brette, op. cit, т. I, стр. 65). Указу сопутствовал регламент, устанавливающий порядок выборов для всей Франции. Что касается Парижа, то в регламенте констатировалось только его право на особое представительство в Генеральных штатах (см. Brette, op. cit, т. I, стр. 78); порядок производства выборов в Париже и его округе был установлен особыми регламентами от 28 марта и 13 апреля (см. Chassin, Les élections et les cahiers de Paris en 1789, т. I, стр. 399, 333). Другие крупные города Франции: Страсбург, Мец, Арль, Валансьен получили право выбора особых депутатов в Генеральные штаты позже (см. Brette, op. cit., т. I, стр. 216, 217, 227, 243).

28. Д'Альбиа — клермонский прокурор.

29. Буара,— врач, член кореспондент королевского медицинского общества, друг Демишеля и Ромма.

30. Речь идет о наказе от города Риома («Instructions pour les députés aux Etats généraux, propoées par les dòputés de la ville de Riom»). Этот наказ положен в основу наказа от Оверни (см. Brette, op. cit., т. III, стр. 629, 638).

31. Клеман, швейцарец, слуга Павла Строганова.

32. Корнманн, банкир, привлекший к суду свою жену по обвинению ее в супружеской измене. Был привлечен к ответственности по этому же делу Бомарше,— знаменитый драматург, автор «Свадьбы Фигаро», «Севильского цирульника» и др., на том основании, что ранее он содействовал освобождению г-жи Корнманн из Бастилии, куда она была заключена по просьбе своего мужа. Кроме Бомарше были привлечены к суду некий Додэ, обвиняемый в любовной связи с г-жей Корнманн, и Ленуар.

33. Бергасс, Никола (1750—1832), политический деятель, писатель, адвокат. Автор упоминаемых выше «мемуаров» — памфлетов, направленных против Бомарше. В своих судебных речах он громил произвол администрации и подкупность суда. Брошюры его с изложением этих речей пользовались большим успехом у революционно-настроенных парижан. Бомарше высмеял его в своем произведении — «Mère coupable». Бергасс был избран депутатом в Генеральные штаты. В Национальном собрании он перешел в ряды консерваторов.

34. Калонн Шарль-Александр (1734—1802), бывший генеральный контролер финансов. Был назначен на этот пост по протекции Марии Антуанетты, графа д'Артуа. Для покрытия государственного дефицита прибегал к займам, взыскивал на несколько лет вперед налоги, занимался всевозможными спекуляциями, хищениями, поощрял расточительность Марии Антуанетты и двора. Собрание нотаблей 1787 г. подвергло жестокой критике политику Калонна, и он вынужден был выйти в отставку. Во время революции эмигрировал. Играл видную роль в Кобленце — центре французской эмиграции.

35. Малуэ был избран депутатом в Генеральные штаты третьим сословием 17 марта 1789 г. (см. Brette, op. cit., т. III, стр. 637 и т. II, стр. 493).

36. Маттиас был избран депутатом от духовенства (см. Brette, op. cit., т. II, стр. 493).

37. Бональ Франсуа (1759—1800), клермонский епископ, был избран депутатом от духовенства Клермона (см. Brette, op. cit., стр. 492).

38. Указы о выборах в Бренини от 16 марта 1789 г. (см. Brette, op. cit., т. I, стр. 259).

39. Наказ от дворянства Немура (см. Brette, op. cit, т. III, стр. 333). Наказ был принят 14 марта. На собрании 9 марта было постановлено требовать в Генеральных штатах равномерного распределения налогов между сословиями.

40. Дворянство Оверни, соглашаясь на равномерное распределение налогов между сословиями, требовало освобождения от налогов замка и прилегающих к нему двора и сада.

41. Редон, городской старшина в Риоме, адвокат в риомском парламенте. Был избран от третьего сословия 3-им депутатом в Генеральные штаты.

42. Речь идет о Дюффесс-Дюкей, главном судье, т. н. генерал-лейтенанте, избранном депутатом в Генеральные штаты.

43. Мирабо выставил свою кандидатуру на собрании третьего сословия после того, как ее отвергло дворянство Прованса, среди которого он не пользовался популярностью.

44. Сталь-Гольштейн, Жермена, французская писательница. В эпоху французской революции пыталась играть политическую роль, собирая в своем салоне представителей умеренно-либеральной аристократии и буржуазии.

45. Черутти (1738—1792), иезуит, литератор, друг Мирабо, один из издателей «Деревенского листка» («La feuille villageoise»).

46. Речь идет о регламенте от 13 апреля, устанавливающем в дополнение к регламенту от 28 марта порядок производства выборов в Париже.

47. Охрана церквей, где происходили выборные собрания, была установлена потому, что правительство опасалось волнений беднейших слоев населения, лишенных избирательных прав.

48. Демишель собирался в Россию вместе со своим воспитанником, в связи со смертью отца последнего — барона Строганова.

49. Собрание дворян Парижа происходило в 20 избирательных участках, и названо в регламенте «предварительным», «общим». К выборам допускались все живущие в Париже дворяне, достигшие 25 лет.

Парижское дворянство на этом собрании должно было избрать 150 выборщиков, которые на главном собрании всех трех сословий Парижа и его округа должны были выбрать 10 депутатов от дворянства в Генеральные штаты и составить наказ (Статьи VII и IX регламента от 28 марта. См. Chassin, op. cit., т. I, стр. 333).

Таким образом для дворянства Парижа были установлены двустепенные выборы, тогда как дворяне всей Франции имели право непосредственно избирать депутатов в Генеральные штаты.

50. Председатели этих собраний были назначены правительством из состава судей — «советников» парижского суда, помещающегося в одной старинной крепости Парижа — «Chatelet» на правом берегу Сены. Дворянам было дано право переизбирать председателей по назначению.

(Статья V регламента от 13 апреля, см. Chassin, op. cit., т. I, стр. 40).

51. Регламент вызывал критику третьего сословия и дворянства в прессе и на предвыборных собраниях. Дворянство было недовольно непрямыми выборами и тем, что наказы составляли не сами избиратели, а выборщики. Это недовольство нашло свое яркое выражение в брошюре, вышедшей утром 20 апреля и обращенной к дворянам избирателям. (См. Chassin, op. cit., т. I, стр. 459).

Кроме того регламент вызывал протест дворян, оппозиционно настроенных к созыву Генеральных штатов (См. Brette, op. cit., т. I, стр. X).

52. По третьему сословию правом выбора пользовались французские подданные, достигшие 25 лет, имеющие постоянное местожительство в Париже и платящие «поголовный» налог («capitation») в размере не ниже 6 ливров. При входе предъявляли удостоверения в нахождении на государственной или частной службе, свидетельства в получении ученой степени, патенты на звание ма-

стера и квитанции в уплате налога в установленном размере. При входе избиратели получали избирательные бюллетени. Третье сословие Парижа должно было выбрать 300 выборщиков для избрания на главном выборном собрании Парижа и его округа 20 депутатов в Генеральные штаты, тогда как духовенство выбирало 10 и дворянство — 10 (VI, XII и XIV статьи регламента от 28 марта, см. Chassin, op. cit., т. I, стр. 333).

53. Третьему сословию не было дано права переизбирать назначенных правительством председателей. (Статья XVI регламента). В большинстве дистриктов назначенные председатели были все же переизбраны.

54. Назначение правительством председателей и секретарей на выборные собрания третьего сословия без права их переизбрания вызывало протест на собраниях и в брошюрах во время предвыборной кампании. В установленную во время этой кампании программу действий избирателей третьего сословия вошло переизбрание председателей и секретарей по назначению (см. Chassin, op. cit., т. I, стр. 461, 467—469).

55. Оратор избирался для выступления на главном выборном собрании.

56. Это заявление исходило от оппозиционно настроенной группы дворянства, которые усматривали в установленных регламентом посословных выборах депутатов от города Парижа нарушение прав Парижа как «коммуны», обыватели которой должны были выбирать сообща и сообща же составлять наказ от «коммуны» Парижа. Это течение, представленное графом Лоран, не поддерживалось всем дворянством в целом. Третье же сословие имевшее установленное регламентом право присоединиться для составления наказа к другим сословиям, предпочло не пользоваться этим правом, а составляло свой наказ отдельно.

57. Валенс, виконт, был избран выборщиком в 6 дворянском избирательном участке (см. Chassin, op. cit., том II, стр. 210).

58. Лалли Толендаль, граф (1851—1830), публицист, член Академии наук, председатель 13 дворянского избирательного участка. В своей речи он протестовал против посословных выборов от Парижа, выражал готовность дворянства принять участие наравне с третьим сословием в уплате всех государственных налогов и нести все повинности. Избран депутатом в Генеральные штаты (см. Chassin, op. cit., т. II, стр. 228). В национальном собрании выступал как защитник королевских прерогатив и сторонник конституционной монархии.

59. Дистрикты получили названия от церквей, в которых происходили выборы.

60. По официальным сведениям о количестве выборщиков, избранных третьим сословием по отдельным дистриктам, в дистрикте St. Roch голосовало 452 человека, выбрали 20 человек, из них пять человек на основании пропорций, установленных регламентом и 15 кандидатов (см. Chassin, op. cit., т. II, стр. 316).

61. Граф де Лорагэ, герцог де Бранкас (1733—1824), публицист, драматург, член корреспондент Академии наук. За свои оппозиционные выступления против правительства неоднократно подвергался тюремному заключению (см. Chassin, op. cit., т. I, стр. 454).

62. В большинстве выборных собраний дистриктов наблюдалось отстранение лиц, находящихся по своему служебному положению в зависимости от дворянства и церкви (Жорес. «История великой французской революции», т. I, ГИЗ, 1920 г., стр. 125).

63. Г-н Галле — муниципальный чиновник (см. Chassin, op. cit., т. I, стр. 445).

64. Организация выборов третьего сословия лежала на городском бюро в лице купеческого старшины («prevôt des marchands») (см. Chassin, op. cit., т. I, стр. 335).

65. Протест, вызванный сношениями председателя Галле с городским бюро, объясняется недовольством третьего сословия правительственным вмешательством и регламентацией выборов.

66. Право выбора имели лица, имеющие постоянное местожительство.

67. Де Ларошфуко, герцог (1747—1827), придворный Людовика XVI. Был избран депутатом от дворянства в Генеральные штаты. После восстания 10 августа эмигрировал. При реставрации был членом палаты пэров.

68. Сегье (1726—1792), генеральный адвокат Парижского парламента, монархист, защитник дворянских привилегий, эмигрировал один из первых.

69. Постановление адвокатов реннского парламента (см. Louis Blanc, II, стр. 202).

70. Монморен, граф (1745—1792), дипломат, был послом Мадрида, министр иностранных дел. Сторонник Неккера, был уволен с ним вместе в отставку в 1789 г. и возвращен вместе с ним после восстания 14 июня 1789 г. После принятия Людовиком XVI конституции в 1791 г. вышел в отставку, продолжал свою контрреволюционную деятельность. Был арестован и убит в тюрьме в сентябрьские дни 1792 г.

71. Другой причиной, побудившей отложить выборы, были затянувшиеся прения о составлении наказа: составлять его всем сословиям сообща или каждому сословию отдельно (см. Chassin, op. cit., т. III, стр. 1, 2).

72. Виконтства — парижские пригороды, входившие вместе с Парижем в состав «губернаторства», подведомственного в полицейском отношении генерал-губернатору Парижа. На официальном языке эпохи этот округ носил название «Город, превотство и виконтство Парижа» (Ардашев, Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, СПБ, 1900, т. I, стр. 403—437).

73. Открытие генеральных штатов произошло 5 мая.

74. Эти сведения о смене министров оказались неверными и сам Демишель опровергает их в письме от 28 апреля.

75. Иосиф II, умер в 1790 году.

76. Речь идет о восстании 1775 г., охватившем почти всю Францию. Произошло оно на почве недостатка и дороговизны хлеба, так наз. «мучной бунт».

77. См. Chassin op. cit., т. III, стр. 299, 300.

78. Архиепископ был председателем собрания.

79. Председателем по назначению был Анучан — судья по гражданским делам так наз. «le lieutenant civil». Он был переизбран вопреки регламенту, не предоставлявшему этого права третьему сословию. (См. протокол этого собрания у Chassin, op. cit., т. III, стр. 9).

80. Тарже (1733—1806) знаменитый адвокат, член французской академии наук. Впоследствии Людовик XVI предложил ему выступить на его процессе в качестве защитника. Тарже это предложение отклонил. Во время террора был секретарем одного из революционных комитетов.

81. Бальи Жан-Сильвен (1736—1794), астроном, член Академии наук, в дальнейшем депутат в Генеральные штаты от третьего сословия, первый мэр города Парижа.

82. Имеются в виду выборщики.

83. Луи Блан рассматривает это восстание как первое восстание пролетариата против капиталистов. Луи Блан пишет: «в момент предвыборного возбуждения сказано было о заработной плате и одни эти слова заключали в себе более глубокую революцию, чем та, в которую устремлялась буржуазия» (Louis Blanc Histoire de la révolution francaise, т. II, стр. 219).

84. Сент-Антуанское прдместье — рабочий квартал Парижа. В нем находились стеклянная королевская мануфактура и частные мебельные мануфактуры.

85. Восставших в Сент-Антуанском предместье было 3 000 человек по данным одной брошюры официального характера (см. Chassin, op. cit., т. III, стр. 52).

86. Характерный для XVIII века обычай носить манекены, изображающие лиц, возбудивших ненависть народа, и предавать их примерной казни.

87. Это восстание не являлось неожиданностью для правительственных кругов, об этом свидетельствуют распоряжения, данные министром двора Вильдейлем, исполнявшим отчасти функции министра внутренних дел, губернатору Бастилии маркизу Лоней и военному министру Пюисегюру от 23 апреля 1789 г. о снабжении гарнизона Бастилии оружием из арсенальных складов (см. Chassin, op. cit., т. III, стр. 29). Современники этих событий высказывали мнение, что восстание могло бы быть предотвращено. Этого не было сделано в виду намерения реакционных правительственных кругов, оппозиционно настроенных к политике Неккера, запугать восстанием буржуазию и привлечь ее на свою сторону.

88. Постановление о запрещении сборищ исходило от Парижского парламента.

89. Имеется в виду расстрел демонстрации по поводу отставки ненавистного народу генерального контролера финансов Ломени де Бриенна и назначения на его место Неккера, пользующегося в то время большой популярностью.

90. В состояние отчаянья Марию Антуанету приводила болезнь сына.

91. Восставшие бросали в огонь деньги и ценные вещи с криком — «мы не хотим ничего брать». (Свидетельство очевидца — см. Chassin, op. cit., т. III, стр. 59).

92. К чрезвычайному суду, состоявшемуся 29 апреля, были привлечены кровельщик Жильбер и поденщик чернорабочий Антуан Пур, арестованные в погребе Ревельона.

93. Герцогиня Орлеанская, жена герцога Орлеанского (впоследствии Филиппа Эгалите), оппозиция которого двору создала ему большую популярность среди третьего сословия.

94. Аббат Руа (род. в 1744) — королевский цензор, литератор, адвокат, член многих ученых обществ. По подозрению в провокации восстания был арестован 3 мая 1789 г., но так как следствие не могло установить его виновность, якобы за неимением улик, он был освобожден 13 мая 1789 г. (см. Chassin, op. cit., т. III, стр. 103).

95. Выборы в Париже депутатов в Генеральные штаты были закончены к 19 мая; (см. Chassin, op. cit., т. II, стр. 248—250, 272—290).

96. «Monsieur» — титул старшего из братьев короля, в то время принадлежал графу Прованскому (1755—1824), впоследствии королю Людовику XVIII.

97. Граф д'Артуа (1757—1836) брат Людовика XVI, впоследствии глава эмигрантов, сосредоточенных в Кобленце, организовавших интервенцию, король Франции (Карл X), с 1824 по 1830 г.

98. «Madame» — титул жены старшего из братьев короля.

99. Принцесса Елизавета (1764—1794) — сестра Людовика XVI.

100. Герцог Шартрский, Луи Филипп (1773—1850) старший сын герцога Орлеанского, впоследствии король Франции (1830—1848).

101. В своей речи король ничего не сказал об обещанных им реформах, в ней он главным образом заявил о прерогативах королевской власти и о своем намерении поддерживать их, а также и основные принципы монархии.

102. Хранитель печати с 1788 г. был де Барантен (1738—1819). В конце 1789 г. эмигрировал.

103. Мутье, граф (1751—1817), дипломат. Впоследствии тайный агент Людовика XVI и графа Прованского при европейских дворах по подготовке интервенции во Франции.

Описание истории калмыцкого народа

Хранящаяся в Государственном Архиве феодально-крепостнической эпохи в фонде: «Калмыцкие дела» рукопись В. Бакунина «Описание калмыцкого народа», является ценным историческим первоисточником для освещения истории калмыков XVII и первой половины XVIII в.в.

В. Бакунин был родом из города Царицына. В 1720-м году астраханским губернатором Волынским он был назначен переводчиком калмыцкого языка. В 1722 году участвовал в Дербентском походе в команде при калмыцких войсках. В 1726 году В. Бакунин за его заслуги в сношениях с калмыками был назначен секретарем по калмыцким делам. Зная хорошо разговорный и письменный калмыцкий язык и обладая дипломатическими способностями, В. Бакунин играл довольно видную роль в сношениях с калмыками. Волынский, зная способности Бакунина, посылал его с дипломатическими поручениями в калмыцкие улусы, что дало ему возможность изучать обычаи и быт калмыков. При решении тех или иных вопросов по калмыцким делам В. Бакунин в случае надобности составлял свое мнение или предложение для коллегии иностранных дел. Так в 1734 г. Бакунин, не согласившись с доношением астраханского губернатора Измайлова о том, «чтоб всеконечно их [тайшей] уже искоренить и владельцев уменьшить», подал в коллегию иностранных дел свое мнение, в котором предлагал прежде применения оружия для усмирения Дондук Омбы: «еще отведать добрым способом и прощением в противности Дондук Омбы к покорению и согласию приводить».

Печатаемая ниже рукопись, составленная В. Бакуниным на основании документальных данных, имевшихся в коллегии иностранных дел, и сведений, почерпнутых из личного соприкосновения с калмыцким народом и его аристократией, содержит материалы, до сего времени не получившие достаточного освещения в литературе о волжских калмыках. Период раннего пребывания калмыков на территории России, их родовое и племенное деление и места кочевий получили довольно полное освещение в описании В. Бакунина. Кроме изложения истории взаимоотношений калмыков с царизмом, в рукописи большое место занимают сведения об административном устройстве внутриулусного правления, о культуре, обычаях и правовом положении калмыцкого народа, о социальной структуре и социальной борьбе внутри калмыцкого общества. Особенно ярко В. Бакуниным показаны методы осуществления колонизаторской политики царизма, способствовавшие борьбе между калмыцкими ханами. Поэтому рукопись В. Бакунина, как первоисточник, несмотря на несомненную тенденциозность и односторонность ее автора, освещающего события из жизни калмыцкого народа лишь в той мере, в какой они были доступны наблюдению извне, и при том с точки зрения русского царизма, имеет несомненно важное значение. Это усиливается еще и тем обстоятельством, что ряд документов (главным образом, XVII в.), использованных Бакуниным, не сохранился до нашего времени. Используя сведения из документов архива коллегии ино-

странных дел, В. Бакунин вкратце повторил их содержание, что придало его рукописи частично форму «экстракта», типичного для изложения содержания архивных документов в XVIII веке.

Несмотря на то, что «Описание» В. Бакунина является ценным источником для изучения истории калмыков, оно до сего времени не было опубликовано, хотя о нем имелись упоминания в таких печатных трудах, как в книге Н. Н. Пальмова «Этюды по истории приволжских калмыков» [1] или в статье В. Л. Котвича «Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII в.в.» и др.

Существенным пробелом в «Описании» В. Бакунина является, что он совершенно не касается вопроса о роли калмыков во время восстания, вспыхнувшего под предводительством Степана Разина. Это, возможно, объясняется тем, что архивные материалы фонда «Калмыцкие дела», которыми он пользовался, почти не затрагивают этого вопроса. Архивные же документы других фондов: «Донские дела», «Крымские дела» и др. показывают, что движение Разина привело в трепет феодальную верхушку почти всех народов Поволжья, Крыма и Северного Кавказа. Материалы указанных фондов свидетельствуют, что народные массы этих племен пытались расправиться со своей аристократией, и нередко среди Разинских войск находились отряды разных народов Поволжья и Прикавказья. Султаны, мурзы, тайши искали содружества между собой, а русский царизм искал возможности использовать их для подавления Разинского восстания. Калмыцкий хан Аюка занял позицию выжидания, тем более, что к этому побуждала его неустойчивость его собственного положения: часть калмыков ушла к Разину, а другие калмыцкие тайши желали воспользоваться положением дел для раскрепощения своих улусов от деспотизма Аюки-хана. Тогда же в 1671 г. донские казаки с калмыками заключили договор: «что им калмыком с ними атаманы и казаки, и со всем войском быть в миру... они калмыки у них... учинили шерть... атаманы и казаки... целовали (крест)...[2] а из «войска запорожского» казаки писали Степану Разину, что он «гетман (Демьян Игнатович) у великого государя не в подданстве, чтоб де Стенька шел на великого государя на понизовые городы безопасно, а от него бы гетмана не опасался, что он в. государя с ратными людьми над ним Стенькою промысл чинить не будет» [3].

Восставшие крымские татары чрезвычайно встревожили крымского хана, попавшего в безвыходное положение: «сбежал татарин Сеерша, а с собою подговорил от хана служилых татар с 3.000 человек, и, на то смотря, многие татаровя разбежались», а сам хан крымский со своим войском «стоят по разным местам и помирают с голоду сами и лошади» [4], поэтому хан обращался к ногайской и калмыцкой аристократии с просьбой быть с ним «в братстве, не только что в подданстве» [5].

Царское правительство посылало специальных людей «про калмыков проведати, где они ныне кочуют, на Дону ли или где инде и с кем они в ссылке».

---

[1] Рукопись В. Бакунина, повидимому, не была известна в оригинале проф. Н. Н. Пальмову, использовавшему, главным образом, архивные материалы Астраханского Калмыцкого архива, так как он в своей книге упоминает о ней только в связи с книгой архимандрита Гурия: «Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен», в которой Гурием использованы некоторые сведения о христианизации калмыков из рукописи В. Бакунина.

[2] Места, отмеченные пунктиром, истлели, но общий смысл ясен. Донские дела 1671 г.

[3] Там же.

[4] Крымские дела 1670—1671 гг.

[5] Крымские дела 1670—1671 гг.

Посланцы узнали, что через реку Донец «перевозились калмыки многие люди, Мурза Бек з женами и з детьми, на Крымскую сторону, тысячи с четыре и больши...» «а азовцы з донскими казаками были при них» и рассказывали, что «они азовцы, калмыков, мурзу Бока и ногайцев приняли к себе и хотят итить войною под Волуйку и под иные украйные города вскоре» [1].

Из переписки господствующих верхов Эдиссанских и Юртовских татар с Алексеем Михайловичем мы узнаем, что на подавление Разинского восстания шли лишь правящие верхи Поволжских народов, а народные массы шли вместе с русскими крестьянами.

Лишь вскользь касается В. Бакунин роли калмыков и в восстании Булавина, хотя в «калмыцких делах» об этом и имеются некоторые данные. Так в письме к князю Голицыну Аюка писал, что «он, Аюка, по указу великого государя, на башкирцов и на булавинцов посылал он ратных своих многих людей с детьми своими и с племянники, и с внучаты. И ратные ево люди с изменники бились и многих побили»...[2]. Несмотря на желание Аюки «и впредь» царю «служить верно», некоторая часть калмыков, откочевавшая на Дон еще до восстания Булавина, во главе с Солюм-Церень-тайшей, участвовала в самом Булавинском восстании.

Вопрос об участии калмыков в крестьянских восстаниях XVII и XVIII в.в. почти не изучен. Очень скудные сведения по данному вопросу имеются и в фонде «Калмыцкие дела». Фонд этот до сих пор детально не исследован. Поэтому представляется целесообразным дать здесь краткую характеристику содержащихся в нем материалов. В документах фонда отображены распоряжения из коллегии иностранных дел на периферию и ответные донесения с мест, переписка местных властей между собой, а также переписка царского правительства с калмыцкими «владельцами», тайшами и ханами. Наибольшее количество документов относится к походам калмыцкой аристократии на Кубань. В этих документах, кроме подробного описания кубанских походов, чрезвычайно ярко отображены способы, которыми царская власть добивалась этих походов и какие цели преследовала калмыцкая аристократия по отношению к своим соседям и царизму. Распоряжения царской власти, предписывающие «всеми мерами склонять калмыков ко искоренению» кубанцев, описание поездок местных представителей царизма в калмыцкие улусы для личных свиданий и переговоров с «владельцами» и присылки подарков, дают ясную картину колониальной политики царизма, политики натравливания одного народа на другой и подстрекательства их к внутренним междуусобиям, в целях ослабления их экономической и военной мощи.

В этих же документах отражена роль калмыцких ханов в русско-турецких отношениях. Попутно отражаются и взаимоотношения калмыков с кубанскими и крымскими татарами; колебания политики калмыцкой аристократии между полным подчинением себя русскому царизму и попытками сохранить свою самостоятельность и дружеские отношения с Кубанью и Крымом.

Начиная с 1735 г., политика калмыцкой аристократии все более устойчиво подпадает под влияние русского царизма, и в документах последовательно отражается полное подчинение калмыков русскому царизму.

Значительное место в фонде занимают материалы, отражающие борьбу между калмыцкой аристократией, особенно между ханами Дондук-Омбой, Дондук Дашей и Церен Дондуком. При помощи привилегий, полученных от русского царизма, с чрезвычайной легкостью власть калмыцких ханов переходит от од-

[1] Крымские дела 1670—1671 гг.

[2] Калмыцкие дела, 1709 г., № 4.

ного в руки другого, в то время как народные массы все больше подвергаются произволу царских чиновников.

Немалое место в фонде занимают сведения о христианизации калмыцкого народа, отраженные в сообщениях отдельных калмыков. Здесь рисуются все виды подкупа, к которым прибегал царизм для завлечения калмыков к крещению, как-то: подарки, снабжение деньгами и платьем, дарование привилегий, раздача титулов, «дружба» высокопоставленных лиц и т. д. В очень незначительном количестве отражены сведения, рисующие социально-экономическое положение калмыцкого народа. Однако, имеется чрезвычайно значительный материал по объему о расходах царского правительства на «калмыцкие дела». Огромные суммы, выплачиваемые царизмом калмыцкой аристократии, определяли экономическое и общественное положение того или другого тайши, что позволяет делать вывод о решающей роли царизма в экономическом положении калмыцкой аристократии и закабалении калмыцкого народа эксплоататорами-владельцами.

Публикуемый документ в списке извлечен из фонда «Калмыцкие дела», дело № 1.

В. Разумовская

Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского и поступок их ханов и владельцов, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года[1].

Часть первая.

Мунгальские и калмыцкие народы издревле пребывали в великой Татарии[2], переходя с места на место, и были весьма многолюдные и разделялись на многие ханства или владении, так что из оных были и знатные государи, то есть Чингиз Хан[3], и Бату Хан[4], из которых последнего наши российские истории называют Батырем царем татарским, а он подлинно был мунгал и идолопоклонник, что и церковными описаниями путешествий в орду владетельных князей российских доказывается тем, что некоторые из них принуждаемы были кланяться солнцу и огню, и употреблением еще в тогдашние времяна на российском языке мунгальских речей, то-есть зарлик или ерлык и улус[5], а первое значит на нашем языке указ, а другое народ. Впрот-

---

[1] В виду обширности «описания в публикуемом тексте допущены пропуски отдельных фактов и повторений.

[2] Под наименованием «Великая Татария» автор подразумевает Великую Монголию.

[3] Чингис-хан-Тай-цзу-чэн-ву-хуан-ди, по имени Темучин (Те-му-чжэнь) объединил вокруг себя крепкую дружину, разгромившую ряд монгольских родоначальников. После многих победоносных походов в 1206 г. весной Темучин, собрал курултай (сейм) из родоначальников Монголии, на котором он был провозглашен всемонгольским каганом, с именем Чингис-хан («пожалованный небом»). Умер в 1227 году.

[4] Бату-хан, называемый в русских летописях Батыем (ум. в 1255 г.) — внук Чингис-хана.

[5] Основанием общественного и административного деления калмыков являлись кочевые группы — хотоны. Родственные или одного родопроисхождения хотоны составляли — аймаки, а несколько аймаков составляли — улусы. Аймаки объединяли от 50 до 200 и более кибиток или семейств, а хотоны от 10 до 20 кибиток.

чем о сих двух ханах и о их наследниках о принятии из них некоторыми мугаметанского закона европейские историки пишут весьма разное, да и собственные мунгальские, калмыцкие и татарские истории между себя весьма в том разгласуют и много вводят басней.

Но сие достоверно, что в XVI веке калмыцкой народ назывался на их языке ойрот[1], а по мунгальски ойлиот, и от мунгал научился грамоте и арифметике, а разделялся между себя на четыре части и назывались: 1. Хошоут, 2. Баргу Бурат[2], 3. Зенгор, 4. Торгоут.

Из них первые Хошоут пребывание свое и доныне имеют при Коку Нуре[3] то-есть при Синем озере, лежащем между Китайского государства, Тебетского или Тангутского народа, в котором жительствует Далай лама[4], и Малой Бухарии[5] и имеют своих ханов, а около 1 700 года от нападения зенгорцов вступили в подданство Далай ламы.

Другие Баргу Бурат напредь сего кочевали при вершине реки Иртыша и при Алтайских горах и имели собственных своих владельцов. Но с 1618 года от частых нападений соседей их мунгал и других калмык они раззорены и многие из них по их разным улусам разделены. Да из них же немалая часть вступила в подданство Российской империи и ныне пребывание свое имеет в Сибири в Иркутской провинции и на своем языке называют себя бурат, а россияня называют их братскими калмыками, и таким образом сей народ перевелся.

Третие Зенгор кочевали при реке Или и около озера на их языке называемого Балхаш Нур, лежащего под 48 градусом северной широты, в которое впадает река Или, и имели своих ханов и владельцов самовластных, которые чинили нападении на Баргу Бурат, Хошоутов и Торгоутов и по нескольку улусов их к себе отрывали и обманом перезывали и, тем усилясь, завладели Малою Бухариею, в которой семь городов, а имянно, Кашкар, Учь, Аксу, Куча, Эркень, Хотон, Керея, Зенгорцы ж чрез сорок лет войну продолжали с китайским государством и напоследи войск их собиралось тысяч до ста. Они ж научились было от шведа штик-юнкера Иоганна Рената, бывшего в России военнопленным и из Сибири к ним в плен доставшегося делать пушки.

Но в 1746 году по смерти главного их владельца Галдан Череня, у протчих зенгорских владельцов о старшинстве зделалось междуусобие, причем Галдан Черенев зять владелец Амур Санань, произшедший из фамилии Хоит, передавался в Китайское государство и подал причину китайским войскам вступить в Зенгорию и тот народ раззорить и забрать в свое государство. Из них же при сем случае, некоторые владельцы из фамилей Торгоут и Хоит, также из их и собственных зенгорских попов, зайсангов, и рядовых калмык несколько тысяч семей самовольно пришли в Российскую империю. И которые из них пожелали креститься, те определены на житье в Оренбургской губернии при Ставрополе, а которые креститься не пожелали, оные пре-

---

[1] Ойротами назывались поколения западных монгол, объединенных под главенством Чоросского князя Махмуда.

[2] Одно из главных племен бурят-монголов. Рашид-эд-Дин упоминает в племенном составе бурят-монголов: Эхиритов, Баргу-бурят и Хоринцев. Баргу-буряты в состав ойротов не входили.

[3] Куру-нор — Голубое озеро в Тибете.

[4] Далай-лама — высшее духовное лицо у буддистов. Тибета, обладающее советской властью.

[5] Малой Бухарией назывался Кашгар или Восточный Туркестан.

провождены на реку Волгу к торгоутским калмыкам, и так и другой калмыцкой зенгорской народ перевелся.

Четвертые Торгоут пребывание свое имели при Алак-Ула, то-есть при Пегих или Пестрых горах, которые лежат между Малой Бухарии и реки, по калмыцки называемой Текес, впадающей в реку Или под 44 градусом северной широты, и распространялись кочевьем своим до рек, по калмыцки называемых Торгой и Яргас, (из которых последнюю ныне киргис касаки называют Иргис) впадающих в озеро, на киргиз касацком языке называемое Ак Сакал, лежащее под 48 градусом северной широты.

В 1630 году торгоутской главной владелец, имянуемой Хорлюк, имея у себя шесть сынов и подданных своих улусных калмык пятдесят тысяч кибиток, за ссорою с хошоутскими и с зенгорскими калмыками, от Алак-Ула откочевал к реке Волге и идучи завоевал за рекою Эмбою татар, джембуйлук[1] имянуемых. А пришед к Волге, покорил себя Большого и Малого Нагая татар же, называемых Катай Капчак, Мали Баш и Джетысан.

Примечания достойно, что хошоуты и зенгорцы сами себя и торгоутов калмыками и доныне не называют, а называют, как и выше означено, ойрот. Торгоуты же как себя, так и хошоутов и зенгорцев калмыками хотя и называют, но сами свидетельствуют, что сие название не свойственно их языку а думают, что их так назвали россияня, но в самом деле видно, что сие слово калмык произошло из языка татарского, ибо татара называют их калмак, что значит отсталых или отстальцов.

1640 года все мунгальские и калмыцкие ханы и знатные нойоны, то-есть князья, которых мы называем владельцами, съезжались в одно место, и 5 числа сентября постановили свое уложение, по которому мунгалы и калмыки между своими народами и доныне расправу чинят. В то их собрание приезжал и от реки Волги, вышеупомянутой торгоутской владелец Хорлюк с старшим своим сыном, имянуемым Шукур Дайчинг, которых и имяна в том уложенье написаны.

По смерти же Хорлюковой вышеозначенной его сын — Шукур Дайчинг над протчими торгоутскими владельцами, то-есть над родными своими меньшими братьями и племянниками, получил старшинство и правление.

1646 года в наказе, данном бывшим тогда в Астрахани боярам, написано, что великий государь калмыцких Шукур Дайчинга и протчих тайшей с их улусы изволит держать в своем государском милостивом жалованьи и призреньи и им улусным людем со всякими их товары и с лошадьми и с животиною под Астрахань и под Уфу и под иные городы приходить и торговать велит повольно и безпошлинно, и назад их в калмыцкие улусы отпускать без всякого задержания и зацепки.

А по смерти оного Шукур Дайчинга получил правление над торгоутским народом сын его Пунцук.

При его правлении пришел на Волгу и ему Пунцуку поддался хошоутов владелец Конделенг Убаши, с четырьмя своими сыновьями в трех тысячах кибиток улусных своих калмык.

Пунцук же старался двоюродных своих братьев и их детей улусами обезсилить и для того их между себя приводил в ссоры, а противного себе родного племянника своего, имянуемого Джалбу, разбил и его самого поимал и отдал в Россию, а улусом его завладел.

[1] Ногайцы, кочевавшие по берегам реки Эмбы, на калмыцком языке называвшейся Джем, получили название Джембулуков или Эмбулуков.

Он же Пунцук имел войну с зенгорцами и с протчими хошоутами и, не окончав оные, умре около 1669 года, поруча по себе правление калмыцкого народа старшему своему сыну Аюке, который хотя тогда от первой своей жены Эренцена дочери Цецен хана Хошоутова имел двух сынов Чакдоржапа и Санжипа, однако, по смерти отца своего Пунцука женился на его жене, а на своей мачихе Уанджал имянуемой, которая была дочь одного владельца хошоутова и прижил от нее сына Гунжепа.

1670 года пришла на Волгу к Аюке родная его сестра Доржи Арапган, бывшая в замужестве за Церен ханом хошоутовым, и привела с собою дочь свою, с Церен ханом прижитую, имянуемую Цаган Лама (которая после была в замужестве за Чакдоржапом) и хошоутовых калмык до тысячи кибиток, а от хошоутова народа откочевала она по смерти помянутого мужа своего Церен хана и учинившегося по смерти его у родственников его о ханстве междоусобия.

Аюка вскоре по смерти отца своего с зенгорцами примирился и отдал за главного их владельца Арапган Хондайджу в замужество дочь свою Сетерджап, а продолжал войну около реки Яика с одним хошоутовым владельцом Церен хановым меньшим братом Аблаем, и сперва от него был разбит, а на другой год не только его разбил, но и самого поимал.

В ту ж калмыцкую войну 1670 года у их подданных нагайцов учинилось междоусобие и был бой у Джетысан с Большим и Малым нагаем, и тогда Малого нагаю Ямгурчей мурза с детьми своими и с улусными людьми, захватя астраханских юртовских татар[1] Мурзу Бека Оллашева с сыном его и с племянники и с улусными людьми, отошел в степь к реке Терку.

1671 года он Ямгурчей мурза с Малым и с Большим нагаем и сообщась с городскими черкесы и с крымцами, в феврале месяце приходили к Волге и нападали близь Астрахани на Джетысанских татар и через целый день продолжая с ними бой, отвели их с собой на Кубань под крымскую власть, причем захватили несколько и астраханских юртовских татар.

1672 года торгоутской владелец Аюка по разбитии хошоутова владельца, Аблая, собрав все свои калмыцкие войска, ходил на оных своих бывших подданных татар и Малой нагай, принял по прежнему в свое подданство с таким договором, чтоб им платить ему с каждой семьи в год по кумачю.

А Большой нагай и джетысан бывших тогда при вершинах реки Кубани, держал в атаке с два месяца и забрал по прежнему к себе на Волгу и в то время выше писанной Малой нагай оставил кочевать на том же месте близь Кабарды при реке Терке, откуда оной обще с кабардинцами и аманатов своих давали в Терскую крепость[2].

Вскоре потом он же Аюка разбил двоюродного своего дядю, имянуемого Дугара, причем поймал его и с сыном его Черенем и, поклепав их, будто они многие неправды пред великим государем делали, отдал в Астрахань, а улусом их завладел, и Черен в Москве крестился и назывался князем Васильем Дугаровым.

---

[1] Татары, обитавшиеся на территории Астраханской губ., разделялись на юртовских, живших оседло, и Кундровских татар, некогда кочевых, а позднее живших в нижней части Ахтубы.

[2] Укрепление русской пограничной линии в низовьях Терека, на его северном рукаве. Терское укрепление было центром терского казачьего войска, основанного казаками в 1573 году.

Да и протчих владельцов он Аюка для обезсиливания их часто приводил в ссоры и в междуусобии, и двое из его братьев один против другого воевал[и], а напоследок один из них просил себе в помощь войск из Астрахани, которому и дан был стрелецкой полк и близь города Черного Яру на луговой стороне в урочище Булхун Хум, один против другого сошлись было битца, однакож по переговоре между себя оные владельцы помирились и потом соединясь напали на тот стрелецкой полк, и оной весь порубили.

1672 года ноября 27 дня боярином Иваном Богдановичем Милославским, присыланным из Москвы с войсками, взята Астрахань от бунтовщиков, оставшихся от Стенки Разина; по возвращении ж его Милославского был в Астрахани боярин и воевода князь Яков Никитичь Одоевской, который в 1673 году съезжался с калмыцким торгоутским владельцом Аюкою против города Астрахани на горной стороне реки Волги у речки Соляной, которая по калмыцки называется Харсаин Саман, и при том приводил его Аюку к шерте и взял от него запись на русском языке с приложением токмо на оной рук по калмыцки.

А тою записью он Аюка подтвердил прежнюю отца своего Пунцука шертовальную запись и сам обещал:

1-е. Быть у его величества государя царя Алексея Михайловича ему Аюке с его родом, улусными калмыками и с нагайцами в вечном подданстве и ходить войною на неприятелей.

2-е. С турским салтаном, с персицким шахом, крымским ханом, азовским беем и с другими заграничными и с российскими изменниками не пересылаться и оным ничем не помогать.

3-е. Когда, где случится их калмыцким войскам быть вместе с российскими, в таком случае не изменять и над ними хитрости не делать.

4-е. Под российские городы войною не ходить, сел, деревень и учугов[1] не жечь и, где б ни было, на российских людей и подданных российских татар не нападать, и их не побивать и не раззорять, а присылаемых в улусы калмыцкие для дел не грабить.

5-е. Астраханских татар, в прошлых годех в улусы калмыцкие ушедших, а возвратиться в Астрахань желающих, неволею им, калмыкам, у себя не держать и не грабить, но отпускать и впредь таковых не призывать и не принимать.

6-е. Которые российские люди и другие християня уйдут из калмыцких улусов, за таковых бы платить калмыкам окуп по указу.

7-е. Российских же подданных християн и иноверцов выходящих из полону из Бухар, Хивы и из других мест, им калмыкам у себя не задерживать.

8-е. Калмык и их подданных татар, в российские городы уходящих, возвратно к ним выдавать некрещеных.

9-е. Сею же первую записью постановлено калмыкам, и их нагайцам торги под Астраханью чинить с русскими людьми против прежнего великого государя указу без всяких ссор и задоров, а к Москве в Артабазарных станциях посылать им для продажи с своими людьми многие лошади.

На том съезде при Аюке были двоюродные его братья Назар Мамут и Малюш.

Сею же записью он Аюка, владельцов хошоутова Аблая и торгоутова Духара, бывших у него под арестом, назвав противниками России,

---

[1] Учуг — сплошная перегородка реки, устраиваемая с целью не пропуска рыбы вверх по реке.

обещал выдать, но из них Аблай, будучи в улусах калмыцких, до выдачи умре.

Предки же Аюкины при котором государе и в котором году и на каких кондициях в российское подданство приняты, о том за згорением приказа Казанского дворца известия поныне нигде не сыскано, да и выше писанная запись и еще две, ниже сего означенные, найдены в копиях.

В 1673 или 1674 году вышел из Зенгории на Волгу Дербетев владелец зенгорских владельцов родственник Солом Серень Тайши, с сыном своим Менко Темирем в четырех тысячах кибиток улусных своих калмык и поддался торгоутскому владельцу Аюке.

После оной первой записи в 1675 и 1676 годах калмыки и их подданные татара чинили российских разных чинов людям убийство и грабежи и в полон брали и учуги разоряли.

И для того по вступлении на престол его величества государя царя Феодора Алексеевича в 1677 году взята у него Аюки окольничим и астраханским воеводою князем Константином Осиповичем Щербатовым, при съезде их против Астрахани за рекою Волгою, другая шертовальная на российском языке запись в такой же силе, как и первая с прибавкою такою, что им под Астраханью торговать и с иноземцы, а в протчем:

1-е. Чтоб о присылаемых к нему Аюке из Крыма и из иных мест давать знать в здешнюю сторону и их без указа не отпускать и на получаемые с ними письма не ответствовать, но те письма, а буде понадобится, то и самых таких присылаемых к Москве или в Астрахань присылать.

2-е. Буде которые калмыки по своим желательствам в православную християнскую веру крестятца, и тех им тайшам и улусным их людем не просить, и об них великому государю не бить челом.

3-е. Которые посылщики присланы будут к нему Аюке с Москвы с граматами великого государя, и ему Аюке те граматы принимать, встав и сняв шапку с великою честию. На том съезде при Аюке были родной его брат Джамсо и Дербетев владелец Солом Серень.

В 1678 году посылал он Аюка в военный поход под Чигирин[1] калмык своих три тысячи человек.

В 1681, 1682 и 1683 годах сам Аюка с своими родными братьями и с другими владельцами с калмыками и с татарами, своими подданными, ходили, сообщась с башкирцами, в противности тогда бывшими, под разные российские городы, также, в Казанской и Уфимской уезды и раззоряли села и деревни и как из-под городов, из сел и деревень, так и по Волге на промыслах и в проездах российских людей и черемис с женами и с детьми в полон брали, конские и скотские табуны отгоняли, грабежи чинили и учуги раззоряли и одним словом тогда с Астраханью не токмо зимою, но и в летние времена коммуникация была весьма трудная, и малолюдными компаниями от Царицына до Астрахани и от Астрахани до Царицына и водяным путем от калмык и нагайцов проезду не было, и для того в тех двух городах едущие принуждены были ожидать других попутчиков и собрався великими компаниями, проезжали.

Тогда же калмыки с донскими казаками одни на других нередкие нападения чинили.

---

[1] Имеется в виду поход 1678 г. против армии визиря Кара-Мустафы, подошедшего 9 июля 1678 г. к Чигирину.

В 1684 году при государствовании их величеств государей царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича бывшей в Астрахани боярин и воевода князь Андрей Иванович Голицын имел с ним, Аюкою, съезд за Волгою на прежнем месте и взял с него, Аюки, третью шертовальную запись, так же на русском языке с подписанием рук по калмыцки, сходную с двумя первыми с прибавкою при том такою, чтоб ему Аюке впредь великим государем служить верно, а на российские городы, села и деревни не нападать и башкирцов ежели они, учиня измену, бегать будут в улусы калмыцкие не принимать, а выдавать возвратно. На том съезде при Аюке были родной его брат Джамсо и Дербетев владелец Солом Серень.

Аюка воевал и за Яиком с киргис касаками, и всегда над ними имел авантажи, при том же и трухменской народ, при Каспийском море в Мангышлаке бывшей, в свое подданство покорил и так усилился, что и калмыцким народом и бывшими у них в подданстве нагайцами управлять стал самовластнея, да и от Далай ламы первой он испросил себе около 1690 года титул ханской. При нем же тогда кубанские, хивинские и киргис касацкие солтаны, в том числе и бывшей Албухаир хан киргис касацкой, во услужении живали.

Он же Аюка хан с дагестанцами, кумыками, кабардинцами и кубанцами войну производил и мир заключал сам собою.

1696 года от него ж Аюки хана посылано в низовой Азовской поход калмык его три тысячи человек.

Того ж 1696 года подданные его Аюки хана татара Большого нагаю за предводительством главных своих мурз Джакшат мурзы и Агаш мурзы ушли от Волги на Кубань, захватя с собою некоторую часть Джетысан и Джембуилук, так же и от Кабарды Малой нагай увели с собою ж и обще поддались хану Крымскому.

1697-го года привезена из Зенгории в Торгоуты сговоренная за Аюкина меньшего сына Гунделека двоюродная сестра зенгорского владельна Хон Тайши Дарма Бала.

И понеже пред тем Аюкины жены калмычки Чак Доржапова, Санжипова и Гунделекова мать Эренцен и Гунжепова мать Уанджал померли, и хотя Аюка после их женат был на кабардинке Абай хан, родной сестре кабардинского владельца, при Терской крепости жившего, князя Каспулата Муцаловича Черкаского, но оную бросил, которая до смерти своей жила в Астраханских юртах, получая от Аюки свое содержание.

И для того он Аюка хан женился, на вышеписанной зенгорке, Дарме Бале, от которой напоследи имел трех сынов: Черень Дондука, Галдан Данжина и Баранга, из которых последней в малолетстве умер.

1701 года большей хана Аюки сын, а хана Дондук Даши отец, Чакдоржап застал его, Аюку, у жены своей, имянуемой Тарбаджи и хотел его за то заколоть, но калмыками до того не допущен; однако же он Чакдоржап тот его Аюкин поступок всему калмыцкому народу разгласил и тем оной народ привел до того, что все владельцы и другие Аюкины дети, от одной с Чакдоржапом матери рожденные Санжип и Гунделен, с своими и с его Аюкиными улусами, оставя Аюку, пристали к нему Чакдоржапу, и с ним отлучались за реку Яик и пересылались с зенгорцами главным владельцом Хон-тайшею, а четвертой Аюкин сын, от другой жены его рожденной, а бывшего хана Дондук Омбы отец Гунжеп, во время того смятения подсылал нарочного зай-

санга[1] Некая, которой, в ночное время подъехав к Чакдоржаповой кибитке и сквозь оную по нем, Чакдоржапе, из ружья выстрелил и его ранил двумя пулями и затем по усилении Чакдоржапа в калмыцких улусах оной брат Чакдоржапов Гунжеп уходил от него на нагорную реки Волги сторону и жил в Саратове у воеводы Никифора Беклемишева, а хан Аюка во сте кибитках уходил в Яицкой казачей городок, а Дербетев владелец Менко Темир, с своим улусом, в то время не приставая ни к которой стороне, отлучался на Дон.

Чего ради из Москвы приезжал в город Самару, которой лежит на луговой стороне реки Волги при устье речки Самары, боярин князь Борис Алексеевич Голицын[2] и к Чакдоржапу посылал нарочных и, увещевая его, призывал по прежнему на Волгу, обещая с отцом его примирить добрым порядком и, когда Чакдоржап принял намерение возвратиться к Волге и тогда брат его Санжип с некоторыми другими их же роду владельцами и с улусами в 15.000 кибитках, отстав от Чакдоржапа, отошел к зенгорскому владельцу Хон Тайше, за которым, как выше написано, была в замужестве Аюкина дочь, а его Санжипова родная сестра Сетер Джап, а Хон Тайша, по принятии их к себе, все их улусы раскосовал по своим зенгорским улусам. А Санжипа с семью человеками отпустил к хану Аюке, которой дал ему на пропитание из убогих калмык двести кибиток, и потом он Санжип и с женою своею, будучи при Волге, нечаянно и в ночное время сгорел от пороху, бывшего в его кибитке.

Чакдоржап же, по призыву князя Голицына, с братом своим Гунделеком и с другими торгоутскими и хошоутскими владельцами, перешед всеми улусами на здешнюю реки Яика сторону, сам приезжал на Самару к князю Голицыну и при присудствии его пред отцом своим Аюкою ханом, который пред тем привезен был на Самару ж, стоя на коленях кланялся и им был прощен. Напротиву того, и Чакдоржап брата своего Гунжепа в том, что он подсылал его убить и ранил, также простил, причем из Чакдоржаповых знатных зайсангов пять человек, которые его противу Аюки возмущали, были арестованы и сосланы в Астрахань, где из них некоторые померли, а иные из под караула бежали в калмыцкие улусы, и по тому примирению все калмыцкие улусы по прежнему соединены и подчинены хану Аюке.

Вскоре после того хана Аюки сын Гунжеп умре, оставя двух сынов своих Дондук Омбу и Бешкургу. По том же их примирении Аюка хан за Менко тимирева сына Четеря отдал в замужество дочь свою, именуемую Бунтар и тем всех Дербетев перевел с Дону к себе на Волгу.

С калмыцкой стороны объявляется от многих единогласно, что при вышеписанном Аюки хана с сыном его Чакдоржапом на Самаре примирении князь Борис Алексеевич Голицын с Аюкою ханом разменялся пунктами, в которых между другим было постановлено, чтоб за каждого калмыка, вышедшего для крещения, платить денег по тритцати рублев и хотя таковых пунктов, за згорением Приказа Казанского дворца нигде не сыскано, однако ж кажется оного Аюкина сына Чакдоржапа из за Яика реки со всеми улусами без особливых кондицей призвать было невозможно, как-то и хан Дондук Омбо с Кубани в 1735 году вызван был на таких кондициях, каковых он требовал.

В то же калмыцкое междоусобие заведено было выше Саратова на

---

[1] Зайсанг — родовой наследственный улусный старшина у калмыков.

[2] Голицын, Борис Алексеевич (1654—1711), во время поездки Петра I за границу был одним из 3-х членов регентства, позднее — наместник в Астрахани.

речке Терешке село поселением крещенных калмык из собственного Аюкина Эркетенева улуса и построена была и церковь и то село вскоре по соединении калмыцких улусов, по приказу Аюки первого Эркетенева зайсанга Ямана брат раззорил и выжег и всех крещенных калмык увел к себе, и, когда о том хану Аюке учинен был выговор, он ответствовал, что тот зайсанг учинил сие будто без его воли, и яко он штрафовать не может, объявляя, что тот зайсанг холопей своих забрать имел право.

В 1705-м году, во время астраханского последнего бунта, по призыву бунтовщиков он Аюка хан не токмо к ним не пристал, но и посланные от них 20 человек для возмущения на Дон, по приказу его, переловлены и присланы в город Царицын, а когда генерал фельтмаршал Борис Петрович Шереметев[1] с войски шел к Астрахани для усмирения бунтовщиков, и тогда он Аюка пристал к нему со многими калмыцкими войсками и при городе Астрахани слободы раззорял.

В 1707 году посылано от него ж хана Аюки при одном владельце три тысячи человек калмыцкого войска против шведов, которые, идучи к российской армии, возвратились от Москвы собою, причем и от российских деревень несколько человек захватили и увезли с собою в улусы.

1708 года во время тогдашнего башкирского бунта, он же Аюка хан посылал при предводительстве стольника Ивана Ефремова сына Бахметева при сыне своем Чакдоржапе многие свои калмыцкие войска, которые над башкирцами производили поиски.

В том же году город Саратов калмыцкими войсками освобожден от осады бунтовщиков донских казаков булавинцов и некрасовцов[2].

1709 года он же Аюка хан посылал в Малороссию при сыне своем Чакдоржапе калмыцкого войска несколько тысяч, которые к российской армии пришли по нескольких днях после Полтавской баталии и с награждением отпущены возвратно.

В том же 1709 году посылал Аюка многие тысячи калмыцкого войска при князе Петре Хованском[3] на Дон лдя искоренения бунтовщиков донских казаков, булавинцов и некрасовцов, причем им всякая добыча отдана была в собственное их употребление, в том числе и бунтующих казаков жены и дети, но калмыки, по их своевольству и ближние российские деревни раззоряли и людей не одну тысячю забрали и увезли в свои улусы, которых нарочно посланные от боярина и губернатора казанского и астраханского Петра Матвеевича Апраксина[4] при приданном от Аюки хана владельце Чемете и зайсангах в калмыцких улусах сыскивали и отбирали и всех таковых отобрано больше тысячи человек.

1710 года сентября 5 дня боярин и губернатор казанской и астраханской Петр Матвеевич Апраксин, едучи из Астрахани в Казань,

[1] Шереметьев, Борис Петрович (1652—1719) — граф, фельдмаршал, участвовал в войне с Турцией, с шведами, принимал участие в подавлении Астраханского восстания в 1705 г.

[2] Некрасовцы — донские казаки — участники Булавинского восстания под предводительством Игнатия Некрасы. После Булавинского восстания казаки вместе с Игнатием Некрасой ушли на Кубань.

[3] Хованский Петр Иванович,— князь, в 1709 г. подавлял крестьянское движение, руководимое Булавиным и Некрасой.

[4] Апраксин, Петр Матвеевич — граф. В 1705 г. был послан в Астрахань для усмирения стрелецкого бунта. В этом же году был назначен астраханским губернатором. В 1708 г. 8 сент. заключил договор с калмыцким ханом Аюкою, по которому хан обязался быть в вечном подданстве России. В декабре 1708 г. Апраксин был назначен казанским губернатором.

в пути, не доезжая города Черного Яра, по имянному его царского величества указу, виделся с ханом Аюкою у речки Даниловки, впадающей из Волги в Ахтубу, и имел с ним разговоры и назвались братьями, в чем между себя и по рукам ударили. При том Аюка хан обещал служить его царскому величеству верно и с улусы своими от Волги никуда не отходить и тамошние низовые города от неприятелей оборонять; напротиву того и его Аюку хана от неприятелей его российскими войски и с пушки охранять обещано. На том съезде при хане Аюке были калмыцкие владельцы: Аюкин внучатой брат Чеметь Батуров сын, Аюкин зять Четерь Менко Темирев сын, Аюкин внук Дондук Омбо Гунжепов сын, Аюкин племянник внучатого брата сын Черен Дондук Балбуев.

Те договорные статьи или записку конференций, на российском языке сочиненную, подписали хан Аюка, боярин и губернатор Апраксин и выше имянованные четыре владельца и печати свои приложили.

1711 года февраля 3 дня подан в Москве в Посольской приказ с тех договорных пунктов список за скрепою дьяка Нефеда Кормилицына при отписке боярина и губернатора Апраксина от 2 числа того ж февраля.

В том же 1711 году Аюка хан посылал в кубанской поход при помянутом боярине Апраксине при корпусе российских войск сына своего Чакдоржапа с калмыцкими войсками 20.000, и, когда оной боярин, будучи в походе, получил известие, что кубанские татара, ведая о его походе, начали переправляться чрез реку Кубань в горы, где над ними поисков чинить невозможно, и тогда калмыцким войскам дал волю итти на кубанцов вперед, которые, сколько их кубанцов на обеих сторонах реки Кубани найти могли, всех перерубили, а жен и детей их многие тысячи побрали в полон, а лошадей и скота их отогнали весьма великое множество.

В 1713 году в бытность при хане Аюке китайского посла Тюлешина, при присудствии оного посла, их калмыцкого Буканг ламы и многих владельцов, попов и зайсангов он хан Аюка собою объявил по себе наследником большого сына своего Чакдоржапа и во знак того отдал ему печать, присланную к нему от Далай-ламы на ханское достоинство, а сам стал употреблять другую печать.

В начале 1715 года кубанской Бактагирей солтан с войсками приходил на Волгу и при Астрахани нападал на хана Аюку и на калмыцкие улусы и несколько разорил и Аюкину кибитку со всем багажем взял; причем и пункты, данные Аюке с российской стороны от князя Бориса Алексеевича Голицына утратились, и тогда же Бактагиреем забраны на Кубань, и бывшие в калмыцком подданстве джетысаны и джембуйлуки, а хан Аюка от того Бактагиреева нападения и с женою своею уходил к полкам команды лейб гвардии капитана князь Александра Бековича Черкаского [1], которые пред тем собраны были к Астрахани для Хивинского похода, а при оном случае выведены для охранения сего Аюки из города к реке Болде и стояли в параде, токмо по татарам, хотя хан и требовал, не стреляли, за тем что оных несравнительное было множество, они ж на те полки и наступления не чинили.

После сего для охранения хана Аюки определен был при нем столь-

[1] Бекович-Черкасский, Александр, князь. В 1717 г. с отрядом в 3 200 ч. отправился в Хиву с поручением убедить владетелей Хивы и Бухары перейти в подданство России, но был убит хивинцами.

ник Дмитрей Бахметев[1] и шквадрон драгун, которые были при хане в летнее время, а зимою имели квартиры в российских городех. И по некотором времяни стольник Бахметев определен был в Саратов воеводою и достояние Астраханской губернии имел в ведении своем и калмыцкие дела, а драгуны раскосованы по полкам.

Хан же Аюка Бековичю за выше писанной случай заплатил таким образом, что пред его походом в Хиву посылал от себя к хивинскому хану Ширазгирею служителя своего трухменца Доулата и с ним писал, что Бекович под видом посла идет в Хиву войною и чтоб они хивинцы от того предостерегались, да и в Бухары дали знать и его б Бековича с войсками разбили, почему он князь Черкаской хивинским ханом Ширазгиреем с хивинцами, аралцами и трухменцами встречен и со всем его корпусом разбит и по рукам разобран.

Потом вскоре он Аюка хан с кубанским Бактагирей салтаном помирился, и в начале 1717 года в зимнее время по согласию с оным Бактагирей салтаном посылал на Кубань со многими калмыцкими войсками сына своего Чакдоржапа, который несколько тамошних бывших у Бактагирея в непослушании Большого нагая Хатай-Хабчатских татар разорил, а джетысан и джембуилук забрал и привел к себе по прежнему на Волгу. А при Бактагирее оставил из зайсангов Ноен Омбу и Биджика и других калмык 170 человек, и оные ему Бактагирею и вожами были в Пензенской и Синбирской уезды, которые он Бактагирей разорял и многие тысячи людей в полон взял, и когда при проходе Бактагирея мимо волских городов тамошние командиры от Аюки хана требовали в оборону российским жилищам калмыцких войск, и тогда он ответствовал, якобы без указа того чинить не может, объявляя при том, что при Астрахани князь Александр Черкаской при нападении на него Аюку кубанских татар стрелять по оным без указу также не осмелился.

Того ж 1717 года выше помянутой Дербетев владелец Четерь Тайши бросил жену свою Аюкину дочь Даши Черень, на которой он пред тем женился было по смерти первой жены своей Аюкиной же дочери Бунтара, а вместо той брошенной жены своей женился на Аюкиной внуке, а Чакдоржаповой дочере, имянуемой Доржи Черен, которая прежде была в замужестве за Хошоутовым владельцем и, имея от оного двух сынов, овдовела и Четерем из того Хошоутова улуса увезена силою, за что Аюка хан на владельца Четеря осердился и, призвав его к себе, содержал немалое время под претекстом лечения его болезни, однако же под крепким присмотром. А улус Дербетев от того отходил к Дону и хан Аюка под рукою побуждал Хошоутовых владельцов, чтоб они за обиду свою на Дербетев улус учинили нападение и оной забрали б себе во владение. Но понеже сие Четерово Чакдоржаповой дочери увезение оному Аюкину сыну Чакдоржапу было не противно, того ради оный Чакдоржап отца своего Аюку от того отвел и Четеря с ним Аюкою примирил, на том, что увезенная Четерем Чакдоржапова дочь осталась за ним, а на брошенной перед тем Аюкиной дочере женился Четерев старший сын Лабан Дондук и таким образом согласясь Четерь от Аюки отпущен и со всеми Дербетевыми улусы по прежнему перешел кочевать с Дону на Волгу.

---

[1] Бахметьев, Дмитрий Ефремович был начальником в шведской войне над отрядом конницы, состоявшим из татар, калмыков, бышкир и казаков. В 1715 г. был послан Петром I в заволжские степи для охраны русской границы от набегов кочующих народов и на помощь калмыцкому хану Аюке против кубанского султана Бакта-гирея.

Того ж 1718 года прибыл в калмыцкие улусы чрез Сибирь от Далай-ламы, по прошению хана Аюки, отправленной знатной их духовной, называемой Шукур лама, которого он Аюка принял с великою честью и отдал ему во владение калмыцкой улус, принадлежащей ламинскому чину, имянуемой Шабинар, которого в то время счислялось до четырех тысячь кибиток. Оной Шакур Лама был природою Торгоутских калмык зайсангской сын из Табун Отокова улуса и в прошлых годех при посланцах калмыцких, к Далай-ламе посыланных, будучи от роду десяти лет отправлен был туда для наук и тамо будучи слишком 20 лет,— обучился тангутского языка и другим наукам, духовным их чинам принадлежащим и был ламою в тамошнем одном монастыре, называемом Шакур и губернатором над провинцею, тому монастырю подчиненною. А таковых монастырей в тангутском народе находится семь, по которым и народ тангутской разделяется на семь провинций, а оными не токмо в духовных, но и в светских делах управляют яко губернаторы духовные их ламы, из каковых и тот Шакур-лама был.

1719 года февраля 26 дня, состоявшимся в правительствующем сенате напечатанным и в народ выданным указом велено с посланцов калмыцкого Аюки хана, которых он посылать от себя куда будет чрез Астрахань, и Сибирские городы, с ведома коллегии иностранных дел, а товары, какие при них будут, ценою до трех тысяч рублев и с тех товаров по прежнему указу пошлин не имать, а у которых будет товаров выше трех тысяч рублев или которые посланцы будут от него посланы не по указам из коллегии иностранных дел, и у тех с товаров их пошлину имать по указу.

1721 года по имянному указу блаженные и вечнодостойные памяти его величества государя императора Петра Великого, бывшей в Астрахани губернатор Артемей Петрович Волынской[1] был в Гребенских казачьих городках[2] для усмирения российскими войски противных кумыков и примирения кабардинских владельцов Баксанских с Кашкатовскими, и тогда посыланы были к нему Волынскому от Аюки хана зайсанги Яман и Олдоксон с небольшею калмыцкою командою и чрез посредство тех зайсангов он Волынской кабардинских владельцов обоих партей к себе призывал и примирил, причем им Волынским от всех кабардинских владельцов о подданстве России впервые взяты формальные присяги.

С 1721 года он же губернатор Волынской всеми мерами у хана Аюки и у сына его Чакдоржапа домогался, чтобы, тогда бывшие в их калмыцком владении, нагайцы Джетысаны и Джембуилуки все были раскосованы врозь и по калмыцким улусам, но к тому сперва не склонен Аюкин сын Чакдоржап для того что ими владел и с них подать брал он один, да он же из них на Мурзинской дочери, имянуемой Хандаза, был и женат, а потом воспрепятствовало тому междоусобие калмыцких владельцов.

1722 года февраля 19 числа вышепомянутой Аюки хана сын Чакдоржап умер.

---

[1] Волынский, Артемий Петрович (1689—1740). В 1715 г. был назначен Петром I послом в Персию, в 1719 г. назначен астраханским губернатором. При Екатерине I был губернатором в Казани до 1731 г., кабинет-министр с 1738 г. Был казнен в 1740 г. по обвинению в государственной измене.

[2] Гребенские казачьи городки, основанные в 1712 г., были расположены по берегу реки Терека.

Он имел разных жен из которых: 1-я Джал, дочь Хошоутова владельца; 2-я Талбаджит, так же дочь Хошоутова владельца; 3-я Габиль, дочь Дербетева владельца Менко Темиря: 4-я Цаган Лама, дочь Цецен хана Хошоутова; 5-я Джизага, дочь Хошоутова владельца, а прежде Чакдоржапа была замужем за Аюкиным родным братом, а за Чакдоржаповым дядею Джамсою; 6-я Бату, дочь Хошоутова владельца, прежде была замужем за внучатным братом хана Аюки владельцем Чеметем, которой в 1711 году весною был в партии с своими калмыками и с царицынскими казаками, для перенятия возвращающихся из российских жилищ с пленом кубанских татар, которых разбил и плен возвратил было, но на возвратном пути догнала его другая с Кубани к российским жилищам идущая партия с изменниками донскими казаками некрасовцами и при драке с тою партиею из калмык, бывших при нем Чемете большая часть ушли в свои улусы, а он Чеметь с оставшими калмыками и царицинскими казаками при реке Аксае сидели в осаде и до тех пор дрался, пока не токмо весьма в малом числе людей остался, но и сам убит, а голова его по причине, что он на Кубане частые делал поиски и всегда с удачею, отвезена чрез Крым в Константинополь. По смерти же его, вышепомянутая жена его, Бату, осталась бездетна, а по калмыцким обыкновениям улусами Чеметевыми она, яко бездетная, владеть не могла и сама со всем оным улусом принадлежала Чеметеву племяннику двоюродного его брата сыну, Намсе, но Чакдоржап оного Намсу жениться на ней не допустил, а женился на ней сам и улусом Чеметевым завладел силою; 7-я Даши Бирюнь, дочь Зенгорского владельца прежде была замужем за сыном хана Аюки Гунделеком, от которого имела и сына, именуемого Амдоу, он же и Дамрин Бамбар, а Гунделеков улус состоял в дву тысячах кибитках. 8-я выше писанная татарка Хандаза. 9-я Вдова, бывшая жена российского подданного, жившего на реке Терке, недалеко от казачьего Щедрина городка Брагунского владельца Кучюка, к которой Чакдоржап приезжал только по зимам.

От тех жен были у него Чакдоржапа дети. От первой Джалы — Дасанг, Баксадай Доржи, Нитар Доржи и Гунцук Джап нем и безумен. От третей Габили, Дондук Даши, Бодонг, Солом Дончин, Доржи Раши, Яндак и Бусурман Тайджи.

От четвертой Цаган Ламы — Данжин Доржи, отец владельца Лавранга, который в 1757 году был с калмыцким войском в прусском походе и в Польше на винтер квартире умер воспою.

У него же Чакдоржапа был старшей сын Бату, рожденной от подложницы, однако же почитался в числе его детей и ноионов.

При сем примечается, что у калмык, по их древнему и общему обыкновению, никто из одного с собою рода жены себе взять не может, то есть торгоутской у торгоутского, хошоутов у хошоутова, зенгорской и дербетев у зенгорского и дербетева, хотя б то и за сто колен было под страхом смертного греха.

И потому принуждены торгоутские владельцы жен за себя брать из хошоутова, зенгорского и дербетева родов, а своих дочерей выдавать за хошоутовых, зенгорских и дербетевых владельцов, а по женскому колену брать по матери своей на двоюродной сестре и на тетке, то есть на материной родной сестре, тако ж на родной своячине и на мачихе жениться может.

Чакдоржап до смерти своей взрослых сыновей своих отделил и дал им из улусов своих, а имянно: Дасангу тысячу, Баксадай Дорже 500,

Нитар Дорже 200, Гунцук Джапу 100, Дондук Даше 400, Данжин Дорже четыреста и Бату 400 ж кибиток, а затем у Чакдоржапа оставалось 4 000 кибиток, которыми владел сам и ис того протчим малолетным детям своим, от одной матери с Дондук Дашею рожденным: первому Бодонгу, другому Солом Допчину, третьему Дорже Раше, четвертому Яндаку и пятому Бусурман Тайдже — особливых частей не назначил. А при смерти своей завещал дать им из оных улусов своих по надлежащей части, а оставшее затем разделить всем по справедливости и всем им быть в союзе и кочевать вместе и отдавать послушание старшему из них брату Дасангу, которому отдал и присланную от Далай Ламы к Аюке на ханство, а Аюкою в 1713 году отданную ему Чакдоржапу, при публиковании его ханским наследником печать.

По смерти Чакдоржаповой дети его к сожжению тела его собрались все и притом в твердом содержании завещания отца своего учинили между себя присягу и с тем посылали от себя нарочных к деду своему Аюке хану, которой то апробовал и подтвердил.

В том же 1722 году в летнее время при шествии его императорского величества блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра великого Волгою рекою к Астрахани для персицкого похода[1] Аюка хан был на луговой стороне против города Саратова недалеко от Волги. По прибытии же его величества к Саратову, он, Аюка, приезжал на галеру, для отдания его императорскому величеству и ее величеству государыне императрице Екатерине Алексеевне поклона. Да и его императорское величество по всенижайшему его Аюкину прошению изволил удостоить его посещением дома его. При возвратном его императорского величества из Астрахани походе оной же Аюка хан близ города Черного Яра паки приезжал с ханшею своею и с детьми своими Черен Дондуком и Галдан Данжином на галеру для отдания всенижайшего поклона их императорскому величеству. И при обоих тех случаях, представляя он свою старость и в здоровье слабость, просил их императорское величество о содержании по нем, хане, жены его и детей в высочайшей их императорского величества милости и о учинении по нем наследником старшего сына его Черен Дондука. И по тому его прошению он Аюка и с фамилиею его высочайшею милостию их императорского величества обнадежен.

Между тем, в том же 1722 году, в бытность его императорского величества в Дербентском походе[1], открылись Аюкины интриги о погублении им в Хиве князя Александра Черкаского со всем при нем бывшем корпусом и о протчих его неверностях, а он Аюка хан, тогда был уже 75 лет.

В то ж время уведомленось было, что происходило сватовство об отдаче в замужество за Аюкина сына Черень Дондука дочери кумыцкого владельца Чепан Чепалова. И как оное противно было здешним интересам, то по имянному его императорского величества указу, губернатор Волынской, чрез нарочно посланного, писал к хану Аюке, не объявляя однако ж того указа, но якобы собою, чтоб он Аюка до того Черен Дондука не допускал, ибо то противно будет его императорскому величеству, почему оное сватовство и пресеклось.

По имянному ж его императорского величества указу в Астрахани состоявшемуся по отбытии его величества из Астрахани к Москве, при-

[1] Поход Петра I в 1722—1723 г. к берегам Каспийского моря, во время которого были заняты Баку и Дербент.

зыван в Астрахань губернатором Волынским из калмыцких тогдашних владельцов лутчей и постоянной Аюкин племянник двоюродного брата сын Доржи Назаров и генералом адмиралом графом Федором Матвеевичем Апраксиным и действительным тайным советником графом Толстым объявлено ему, что его императорское величество соизволяет его Доржу, за добрые его поступки, по смерти Аюки хана, пожаловать калмыцким ханом, только б в верности дал он, Доржи, в аманаты сына своего. Что он учинить обещал, и в том дал и реверс.

В том же 1722-м году указом императорским велено хану Аюке отправить в персицкой поход калмыцкого войска 7.000 человек и чтоб в числе сего войска никого из татар ему Аюке подданных не было, будучи сей поход тогда предприят против магометан, и он Аюка на то доносил, что он толикое число войска отправил, поруча оное в команду внука своего Бату Чакдоржапова.

То калмыцкое войско от Астрахани предводительствовал гвардии порутчик, которой был после генерал майором, Нефед Кудрявцов, и от Волги он, Кудрявцов, до реки Терка ехал при корпусе драгунских полков команды бригадира Шамордина, а при оном калмыцком войске при владельце Бату оставлен был от него с небольшею командою саратовских казаков переводчик, что ныне статской советник, Василей Бакунин, которой, будучи в пути, уведал, что при владельце Бату ехал в калмыцком платье кубанской татарин Хаз Мамбеть, которого он Бату, по приказу хана Аюки имел с места, куда их войска дойдут, отпустить на Кубань к тамошнему Бактагирей солтану с ведомостью, что им повелено будет делать, и тот татарин им Бакуниным пойман и отвезен в Гребенской казачей городок Курдюков, где бригадиром Шамординым и порутчиком гвардии Кудрявцовым роспрашиван и отослан в Терскую крепость, а оттуда по указу отправлен для употребления в каторжную работу.

При переправлении же того калмыцкого войска чрез реку Терек, при помянутом Гребенском городке Курдюкове, от порутчика гвардии Кудрявцова командиру оного войска владельцу Бату и двум его товарищам зайсангам Яману и Зайдархан Тайдже, имянным указом объявлено, чтоб им чинить поиски над противными кумыками андреевцами, а коль скоро сие объявление им учинено, то зайсанг Яман отправил от себя нарочного калмыка к кумыцкому ж Аксанскому владельцу Солтан Мамуту, с тем, чтоб андреевцы от их калмыцких поисков укрывались, где могут, для чего калмыцкие войска к Андреевой деревне[1], которая от Курдюкова в сороке верстах, хотели было итти медленно, но как о том оной же переводчик Бакунин чрез калмыков уведал, и потому гвардии порутчик Кудрявцов, хотя время и к ночи приходило, не дал им при Терке ночевать, а повел того дня далее. И на утренной зоре учинили над кумыками поиск, так что они, кумыки, хотя между тем от калмык оное известие и получили, все скрыться со скотом в горы не успели, причем калмыки получили великую добычу людьми и скотом.

И понеже при поиске над андреевцами примечено, что того калмыцкого войска полного семи тысячного числа не было, того ради разсуждено было оное счесть, а к тому употреблен был такой способ, а имянно рота драгунская расставлена была в одну линию, а в сере-

[1] Имеется в виду большое селение Эндери, населенное, главным образом, кумыками.

дине оной оставлено было небольшее порожжее место, наподобие ворот, чрез которые то калмыцкое войско по одному человеку пропускаемо и давано было при том определенное жалованье каждому по одному рублевику, а дабы калмыки не могли, объехав расположение помянутой драгунской роты [и], вдругорядь у означенных ворот для получения жалованья явиться, для того по обоим крылам той роты постановлены были казацкие команды. И таким образом сочтено того калмыцкого войска только 3 727 человек, да сверх того при означенном поиске убито два человека. И о всем вышеписанном гвардии порутчик Кудрявцов для донесения его императорскому величеству писал к тайному кабинет-секретарю Макарову.

По возвращении же его императорского величества от Дербента на Сулак некоторая часть из помянутого калмыцкого войска обще с донскими казаками посылана в Дагестанию, где разорили и выжгли семь деревень тамошнего владельца Усмея.

По возвращении же калмыцких войск из того Дербентского похода захватили они и увели с собою в свои улусы от Терской крепости больше тысячи кибиток тамошних татар российских подданных, имянуемых хондроу, из которых Арслан мурза с родом в нескольких стах кибитках отобран к Астрахани, и когда о сем Аюке хану был выговор, он ответствовал, якобы, то внук его Бату учинил собою, да и в протчих таких делах, напредь того извинялся непослушанием ему большего сына его Чакдоржапа, а в самом деле он Аюка в калмыцких улусах был самовластным и улусы между владельцов сам разделял, и кому что хотел давал.

Он же во всю свою жизнь не токмо с крымскими ханами пересылку имел, но и к шаху персицкому и к турецкому солтану нарочных своих посланцов посылал, а у шаха последним посланцом его был астраханской бухарец Абдулла Бегимов, который, в бытность его в Испагани, местничился с адешним курьером Дмитрием Петричасом, который в 1720 году по возвращении обоих их от шахова двора в Гилянь, захватя его Абдуллу в свою квартиру, высек плетьми.

Он же Аюка хан к бывшим в Астрахане боярам и воеводам и к другим российским командирам письма свои писал указами и сие продолжал до бытности в Астрахане губернатора Волынского, которой то весьма пресек возвратною к нему таких его указов обсылкою.

В протчем по отбытии его императорского величества из Астрахани он Аюка, проча по себе ханство сыну своему от последней его жены Дармы Балы рожденному Черен Дондуку, пред смертию своею захотел внука своего Дасанга, которой с братьями своими имел великие улусы, и по смерти старшего Аюкина сына, а своего отца Чакдоржапа, по их калмыцкому обыкновению, ханству был законной наследник, обезсилить, и для того в 1725 году научил дасанговых родных братей от других Чакдоржаповых жен рожденных Дондук Дашу, Данжин Доржу Бату и других — всего восемь человек — на Дасанга жаловаться и просить, чтоб он Дасанг собственные их улусы от себя отпустил кочевать особливо, с кем они похотят. И меньшим братьям своим пяти человекам, которые при отце не были отделены, дал надлежащие части, причем и Дондук Даши, по наущению его ж Аюки хана, являясь недовольным определенной ему от отца частию, которая состояла в 400 кибитках, требовал от Дасанга, чтоб ему еще прибавить, почему Аюка хан неоднократно посылал к Дасангу и приказывал, чтоб он

то исполнил, доводя тем, что оные Дасанговы братья кочевали при сыне его Черен Дондуке.

Но Дасанг ссылаясь на завещание отца их Чакдоржапа и что братья его, при сожжении тела отца их, присягали с ним Дасангом кочевать вместе и быть в его послушании, да и он дед их Аюка то подтвердил, улусов их от себя не отпустил, объявляя, что он Дасанг с их улусов подать себе не собирает и достальные с ними по надлежащему разделит, только б они вместе с ним Дасангом кочевали и были ему послушны.

Напоследок хан Аюка присылал к Дасангу Шакур ламу и Дондук Дашину мать, а Дасангову мачиху Габиль, с тем чтоб он из улусов назначенную часть брату его Дондук Даше отдал матери его Габили, обещав, что она будет кочевать при нем Дасанге в его воле, а он Аюка соединит по прежнему с ним Дасангом и братьев его Дондук Дашу, Бату и Данжин Доржу, в чем он Дасанг с Габилем и согласился; при сем случае хан Аюка призывал его Дасанга к себе, а Шакур лама в том, что ему Дасангу противности от него Аюки учинено не будет, ручался, почему он Дасанг к нему хану и ездил, однако ж с великим конвоем и когда Дасанг у хана был в кибитке, тогда Дасангов брат Нитар Доржи с конвоем недалеко стоял на конях в готовности в противном случае к обороне Дасанга.

Хан Аюка в бытность у него внука его Дасанга об улусах ничего сам с ним не говорил, но по отпуске его Дасанга в собственную его ставку чрез зайсангов требовал, что он улусы братьев своих отдал и для договору о том оставался б он Дасанг при нем хане с десятью человеки, а конвой свой отпустил в улусы, но он Дасанг, получа между тем известие от Шакур ламы, которой безопасность его при сем случае на себя не принимал, что хан Аюка приказал собирать войски и хочет его Дасанга и улусы его воевать, и для того б он Дасанг предостерегся, уехал от него Аюки в свои улусы.

Хан Аюка то непослушание Дасангово принял себе за обиду и Дасангов к себе с великим конвоем приезд за бещестие и в калмыцких улусах крепкими указами и под штрафом публиковал, чтоб все калмыцкие войска собирались и шли на Дасанга, а главную над теми войски, которых было до 20 000, команду поручил внуку своему Дондук Омбе Гунжепову сыну, при котором были Аюкин сын Галдан Данжин и Дондук Дашп с братьями.

А Дондук Омбе от хана Аюки такой приказ дан был, чтоб он Дасанга и братьев его воевал, а ежели войною Дасанговых улусов отобрать не может, то б он дожидался губернатора астраханского и его хана Аюки.

А в Астрахань он Аюка писал и чрез нарочно присланного зайсанга Денжина словесно представлял губернатору Волынскому и командовавшему персицким корпусом генералу поручику Матюшкину, что Дасанг от него Аюки уехал, будто поссорясь с Дондук Дашею, и хотят между собою драться, и чтоб они Матюшкин и Волынской вступили в посредство и от войны их удерживали, а кто из них и из других будет в том начинателем по таковом бы и по подчиненных его приказали российским войскам стрелять.

Дасанг же и брат его Баксадай Доржи, присылая к губернатору Волынскому нарочных зайсангов, и принося на хана Аюку жалобы, просили о защищении и приближалися с улусами своими к Астрахани, почему высланы были из Астрахани для принятия их капитан Брюс,

и порутчик Андреян Лопухин, и с ними две роты салдат Ингерманландского и Астраханского баталионов, 50 человек драгун астраханского гарнизона с двумя полковыми пушками, 100 человек донских казаков и несколько сот юртовых татар, а для переправления улусов их с луговой степи через реку Ахтубу в луга лодок, сколько возможно было собрать, а затем и сам Волынской туда ж выезжал.

А пред выездом своим посылал дворянина Данила Танбеева к владельцам Дондуку Омбе, Дондук Даше, Бату и Данжин Дорже с письмами своими, которыми их увещевал, чтоб они на Дасанга не нападали. Но оного дворянина войски калмыцкие до тех владельцов не допустили, а при том его били и ограбили, а бывших при нем Дасанговых калмык поимали и саблями рубили.

24 числа ноября 1723 года при реке Ахтубе у устья речки Берекети, от Астрахани в сороке верстах, Дондук Омбо, с протчими с ним бывшими владельцев войсками, на Дасанга с братьями чинил нападении, а Дасанг с братьями, стоя при фрунте вышеписанной российской команды по возможности оборонялся. Причем Дондук Омбо на российскую команду не нападал, а наступал по обоим флангам на Дасанговых калмык. В тот день с обеих сторон калмык побито до смерти и на месте оставлено до 100 человек, а больше того ранено. А как Дондук Омбо увидел Волынского, на шлюпках приближающегося, и тогда он со всем калмыцким войском отступил; итак в тот день российскою командою и приездом губернатора Волынского охранен был Дасанг с двумя его братьями, с их женами и с знатными зайсангами, да и улусов их до 2 000 кибиток, которые в лотках успели перебраться через реку Ахтубу.

25 числа ноября губернатор Волынской следовал по берегу речки Берекетея для охранения других Дасанговых улусов, но Дондук Омбо с 13 000 человек его упредил и путь заступил и недошед до российской команды с триста сажен, построился к бою полуцыркулем и к губернатору Волынскому присылал нарочного, чтоб он для охранения Дасанговых улусов далея не ходил, а в противном тому случае будет он с ним губернатором поступать по неприятельски.

Губернатор Волынской принужден был по сему остановиться, а Дондук Омбо приходящею ночью, по приезде к нему Аюкина сына Черень Дондука, отошел вдаль, а между тем посыланными от него партиями Дасанговых и других при нем бывших владельцов улусов, которые были не токмо в степи, но и за речкою Берекетью, забрано до шести тысяч кибиток, а некоторые из них раззорены, чего ради губернатор и с командою возвратился в Астрахань. Да и Дасанг с братьями и с оставшим улусом чрез Ахтубу перешедши, пришел к Астрахани ж и тамо был до указу.

В то ж их калмыцкое замешание и бывшие у них в подданстве нагайцы, джетысаны и джембуилуки, которых считалось первых двенатцать, а других более трех тысяч кибиток, а командовали джетысанами Буркут салтан, Мамбеть Мурза, Салтан Мурат Беев сын, а джембуилуками Акмаметь мурза Джусуп Мурзин сын, в декабре месяце ушли на Кубань и доныне находятся в Турецкой области.

В то ж время Дербетев владелец Четерь Тайши с старшим сыном своим Лабан Дондуком и з большею частию улусов своих отходил за реку Дон, а меньшой Четерев сын Гунга Доржи с меньшею частию дербетевых улусов оставался при тесте своем Дондук Омбе, при котором был и при нападении на Дасанга у Берекетя, а Доржы Назаров с своими улусами оставался при реке Яике, а ханские улусы для зи-

мования переходили через Волгу на нагорную сторону, и одним словом весь калмыцкой народ разделялся на четыре части.

Калмыцкой же зенгорской владелец Даши Батур Тайжи с детьми и с малым своим улусом принят к Астрахани, а потом для пребывания его препровожден на Дон к Черкаску.

Тогда ж Дасанговы братья Баксадай Доржи и Нитар Доржи пожелали креститься и то свое намерение объявили губернатору Волынскому порознь, первой при Берекете, а другой в Астрахани и один от другова, а паче от Дасанга, тайно. И весною из них Баксадай Доржи отправлен был из Астрахани ко двору его императорского величества с Дасанговою жалобою на владельцов Дондук Омбу и Дондук Дашу в нападении на них войною и в насильном забрании и разорении их улусов, и, будучи в Санкт-Петербурге, крещен и наречено ему имя Петр, восприемником ему изводил быть государь император Петр Великий. И велено ему крещеному владельцу писаться Тайшиным. Да при нем же крестилось из лутчих их зайсангов семь человек, а восприемниками им были князь Меншиков и другие из первых министров. Оному Тайшину определено было жалованья денег тысяча рублев, муки аржаной 500 четвертей в год, а Нитар Доржe велено было по крещении определить денег 700 рублев, да муки 350 четвертей.

1724 года февраля 19 дня хан Аюка умре, имея от роду семьдесят семь лет, а пред тем и губернатор Волынской из Астрахани отозван был ко двору, а в управлении калмыцких улусов оставались Аюкина ханша Дарма Бала и во всем поступала по советам Дондук Омбы, которой имел намерение на ней жениться по ее к тому склонности.

И понеже тогда Волга река вскрылась очень рано, то есть в генваре, а ханша и протчие, при ней бывшие, владельцы с улусами калмыцкими, чрез реку Волгу на луговую сторону по льду перейти не успели, а на нагорной стороне за междуусобием своим летовать опасались кубанских татар и нагайцов, пред тем в их подданстве бывших, и для того просились о перепущении их внутрь Царицынской линии[1]. Но, когда получен о том был отсюда указ, а они между тем с кубанским Бактагирей солтаном и с кабардинскими владельцами переслались, и тогда, по совету Дондук Омбы, которой от здешней стороны имел опасение, в линию итти отреклись, в чем согласен с ним был и Дондук Даши, для того, чтоб ему завладеть всеми улусами, отобранными от Дасанга. Со всем тем Шакур Лама и из ханских первой зайсанг Яман и другие доброжелательные к своему отечеству попы и зайсанги, в том с ними не согласились и наперед начали перебираться внутрь Царицынской линии, чем принудили и их перейти в ту же линию.

Того ж 1724 года майя 3 дня дана из коллегии иностранных дел по имянному его императорского величества указу, состоявшемуся в сенате 16 апреля, губернатору Волынскому инструкция, которою велено ему ехать в калмыцкие улусы и взять от владельца Доржи Назарова в аманаты сына и реверс о верной службе, и о непринятии и о недержании впредь в калмыцких улусех татар, и о крепком за владельцами смотрении. И потом объявить его Доржу ханом, а без того не

[1] Для защиты русской границы от калмыков, ногайцев и закубанцев в 1717 г. русское правительство начало строить Царицынскую линию, которая шла на 60 верст от Дона до Волги у Царицына, имела ряд форпостов и крепостей. Караулы на линии содержали украинские и донские казаки, заселявшие линию. Казаки, заселявшие Царицынскую линию, составляли Волжское казачье войско, разделенное на три станицы — Дубовскую, Среднюю и Волжскую; здесь были четыре крепости: Балышевская, Караваевская, Аантиповская и Дубовка.

объявлять, но описыватца. А ежели Аюкина жена и протчие владельцы будут представлять к тому ханского сына Черен Дондука, или кого из внучат, и их склонять ласкою и подарками к тому, чтоб Доржу Назарова признали ханом, а буде они того не учинят и уклонятся на противность, и тогда с ними поступать действом воинским, как с неприятельми, и нового хана во всем защищать. А ежели ханские внучата уйдут на Кубань или куда инде, а будут претентовать, чтоб улусов, которые они побрали войною у Дасанга, у них не отбирать и без того возвратиться не похотят, и их призывать на каких кондициях возможно.

На Царицынскую линию к бригадиру Шамордину послан тогда ж из правительствующего сената указ, что ежели губернатор Волынской будет ему Шамордину предлагать о каких воинских действиях, то б он, Шамордин, по тем предложениям с обретающимися в команде его полками действо чинили, не описываясь, да к тем же полкам в помощь взял донских казаков от двух до трех тысяч человек.

По переходе калмыцких улусов внутрь Царицынской линии, та линия заступлена была бригадиром Шамординым, четырьмя драгунскими полками и двутысячным числом донского войска, а по реке Дону расставлены были сильные фарпосты драгунами и казаками, с прибавлением Воронежского гарнизона, по реке же Волге была полая вода, а по слитии оной, так же поставлены были по форпостам драгуны и казаки, и в некоторых местах с пушками, и чинены были водяным путем салдатами из астраханского гарнизона розъезды.

Того лета в бытность калмыцких улусов в линии надлежало было совершиться свадьбе между владельцем Дондук Омбы и вдовой ханши Дармы Балы. Но майор Беклемишев, по присланному к нему указу, внушениями своими чрез Шакур ламу и Черен Дондуковых зайсангов, ханшу от того отвел, так что она в разсуждении детей своих Черен Дондука и других формально в том Дондук Омбе отказала, за что он Дондук Омбо возимел на Беклемишева крайнюю злобу.

Июня 5 дня губернатор Волынской, едучи из Москвы, получил из коллегии иностранных дел указ, отправленной по получении в Москве известия о вступлении калмыцких улусов внутрь Царицынской линии, в котором писано, что майя 22 дня его императорское величество указал:

1-е. Взятые в 1723 году войною у Чакдоржаповых детей Дасанга и Баксадай Доржи улусы Дондук Омбою, Дондук Дашею и ханскими детьми, возвратить и из них принадлежащие Баксадай Дорже отдать без замедления, а Дасангу с братом под рукою объявлять, чтоб они крестились, и ежели крестятся, то и им улусы их отдать, а буде креститься не похотят, то, не отдавая им, писать немедленно.

2-е. Ежели Дондук Омбо и Дондук Даши будут чинить какие противности, то, объявя им оные, взять их под арест.

3-е. Когда Доржи Назаров будет ханом объявлен, и тогда ему губернатору всякими образы стараться его женить на жене умершего хана, чтоб она и дети ее и их улусы были у него в руках.

Июля 23 числа губернатор Волынской прибыл в город Саратов и по многократным посылкам нарочных владельца Доржу Назарова для свидания с собою звал к Волге.

Во время же кочевания и приближения его к Волге, 21-го августа нападали на улус сына его Лубжи киргис-касаки, и, получа великую добычу, возвратились. И Доржи с войсками своими погнался за ними, а к губернатору Волынскому присылал нарочного с прошением

о присылке к нему в помощь из Саратова пушек и войск. Почему губернатор Волынской посылал к нему Доржe дворянина Якова Татаринова и писал к нему, что он губернатор к нему пушек и несколько войск российских отправит, токмо чтоб прислал к нему губернатору подлинное известие, в коликом числе неприятель и как далеко от Саратова и чтоб прислал навстречу к российским войскам лошадей и несколько верблюдов.

А между тем 24-го августа, присыланной от Доржи Назарова калмык Бибичь Волынскому словесно объявил, что киргис-касак на Лубжин улус нападало 757 человек, которых Лубжа с войски своими, догнав, атаковал в урочище Узенях, куда и Доржи с войсками ж своими приспел, и, соединясь, их киргисцов доставали приступом и из пушек своих по них стреляли и так многих из них побили и несколько взяли живых, и только из них ушло три человека и при том прислан к Волынскому в подарок один взятой киргис-касак, да с тем же калмыком присылано в Саратов в засвидетельствование той их победы четыреста пятнатцать правых ушей отрезанных от побитых киргис-касак.

При сем приметить надлежит, что понеже по прошению Доржи Назарова, войск российских в пустую степь послать было невозможно, да и некого, ибо в то время при Волынском в Саратове было только драгун две роты и казаков 200 человек, а пушек полковых и одной не было, почему надлежало б в том ему Доржe и отказать, но ежели б то учинить, то б Доржи на губернатора Волынского так же стал негодовать и злобиться, как Аюка хан на князь Александра Бековича Черкаского, того ради Волынской формально ему не отказал, а ответствовал, как выше написано, ведая, что ему Доржe требуемое им Волынским о числе неприятелей известие, так же под войско и пушки лошадей и верблюдов присылать было недосуг, да и не успеть, ибо между тем необходимо надобно было киргис-касакам от калмык разбитым быть или уйтить; а при всем том он Волынской, в показание Доржe к исполнению требования его готовности, зделал и вид, приказав драгунам перебираться чрез Волгу на луговую сторону, а чрез то не токмо здешней интерес соблюл, но и от Доржи Назарова после получил благодарение. Да и прежде того в 1723-м году по требованию владельцов калмыцких о учинении им из Астрахани войсками помощи против киргисцов же он такое же войсками зделал движение и от владельцов калмыцких получил благодарение, а между тем киргис-касацкая партия на один улус калмыцкой нападала и с добычею ушла, а собственные пушки у Доржи Назарова были самые малые, которые они возят без станков на верблюдах.

Доржи Назаров по разбитии киргис-касак, по чиненным еще к нему от губернатора Волынского посылкам, приезжал к Волге и виделся с Волынским 1 сентября против города Саратова на луговой стороне и наедине имел с ним разговор. Причем оной владелец Доржи Назаров, не похотя сына своего дать в аманаты и за бессилием улусов своих, от ханства отрекся, представляя к тому ближайших наследников Аюкина сына Черен Дондука и внучат его Дондук Омбу и Дасанга и что они его Доржу за хана не примут, а хотя б сперва по принуждению за хана и признали, но потом улусы его Доржины разорят или и его самого убьют. И наконец губернатор Волынской обнадеживал его содержанием при нем на первой случай, пока он утвердится для охранения его 2.000 донских казаков, и что он Волынской будет стараться, чтоб и ханша Дарма Бала вышла за него замуж. И потому он, Доржи, хотел посоветовать с женою своею и старшим сыном Лубжею

и 5 числа сентября с ним Волынским паки видеться, но 4 числа, и не сказався Волынскому, откочевал к Яику, а ханщу Дарму Балу о тех с Волынским секретных разговорах уведомил.

Между тем ханша Дарма Бала отпустила от себя к зенгорскому владельцу Хон-тайше посланца его, которой в 1723-м году еще к хану Аюке прислан был для сватания Хон-тайшиной дочери за его Аюкина сына Черен Дондука. И при том она, ханша, отправила и от себя к Хон-тайше посланцом же зайсанга своего Еке Абугая за тем же и для прошения его протекции, она ж Дарма Бала и Дондук Омбо, умножая тогда ж свою партию, хотели поступить на явные противности и для того в послушании оной ханши Дармы Балы все владельцы и знатные зайсанги приведены были ею к присяге.

Дондук же Омбо, имея о себе самом опасность, действительно покушался перейти чрез реку Дон или пробиться сквозь Царицынскую линию и потом пробраться к Крыму, в чем некоторые и из владельцов с ним согласились было, но большая часть в том ему следовать отреклись, а без согласия всех улусов столько он силы не имел, чтоб ему, по Дону разставленные форпосты преодолеть или сквозь войска, на Царицынской линии бывшие, пробиться.

Сентября 6-го числа губернатор Волынской переехал из Саратова к речке Сапуновке, которая ниже города в сороке верстах и впадает в реку Волгу, и 8 числа ездил к ханше Дарме Бале. А потом Шакур лама, ханской сын Черен Дондук и другие владельцы и знатные их зайсанги, часто приезжали к нему Волынскому, и он разговорами своими с ними и внушениями и прилежным своим старанием до того довел, что оная ханша от правительства калмыцкого народа отрешена, а сына ее Черен Дондука из ее и из Дондук Омбиной партии оторвал, которого хотя оной был и молод и слабого состояния, принужден был через запрещение, в инструкции ему предписанное, объявить, по учинении им 19 сентября публично присяги, на другой день наместником ханства впредь до указу[1], а потом и Дасанга с наместником ханства Черен Дондуком, так же с Дондук Омбою и Дондук Дашею примирил, с обещанием с стороны Черен Дондуковой, чтоб Дасангу и братьям его, забранные от них улусы возвратить, чем тогда Дарму Балу и Дондук Омбу обессилил, и от противностей удержал. И все их улусы в ноябре месяце из Царицынской линии выпущены, чрез которую хотя все владельцы переезжали явным образом, но Дондук Омбо за опасностию, чтоб пойман не был переехал в коробе навьюча оной на верблюда.

В день же объявления наместником ханства Черен Дондука, то есть 20 сентября, и по приезде его, тако ж Шакур ламы и других калмыцких владельцов для того объявления к губернатору Волынскому, присылал и владелец Дондук Даши, которой в 1723 году у Берекетя при Дондук Омбе нападал на Дасанга с братьями его и забрали их улусы, зайсанга своего Самандагу с тем, что ежели губернатор Волынской обнадежит и Шакур лама переймет на себя, что ему ничего противного учинено не будет, то он Дондук Даши намерен быть к нему губернатору с повинною, и по обнадеживанию Волынского чрез Шакур ламу, он Дондук Даши тотчас приехал и в продерзости своей просил прощения, объявляя, что он, как человек молодой, с недознания своего без указу его императорского величества нападал на братьев своих Дасанга и других, обещаясь впредь того не чинить. Почему губернато-

[1] Так в подлиннике.

ром Волынским вина ему Дондук Даше отпущена, и потом он и другие, на том съезде бывшие владельцы, и знатные зайсанги в верности его императорскому величеству приведены к присяге.

Владелец же Дондук Омбо, усмотря, что все дело губернатору Волынскому порученное, обошлось без него Дондук Омбы, и настоящей наместник ханства объявлен и как он, так и другие калмыцкие владельцы в верности присягали, а он Дондук Омбо без того остаться опасался, чтоб вящщего на него подозрения принято не было, а к Волынскому ехать боялся, чтоб его не задержали, присылал к нему губернатору нарочного калмыка с объявлением, что и он будто для учинения присяги ехал к нему и был уже по близости его губернатора у ханши Дармы Балы, но между тем заболел, и так просил его губернатора, чтоб прислать к нему с присягою кого нарочного, почему и посылан был к нему майор Беклемишев, при котором он Дондук Омбо присягу и учинил. Да и к протчим, в отсудствии бывшим, калмыцким владельцам посыланы были нарочные с присягами, по которым оные присягали, подписались и печати свои приложили, кроме Доржи Назарова, которой того не учинил, принося разные оттоворки.

Присяга же, по которой наместник ханства Черень Дондук присягал, состоит в следующем:

1-е. Служить ему его императорскому величеству верно и протчих владельцов калмыцких и всех подчиненных его ни до какой противности, по возможности, не допускать и всеми мерами отвращать.

2-е. С неприятели его императорского величества, какова б оные народа и звания ни были, никакова сообщения дружбы и пересылок не иметь.

3-е. Суд во всем справедливой чинить и кражи и воровство всеми мерами искоренять.

4-е. Татар никаких в улусах своих не держать, и ушедших собою без указу его императорского величества, возвращать не дерзать и протчих владельцов до того самовольства не допускать, но просить о том его императорского величества, а когда указом его величества позволено будет, и оные возвращены и отданы будут, тогда оных как прежде было, особливыми улусами отнюдь не держать, но раскасовать всех врозь по своим улусам.

Протчие калмыцкие владельцы и знатные зайсанги присягали в той же силе, да сверх того, чтоб им до указу его императорского величества и до определения действительного хана быть послушными Черен Дондуку, в чем нет противности его величества интересам.

А с Дасангом и братьями его наместник ханства Черен Дондук, ханша Дарма Бала и владелец Дондук Даши помирились и письменно утвердили, и оное губернатору Волынскому отдали в такой силе, чтоб всех Чакдоржаповых детей и с их улусы с Дасангом соединить, а ему Дасангу забранной во время войны скот уступить в Черен Дондукову сторону, а ханше, Черен Дондуку и Дондук Омбе ево Дасанга в бедности питать, а ежели питать не будут, о том ему Дасангу бить челом его императорскому величеству.

На оном съезде Чакдоржаповых детей Бату и Данжин Доржи как самих, так и поверенных от них не было, а за Дондук Омбу с Дасангом договаривались зайсанги ханши Дармы Балы.

При сем случае примечается, что калмыцкие владельцы прежних шертовальных записей за присягу, или в такой они силе писаны отнюдь не признавали, да и название их, то есть шерть, не токмо российскому, но и калмыцкому языку не свойственно, а ссылались они толь-

ко на пункты размененные с князем Борисом Алексеевичем Голицыным, но что они тех шертей не знали, вероятно и потому, понеже в найденных с тех записей копиях написано, что и подлинные шертовальные записи писаны на российском языке, а по калмыцки только руки ко оным приложены. Напротив того вышеписанная, губернатором Волынским сочиненная присяга была им представлена на их калмыцком языке, по которой они между себя имели неоднократные и многолюдные съезды и советы и на оную согласились по усильным Волынского домогательствам, которая почитается за первую формальную калмыцких владельцов присягу, вследствие чего бывшие потом ханы и наместники ханства калмыцкого, в разсуждении присяги затруднения уже не чинили.

Оную же присягу [о] наместничестве Черень Дондуково и примирении с Дасангом губернатор Волынской одержал, не выпуская улусы калмыцкие из линии и не сводя учрежденных форпостов и разъездов, хотя между тем имел в получении из сената два указа о выпуске оных улусов из линии, и чтобы он по выпуске их для окончания порученной ему Волынскому комиссии, ехал и за линию в их калмыцкие улусы и тамо о том старался. А те указы воспоследовали: первой по доношению его губернатора Волынского, что калмыки намерение имели чрез тое линию итти сильно, другой по жалобе калмык покойному генералу фелтъ-маршалу князь Михаилу Голицыну на него Волынского, что будто он напредь сего по их калмыцким делам суд чинил не праведной. Но ежели б по тем указам калмыцкие улусы из линии были выпущены, то б ничего из вышеписанного одержать было ему невозможно, но все бы калмыцкие владельцы, оставя его Волынского на степи, как и Доржи Назаров учинил, по улусам бы своим разъехаться могли.

Со всем тем и в бытность калмыцких улусов внутрь линии и со всех сторон окруженных российскими войски, сколько губернатор Волынской ни старался в их присягу включить, чтобы им вообще с чужестранными народами без указу пересылок не иметь, а куда для какова дела надлежит послать, о том бы требовать позволения от губернатора астраханского и от бывшего тогда при них калмыках майора Беклемишева, но они, при всяком для соглашения о присяге съезде весьма от того отговаривались, а наконец и совсем отреклись, представляя, что им без пересылок с заграничными обойтись никак невозможно, понеже они зимою боятца кубанцов, а летом киргис-касаков, и для того как к тем, так и к другим нельзя, чтоб под другими претекстами для проведывания о их намерениях и не имеют ли воинских собраний, не посылать, а позволения требовать в скором случае времяни недостает, а в присягу включа и без ведома посылать, явятся преступниками, а ежели не посылать, то от нечаянных неприятельских нападений улусы их могут разориться.

А что по имянному указу, состоявшемуся 22 майя, велено Дасангу под рукою объявлять, чтоб он крестился, а без того и улусов его ему не отдавать, то губернатор Волынской по учинении примирения между им Дасангом и стороною наместника ханства Черен Дондука, ему Дасангу 30 сентября наедине говорил, что ежели б не указом его императорского величества улусы его велено было ему возвратить, то б ему того не получить, почему надлежит ему Дасангу такую его императорского величества высокую милость не токмо самому, но и детям его памятовать и его величеству служить верно, а особливо, когда б он Дасанг крестился, весьма б его величеству было угодно и

он бы Дасанг в особливом [был] от других защищении. Но Дасанг на то объявил, что он рад бы то учинить, но как он человек совершенных уже лет, то как ему оставить закон, в котором родился и обык, а принять новой, о котором мало и слыхал, сверх того в таком случае улусные его люди, боясь, чтоб и они поневоле окрещены не были, могли бы от него разбежаться, а один он без улусов никакой его императорскому величеству прибыли зделать не может, а впротчем он Дасанг, и в своем законе будучи, обещается его императорскому величеству всегда быть верным, а буде брат его Нитар Доржи, так как и Баксадай Доржи, пожелает креститься, в том он Дасанг противиться не будет. А потом оной брат его Нитар Доржи при свидании с губернатором Волынским от крещения, хотя прежде о том в Астрахани и просил, также отрекся.

Улусов же их, по силе вышеписанного имянного указа от наместника ханства и от протчих владельцов Волынскому в свои руки отобрать и, не отдавая их Дасангу и Нитар Дорже до другого указу, особливо содержать было невозможно затем, что оные их улусы раскосованы были врознь по всем калмыцким улусам, и по примирении его Дасанга с другими владельцами он и брат его Нитар Доржи с своими зайсангами поехали в улусы наместника ханства Черен Дондука и других владельцов, и опазнывая своих и брата их Петра Тайшина калмык, как в бытность их в линии, так и по выпуске из оной отбирали к себе по малому числу, о чем он Волынской доносил и в сенат. И на то, в полученном 28 ноября из Сената указе писано, что его императорское величество, слушав о том выписки, изволил на оной подписать собственною своею рукою тако: отдать каждому свое.

По выходе из линии улусов калмыцких, наместник ханства Черен Дондук и при нем Дасанг приезжали к ханше Дарме Бале, куда также приезжали Дондук Омбо, Дондук Даши, Бату и Данжин Доржи и положили, чтоб остаться по прежнему у Дасанга 1 000, у Баксадай Доржи пятистам, у Нитар Доржи двумстам кибиткам, а брату их Гунцук Джапу прибавить к прежним сту кибиткам сто ж кибиток, Дасангову сыну, Чидану дать вновь 400 кибиток, Дондук Даше к четыремстам прибавить 600, а Бату и Данжин Дорже каждому к 400 по 100, Дондук Дашину брату Бодонгу вновь дать 400, Дондук же Дашиным четырем меньшим братьям каждому по 200 кибиток, а оставшими за всем тем владеть Дасангу, а Баксадай Доржи имеет себе прибавку получить чрез Россию. И потом владельцы разъехались по своим улусам, и Дасанг и Дондук Даши с протчими всеми их братьями и с улусами их зимовали между Астрахани и реки Кумы в мочагах [1].

Между тем 25-го октября губернатор Волынской получил указ из сената на доношение свое, которым он представлял, что на Доржу Назарова имеет он подозрение и не знает все ль он Доржа учинит по указу и, ежели крайняя нужда принудит и без того обойтится нельзя будет, то он губернатор Черен Дондука объявит наместником ханским, хотя и Доржи будет ханом. А в том указе написано, что по оному его доношению его императорское величество сентября 26-го дня указал, чтоб он губернатор о выборе хана чинил и во всем поступал по данному ему указу и по пунктам, а Черен Дондука ханским наместником не объявлял, а ежели в Дорже Назарове подлинно увидит какую противность или по указу чего он исполнять не похочет,

[1] Могачи — топкие, низменные прибрежья Каспийского моря.

о том бы писал в сенат обстоятельно, а в ханы его до указу не определял.

А 11 ноября он Волынской получил указ из сената от 14 октября, в котором писано, что по доношениям его Волынского его императорское величество указал, ежели он губернатор Черен Дондука ханским наместником объявил, то б всеми мерами старался, чтоб получить в аманаты кого из братьев его и к тому ханскую жену склонить, и сверх того взять у него Черен Дондука реверс, что когда дети у него будут, то б дал тогда сына в аманаты.

На оные указы губернатор Волынской от 21 ноября в сенат доносил, что он Черен Дондука до указу наместником ханства объявить принужден был потому, понеже в Дорже Назарове никакой уже надежды не оставалось, а ханша и все владельцы находились в великом замешании, да и сам Черен Дондук к противной стороне склонен был, а о аманатах при таком их смятении и упоминать было невозможно, и он Волынской рад был и тому, что Черен Дондук наместничество принял, ибо то матери его Дарме Бале и Дондук Омбе с их партиею, также и Дасангу, противно было, да и братья Черен Дондуковы, Галдан Данжин и Баранг, не в ево Черен Дондуковой воли были, но в материной, из которых Галдан Данжин имел уже и свой улус и кочевал не с Черен Дондуком, но с матерью своею, и с Дондук Омбою, а она и печать Аюки хана, хранившуюся до того у знатного Аюкина зайсанга Самтана, которой был партии Черен Дондуковой, к себе отобрала. К тому ж бы и Черен Дондук, ежели б ему о аманатах не ко времени упомянуть, мог сделаться подозрительным и стал бы бегать как Доржи Назаров, и так разве впредь случай додался бы завести их в линию, причем не только у него Черен Дондука, но и от всех владельцов аманатов неволею взять будет можно.

В том же 1724 году от калмыцких междоусобей несколько человек зайсангов и с их аймаками приняты губернатором Волынским в городы Астраханской губернии и по их желаниям крещены и для пребывания оставлены были при тех городах, где которые из них быть похотели.

1725 года губернатор Волынской получил указы, в которых к нему писано:

В первом из сената от 10 февраля, чтоб бывшей хана Аюки оклад жалованья денег 1 000 рублев, муки ржеиой 2 000 четвертей — разделить на двое и одну половину давать Аюкиной жене Дарме Бале, а другую сыну ее наместнику ханства Черен Дондуку.

В другом из сената ж и от того ж числа: что ее величество государыня императрица Екатерина Алексеевна указала крещеному владельцу Петру Тайшину для безопасности его дать драгун 24 человека и с ними одного сержанта, да из Астрахани одного человека, чтоб всегда при нем был как пристав.

В третьем из сената ж от 15 февраля: чтоб оного калмыцкого владельца Петра Тайшина ежели, когда на него от братьев его или от других владельцов учинится какое нападение, охранять и в потребном случае, когда заблагоразсудится войсками оборонять, командировав из Астрахани или из Царицына и из других городов откуда и сколькими людьми разсудится, по которому от губернатора Волынского и в городы Астраханской губернии указы посланы.

В четвертом из коллегии иностранных дел от 22 февраля ж о посланных при том граматах ее императорского величества к наместнику ханства Черен Дондуку и к ханше Дарме Бале, о признании наместт-

ничества Черен Дондукова и о годовом жалованье ему и матери его Дарме Бале, при том же дано знать, что и к Шакур Ламе отправлена грамата с похвалою и послано к нему за службу его жалованья 200 червонных и на 600 рублев мяхкой рухляди.

Во окончании месяца февраля Дасанг и Нитар Доржи, будучи между Волги и Кумы на нагорной стороне, наруша мир с родными ж своими братьями от других матерей рожденными, Дондук Дашею и с протчими, в 1724 году при губернаторе Волынском учиненной, с своими и хошоутовых владельцов Лекбея и Дондука войсками, нападали на них во отмщение прежней их обиды и забрали к себе все их улусы, а некоторые разорили. А Дондук Даши, Бату и Данжин Доржи уходили тогда на луговую сторону к наместнику ханства Черен Дондуку.

И потому собирались из улусов ханши Дармы Балы, наместника ханства Черен Дондука, Дондук Омбы и других при них бывших владельцов войски с тем намерением, чтоб на Дасанга и на Нитар Доржу нападать оными с луговой стороны, а с нагорной стороны Бактагирею солтану с кубанскими войски, которые тогда при нем были в собрании для походу на Кабарду и для того хотели к нему отпустить владельца Дондук Дашу и выбирали для конвою его калмык от двух до пятисот человек; а между тем, по реке Волге лед вскрылся, к тому ж и губернатор Волынской, посылая от себя из Царицына нарочных с письмами своими к Черен Дондуку, к Дондук Даше, Бату и Данжин Дорже, оными их от нападения на Дасанга отводил, представляя им, что из такого их междуусобия иного ничего не последует, кроме кровопролития и раззорения калмыцким улусам, и обещая, что он будет стараться примирить Дасанга с ними добрым манером. Почему они от походу своего на Дасанга и от посылки Дондук Даши к Бактагирею солтану удержались и просили его губернатора, чтоб он Дасанга с ними примирил.

Тогда ж губернатор Волынской писал к переводчику, что ныне статской советник, Василью Бакунину, которой зимою, будучи при наместнике ханства, за болезнию своею отлучался в город Черной Яр, чтоб он ехал к Дасангу и склонял его дабы он с братьями своими Дондук Дашею, Бату и Данжин Доржею помирился и требовал бы от него на каких кондициях желает он мириться; также бы склонял его, чтоб он с улусами своими для безопасности с кубанской стороны, приближаясь к Царицыну, вошел в линию.

Переводчик Бакунин к Дасангу ездил, а с пути отправил наперед себя для ускорения калмыка Дамбу к Дасангу с тем, что Дондук Даши имеет намерение, перебрався Волгу ехать к Бактагирею солтану, чего б ради он Дасанг послал от себя партию и велел его перенять, и Дасанг отправлял за тем брата своего Нитар Доржу в пятистах человеках.

А прибыв он Бакунин к Дасангу, увещаниями своими склонил его итти с улусами в Царицынскую линию и к миру с братьями его Дондук Дашею и с другими, при чем Дасанг объявил, что он мириться с ними будет на том, ежели Дондук Даши, Бату и Данжин Доржи с ним Дасангом соединятся, то он даст из улусов Дондук Даше 800, брату его Бодонгу 400, меньшим их четырем братьям по 200 кибиток, а Данжин Дорже и Бату хотя и надлежало ничего не давать затем, что они прошлого году на съезде не были и на договорном о мире их письме не подписались и в том не присягали, однако ж он Дасанг и им даст по Чакдоржапову определению по 400 кибиток.

Марта 18 дня прибыл в Царицын от двора ее императорского величества крещеной владелец Петр Тайшин, при котором отпущена была и церковь походная, а при оной иеромонах Никодим Ленкеевич, да несколько учеников из Московской спаской школы для обучения калмыцкого языка и письма, чтоб впредь из них могли быть в священниках и диаконах. Тому иеромонаху, для пребывания в калмыцких улусех, определено было жалованья по 300, а ученикам каждому по 100 рублев в год.

Апреля 3 числа приезжал в Царицын к Петру Тайшину брат его Нитар Доржи, будучи в разъезде для перенятия Дондук Даши, с которым и он Петр Тайшин 5 числа апреля ж из Царицына поехал в улус свой к брату их Дасангу.

По прибытии же Петра Тайшина в калмыцкие улусы объявил он Дасангу и зайсангам, что блаженные и вечнодостойные памяти его императорское величество по крещении его Тайшина изволил ему говорить, что для него Петра Тайшина с крещеными калмыками можно недалеко от Астрахани построить город, в котором они могут зимовать, а летом кочевать, где хотят; и на то из Дасанговых первой зайсанг Биллютка, в собрании их, ему Дасангу, братьям его и зайсангам сказал, что россиане желают всех их калмык крестить и поселить и чтоб они советовали и положили на чем-нибудь на одном или б всем креститься и поселиться, или б куда-нибудь от России откочевать, а по его Биллюткину мнению, лутче им помереть в своей вере и для того б в линию не входить, а кочевать бы до времяни между Кубани и Волги по шти рекам и Манычю, к чему и Нитар Доржи пристал, и Дасанга к тому ж склонял, а Петр Тайшин уговаривал их, чтоб итти в линию, но Нитар Доржи сего и слышать не хотел и по улусам разглашал, что россиане, заманя их за линию, всех крестят или разорят.

Он же Петр Тайшин присыланным к Дасангу от Черен Дондука, ханши Дармы Балы и Шакур ламы для предложения о мире посланцам говорил, чтоб владельцы их скоряе с ними мирились, а ежели мириться не будут, то он Тайшин может калмыцкими и российскими войсками их разорить, объявляя, что по крещении его дан ему такой императорской указ, чтоб изо всех волских городов и с Дону войсками, сколько когда он потребует, чинить ему Тайшину вспоможение.

Губернатор Волынской паки для увещевания Дасанга о приходе к Царицыну посылал переводчика Василья Бакунина, которой, будучи у него Дасанга, о том ему предлагал, но получил от него такой ответ, что ныне у него в улусех есть старшей над ним меньшей брат его крещеной владелец Петр Тайшин, и чтоб он, Бакунин, о том представлял ему Тайшину и притом дал знать о опасности своей итти в линию.

Потом он, Бакунин, виделся с братом их Нитар Доржею, которой в разговорех объявил ему, что он в линию итти опасается того, первое, чтоб его за то, что он хотел креститься да солгал не повесили, другое, чтоб улусы их не крестили неволею, и третие, чтоб забранные ими у братьев их улусы не принудили их возвратить им силою. На что ему переводчик Бакунин говорил, что ежели его Нитар Доржу надлежало повесить, то б он и в бытность его пред тем у губернатора Волынского в Царицыне для того задержан быть мог, а сверх того невольное крещение и христианскому закону противно, а ежели б их за линию манили для отобрания от них братьев их улусов силою, то б прежде введения их в линию не требовано было от них на каких они

кондициях с теми братьями своими мириться желают, и что напротив того призыв им в линию чинится единственно для охранения их от их неприятелей. И Нитар Доржи требовал, чтоб он Бакунин в том, что все сие правда побожился, что он Бакунин и учинил, почему Нитар Доржи в линию итти и склонился.

После чего Дасанг, Петр Тайшин, Нитар Доржи, мачиха их Даши Бирюнь и владельцы родственник их Черен Дондук, Балбуев сын, и хошоутовы их же зятья Лекбей и Дондук с своими улусами от Астрахани прикочевали к Царицыну и, по обнадеживанию губернатором Волынским чрез нарочно присланного от Петра Тайшина, что в неволю никто крещен не будет, перешли внутрь линии, которая, как и прежде, заступлена была бригадиром Витеранием с драгунскими полками, в то ж время прибыл в Царицын полковник Дмитрей Еропкин с несколькими тысячами малороссийских войск, которых он вел на Сулак к крепости Святого Креста.

Крещение же Петра Тайшина братьям его Дасангу и Нитар Доржу было весьма противно, ибо они опасались, чтоб он при помощи российской всеми их улусами не завладел, и неволею не крестил, а к такой их опасности он Петр Тайшин и сам подал причину, гордостию своею пред ними и угрожая им, желал над ними первенствовать, вследствие чего и люди его Тайшина несколько кибиток Дасанговых разорили и тем Дасанга привели ко отчаянию, так что Нитар Доржи при одном случае Петрову заисангу Тунгулаку, крестнику покойного канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина[1], за то, что он крестился, кинжалом голову прорубил и бок проколол. При переходе же улусов их в линию Дасанг и Петр Тайшин в бытность их у губернатора Волынского, хотя им губернатором и примирены были, но вскоре потом, будучи внутрь линии, Дасанг с братом своим Нитар Доржею в окончании месяца майя зговорились его Тайшина убить, зачем Нитар Доржи в нескольких человеках в одну ночь на кибитку его Тайшина и действительно нападал, но его в той кибитке часами двумя или тремя не застал, ибо он, сведав о том чрез родственника своего владельца Балбуева сына Черен Дондука, ушел в город Дмитриевск, а оттуда привезен в Царицын к губернатору Волынскому, но жену его Петра Тайшина с домом и со всем улусом его, в котором тогда иеромонах здешней с церковию был, оной Нитар Доржи забрал и как того иеромонаха, так и церковников содержал под присмотром.

Между тем губернатор Волынской намерен был ехать из Царицына в Саратов сухим путем, при котором городе назначено было съехаться калмыцким владельцам для примирения, а напредь себя 1-го июня отправил переводчика Бакунина, а как неминуемо надобно было ехать чрез Дасанговы улусы, которые, как выше означено, уже внутрь Царицынской линии находились, то приказал [Волынский] ему Бакунину о намерениях его и братьев его разведать: и в проезд его Бакунина Нитар Доржи, будучи на дороге с нарочною партиею, зазвав его, Бакунина, к себе в кибитку, бил его палками, метался на него с кинжалом и, выведя его из кибитки, хотел его из ружья застрелить за то, что он Нитар Доржи, обнадеясь на него Бакунина присягу, вошел с улусами своими в линию, а на оную, как они видят, для воевания их собираются российские войски, проговаривая, что то ж зделает он и с губернатором Волынским, ежели он попадется в его руки; но до совершенного убийства Бакунина не допустил его Нитар Доржу

[1] Головкин, Гаврил Иванович, (1660—1734), граф, государственный канцлер.

заисанг Джалчин, прося его, чтоб он Нитар Доржи умилосердился над калмыцкими улусами, которые за то российскими войски в конец будут разорены, и когда, он, Бакунин, по отпуске его, оставя свой путь, уехал в слободу Тишанку, то он Нитар Доржи на другой день того заисанга Джалчина из ружья убил до смерти, а сам с своими войски тое слободу обступил и хотел оттуда его Бакунина доставать приступом, но между тем от губернатора Волынского прислан был донской старшина Осип Поздеев с командою и от того его Бакунина выручил.

15 июня губернатор Волынской получил указ из Сената с прописанием во оном имянного указа об отправлении к крепости Святого Креста[1] калмык 6 000 человек, о чем он преставлял наместнику ханства Черен Дондуку, но оной сказал, что ему и протчим владельцам при нем обретающимся из улусов своих, за опасностию от Дасанга, войска отправить невозможно, а когда и от Дасанга того ж было требование, он ответствовал, что и ему из его и братьев его и от хошоутовых, при нем находящихся владельцов улусов, войск отлучить опасно, чтоб с Черен Дондуковой стороны нападения на них учинено не было. И за тою их междоусобною ссорою и войски их калмыцкие не отправлены.

По отбытии же губернатора Волынского и при нем Петра Тайшина из Царицына водяным путем к Дмитриевску, Нитар Доржи, подъехав с своею партиею к Волге, искал на дороге напасть на губернатора Волынского и его и Петра Тайшина поймать или одного Петра Тайшина обманом вызвать к себе и убить и бежать на Кубань. Но губернатор Волынской, остановясь у слободы Дубовки, велел Петру Тайшину с ним Нитар Доржею чрез пересылку продолжать договоры о мире, а на него Нитар Доржу отправил сильную партию российских регулярных и нерегулярных войск, чтоб его поймать живого или убить, которая от Царицынской линии на него Нитар Доржу нападали и при том из калмык его побито около ста, да живых поймано 61 человек, а сам Нитар Доржи ушел в улусы Дасанговы. И для того губернатор Волынской писал к Дасангу с объявлением всех Нитар Доржиных злодейских поступок, как он нападал на брата своего Петра Тайшина, бил посланного от него губернатора переводчика Бакунина, и искал случая и его губернатора поймать, а сверх того, едучи от Царицына, близь слободы Тишанки заколол руских шесть человек, да по донским городкам на пашнях и в лесах многих мужеска полу колол, а женска в том числе и сущих младенцов перескверил, и лошадей и скот отгонял, где сколько найти мог, так же многих и из калмык побивал до смерти; и требовал он губернатор, чтоб он Дасанг его Нитар Доржу поймал и к нему губернатору прислал или содержал у себя под караулом.

И понеже Нитар Доржи противности чинил по большой части с согласия с Дасангом, он же Дасанг на братьев своих Дондук Дашу и других нападал и улусы их забрал, наруша постановленной между ими мир, того ради губернатор Волынской представлял в сенат и в коллегию иностранных дел, чтоб Дасанга с улусами его, для избежания вящщего их междоусобия и по бесцутству его, отдать на суд наместнику ханства Черен Дондуку, чтоб они поступили с ним, как хотят, предъявляя, что они Черен Дондук и вся противная Дасангу партия тем будут довольны, а в противном тому случае и без здешне-

[1] Крепость Св. Креста построена Петром I в 1722 г. в двадцати верстах от устья реки Сулак.

го позволения могут его Дасанга раззорить, а улусы его раскосовать, а после и сами отчаясь, что они на то поступили без указа, принуждены будут искать другой протекции и чинить противности, объявляя что ханша Дарма Бала и без того подговаривает калмыцких владельцов к отлучению от Волги к Хонтайше.

И на оное получил он губернатор из коллегии иностранных дел два указа, первой — от 27 июня, а другой — от 10 июля 1725 года, чтоб старался он владельцов калмыцких примирить и от побегу отвратить добрым способом, а в противном тому случае поступал бы с ними с оружием и, ежели он за благо разсудит, то б и Дасанга как он представлял, отдал на суд наместника ханства Черен Дондука.

И потому он губернатор призывал к городу Дмитриевску Черен Дондука, Дондук Дашу с другими его братьями, от Дасанга обиженными, которые приезжали туда в семи тысячах войска своего и, по объявлении им о том, соглашаемось было с ними, каким образом сие над Дасангом в действо произвесть. Но Дасанг, о сем от калмык сведав и видя заведенные на Царицынскую линию войски, из которых следовали тогда к Дмитриевску три полка драгунских, и две тысячи донских казаков, а сверх того случились в то же время проходом по линии и малороссийские войска, к крепости Святого Креста наряженные, да и калмыцких войск при Черен Дондук и других было немало, к тому ж и мачиха его Даши Бирюнь с улусом своим в 2000 кибитках от него отстала и пришла к Камышенке и принята под охранение российских войск, пришел от того в страх и для избавления своего от крайнего раззорения принужден брата своего Нитар Доржу за вышеписанные многие ево злодейства удавить, и сам приехал к губернатору Волынскому с раскаянием о раззорении братьев своих и, все вины возлагая на умерщвленного брата своего Нитар Доржу, предавался во всем в волю ее императорского величества и просил милосердия, представляя готовность забранные ими у Дондук Даши с братьями улусы их им возвратить и с ними примириться; почему губернатор Волынской его Дасанга на суд Черен Дондуков уже не отдал, а склонял Черен Дондука и других, чтоб они примирились с ним Дасангом добрым порядком и удовольствовались отдачею забранных им у братьев его улусов, объявляя, что главного всем злодея Нитар Доржи в живых уже нет.

Сентября 20 числа губернатор Волынской, а при нем Дасанг и Петр Тайшин из города Дмитриевска переехали через Волгу на луговую сторону, где на берегу были поставлены полатки, в которых губернатор и прежде с Черен Дондуком съезжался, а при той ставке было драгун две роты, куда того ж числа приезжал и Черен Дондук с Дасанговыми братьями, а при них было зайсангов и калмык до тысячи человек вооруженных, причем Дасанг соглашался с обиженными ими братьями своими о мире и об оставших после Чакдоржапа улусах. Обиженные требовали, чтоб оные разделить по новому Черен Дондуком, ханшею Дарма Балою, и Дондук Омбы постановлению, а Дасанг напротив того представлял, чтоб то разделение учинено было по определению отца их Чакдоржапа, с некоторою токмо прибавкою, но противная его сторона в том не согласилась и наместник ханства Черен Дондук с протчими, желая больше, чтоб им с Дасангом оставлено было управиться по их воле, не окончав оного дела, оставили до другого съезда.

А в ночи с 21 против 22 числа получено было чрез доброжелательных калмык трех человек порознь одно известие, что 21 числа от Че-

рен Дондука в калмыцкое войско отдан был приказ, чтоб все чистили ружья и точили стрелы и готовились бы все войски итти за Черен Дондуком, когда он поедет в последнее к губернатору Волынскому, для отъема у него Дасанга и Петра Тайшина.

Почему 22 числа поутру рано перевезено было с горной на луговую сторону к губернаторской ставке еще пеших драгун 400 человек и от Волынского к Черен Дондуку послан был нарочной с представлением о получении известия о его намерении и чтоб он Черен Дондук приезжал к нему для окончания их дела не со всеми войски, но по прежнему только в тысяче человек, на что посыланному Черен Дондук сказал, что когда так, то и ехать ему не зачем, и, осердясь на губернатора Волынского, того 22 сентября пошел возвратно и с калмыцкими войски в свои улусы, которые были тогда на луговой стороне выше Астрахани.

По отъезде их, губернатор Волынской возвратился в город Дмитриевск, куда приезжали к нему от владельцев первые их зайсанги, от Дасанга — Биллютина, от Петра Тайшина — Бюкюнь Манжи, от хошоутовых, от Дондука — Арал Бай, от Лекбея — Аран Джамба и от вдовы Даши Бирюня — Замьянг, и имянем владельцов своих просили, чтоб их с улусами оставить до льду внутрь Царицынской линии, представляя, что их калмыцкие междоусобии издавна продолжаются и пока владельцов их не убудет, то и мир их ничто и для того они имеют намерение, когда реки льдом покроются, собрав все свои войски итти на Черен Дондукову сторону и владельцов их перевесть, чтоб улусы их были у кого-нибудь в одних руках; и когда им в том отказано, то просили, чтоб их перепустить, для особливого их от протчих калмыцких улусов пребывания, за реку Дон в соединение к Дербетеву владельцу Четерю, куда и перепущены и тогда их всех за Доном считалось слишком 14.000 кибиток. А при Волге оставалось при Черен Дондуке и других владельцах 20.000 кибиток.

О перепуске калмыцких улусов за Дон губернатор Волынской от 27 сентября доносил ее величеству блаженные и вечно достойные памяти государыне императрице Екатерине Алексеевне, так же и в коллегию иностранных дел, и что тем оной народ разделился на двое, как и желание было блаженные и вечнодостойные памяти его величества государя императора Петра Великого, представляя при том свое мнение, что ничто так не потребно для обуздания калмыцкого неблагодарного народа токмо, чтоб они на двое разделены были, и хотя одни и пожелают куда отойти, то другая сторона, с малою прибавкою российских войск могут их к тому не допустить.

А о том же писал он Волынской и к генералу фелтьмаршалу князь Михаилу Михайловичю Голицыну[1], которой в ответ на то писал к нему Волынскому, признавая из такого калмыцких улусов за Дон перепуска такое несходство, что калмыки могут оттуда бежать к Крыму, а между тем будут у них с донскими казаками происходить ссоры, как и от одного Дербетева владельца Четеря с его улусом не без хлопот в том было, отчего калмыки равномерно злое намерение принять могут. Но на сие губернатор Волынской к нему генералу фелтьмаршалу во изъяснение писал, что Дасанг, будучи по поступкам противной ему партии оправдан и во всем удовольствован, к побегу причины не имеет, а естли б похотел отойтить, то хотя б и за Волгою был, но в зимнее время дорога ему к тому всюды свободная, как и из за Дону,

[1] Голицын, Михаил Михайлович (1675—1736), генерал-фельдмаршал.

а из за Волги то ему учинить еще и удобнее, понеже калмыки по вся зимы кочуют между Волги и Дону даже до вершин реки Кубани, и так близко с кубанцами живут, что скотские и лошадиные табуны калмыцкие с кубанскими один от других разстоянием только полдня езды конной ходят между собою и по всему за полезнея видится оставить их за Доном, ибо в бытность их тамо и воровства обыкновенного между ими и находящимися при Волге калмыцкими улусами меньше быть может, а что касается до ссор их с донскими казаками, то калмыки ізкони с казаками и ссорятца, и мирятца, а особливо казаки весьма умеют с ними в таких случаях поступать, как и из поступок Дербетева владельца Четеря видеть можно, приводя при том о Дербетях и такое обстоятельство, что когда они на Волге кочевали, тогда ни в котором другом улусе столько не было плутов и воров, сколько в Дербетях, в чем и владелец их был великой потатчик, а с Дасангом казаки, ежели умеренно будут поступать, хотя и своего не упуская, тем его конечно не отгонят.

В том же 1725-м году ханша Дарма Бала всеми ее силами старалась все калмыцкие улусы от Волги отвести в Зенгорское владение, обнадеживая сына своего Черен Дондука, что хотя Хонтайши улусы протчих их калмыцких владельцов и раскосует по своим, но ее с детьми, то есть с ним Черен Дондуком и Галдан Данжином оставит при собственных их улусах,— только Шакур лама и главные и первые по Аюке оставшие зайсанги Самтан и Яман, по внушению и старательству губернатора Волынского и имея в разсуждении Хонтайши с Данжипом поступок, тому ее намерению воспротивились, и сына ее Черен Дондука, тогдашнего наместника ханства калмыцкого, в свою сторону склонили и на последок, по многим у всех владельцов советам, положено в Зенгорской народ всеми улусами за предписанною опасностию, от Волги не отходить, но Черен Дондука на хонтайшиной дочере женить, и тое хонтайшину дочь с войсками зенгорскими, которые могут при ней быть под претекстом провожания ее и приключить вред их торгоутским улусам, или оные и силою к себе забрать, к Яику реке не допускать, а принять у них ту хонтайшину дочь на урочище Торгой и для того в настоящее время ехать туда Черен Дондуку с своими калмыцкими войски, а напредь посылали до того урочища зайсангов Самтана, и Дамрина, разведывать о пути и нет ли тамо других каких народов и можно ли от того урочища проезжать посланцам их к Далай ламе без опасения и для того в конвой дано было им из лутчих калмык две тысячи человек, каждой имея по три лошади, и те посыланные, того 1725 лета, проездили четыре месяца, а возвратясь объявили, что до того урочища пустые степи и безводные и хотя никаих народов нет, только слышно, что за Торгоем для многих, тамо находящихся народов, посланцам их к Далай ламе проезжать невозможно, потом вскоре то их сватовство пресеклось смертию Хонтайджи.

После оного Хонтайджи остались два сына, рожденные от законных его жен, первой — Галдан Черень от дочери хошоутова владельца называемой Гунге, другой — Лоузанг Шуно от дочери торгоутского хана Аюки, имянуемой Сетерджап, и последней из них при смерти отца своего Хонтайджи быть не случился, а производил тогда зенгорским войском над киргис-касаками поиски, а старшей брат его Галдан Черень по смерти отца своего зделался главным зенгорским владельцом, и тогда свою мачиху, а Лоузанг Шуноеву мать Сетержап и с двумя ее дочерми сперва ослепил, а потом и убил, то ж хотел учинить и над

братом своим Лоузанг Шуною. Но он, уведав о том, не возвращаясь в отечество, бежал из зенгорских войск на Волгу к тетке своей ханше Дарме Бале с 16 человеки калмык своих и, тамо будучи, женился на Дондук Омбиной дочери, имянумой Черен Балзанг, и в 1732-м году умер бездетен.

1726-го года владельцы Дондук Омбо и родной брат его Бокшурга и Бату Чакдоржапов с войски своими, перешед реку Дон, нападали на хошоутова владельца Лекбея и улус его раззорили и с собою забрали, токмо он Лекбей сам от них спасся бегом, да он же Дондук Омбо под казачьим городком Чирами взял казаков шесть человек, из которых двоих после отдал на окуп.

По его ж Дондук Омбину приказу, посыланные от него под Черной Яр сто человек его калмык поимали черноярцов подьячего и еще двух человек, которых он Дондук Омбо по многим к нему посылкам не отдал, требуя, чтоб наперед освобождены были пойманные на действительном воровстве из его калмык два человека.

В том же 1726-м году от стороны наместника ханства Черен Дондука, Дондук Омбы и других их партий владельцов на улусы, за Доном бывшие, Дасанга, Петра Тайшина, мачихи их Даши Бирюня, хошоутова владельца Дондука и Дербетева Четеря чинены частые набеги, для отгону скота посылкою партей, чем столько их обезпокоили, что наконец они владельцы все с своими улусами принуждены были им покориться и, перешед возвратно через Дон, отдатца в их волю и кочевать с ними при Волге. Причем уже и Чакдоржаповы дети ими примирены и улусами разделены по последнему Черен Дондукову, матери его Дармы Балы и Дондук Омбы постановлению, о котором писано выше сего.

В том же 1726 году осенью, в бытность калмыцких улусов на луговой стороне Волги, приходили на них киргис-касацкие Средней орды Шемяки хан, Барак Солтан, Меньшей орды Абулхаир хан и Ишим солтан в 10.000 войска своего и, перешед через реку Яик, нападали между устей Яика и Волги на улус владельца Лубжи (Доржи Назарова сына) и оной разорили и людей, сколько могли застать побили, а жен их и детей и весь скот взяли в добычю и отправили от себя еще две партии, состоящие одну в тысяче, а другую в трехстах человеках в морские косы для поиску протчих кроющихся от них калмыцких улусов, а сами с тою добычею по малу возвращались.

Тогда наместник ханства Черен Дондук, брат его Галдан Данжин, Шакур лама и владельцы Доржи Назаров, Дондук Омбо, Дондук Даши и братья его с войски своими в 20.000 человек за киргис касаками ходили в погоню по следам их, и сперва выше писанные киргис касацкие две партии, изъехав и загнав их в морские косы, всех побили и в воде потопили, а потом и всех киргис-касак догнали, не допустя до реки Яика, и в степи всеми силами атаковали, а киргис-касаки, видя калмыцкую превосходную силу, принуждены и на безводном месте остановиться и для защищения своего с четырех сторон обрываться землею и, перерезав верблюдов, лошадей и рогатой скот, окладываться на подобие вала и от калмык отстреливались, а добычю свою, состоящую в людех и скоте, имели в средине своего стану. Калмыки же делали на них нападение с трех сторон, оставляя одну сторону к реке Яику пустую. А сие чинили в таком намерении, чтоб их киргис-касак допустить к ретираде и, тем, выманя из укрепления, удобнее было на них напасть, и по рукам разобрать, но они киргис-касаки, хотя и на безводном месте были атакованы, однако ж,

четверы сутки будучи в осаде от калмык отстреливались и наконец, с калмыками помирились и словесно договорились на таких кондициях, чтоб их киргис-касак всех и с ружьем их отпустить, а забранных из калмыцких улусов жен, детей, имение и скот возвратить к калмыкам, а при том и из собственных лошадей киргис-касакам оставить для каждого человека только по одной, а лишних отдать им же калмыкам, а впредь на них калмык нападеней и воровских набегов не чинить и мир содержать через столько лет, как в то время родившейся младенец придет в возраст и в состоянии будет на лошади ездить и сайдаком владеть. В чем и присягали с калмыцкой стороны наместник ханства Черен Дондук, владельцы Доржи Назаров, Дондук Омбо и Галдан Данжин, а с киргис-касацкой стороны Шемяки, Абулхаир ханы, Барак и Ишим солтаны, а сверх того калмыки взяли от киргис-касак и аманатов шестьдесят человек, между которыми были и знатные их старшины: Эшеть Батырь, Букенбай Батырь и другие.

Но ежели б калмыки по прошествии четырех суток еще киргис-касак в осаде сутки двои продержали, то б и совсем их по рукам разобрать могли, но до того протчих калмыцких владельцов советами и прошениями своими не допустили Доржи Назаров и дети его для того, что из бывших внутрь киргис-касацкого стана калмыцких малолетных детей много померло, а из знатных калмыцких жен киргис-касаки несколько перерезали и тела их к калмыкам выбрасывали, чтоб они, видя такую их киргис-касацкую злость, осаду оставили, почему и принуждены владельцы калмыцкие с ними на вышеписанном договоре помириться.

При сем случае надлежит приметить калмыцкое обыкновение, что они, по причине опасности своей от соседних им лехких народов, то есть кубанцов и киргис-касак, по край своих улусов содержат заставы и когда получат известие о приближении к ним неприятеля, то на встречю того неприятеля с войски своими никогда не выходят, но каждой улус, спасая себя бежит вдаль и как верблюды с вьюками ведены, так и стада конские и скотские гонимы бывают калмычками и малолетными детьми, а сами калмыки на лутчих лошадях и вооруженные следуют позади своих улусов для отпору от неприятеля. А на встречю неприятелю не выходят для того, что как со обоих около их сторон весьма пространные степи, то в случае выхода их войск навстречю неприятеля могут, с оным разойтится, а неприятель, пришед на их улусы без них, большее оным разорение приключа и в возвратной свой поход калмыцкое войско миновать и в свою сторону с добычею уйти может. А когда неприятель с добычею или без добычи от их улусов назад возвращается, и тогда калмыки собирают свои войска, и ходят за неприятелем по следам их и, догнав их, с ними дерутся с лутчим успехом, потому что неприятели как сами, так и лошади бывают от похода уже утомленные, а за калмыками из их улусов, время от времяни, войска их прибывают, как они поступили и при вышеозначенном случае с киргис-касаками.

В 1726 году крещеной владелец Петр Тайшин через посланца своего здесь просил о строении городка близь Астрахани и о крещении других калмыцких владельцов подданных и чтоб им быть при нем Петре Тайшине. Но на то к нему от покойного канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина писано, что вскоре решения о том учинить невозможно, за неполучением от него Петра Тайшина известия, где он по переходе через Дон к Волге подлинно кочевать будет.

В 1727 году калмыки, соединясь с турецким бунтовщиком, бывшим

на Кубане, сераскером Бактагирей солтаном, партиями почасту набегали на Кубань и Крым и при Бактагирее всегда неотлучно по нескольку их калмык в степи жили и чинили как оные, так и протчие калмыки, кубанским и крымским жителям великие разорения. По сей причине от турецкого двора через здешнего в Константинополе бывшего резидента (что ныне действительной тайной советник) Ивана Ивановича Неплюева[1] произведены имянем самого султана на них калмык жалобы и великие выговоры, а имянно, что Бактагирей Дели солтан в землях российских находится и соединясь с калмыками чинят набегами разорение в области отоманской империи, за которыми татара ездили неоднократно, но оные уходят в российские земли, а далее границ им татарам ездить указом султанским запрещено и что сие уже несносно татарам чинится, и хан крымской их татар больше воздерживать не может. И от несносного им татарам раззорения принуждены они будут за калмыками вслед и заграницу ездить, где их постигнуть могут. И тако Порта не токмо на сие скорой резолюции требовала, но внушала с угрозами, что дастся позволение татарам нападения в российские границы чинить и чтоб оного Бактагирея велеть поймать или убить, о чем и в 1728 году чрез того же резидента наисильнейшее требование от Порты было учинено.

С того ж 1727 года калмыки по Волге российских жителей и проезжих нагло разбивали, грабили, били и в полон брали, и за тем проезжие с нуждою спасались, они ж у Царицына и выше того города между донских казачьих городков и российских деревень, также и около Черемшанских форпостов и тамошних пригородков Алексеевска, Сергиевска и протчих, разъезжая многолюдными партиями, то ж чинили и как из оных мест, так и от Яицкого казачьего городка конские и скотские стада отгоняли, что происходило попущением владельцов, а паче Дондук Омбы. И так только через два года то есть 1727 и 1728 годов калмыками у россиян (сколько возможно было письменного известия собрать), деньгами, товарами, вещами и платьем пограблено на 34 446 рублев, да угнано лошадей и рогатой скотины 2 168, да людей в полон взятых семнадцать и побито до смерти 15 человек. И хотя к наместнику ханства Черен Дондуку о всем том писано грамотами и письмами канцелярскими и требовано о пресечении воровства в российских жилищах и в турецкой области, но Черен Дондук калмык унять от того не мог, а в ответ на оное писал, что то они чинили без его ведома.

И для того в том же 1727 году по определению верховного тайного совета от Царицына и за Саратов при Волге по нагорной стороне каждого лета стояло на фарпостах по 900 человек казаков, в том числе 300 из волских городов, 300 из донских и 300 из слободских полков на особливом жаловании.

Того же 1727 года в летнее время подполковник Беклемишев, по ордеру от покойного генерала фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына, с означенным Бактагиреем солтаном между городов Царицына и Черного Яру на берегу Волги, на нагорной стороне, при посредствии калмыцких владельцов Бату и Дондук Даши, виделся и призывал его Бактагирея под российскую протекцию с тем, что, как скоро время будет, тогда б его Бактагирея с калмыками послать на

[1] Неплюев, Иван Иванович (1693—1773), в 1721 г. посол в Константинополе, потом наместник Оренбургского края. Активный проводник колонизаторской политики русского царизма. Организовал подавление башкирского восстания 1755—1757 гг. В 1760 г. назначен сенатором.

Кубань и на Крым и, где потребно и они пожелают, российскими войсками им вспомогаемо будет и приложится старание его Бактагирея возставить в прежнее его состояние и возвратить ему юрты ево, а между тем позволится ему жить в калмыцких улусах и давано будет ему жалованье, и всякое довольствие показывано, только б он сперва для соглашения о том съездил к генералу фельдмаршалу князь Михайлу Михайловичю Голицыну, но он, Бактагирей, ко вступлению в российской город склонности не показал, да и калмыки того не желали, имея намерение, чтобы Бахтагирею жить при них и обще с ним ходить на Кубань для воровства, а паче помешательством в том был Дондук Омбо, а к поимке и убивству оного Бактагирея он Беклемишев способу не сыскал.

Потом получены здесь от подполковника Беклемишева известии, да и сам наместник ханства Черен Дондук сюда писал, что они калмыцкие владельцы намерены все итти на Кубань для забрания к себе джетысан и джембуйлук. Почему еще отправлены граматы к наместнику ханства Черен Дондуку, также к матере его Дарме Бале, владельцу Дорже Назарову и к Шакур ламе, дабы они от того предприятого намерения к походу на Кубань весьма удержались, объявляя им, что такое их намерение не токмо противно, но может чрез то учинится повреждение имеющемуся между Россиею и Турциею вечному миру и им самим от того великая опасность и разорение и притом им подтверждено, чтоб они и на отбирание джетысан и джембуилук собою отнюдь не поступали и никаких обид кубанцам и крымцам и другим подданным турским не чинили, и к Бактагирею Дели солтану не приставали, и в намерениях его не вспомогали, о чем им владельцам и другими грамотами подтверждено.

1728 года генваря 17-го дня по определению верховного тайного совета, указом астраханскому губернатору Менгдену предписано, чтоб в городех и селех по Волге лежащих, астраханским татарам и яицким казакам под смертным страхом запретить калмыкам отнюдь не продавать и безденежно не ссужать и ни под каким видом не давать, как пред тем от некоторых из россиян произошло, ружья, пороху, свинцу, стали, меди и железа во всякой работе, какого б звания ни было, кроме одних чюгунных котлов, и в жалованье им калмыкам того всего, хотя напредь сего и давано, не давать же, объявляя им, что удержано сие за то, что они калмыки, получая, то употребляют на подданных российских, приходя в жилища их для воровства, они ж за запретительными указами ходят на Кубань и на другие турской области места.

По тому ж верховного тайного совета определению с 1728 года для прикрытия российских жилищ от таких калмыцких воровских набегов, сверх сухопутных форпостов учреждены были от Астрахани до Саратова в каждом городе по 20 лодок разшивных, в которых по Волге разъезд имели солдаты из полков астраханского гарнизона. И которые воровские калмыки сухопутными форпостами и водяными разъездами были поиманы, оными розыскивано, а некоторые из них за убийство и повешены. И те калмыцкие воровские набеги продолжались, и форпосты содержаны до их калмыцкого междоусобия, учинившегося в ноябре 1731 года.

По выше писанному ж верховного тайного совета определению, отправлены в калмыцкие улусы полковник (что потом был действительной тайной советник) Иван Иванович Бахметев, да на Дон генерал майор Тараканов, которым поручено: первому Бахметеву: калмык

от походу на Кубань удержать, а Бактагирея Дели солтана призывать в здешнюю протекцию с выше писанным обнадеживанием, а ежели наместник ханства скажет, что они калмыки действительно оное их намерение учинить хотят и на Кубань пойдут, и полковнику Бахметеву говорить ему наместнику ханства, что в таком случае велено против их употребить приготовленные для того войски, а имянно, бывшие в тамошней стороне драгунские полки, и всех донских казаков, и от того походу их удерживать и за Волгу не перепустить, и для того оные войска расставить по Волге, о чем всем и грамоты к наместнику ханства Черен Дондуку и другим владельцам отсюда были посланы.

Другому, Тараканову: чрез донского войскового атамана Лопатина стараться Бактагирея поимать или убить (о сем последнем обстоятельстве желание было турецкого двора) и голову его отсекши привезти, а здешнее намерение в том больше состояло, чтоб его Бактагирея, поимав, содержать во всяком довольствии и тем покой обоюдных подданных утвердить, обещая притом, кто его Бактагирея поймает или убьет до 5 000 рублев, и употребляя к тому верных и надежных людей, чтобы секрет о сем пронесен не был, и от оного генерал майора Тараканова, по совету донского атамана Лопатина посланы были из Черкаска для убийства Бактагирея три человека калмык, которым и денег в число 5 000 рублев несколько дано было вперед. Но оные, приехав к нему Бактагирею, весь секрет сами ему объявили, и он, их подаря, от себя отпустил.

По тому ж определению верховного тайного совета, в указе к подполковнику Беклемишеву писано, что, повидимому, меж калмык паче всех враг и злодей и противник — Дондук Омбо и подобен он бывшему возмутителю Нитар Дорже, и для того ему Беклемишеву стараться и изыскивать такова способа, как бы того злодея Дондук Омбу убить, обнадеживая, кто учинит, сие награждение, не жалея денег, как и помянутой Нитар промыслом губернатора Волынского изведен, ибо когда б можно было его Дондук Омбу достать и умертвить, чтоб и другие владельцы, видя сие, спокойнее и послушнее были, да и Бактагирей бы от них калмык отстал.

Но подполковник Беклемишев к изведению Дондук Омбы способов не нашел. Черен же Дондук и все протчие калмыцкие владельцы со всеми своими силами еще до приезда полковника Бахметева в Царицын, ходили на Кубань и тамо Бактагирея Дели солтана возставили по прежнему сераскером, токмо до приходу его Бактагирея с войсками калмыцкими на Кубань, турки успели нагайцов джетысан и джембуилук чрез Крым перевесть в том же 1728-м году в Белогородскую орду, дабы их калмыки не взяли к себе по прежнему на Волгу или б они и собою к ним не ушли.

В то ж время калмыки приняли к себе другова турецкого бунтовщика Джан Темиря Ширинбея Аджи, которой в Крыму по хане был первым.

Полковник Бахметев и подполковник Беклемишев, по возвращении калмыцких войск с Кубани, наместнику ханства Черен Дондуку и матере его Дарме Бале, при сыне ж ее Галдан Данжине и при Дондук Даше и при хонтайшине сыне Лоузане Шуно и оному Дондук Даше особливо и заисангам Яману и Самтану и Шакур ламе о Бактагирее и о Джан Темире, чтоб они к себе их не принимали и согласия с ними никакова не имели и не ходили б в области оттоманской Порты,

предлагали, при чем и о милостях императорских величеств, показанных к их народу и к нему наместнику, объявляли и под рукою ограживали их российскими войски и в страх приводили, но от них в ответ слышали, что ежели б они калмыки, согласясь, ходили войною в российские жилищи, и в том бы весьма были винны и что и прежде их владельцы на Кубань хаживали и за то на них гнева императорского не было. И сколько они Бахметев и Беклемишев ни старались, чтоб того Джан Темиря калмыки отдали в российскую сторону или от себя отослали прочь, и сами они Бахметев и Беклемишев с Джан Темирем разговаривали и к нему подсылали, только того ничего одержать не могли, а поймать и у себя удержать его Джан Темиря им Бахметеву и Беклемишеву, будучи в калмыцких улусех в малолюдствии, было невозможно, И приметили они, что наместника ханства калмыцкого Черен Дондука можно б склонить ко всякому добру, но все те противности чинятца факциею матери его Дармы Балы и владельца Дондук Омбы, которой по письму к нему от реченной ханши Дармы Балы (в котором она писала, что зайсанг ево Зундуй к нему недоброжелателен, но ищет живота его) он Дондук Омбо означенного зайсанга своего и с двумя сыновьями его Сагою и Харцагою и мужеска полу детей их малолетных до последнего младенца пред собою умертвил, а третей ево ж Зундуев сын Зунтар бегал и скрывался по разным улусам, а тот зайсанг Зундуй у него был первой и во всех улусех весьма знатной.

От 29 августа они Бахметев и Беклемишев в Коллегию иностранных дел доношением своим представляли, что Шакур лама июня 28 дня им Бахметеву и Беклемишеву вызвался, что которые из владельцов их впредь будут указом не послушны, то из них некоторых можно и войски унять, объявляя, что без того вовсе не уставятся. Итак, по вышеписанным обстоятельствам, они Бахметев и Беклемишев мнение свое представляли, что не худо противника Дондук Омбу смирить оружием, и хотя бы над ним самим по случаю чего [и] не учинилось, а улус бы ево был разорен, то уже одному ему делать будет нечево, но принужден будет скитатца, также как Бактагирей и Джан Темирь, или просить прежней протекции, да и другим бы всем владельцам был от того действительной страх, и нужда бы ему была противные свои замыслы отменить; а без того, сколько как ни трудиться, то добра из него надеяться не можно, а единолично над ним ни за какие деньги ничего учинить невозможно, ибо содержит себя в великой предосторожности.

Они ж Бахметев и Беклемишев в коллегию доносили ноября от 7 от 25 да от 28 чисел, что, по известию из разных мест, о согласии Дондук Омбы и зятя его, а Дербетева владельца Четерева сына Гунги с Бактагиреем Дели солтаном к нападению на донские казачьи городки он же Дондук Омбо ищет, чтоб принят был в турецкое подданство и кочевать бы ему в турецкой области и чаятельно, что сие намерение есть к нападению сперва на казачьи, а потом на малороссийские городы и такожде не оставят и на реке Волге ниже Царицына воровать, и есть опасность, дабы он Дондук Омбо и весь калмыцкой народ не склонил к принятию турецкой протекции. И для сих опасностей писали они Бахметев и Беклемишев к генералу фельдмаршалу князю Голицыну, предлагая свое мнение, что потребно ниже Царицынской линии по донским казачьим городкам умножить войск, которыми б будущею весною (ежели зимою ничего не зделают) улус означенного Дондук Омбы разорить, почему от оного генерала фельд-

маршала и расставлены были по Дону драгунских два полка, и нарочно приготовленные донские казаки 2 000 человек.

Того ж 1728 года ноября 15 числа калмыцкой зенгорской владелец Даши Батур Тайджи с детьми и с улусными своими калмыки в 280 кибитках бежал с Дону от Черкаска к Азову, а оттуда на Кубань, а чрез некоторое время возвратился по прежнему на Волгу в калмыцкие улусы.

Полковник Бахметев и подполковник Беклемишев от 14 декабря в коллегию доносили, что калмыцкие владельцы имели совет, что им с россианы воеватца или нет, и ханша Дарма Бала воеватца им запрещала и положила, что жить им по прежнему, только владельцам Дондук Омбе и зятю его Гунга Доржи итти на Дон и от Черкаска забрать всех калмык.

1729-го года февраля 3 дня в верховном тайном совете, по представлению коллегии иностранных дел и по слушании ведомостей о калмыцких противных замыслах, а особливо владельца Дондук Омбы и зятя его, а Четерева сына Гунги к нападению на донские казачьи городки и что Дондук Омбо искал быть в турецком подданстве и по довольном разсуждении определено: понеже владелец Дондук Омбо давно уже был указам императорским не послушен и во всем противен и по многим увещаниям от противностей не престал и посылая калмык многажды на российские жилища, разорения чинил и людей побрал и, скот отгоняя, не отдавал и других владельцов к таким же противностям всегда склонял и подущал, а особливо что напоследи открылось противное его намерение и умысел на донские городы нападение учинить и быть в турецком подданстве и имел всегда пересылку с Бактагиреем и азовским пашею,— сего ради потребно, упреждая то зло, зделать, чтоб того противника Дондук Омбу каким способом убить или умертвить и тем протчих калмыцких владельцов в страх и в послушание привесть. Ежели же такова способа, что ево Дондук Омбу одного убить или умертвить, сыскать не можно, то послав войска улус ево весь раззорить, как и Шакур лама советовал, чтоб ево войски унять и то поручить генералу фелдмаршалу князю Голицыну, о чем к нему и указ послан.

Между тем оной генерал фельдмаршал от 4 апреля доносил, что, по его мнению, владельца Дондук Омбу весьма надобно искоренить, употребя для того войск регулярных 2 000 человек и столько ж донских казаков и сверх того определенных при калмыцких делах казаков же 900 человек, со обещанием денежной платы, приготовя оные войска у Петровска или у Саратова, где удобнее и безопаснее, хотя и на луговой стороне.

В верховном тайном совете 2 майя того ж 1729 года по полученным ведомостям, что калмыцкие улусы для летования перешли с нагорной на луговую Волги реки сторону, решено оному генералу фельдмаршалу по означенным ведомостям регулярных двух полков за Волгу на луговую сторону не посылать, а велеть им стоять при Царицынской линии, или в ином пристойном месте, разве бы те ведомости отменились, в каковом случае поступать ему генералу фельдмаршалу по данным ему указам и по своему разсмотрению, не описываясь, и о том к нему указ послан.

По возстановлении калмыцкими владельцами крымского противника Бактагирея Дели солтана по прежнему кубанским сераскером, оной Бактагирей, имея при себе кабардинского кашкатовского владельца Арсланбека Кайтукина, в 1729 году со всею кубанскою силою ходил

под Кабарду на Баксанских владельцов, которые, свои домы и скот убрав в горы, сами с войсками своими при горах в тесном между речек месте ожидали Бактагирея и тут с ним учинили бой и его самого со многими убили и кубанское его войско разбили, от чего и Арсланбек принужден был бежать на Кубань.

В том же 1729 году тогдашней хан крымской писал к генералу фельдмаршалу князю Михайлу Михайловичю Голицыну, требуя, дабы бывшего в калмыцких улусах другого турецкого бунтовщика Джан Темиря и с людьми его поимать и отдать или убить, а напротив того, он хан крымской с своей стороны уступит забранных калмыками людей и скот. И он генерал фельдмаршал поручил искать способов того Джан Темиря во удовольствие Порты Оттоманской поймать или убить полковнику Бахметеву и подполковнику Беклемишеву, а ежели они удобных к тому мер сыскать не могут, то б видеться им с Черен Дондуком и о той турецкой на них претензии объявить и при том требовать у него секретно отдачи помянутого Джан Темиря, а последнее объявить, чтоб ево Джан Темиря у себя отнюдь не держали, а выбили вон, что все и грамотою от 11 ноября того ж 1729 года отсюда к наместнику ханства Черен Дондуку было подтверждено.

И хотя оной Джан Темир и в собственных Черен Дондуковых улусах жил, однако ж он ево Джан Темиря не выдал и из улусов своих не выслал, а принужден потом хан крымской вызвать его Джан Темиря к себе по прежнему в Крым на пороль.

В том же 1729 году присыланы в Москву посланцы от наместника ханства Черен Дондука, от Шакур ламы и от владельцов Доржи Назарова и Дондук Омбы чрез которых просили они: Черен Дондук об отпуске посланцов его к Далай-ламе для отвозу туда пеплу отца его Аюки хана: Шакур Лама и Доржи Назаров о позволении самим им туда ехать; Дондук Омбо, донося, якобы, о чинимых от него к российскому государству противностях, донесено на него неправедно, просил, чтоб о том повелено было кому нибудь у него выслушать и оставить его без сумнения.

И по тем их прошениям и по определениям коллегии иностранных дел отправлены к ним от покойного канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина письма и во оных к ним писано.

К наместнику ханства Черен Дондуку о данном ему позволении отправить посланцов его чрез Сибирь к Далай-ламе и что о даче им подвод и кормовых денег с возвратом в надлежащие места указы посланы.

К Шакур ламе со объявлением указа императорского, что как он, по доброжелательству его к калмыцкому народу для содержания оного, да и самих владельцов в добром порядке при всяких случаях потребен и для того б он Шакур лама от такого намерения своего удержался, к Далай ламе не ездил и из калмыцких улусов никуда не отлучался, к Далай же ламе может он Шакур лама отправить от себя кого другова, и при том для такой посылки на иждивение послано к нему Шакур ламе жалованья 200 червонных.

К Доржe Назарову: что ему самому к Далай-ламе ехать позволяется, и о даче ему подвод и проводников в надлежащие места указы посланы, но притом ему дано знать, что, понеже, сын его Лужба с калмыцким войском за многими отсюда запрещениями в 1728-м году с турецким бунтовщиком Бактагиреем ходил на Кубань, и для того б он Доржи Назаров детям своим, при отъезде его из калмыцких улусов,

дал наставление, чтоб они впредь таких противных поступок не чинили.

К Дондук Омбе, что указом ее императорского величества велено с ним видеться полковнику Бахметеву и подполковнику Беклемишеву и по прошению его оправдание у него выслушать и о том с ним пространее говорить и сюда доносить.

А Бахметеву и Беклемишеву указом велено съехаться для того с ним Дондук Омбою в пристойном месте, причем, ежели они в самом деле усмотрят его Дондук Омбино от противностей отвращение и склонность к верности, и даст он в том по своему закону обещание, в таком бы случае обнадежили его, якобы от себя, прощением во всех его преступлениях.

И потому в декабре месяце 1729 года отправлены были чрез Саратов, Казань и Сибирь к Далай ламе посланцами: от ханши Дармы Балы Намки Гелен; от Черен Дондука, Батур Омбо; от Шакур Ламы, Балдан Габцу; от Доржи Назарова, Шарап Данжин; от Дасанга, Лоузанг Норбу Гелен; от Дондук Даши, Иши Цой Гелен; а всех 40 человек.

С теми посланцами отпущено было заграницу товаров по цене до трех тысяч рублев беспошлинно.

А от Дондук Омбо посланцов при том не отправлено, затем что он в то время со всеми вышеписанными владельцами был в несогласии, да и Доржи Назаров сам, хотя и позволение имел, не поехал, а остался до смерти своей в калмыцких улусех.

По отправлении тех посланцов полковник Бахметев, получа отзывной ордер от генерала фельдмаршала князь Михайла Михайловича Голицына, возвратился в Москву.

Дондук же Омбо для представления своего оправдания к подполковнику Беклемишеву не отзывался и к себе его не призывал, а без того Беклемишев к нему ехать опасался, чтоб он чего с ним противного не учинил, ибо и посыланных от него с письмами его заисанговыми делами[1] по немалому времяни держивал у себя под караулом.

С выше писанными калмыцкими посланцами, к Далай-ламе отправленными, из Тобольска от Сибирского губернатора тайного советника Плещеева посланы были в приставках дворянин и толмач, которым от него губернатора приказано было ехать с теми посланцами до Далай-ламы, но посланцы, доехав на границу китайскую, с собою их далее не взяли и с границы возвратили, а сами поехали в Пекин.

В 1730 году наместник ханства Черен Дондук и мать его Дарма Бала присланными сюда листами своими просили, чтоб калмык их для крещения в российские городы не принимать. И на то им письмами канцелярскими ответствовано, что о сем в шертовальных записях в 1677 и 1684 годех, которые учинены на съездах с ханом Аюкою и с протчими калмыцкими владельцами, написано: которые калмыки по своим желательствам похотят в православную христанскую веру креститься, и тех им владельцам и улусным их людем не просить и императорскому величеству не бить челом.

В том же 1730 году бывшей при Петре Тайшине иеромонах Никодим Ленкеевич доносил, что он Петр Тайшин о подчиненных своих крещеных калмыках не точию старания не имел, но и малых их детей крестить отвращал и, хотя и он сам святое крещение принял, однако ж больше с своими попами, нежели с православными имел сообщение;

[1] Так в подлиннике.

а когда получал жалованье, то из оного раздавал некрещеным калмыкам и попам моления ради идолом.

1731 года генваря 13 дня прибыл в Москву китайской посол Асхани Амба Туши, имея при себе двух товарищей из манжур, да двух мунгальских начальников. С ними же прибыл другой китайской посол отправленной к калмыцким владельцам, Мерен Зангин Мандай с одним товарищем из манжур и двумя начальниками мунгальскими.

Они все девятеро были на публичной аудиенции у ее величества блаженные памяти государыни императрицы Анны Иоанновны того ж генваря 26 числа.

А потом о делах им порученных выслушали у них, будучи в сенатском парламенте, здешние министры: граф Гаврила Иванович Головкин, граф Остерман [1], граф Павел Иванович Ягужинской [2], князь Алексей Михайлович Черкаской [3] и господин тайной советник Степанов. Причем, главной посол Асхани Амба Туши, показывая подле себя сидящего Мерен Зангина Мандая, представлял, что оной отправлен от их Бокдохана с указом и с жалованием к наследнику Аюки хана торгоутского для требования, чтобы он с своей стороны на зенгорских калмык чинил поиски и для вызову в их китайскую армию Хонтайшина сына, а настоящего тогда зенгорского владельца Галдан Череня брата Лоузанг Шуна, и о немедленном оного туда отправлении просил усильно, объявляя, что он возвращения их будет ожидать в Тобольску, дабы ко двору своему возвратиться им вместе.

На что здешние министры ему сказали, что Торгоутской народ издревле находится в действительном подданстве ее императорского величества и что без указу ее величества на требование их поступить не может и для того и посольства к ним отправлять не для чего. Но китайской посол говорил, что при их китайском дворе о подданстве торгоутского народа Российской империи известия не было и притом ссылался на продолжающуюся между российского и китайского дворов дружбу о позволении на отправление в улусы калмыцкие того их посольства усильно домогался, почему министры сняли на доношение ее императорскому величеству [4].

А при другой конференции отправить им выше писанного их посла в калмыцкие улусы позволено.

В бытность сего китайского посольства в Москве, здешним министерством принято сумнение, что не имели [ль] они от Богдохана указа — наместника ханства Черен Дондука объявить ханом калмыцким и для того февраля 17-го дня по имянному ее императорского величества указу, записанному в Коллегии иностранных дел за рукою покойного канцлера графа Головкина, оной наместник ханства Черен Дондук пожалован в ханы калмыцкие и велено для объявления его ханом послать из Москвы нарочную персону, а ему Черен Дондуку дать в знак ханства саблю, панцырь, да шубу соболью, покрыв золотною парчею, и шапку соболью и объявительные грамоты, как к нему

---

[1] Остерман, Андрей Иванович (1686—1747), граф, дипломат, имел большое влияние на внешние сношения России. После дворцового переворота в 1741 г. был сослан в Березов, где и умер.

[2] Ягужинский, Павел Иванович (1683—1736), граф, один из видных деятелей времен Петра I.

[3] Черкасский, Алексей Михайлович (1680—1742), князь.

[4] Так в подлиннике.

Черен Дондуку, к матери ево и к Шакур Ламе, так и к протчим владельцам, а на ханство ему дать и особую грамату.

И потому отправлен был отсюда в калмыцкие улусы господин генерал майор Иван Измайлов, которой тогда ж определен был в Астрахань губернатором, и с оным посланы выше означенные грамоты и на ханство Черен Дондуку знаки, а имянно: сабля оправная, панцырь с наручи и с протчим убором, да шуба и шапка соболья, покрытые парчею, и на дачю Черен Дондуковой матери Дарме Бале 100 червонных, два меха лисьи и на покрышку парчи золотной 13 аршин, Шакур Ламе 100 ж червонных, сукна шесть аршин и 2 меха лисьи, да на другие тамошние росходы дано ему губернатору 300 червонных.

С 1 числа марта дана ему инструкция, апробованная в сенате, которою велено ему ехать немедленно в калмыцкие улусы и, взяв с собою подполковника Беклемишева, объявить Черен Дондука ханом и привесть его к присяге, склоняя его к принятию того добрым способом и стараяся, чтоб при том случае были Шакур Лама и из владельцов, которые в близости кочуют, и знатные заисанги, а хотя бы в близости при нем Черен Дондуке владельцов и не случилось, а он Черен Дондук присягу подпишет, то однако ж тот чин ханства ему объявить и посланные с ним грамоты и знаки ханства отдать, а потом и к владельцам грамоты разослать.

Измайлов, имея при себе подполковника Беклемишева, виделся с Черен Дондуком против Дмитриевска за Волгою на луговой стороне и объявил его ханом 1 числа майя при Шакур Ламе и при знатных заисангах, взяв при том у него Черен Дондука присягу и отдал ему грамоты и знаки на ханство, а к матери его и к другим владельцам о том грамоты разослал.

Присяга же у хана Черен Дондука взята им Измайловым по сочиненной здесь форме и состояла в том, чтоб ему хану Черен Дондуку служить ее императорскому величеству, и высоким ее величества наследникам верно, и все по ее императорского величества указам исполнять и все то содержать, что отец его Аюка хан при учинении присяги своей обещал.

18 того ж майя именным указом, в коллегии иностранных дел, за рукою канцлера и вице канцлера записанным, подполковник Беклемишев за долговремянное его при калмыцких делах бытие и показанные службы, а особливо при объявлении Черен Дондука ханом, пожалован в полковники.

При сем приметить надлежит, что 1724 года бывшей тогда астраханской губернатор Волынской, по получении в Москве из коллегии иностранных дел инструкции о объявлении калмыцким ханом владельца Доржи Назарова представил оной коллегии 13 мая доношением, что не соизволено ль будет от его императорского величества пожаловать тому новому хану саблю, панцырь с наручами и с протчим прибором и щит, дабы сие калмыки почитали во знак ханства, и, может быть, у них в обычай сие со временем войдет, что кому того не будет дано, тот за прямова хана не примется. И на оное в указе из коллегии иностранных дел к нему Волынскому, между другим, дано знать, что его императорское величество государь Петр Великий, будучи в доме князя Меншикова майя 22 дня, указал для дачи оному новому хану, взяв из оружейной палаты, послать саблю, панцырь с наручами, да ерихонку, или из лутчих мисюрку, дабы сие калмыки во знак к нему его императорского величества милости почитали, и впредь бы то им в обычай со времянем приттить могло.

И хотя такие на ханство знаки и действительно к губернатору Волынскому были присланы, но понеже Доржи Назаров от ханства отрекся, а Черен Дондуку яко б без указу наместником ханства им Волынским объявленному, тех знаков дать он не мог и для того отослал оные возвратно в Москву.

Между тем, помянутой, китайской посол Мерен Зангин Мандай с товарищи из Москвы отпущен в калмыцкие улусы, а для препровождения его послан секретарь, что ныне статской советник, Василей Бакунин, которой его и возвратно провожал до Тобольска, а по соединении его с первым послом Асхани Амба Туши и обоих их препровождал далее чрез Сибирь, пока встретил, едущее к здешнему ж императорскому двору, другое китайское посольство, которое препроводил до Санкт-Петербурга.

Ему Бакунину, при отправлении, с означенным китайским послом Мандаем, в калмыцкие улусы того ж марта 4 числа дана инструкция, которою предписано было везти того посла весьма медленно, дая тем время генерал-майору Измайлову в улусы калмыцкие доехать и Черен Дондука объявить ханом, почему тот посол и привезен туда уже по объявлении Черен Дундука ханом.

И понеже хан Черен Дондук оному послу на его представление такой дал ответ, что он войск своих на зенгорцев послать, без указу ее императорского величества не может, да и хонтайшин сын Лоузанг Шуно, хотя в армию китайскую и с охотою ехать желал, но также без воли ее императорского величества на то поступить и с послом согласиться не мог, о чем он хан Черен Дондук и к ее императорскому величеству доношение свое отправил, приложа при том и копию с ответного от себя листа к бокдохану, оному китайскому послу данного, которые, хотя, им Бакуниным на российской язык уже и переведены, однако ж он Бакунин, по возвращении китайского посла, из улусов калмыцких в Саратов, известяся в одно время, что оной посол, не обослався с ним, будет к нему Бакунину в квартиру, нарочно оное Черен Дондуково доношение и с копиею положил пред собою на стол, якобы только еще тогда их переводил.

Сие он учинил в таком намерении, чтоб оной посол их видел и о подданстве торгоутского народа ее императорскому величеству совершенно уверился, в чем и не ошибся, ибо оной посол, видя на тех письмах хана Черен Дондука печать, просил его Бакунина, что ежели можно, то б дозволил бывшему тогда при нем после мунгальскому начальнику прочесть их по манжурски; по прочтении же, по дозволению Бакунина, с доношения Черен Дондукова списали они себе и копию мунгальским языком, о чем он Бакунин тогда ж доносил в коллегию.

В том же 1731 году получено здесь известие из Персии и от губернатора астраханского Измайлова, что Черен Дондук и владелец Петр Тайшин посылали от себя к персидскому шаху Тахмасибу с поздравлением и для получения от него шаха награждения посланцами бухаренина, имянуемого Дастака, и четырех человек калмык и что у него Черен Дондука и у матери его Дармы Балы был того года зимою турецкой посол, с которым они посылали напротив того и своего посланца, да они ж посылали на Кубань на помощь Бактагирееву сыну трех зайсангов и 1 000 человек войска.

Астраханской же губернатор Измайлов от 6 майя доносил, что Черен Дондук, по объявлении его ханом, просил письменно о даче ему войска в разсуждении опасности его от Дондук Омбы.

Потом, присыланы сюда посланцы от хана Черен Дондука, от владельцов Дондук Омбы, Петра Тайшина и от племянника его Чидана Дасангова сына, и от Дербетева Четеря.

И Черен Дондук приносил благодарение за пожалование его ханом и за присылку на то к нему знаков, представляя при том о не послушании ему племянников ево Дондук Омбы и Дондук Даши с братьями и прося для усмирения их войска.

Петр Тайшин изъявлял неудовольствие свое, что по их калмыцкому обыкновению и что отец его был Аюки хана большой сын, надлежало быть ханом ему Петру Тайшину, а не Черен Дондуку.

Дондук Омбо писал со обещанием своей к ее императорскому величеству верности.

Чидан, донося о смерти отца своего Дасанга, просил об отправлении посланца к Далай-ламе для отвезения пепла отца его.

А Дербетев Четерь просил о даче ему жалованья, вина, пива, меду и заедок, представляя, что то ему повсягодно давано из Саратова, но недавно такая дача пресечена.

И по определению коллегии иностранных дел 14 августа 1731 года писано к ним в резолюцию, к хану Черен Дондуку грамотою, а к прочим письмами от канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина.

К Черен Дондуку, что в таком случае ежели б, кто из владельцов против его восстал, велено губернатору астраханскому Измайлову и полковнику Беклемишеву от противностей их унимать и его Черен Дондука не оставить.

К Дондук Омбе, что ее императорское величество обещание его о верно; службе изволила принять милостиво, и напротив того его Дондук Омбу в высокой своей милости содержать изволит, в чем бы он был благонадежен, а в протчем надлежит ему Дондук Омбе хана Черен Дондука иметь за главного управителя и отдавать ему надлежащее послушание.

К Петру Тайшину, что Черен Дондук Аюки хана сын, а он Петр Тайшин его Аюкин внук, и мимо ханского сына внука производить в ханы не надлежит, к тому ж еще при его императорском величестве государе Петре Великом произведен он Черен Дондук наместником ханства и вручена ему главная команда над всем народом калмыцким, и мимо ево наместника другова уже производить невозможно и надлежит ему Петру, по высокому соизволению ее императорского величества, его Черен Дондука иметь за хана и [в] главного управителя неотменно. И при том послано к нему Тайшину жалованья товарами на 300 рублев.

К Чидану, что посланца его к Далай-ламе отправить подводы и в дорогу кормовые деньги дать велено и послан о том указ к полковнику Беклемишеву.

Но от него Чидана посланца к Далай-ламе отправлено не было за учинившимся вскоре их калмыцким междоусобием.

К Четерю, что о повсягодном ему жалованье, давано ль оное ему, здесь неизвестно и для того учинена будет о сем справка. Оному Четерю, по его охоте, губернатор Волынский в бытность свою в Астраханской губернии напитки и заедки часто посылал от себя, а по нем то ж чинил и полковник Беклемишев, а он то как показалось из его прошения причитал в годовое себе жалованье.

В коллегию иностранных дел полковник Беклемишев доносил о продолжающейся между калмыцких владельцов ссоре и что оная доходит уже и до междоусобия их, а ему Беклемишеву от того их

отвращать, хотя б как ни старался, не можно для того, что владельцов умножилось, и один у другова под властию быть не хочет, и один перед другим для кочевания своего занимают лутчие места, и не надеется он Беклемишев той их ссоре окончиться без того, чтоб одни других не разбили и тем владельцов не убавили, как и прежде хан Аюка родственников своих всех передавил, и улусами их он один завладел.

И по определению оной коллегии 6 октября того ж 1731 года отправлены грамоты, как к хану Черен Дондуку, так и Дондук Омбе, к Петру Тайшину и к другим владельцам, которыми подтверждено; чтоб они между собою в ссоры отнюдь не вступали и тем напрасного улусам своим разорения не наводили.

А губернатору Измайлову и полковнику Беклемишеву указами подтверждено ж их Черен Дондука и других владельцов до междуусобных ссор не допускать.

В том же 1731-м году была в приезде в Москве бывшего калмыцкого хана Аюки большого сына Чакдоржапа жена вдова Даши Бирюнь, которая прежде Чакдоржапа была в замужестве за средним Аюкиным сыном Гунделеком, и от него имела сына Дамрин Бамбара. Прошение ее состояло в том, чтоб она отпущена была для моления к Далайламе, представляя, что она, больного сына своего Дамрин Бамбара за малолетством его и за одиночеством и за большою силою сродников, которые насильством отнимают у нее улусы, до возрасту оного, усыновила себе пасынка своего Дондук Дашу и улус свой с ним соединила, дабы он от насилия и от неприятелей защищал.

Она представлена была пред ее императорское величество блаженные памяти государыне императрице Анне Иоанновне, и на такое ее прошение позволено было, а на отпуске пожаловано ей от ее императорского величества золотая готовальня, часы золотые и парчи 20 аршин, на 660 рублев, да 6 мехов лисьих и 4 бельих во 140 рублев, да денег 500 рублев, всего на 1300 рублев.

Оная владелица, прежде отъезда ее, заболела и в Москве умерла, а свиты ее калмыки отпущены в их улус. И дано им на отпуске жалованья 200 рублев.

Между тем пока последние грамоты, отправленные отсюда к хану Черен Дондуку и к владельцам калмыцким, доставлены были, хан Черен Дондук на владельцов Дондук Омбу и Петра Тайшина, а напротив того те владельцы на него хана, продолжали свои жалобы астраханскому губернатору генералу майору Измайлову и полковнику Беклемишеву, хан — в непослушании ему оных владельцов и в умышлении их учинить на него неприятельское нападение, а владельцов — в захвачении и в неотдаче нескольких из их улусов кибиток, выводя оную претензию из прежних лет и от времяни Аюки хана, а в самом деле Дондук Омбо, и с ним Петр Тайшин, употребляя только сей претекст, с неудовольствием видели Черен Дондука ханом, и потому всячески искали его уничтожить, думая как тот, так и другой главным в таком случае владельцом во всем калмыцком народе учиниться, в чем согласовали с ними, видя ханскую слабость в правлении, и другие многие из калмыцких владельцов, в том числе и Дондук Даши и Доржи Назаров, а особливо сын Доржин Лубжа, так же и Дербетев владелец Четерь с одним своим сыном, а Дондук Омбиным зятем называемым Гунга, при том же и знатные ханские зайсанги, называемые Эркетень, в которых тогда главным был Яман, некоторые в том заговоре участие имели ж. Напротив того, бывшей тогда главной в

калмыцком народе духовной Шакур Лама, сколько не видел худое хана Черен Дондука состояние, однако ж, как он Черен Дондук был в оном учреждении уже начальником, он Шакур Лама оставался в его стороне и старался своими советами приводить его к порядочному калмыцкого народа управлению; но он тем хана Черен Дондука нимало не поправил, а Дондук Омбу привел против себя в крайнее огорчение.

Губернатор астраханской и полковник Беклемишев, как к хану, так и к оным владельцам многократно писали и увещевали их к согласию. И в сентябре месяце губернатор и персонально для того свидание имел при Астрахани из помянутых владельцов с крещеным Петром Тайшиным, причем оной владелец и такую между другим причину к неудовольствию своему на хана Черен Дондука объявил, что ему Петру Тайшину, как Чакдоржапову сыну, которой от хана Аюки объявлен уже был наследником, и ханом быть надлежало, а не Черен Дондуку.

Губернатор астраханской, разсуждая, что при таких калмыцкого народа обстоятельствах он должен и всякие меры употреблять, к прекращению произшедшего между ими несогласия, отправил из Астрахани небольшие команды к владельцу Петру Тайшину и в Красной Яр, в близости которого города тогда Дондук Омбо и Петр Тайшин находились под видом безопасности сего последнего, а в самом деле, чтоб он толь меньше мог с Дондук Омбою сообщаться; но как Донду Омбо и Петр Тайшин твердо вознамеренными были, на хана Черен Дондука учинить нападение, потому все такие губернатора астраханского старания к примирению их остались без всякого успеха.

Хан Черен Дондук, будучи в октябре месяце на луговой стороне ниже города Черного Яра, уведомился, что Дондук Омбо, находясь в околичностях города Красного Яра, между которыми городами не более двухсот верст, а по езде калмыцкой оное разстояние весьма недальное, действительно уже с войсками собрался и в поход против него выступил, почему он хан Черен Дондук, упреждал его Дондук Омбу и собрав войска 2 000 человек, ибо более за отдалением улусов своих собрать не мог, выступил и сам за край улусов своих к урочищу Сасыколь против Дондук Омбы, имея при себе из владельцов только брата своего Галдан Данжина и Шакур Ламу.

В то время получены были полковником Беклемишевым в Царицыне отправленные из Москвы вышепомянутые посланные грамоты ее императорского величества к хану Черен Дондуку и к владельцу Дондук Омбе, которыми им повелевалось взаимные их ссоры прекратить. Полковник Беклемишев, за случившеюся ему тогда болезнию, не мог сам с теми грамотами к ним ехать, а отправил оные к ним с черноярским дворянином Семеном Казанцовым, которой, принадлежащую хану грамоту, подал ему сам в урочище Сасыколе. На что хан ответствовал, что когда они на лошадей сели, то уже без бою с Дондук Омбою не обойдется, а к Дондук Омбе с грамотою посылал он, Казанцов, толмача Сергея Ваулина, которой и его также в походе нашел, и Дондук Омбо в ответ сказал, что, по указу ее императорского величества, он мирится с ханом Черен Дондуком, а ежели принудут на него войною, то и воеваться готов же, а с войсками своими он вышел для того, что будто хан и Галдáн Данжин брат его и Шакур Лама вышли с войсками своими наперед, а о получении грамоты обещал писать впредь, объявя, что тогда при нем будто чернил и бумаги не было.

Вскоре потом, а именно 9 числа ноября, Дондук Омбо приближился к Сасыколю, имея при себе войска 10 000 человек, да при нем же бы-

ли и из калмыцких владельцов его Дондук Омбин брат Бокшурга, крещеной владелец Петр Тайшин, и брат его Бату, и племянник их Дасангов сын Чидан, да хошоутов владелец Дондук, но протчие калмыцкие владельцы, которые с ним в том так же соглашались, при том случае не были; Дондук Даши находился тогда на нагорной стороне реки Волги, а Доржи Назаров, хотя был тогда на луговой стороне, но и он, ниже сын его Лубжа, которой особливую с Дондук Омбою дружбу имел, не только сами не были, но ни войсками своими Дондук Омбе против хана не помогали.

Первое наступление учинено было с ханской стороны, хотя оная несравненна была меньше, нежели Дондук Омбина, и ханской брат Галдан Данжин, которой командовал на правом крыле, левое Дондук Омбино крыло, которым предводительствовал Петр Тайшин с братом своим Бату и с племянником Чиданом Дасанговым, сперва збил и далеко за ними погоню чинил, причем Петра Тайшина брат Бату израненной и в полон им достался. Но Дондук Омбо разбил после хана Черен Дондука, при котором и Шакур Лама находился, и по прогнании их, оборотился на Галдан Данжина, которой равномерно уже против его устоять не мог, причем он высвободил и взятого пред тем в полон с его стороны владельца Бату. Хан принужден был спасаться от Дондук Омбы бегством и прибежал к Царицыну только в 25 человеках, а ханская мать Дарма Бала и жена его и жены брата его Галдан Данжина, а после их и сам Галдан Данжин прибежали к Саратову и были приняты в город, а улусы их разсеялись врозь, и Шакур Лама по довольном по степи бегании пристал напоследок к некоторому небольшему числу вместе собравшемуся из своих улусов около Саратова ж, и с тем напоследок вышел к Царицыну.

Дондук Омбо, по разбитии хана Черен Дондука, старался забирать все его ханские улусы и бывших в его партии, в чем ему тогда и противится уже никто не мог, тем наипаче, что хотя владелец Доржи Назаров, кочующий при Яике с детьми своими Лубжею и Баем немалые улусы имел, но, как выше написано, будучи он, а особливо сын его Лубжа, в тесной дружбе с Дондук Омбою, он Доржи Назаров и с детьми своими оставался повидимому будто неприставшим ни к той, ни к другой стороне, а однакож, прибегшие к ним из рассеяния ханские и Шакур ламины улусы, удерживая у себя искали оными вечно завладеть. По сведении тогдашних из разных мест полученных известий оказывается, что Дондук Омбо забрал из ханских, брата его Галдан Данжина и Шакур ламиных улусов с 15 000 кибиток, из которых отдал он Петру Тайшину с братом его Бату и с племянником их Чиданом с небольшим 2 000 кибиток и еще 500 из таких, о которых они с ханом пред тем спор производили, да хошоутов владелец, в их же партии бывшей, Дондук получил 200 кибиток, которые он также издавна принадлежавшими себе почитал, но протчее все Дондук Омбо удержал у себя.

Владелец Дондук Даши и при нем сын, мачихи его Чакдоржаповой жены, Даши Бирюнь с улусами своими находились тогда на нагорной стороне, и хотя он Дондук Даши к астраханскому губернатору писал о намерении своем итти с войском на вспоможение хану Черен Дондуку, только сего в самом деле не воспоследовало, за тем ли что тогда по реке Волге пошел уже лед и переправиться было невозможно, как он потом и губернатору писал, или и не с умыслу ли он переходом своим не спешил, чтоб зберечь свои улусы, не приставая явным образом ни к той, ни к другой стороне, ибо он о том, что Дондук Омбо наме-

рен был на хана нападать, не мог не ведать и заблаговремянно. Равномерно и Дербетев владелец Четерь с сыном своим Тунгою, сколько ни были согласниками Дондук Омбе, но по разбитии им хана, оставались же сначала в таком же виде, будто ни в той, ни в другой стороне участия не имеют, кочуя однако же в близости с Дондук Омбою. Напротив того большой сын оного Четеря Лабан Дондук, которой с отцом своим был тогда в несогласии, кочевал во все то время от них особливо, в близости от Дона ниже Цырицынской линии, и потому он и отставшим от хана Черен Дондука не казался, как и многие из собственных ханских зайсангов, а особливо Эркетени, в которых Яман главным был, сколько пред тем ни соглашались с Дондук Омбою против своего хана, чтобы его уничтожить, но когда оного Дондук Омбо разбил и улусы его забирать стал, они однако же не похотели во власть Дондук Омбину предаться, но уклонились к Царицыну иные прежде хана, а другие по получении известия о его туда приходе и с своими аймаками.

Калмыцкой народ разделяется на разные улусы (а улус на российском языке, как в начале сего описания означено, значит народ) и каждой улус имеет особливое свое звание и нойона, а у каждого нойона есть по нескольку зайсангов, из которых каждой имеет особливой свой аймак так, как и российские дворяня собственные свои деревни. В аймаках их бывает по нескольку кибиток не по равному числу — в ином пять, десять и больше, а в ином от несколька сот до тысячи и больше.

По смерти же нойонов улус каждого разделяется сыновьям его по частям, в том числе большому сыну против других его братей достается несколько больше, и каждая такая часть называется потом особливым улусом, а то ж чинится и по смерти зайсангов с их аймаками в разделении оных их детям также по частям, из каковых каждая называется особливым аймаком, а женам и дочерям после нойонов и зайсангов из улусов и аймаков их никакой части не дается.

Оные эркетеневы зайсанги были Яман Септень, Дамсин и протчие и сперва они кочевали по нагорной стороне ниже Царицынской линии, где будучи, подвержены опасности от нападения Дондук Омбы, и для того они, а потом и хан с собравшимся к нему небольшим улусных его калмык числом прилежно просили полковника Беклемишева, о впущении их в линию. Но подполковник Протасьев, которой был тогда командиром при Царицынской линии, оных впустить туда без указу не хотел, и потому многие из тех зайсангов принуждены были и такой к тому способ употребить, что прежде переходили Дон реку, а, потом восходя по оной реке выше линии, паки чрез ту реку и за линию вступали. Но хан Черен Дондук перешел уже за оную потом, как река Волга укрылась льдом, будучи принужден сей способ употребить потому, что и его, за неимением указа, добровольно в линию впускать не хотели. И хотя, подлинно, тогда в переходе в линию хана и Эркетеневых зайсангов необходима была нужда, да и здешняя польза того требовала, чтобы тем их зберечь от Дондук Омбы, однако ж происходило потом от тех Эркетеневых зайсангов, в бытность их внутрь линии,— и после того как они переходили по времяни за Дон для кочевания,— великие обиды и раззорения донским казакам, причем и многие смертные убийства случались.

Ханская мать, Дарма Бала отправила немедленно по разбитии Дондук Омбою сына ее хана Черен Дондука нарочного сюда ко двору посланца знатного зайсанга, называемого Иши, и листом своим, между

другим, представляла, что Дондук Омбо, такую им обиду учиня, не похочет при Волге и при Яике жить, а уйдет в чужую землю.

По получении о сем происхождении в коллегии иностранных дел известия, собран был нарочной совет 5 декабря того ж 1731 года, в котором присутствовали канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, генерал фельдмаршал князь Василей Володимерович Долгоруков, тогдашние вице-канцлер Остерман и генерал фельдцейхмейстер Миних, и еще действительные тайные советники князь Алексей Михайлович Черкаской и барон Миних. Они, разсуждая, что есть опасность, дабы Дондук Омбо с протчими противниками, убоясь за то наказания и отмщения, не отошли с улусами кочевать на Кубань или за Яик, за потребно признали то предварить, и противникам такой пострах дать, чтоб они от того удержались, и впредь таких противных поступок чинить не дерзали, и для того послять туда знатную персону немедленно, дав ему полную мочь в следующем.

1-е. Чтобы он, едучи дорогою, учинил распоряжение, что ежели б противные калмыцкие владельцы похотели, переправясь чрез Волгу, пойти на Кубань, то б он старался до того их не допускать. И для того поручить ему в команду полки по Царицынской линии и на Черемшанских форпостах[1] и приказать донским и яицким казакам быть ему во всем послушными, а ему из оного войска, взяв пристойное число, расставить по Волге или инде где, куда чаять тем противникам на Кубань итти, причем равномерно велеть и генералу майору Еропкину, по требованиям того посылаемого, отправлять и с его стороны команды, куда он назначит.

2-е. А ежели б те калмыцкие владельцы вознамерились итти за Яик, в таком случае, по приезде его в Царицын, отправить ко всем владельцам, которые к противникам не пристали, посылаемые к ним грамоты, а с которыми будет можно, и персонально видеться и объявить им о причине своего приезда, и чтоб они владельцы собрались все вместе с своим войском и шли немедленно за оными противниками и старались для недопущения их за Яик учинить над ними и над их улусами поиск, а при оных калмыцких владельцах отправить и полковника Беклемишева, придав для лутчей их надежности тамошнее лехкое войско, сколько возможно и по тамошнему пристойно будет.

3-е. Однако ж прежде отправления того войска, послать к Дондук Омбе и Петру Тайшину и к другим противным владельцам нарочного с грамотой ее императорского величества к ним посыланными. Також и от себя ему писать и тому посланному велеть их увещевать, чтоб они, не чиня ни малой противности, примирились, и ежели они потому учинят и взятое отдадут и сами по прежнему возвратятся, в таком случае на них и войска уже не посылать, а ежели потребно разбитых калмык пока они соберутся впускать в линию, то б и то учинил и во всем сносился с губернатором астраханским генералом майором Измайловым, а генералу майору Измайлову, ежели потребно, приехать к нему и быть при нем.

Оное разсуждение ее императорское величество блаженные памяти Анна Иоанновна того ж декабря 6 числа слушать изволила и указала в ту посылку послать генерала порутчика князя Ивана Федоровича Барятинского[1].

---

[1] Черемшанские форпосты были по реке Черемшане, в бывш. Самарской губ.

[2] Барятинский, Иван Федорович (1684—1738). Начал службу при Петре I. В 1709 г. был полковником. При Анне Иоанновне — московским губернатором. С 1736 г был правителем Украины.

И потому дана ему инструкция из коллегии иностранных дел по вышеписанной силе от 9 декабря того ж 1731 года и при том посланы к войскам донскому и яицкому грамоты, так же указы к астраханскому губернатору Измайлову и к генералу майору Еропкину, о исполнении по его требованиям. А с ним князем Барятинским отправлены под числом 9 декабря того ж 1731 года грамоты к владельцам Дондук Омбе и к Петру Тайшину и к хану Черен Дондуку, к матере его Дарме Бале, к духовному их Шакур Ламе, и к владельцам же Дорже Назарову, Четерю и к Дондук Даше.

В тех грамотах писано было.

К Дондук Омбе и к Петру Тайшину: что они учиненным от них поступком с ханом, несмотря на отправленные к ним указы и напоминания астраханского губернатора Измайлова и полковника Беклемишева, заслужили императорскую немилость и достойными учинились наказания, и при том повелевалось им: все взятые у хана Черен Дондука, у матери его и у брата, и у Шакур Ламы улусы, пожитки и скот им возвратить немедленно, и самим быть в послушании у хана Черен Дондука, приобретая тем высочайшую милость и винам своим упущение. Причем оными грамотами дано было им знать и о том, что в противном тому случае повеление уже есть поступать с ними, как с преступниками воли императорской, и что для того отправлен нарочно от двора помянутой генерал поручик князь Барятинской.

К хану Черен Дондуку и к матери его Дарме Бале: что ее императорскому величеству противно было слышать, о разбитии его Черен Дондука и что для розыскания и исследования того и дабы за такую продерзость винных в том наказать и в прежней спокойной порядок калмыцкой народ привесть, отправлен князь Барятинской, которому во всем верить и по его приказаниям и требованиям исполнять.

К Шакур Ламе и к владельцам Дорже Назарову, к Дондук Даше и к Дербетеву Четерю: чтоб они по требованиям его генерала поручика чинили во всем исполнение, которой для розыскания и исследования произшедшего с ханом Черен Дондуком от Дондук Омбы и дабы за такую продерзость винных в том наказать, и калмыцкой народ в тишину привесть, нарочно от двора отправлен.

Генерал поручик князь Барятинской, будучи в пути, учинил представление в коллегию иностранных дел из Переславля Резанского от 12 декабря 1731 года, что буде находящиеся в противности калмыцкие владельцы имеют намерение итти на Кубань, они в том медлить не будут, но ему с войсками входить ли за ними в турецкие границы, на что отправленным к нему указом от 31 декабря того ж года предписано, что с войсками в турецкие земли вступать не надлежит для того, что то будет противно мирному постановлению.

А Дондук Омбо по разбитии хана еще чрез немалое время и по тех самых пор, как река Волга льдом покрылась, оставался на луговой стороне оной реки и, как тогдашние от калмык слухи происходили, отзывался, что ему от россиян опасаться нечего для того, что они собираются по три года, а когда и пойдут, то стоят на одном месте по три месяца, а потом 18 декабря около Черного Яра перешел он по льду обще с Петром Тайшиным и с другими при нем бывшими владельцами и на нагорную сторону реки Волги.

При сем месте для будущих случаев приметить надлежит, что между Царицына и Астрахани рекою Волгою расстояния 412 верст, и калмыцкие улусы в осень, до покрытия реки Волги льдом, кочуют на луговой стороне по берегу оной реки, а по покрытии льдом всегда

переходят на нагорную сторону для того, что им всем со скотом на луговой стороне за глубокими снегами зимовать невозможно, и хотя б когда потребность случилась, дабы их по какому либо подозрению к переходу на тое нагорную сторону не допустить, чтоб они не ушли на Кубань, но для сего когда Волга льдом покроется, по такому великому разстоянию войски российские разставить и содержать отнюдь невозможно, ибо на той нагорной стороне по реке Волге, кроме небольшего города Черного Яра и крепости Енатаевской, никакого другого жила нет, и берега покрыты бывают снегами, а калмыкам в таком кратком чрез Волгу переходе снега препятствовать не могут. Дондук же Омбо, по переходе своем с луговой на нагорную сторону, намерен был учинить нападение на владельца Дондук Дашу за то, что он с ним против хана Черен Дондука не сообщился, но сего не воспоследовало, потому что Дондук Даши отходил с своим улусом на Куму реку и от Дондук Омбы старался всегда после того быть в отдалении.

Князь Барятинской прибыл в Царицын 19 декабря и, отдавши хану и матере его ханше Дарме Бале, принадлежащие им грамоты,— ибо пред приездом его и оная ханша, так-же и брат ханской Галдан Данжин из Саратова перевезены в Царицын,— а к протчим владельцам в том числе и к Дондук Омбе писанные на их имена грамоты, отправил с нарочными офицерами и к владельцам, кои не противны были хану. Так же и к знатным зайсангам писал от себя, чтоб они, по своей к ее императорскому величеству верности, к противникам не приставали и соединились бы с своими войсками вместе с ханом, а к Дондук Омбе и к протчим противникам, чтоб они ради лутчего к примирению способа виделись с ним в Царицыне или где инде им способнее.

28 декабря получил князь Барятинской письма в ответ на грамоты и на свои письма от Дербетева владельца Четеря и от Дондук Омбы. Четерь ответствовал, что он в настоящую ссору не вступался и впредь вступать не будет, но свидание иметь с ним князем Барятинским опасается злобы между собою ссорящихся. А Дондук Омбо,— что произошла у них с ханом Черен Дондуком ссора за улусы, которые он Дондук Омбо имел право от хана требовать и получить и чтоб ему с ним князем Барятинским видеться, то изрядно, однако ж, как он князь Барятинской, не услыша прежде его Дондук Омбиных слов, а причитает уже его виноватым, то и он опасается в себе поверить, прибавляя к тому, что он намерен отправить посланца своего ко двору ее императорского величества.

На сие к Дондук Омбе князь Барятинской вторично писал, что ему никакой опасности нет с ним видеться, и ссора его с ханом может быть прекращена добрым способом или чтоб он, по крайней мере, прислал от себя поверенного, да и посланца ко двору отправлять ему не для чего, будучи он князь Барятинской снабден полною мочью по их делам.

Князь Барятинской, признавая при том за неминуемое дело, чтоб учинить над Дондук Омбою поиск и получа известие чрез калмык, что Дондук Омбо и с ним Петр Тайшин хотят итти за Дон, откуда ничто не воспрепятствовало б им уклониться к Крыму в турецкие границы, а з другой стороны равномерное сумнение было, чтоб он Дондук Омбо, находясь на нагорной стороне, не пошел и на Кубань, приказал командированным для сей экспедиции шести драгунским полкам, а имянно Псковскому, Ямбурскому, Ревельскому, Троицкому, Нижегородскому и Сибирскому и двум пехотным, Муромскому и Ярославскому,

к которым ко всем он еще в проезд свой к Царицыну ордеры послал, о выступлении их к Царицынской линии с зимних квартир, бывших в тамошних околичных местах, чтоб они походом своим, сколько возможно, поспешали и драгунские полки шли бы уже к реке Дону, и располагались в станице Чирах и других к тому ближних, будучи оные места способные к походу к Куме реке и к Кубани, а при том определил он из донского войска при первом случае 3000 в посад нарядить и затем к тому ж в готовности содержать сколько будет возможно, а напоследок зделал потребное распоряжение о содержании оных полков в казачьих городках, также о заготовлении провианта и фуража по Дону и по Волге. О чем о всем он доносил и в коллегию иностранных дел от 4 генваря 1732 года с изъяснением и трудностей, могущих быть в походе по пустой степи за калмыками, как ветреным народом, переехал и сам из Царицына в казачью станицу Чиры, где будучи, он во-первых получил о том известие, что хотя перешедшие тайно и насильно для кочевания за реку Дон калмыцкий владелец Дербетев, зайсанги Эркетеневы посыланным для ссылки их противились, однако же он князь Барятинской все то не уважил и оставил при том, разсуждая, что прежде надлежит ему произвесть в действо главнейшее намерение.

В ту ж его в Чирах бытность, где при нем находился и хан Черен Дондук с братом своим Галдан Данжином, и с Шакур Ламою, приближился туда ж и владелец Дондук Даши с своим улусом, перешед с Кумы реки, удаляясь от Дондук Омбы, мимо Кабарды и при самой Кубани, чем бывшему тогда в крепости Святого Креста генералу майору Еропкину, которой по указу, к нему посланному, и по сообщениям князя Барятинского, с своей стороны, о оборотах калмыцких владельцев разведывал, навел сумнение.

Он, Дондук Даши, по требованию князя Барятинского, готовность свою объявил итти с ним и в поход против Дондук Омбы, а князь Барятинской, намерен будучи взять с собой во оной и хана Черен Дондука, требовал от него, чтоб он довел до того, дабы Эркетеневы зайсанги его, кочующие за Доном, собравшись, сколько возможно с ним ханом совокупились, и как их дело общее, шли с ним ханом при нем князе Барятинском и в поход. Но хан весьма от того отрекся, представляя, что он о верности тех зайсангов сумневается, что самое и главной их духовной Шакур Лама подтвердил.

Того ж 1732 года по указу из коллегии от 15 генваря резидент господин Неплюев в Константинополе тогда бывшей, представлял Порте 22 февраля о начале возмущения в калмыцком народе и что для усмирения оных послан генерал с российскими войски, требуя при том, что ежели таковые калмыки приближатся в Кубань к границам турецким, то б заблаговремянно хану крымскому и азовскому паше указами повелеть, чтоб они их калмык не принимали, но от границ своих отгоняли. На что ему, по некотором времяни, реиз эфендии объявил, что требуемые им резидентом указы к хану крымскому и паше азовскому посланы.

Князь Барятинской имел свидание с астраханским губернатором генералом майором Измайловым, которой по требованию его приезжал в донской городок Беляев.

Тут имели они обще разсуждение о тогдашнем калмыцкого народа состоянии и о их владельцах и 15 генваря, для успокоения оного народа и приведения в послушание Дондук Омбы и его сообщников, определили учинить следующее.

1-е. По той причине, что Дондук Омбо с своими сообщниками находился уже тогда давно на нагорной стороне реки Волги, и сколько известно был, время от времяни далее от оной реки в степь удалялся, разсудилось за потребно, чтоб губернатор Измайлов возвратился в Астрахань и продолжал с оными противниками пересылку, стараясь тем и делаемыми им обнадеживаниями удержать их от побегу на Кубань и в Крым, дабы чрез то привесть их в безопасность и получить время учинить над ними поиск с успехом.

2-е. Когда с стороны князя Барятинского пересекаемы им будут дороги к побегу за границу, и о том князь Барятинской к нему Измайлову писать будет или он губернатор астраханской сам о том достоверно сведает, в таком случае отправить ему на противников из Астрахани регулярного и нерегулярного войска, сколько может набраться и с полковыми пушками, в соединение к нему князю Барятинскому, и стараться между тем учинить оным противникам диверзию.

3-е. Ежели к нему астраханскому губернатору писано будет от князя Барятинского о нужде будущему в походе войску в провианте и фураже, тогда всего того и отправить из Астрахани в скорости на обывательских подводах, зделав из хлеба для лутчей в провозе удобности толчу.

4-е. Ежели ж противники пойдут обратно с нагорной на луговую сторону для побегу за Яик, в таком случае ему ж астраханскому губернатору чинить над ними возможной поиск, присовокупляя к тому из полков, стоящих на Черемшанских форпостах и яицких казаков и склоняя к тому и калмыцкого владельца, кочующего при Яике, Доржу Назарова.

После того губернатор астраханской генерал майор Измайлов отправился обратно в Астрахань, а князь Барятинской, будучи еще в Беляевской станице, получил 14 генваря письмо от крещеного владельца Петра Тайшина в ответ на посланную к нему грамоту и свое письмо. Он, оправдая себя в том, что произшедшему случаю причиною не они, но сам хан Черен Дондук, потому что он некоторые их улусы не возвратя им по многим их требованиям, сам наперед с войском против их вышел, в каком случае им шею протянуть[1] невозможно было, отозвался при том, что ему и в команде у Черен Дондука быть сумнительно, понеже он Петр Тайшин находится в христианском законе.

О всем том князь Барятинской доносил в коллегию иностранных дел от 20 генваря 1732 года по возвращении его в Чиры, признавая, что далее столь более необходимую нужду в своем походе на оных противников, а притом изъясняя и трудность, с тем соединенную, по причине пустой степи и неудобности потому, а особливо в настоящее тогда зимнее время в завезении провианта и фуража для потребного к тому походу немалочисленного войска, ибо, по дошедшим тогда к нему князю Барятинскому известиям, Дондук Омбо находился не меньше как в 20.000, почему и наступление на него, по разсуждению его князя Барятинского, с такими силами учинить надлежало, которые были бы не меньше его собственных, для чего он и приказал между тем донскому войску, чтоб, сверх наряженных уже из оного 3.000, было с ним в готовности к походу и действительно к нему выслано столько, сколько во всем оном войске собраться может.

При том же случае доносил он генерал поручик князь Барятинской

[1] Так в подлиннике.

и о полученном им между тем письме от Дербетева владельца Четерева сына Лобан Дондука и посланном на то от него в ответ. Лобан Дондук в письме своем написал, что он хану Черен Дондуку не противен, принося при том жалобу об отнятии ханскими зайсангами у него тысячи лошадей, возвращением которых князь Барятинской его обнадежил, подтверждая ему оставаться в должной к ее императорскому величеству верности; а донскому войску, по полученному при том известию, что он Лобан Дондук хочет переходить чрез Донец на Крымскую сторону, приказал туда его не перепускать, а буде он Лобан Дондук станет силою переходить чрез Донец, тогда поступить с ним неприятельски, и збить его по прежнему за реку Дон на волскую сторону; в то время при Лобан Дондуке Дербетева улуса была половина, до 2000 кибиток.

Князь Барятинской, будучи еще в Чирах, получил 23 генваря 1732 года письма от Дондук Омбы и от владельца Четеря в ответ на свои, пред тем к ним посланные.

Дондук Омбо писал, извиняя свой поступок, которой якобы он принужден был учинить по удержанию ханом немалого числа принадлежащих ему людей, и что будто он хан сам первой на него наступил, внушая оным же своим письмом, что когда у хана Аюки происходила ссора с сыном его Чакдоржапом, то при примирении их те знатные люди, которые между ими ту ссору зделали, отданы в россиские руки, как равномерно тому поступлено было и при ссоре бывшей потом у Дасанга с братьями его, ибо и сей последней ссоры зачинщик Дасангов брат Нитар Доржи будто отдан был тогдашнему астраханскому губернатору Волынскому (но выше сего уже означено, что Нитар Доржи удавлен был по приказу Дасанга, брата своего, в такое время, когда и сам Дасанг был в утесненных обстоятельствах); таким образом Дондук Омбо оным своим письмом давал знать, что и настоящей их ссоры зачинщика отлучить надлежит, разумея под тем Шакур Ламу, которого он имел притчину ненавидеть, понеже он непременно держался при стороне хана Черен Дондука и подавал ему свои советы. Впротчем, хотя и Дондук Омбо от свидания с князем Барятинским и не отрицался, однако ж за неудобностию тогдашнего времяни откладывал то до будущей весны, ибо он сие писмо по доезду посланного к нему от князя Барятинского офицера писал, будучи уже в Мочагах и имея намерение кочевать и далее.

Дербетев владелец Четерь ответствовал на письмо князю Барятинскому, что он, как и прежде уже писал, в настоящую ссору не вступал, и буде какой способ к примирению найдет, о том стараться будет, а чтоб с ним князем Барятинским видеться, он думает, что все равно будет, когда и сии его слова до него дойдут, а ежели есть какое дело ему с ним видеться, то б он о том еще ему объявил, и он подумает. Но пишучи сие, находился он Четерь и с сыном своим, а Дондук Омбиным зятем Гунге Доржею, кочевьем своим в сообщении с Дондук Омбою, а улусов при нем Четере и при сыне его было из Дербетев большая половина, то-есть слишком 2000 кибиток.

Генерал поручик князь Барятинской писал в ответ напротив того к Дондук Омбе с посланцом его Хашкою от 25 генваря, с изъявлением неудовольствия, что он, принося разные отговорки, продолжает отдачею хану отнятых у него и у протчих при нем бывших улусов, давая ему при том знать, что он в таком случае имеет указ с ним, как преступником и противником воли ее императорского величества, поступить и требовал от него точного ответа в 20 дней.

При том же случае писал он князь Барятинской к Четерю и к Петру Тайшину, как к Дондук Омбиным сообщникам и в сообщении с ним кочевавшим. К первому, что буде он не хочет быть в подозрении, надлежит ему от Дондук Омбы отдалиться и поступать по указам ее императорского величества. К другому, то-есть к Петру Тайшину, во изъяснение на его письмо, полученное им князем Барятинским в Беляевской станице, которым он, между другим, сумнение предъявил, что ему как христианину у хана яко идолопоклонника в команде быть непристойно, писано было также со изъяснением неудовольствия о его поступках, и что и оная его отговорка весьма не основательная, ибо хотя б хан когда на него неправильно и напасть захотел, ему в таком случае надлежало писать к астраханскому губернатору и требовать защищения и самому приближиться к Астрахани, причем и ему так, как Дондук Омбе подтверждено о данной князю Барятинскому полной власти поступать с ними как с противниками и преступниками, буде они по отправленному к ним указу не исполнят, то-есть не отдадут немедленно отнятых у хана Черен Дондука и у протчих бывших при нем улусов.

О сей с Дондук Омбою, с Четерем и Петром Тайшиным переписке доносил князь Барятинской в коллегию иностранных дел из Чиров от 27 генваря 1732 года.

Сие князя Барятинского доношение от 27 генваря так, как и другое пред тем от него от 20 того ж генваря в коллегию ж отправленное, подали здесь повод к следующим двум разсуждениям.

Оные доношения получены были в такое время, когда тогдашней канцлер граф Гаврила Иванович Головкин находился еще в Москве, а тогдашней вице-канцлер Остерман здесь в Санкт Петербурге при дворе; первой, распечатав их в Москве, отправил их к другому при своих уже письмах от 31 генваря и от 7 февраля для донесения ее императорскому величеству.

По доношению князя Барятинского от 20 генваря ответствовал Остерман к графу Головкину письмом от 8 февраля 1732 года, давая ему знать, что оное доношение ее императорское величество слушать и апробовать изволила, а притом сообщая ему собственным своим разсуждением о нужде, при тогдашних калмыцкого народа обстоятельствах, немедленно внушить и растолковать оному для оторвания находившихся при Дондук Омбе и протчих противниках улусов пользу пребывания их при Волге и что, когда они от тех противников отстанут, всякого безпокойства избудут; напротив того, которые из них, несмотря на сие увещание и обещаемую им ее императорского величества милость, будут следовать противным владельцам Дондук Омбе и Петру Тайшину и другим сообщникам, которые толь с единой своей гордости и ради учиненной ими ж противности и непослушания, хотят их от Волги отвесть и еще под какое чужое иго подданными учинить и бывшей при Волге вольности и довольства лишить, и те калмыки, конечно, уже заслужат себе немилость ее императорского величества и протчее, что князь Барятинской по тамошнему состоянию за благо разсудит, причем по такой притчине, что хан Черен Дондук, как выше примечено и в собственных своих зайсангах кредиту уже не имел. В оном же письме и такое еще разсуждение объявлено было, что от него следовательно и впредь интересам ее императорского величества никакой пользы быть не может, и для того, чтоб графу Головкину отозваться в конфиденции к князю Барятинскому и требовал мнения, что ежели б и он по тамошнему состоянию, за потребно разсудил его хана

переменить, то которой бы из владельцов имел у калмык кредит и мог оной ханства чин управить и снесть, над всеми калмыками иметь[1] главную команду лутче сего хана Черен Дондука?

Вследствие сего письма учинен протокол в Москве в коллегии иностранных дел 15 февраля 1732 года, о посылке к князю Барятинскому указа, чтоб он старался зделать калмыцкому народу вышеписанное внушение, сверх того, и канцлер граф Гаврила Иванович Головкин писал к князю Барятинскому от 26 февраля с приложением копии с полученного им от Остермана письма.

По другому же князя Барятинского доношению от 27 генваря, и ло отзыву Дондук Омбы, что зачинщика их ссоры отлучить надлежит по прежним приведенным от него примерам, писал Остерман к графу Головкину, что хотя б и не худо было тем их ссору прекратить, буде кто такой из владельцов найдется, но ежели Дондук Омбо разумеет под тем Шакур Ламу, в таком случае надлежит поступить с крайнею осторожностью, ибо тот Шакур Лама при всех случаях не оказывал себя неверным.

Кажется, что князь Барятинской не имел времяни ни того, ни другого намерения в самом деле исполнить, доносил он в коллегию от 8 февраля 1732 года из степи от реки Аксая, что он, дождавшись определенных в поход полков, вышел в лагерь из казацкого городка Нагавкина, куда он пред тем переехал по способности из оного городка, [чтоб] в поход на Дондук Омбу отправиться, и тут ожидал наряженных в тот же поход донских казаков и калмыцкого владельца Дондук Даши с его войском.

При князе Барятинском при выступлении его в сей поход были драгунские полки, Троицкой, Сибирской, Псковской, Нижегородской, Ямбурской и Ревельской и пехотные Муромской и Ярославской, в них всех людей 4619, сверх того, пришло к нему тут их донского войска и волских городов казаков 4692 человека, а при том и владелец Дондук Даши с 3000 своего калмыцкого войска, да хан Черен Дондук и брат его Галдан Данжин с малым числом эркетеней, а больше было при них Баготовых и других зайсангов с калмыками, которые пред тем к ним от разбития Дондук Омбы к Царицыну собрались, и всех при хане и при брате его было до 2000 человек.

Сперва намерен был князь Барятинской, чтоб воспрепятствовать Дондук Омбе к уходу на Кубань, итти с бывшим при нем войском на Куму реку и к лежащему при оной древнему разоренному городу — Можарам. Но услыша потом, что он находился около Волги реки в Мочагах, а при том некоторые, имея известия, по большой части от калмык, якобы он — Дондук Омбо, уведомясь о нарядах, чиненных против его и из крепости Святого Креста, намерен был переходить чрез Волгу реку и потом итти и за Яик реку, по держанному у него Барятинского военному совету, при котором и хан Черен Дондук был, он то свое намерение отменил, а вместо того определено при том было итти прямым путем к Мочагам, по предложению ханскому, а имянно от Нагавкина на Саль реку и оттуда чрез урочища Яшколь и Улан Хак, которым путем, как тогда уведомленось, до самых Мочагов ходу чрез степь более трех недель не будет.

Упомянуто уже выше сего, что Чидан Дасангов сын был в сообщении с Дондук Омбою и с Петром Тайшиным при сражении их с ханом Черен Дондуком, напротив того мачиха его, называемая Солом,

[1] Так в подлиннике.

кажется, к ним не приставала, и потому пасынок ее Чидан принужден был иногда повиноваться ей, а иногда и Дондук Омбе с протчими его сообщниками.

Губернатор астраханской генерал майор Измайлов, как пред тем, пока у Дондук Омбы с ханом Черен Дондуком доходило до битвы, писал к ним довольно крепко, удерживая их от того и угрожая гневом ее императорского величества, так и после их бою толь более он им оные ж угрозы твердил, Дондук Омбо приносил ему как сперва, так и после того бывшего у него с ханом Черен Дондуком произшествия, обыкновенные с его стороны извинения, что будто сам хан, не отдавая по его многократным требованиям, удержанных у него улусов, и с войском вышед наперед против его, принудил уже и его отпор ему учинить, причем ему Дондук Омбе и удалось его хана разбить. Петр Тайшин ответствовал губернатору астраханскому то ж самое, а между тем виделся, однако ж он с губернатором при Астрахани только не инако как во многолюдстве, где губернатору и неудобно было прибрать его к рукам, ибо он, чтоб не подать Петру Тайшину напрасного подозрения и тем его от свидания своего не удалить, не мог взять с собой многочисленной команды.

Напротив того, помянутая калмыцкая владелица Солом Дасангова жена, а Чиданова мачиха, просила астраханского губернатора о препровождении ее с бывшими при ней улусами к Астрахани и о присылке к ней для того некоторого числа войска, а и она находилась тогда так же в Мочагах. Почему губернатором астраханским и отправлено было к ней войска около 1 000 человек, которым она и с улусами калмыцкими, в коих было около 6 000 кибиток, приведена была к Астрахани, которые и оставлены были кочевать в тамошних околичностях, но пасынок ее Чидан между тем двоекратно на нее нападал, сперва в Мочагах, а потом и при Астрахани, по наущениям Петра Тайшина, и улусы грабил.

Князь Барятинской, прежде нежели в действительной поход выступил, от речки Аксая за нужно признал для воски с собою на полки провианта вместо телег и по неудобности оных в тогдашнее зимнее время иметь верблюдов, и чтобы оных немалое число для того у калмык купить, которых по посылкам от него генерала порутчика ни в чьих других улусах, которые назывались хану не противными, за разными отговорками на продажу не объявили. А как генерал порутчик о том упомянул Дондук Даше, то он для вышепоказанной нужды без всяких отговорок приказал в своем улусе верблюдов потребное число сыскать, и продать настоящею ценою, которых верблюдов и куплено было и в полки роздано 122 и тем немалая нужда заменена, ибо в таком дальном и трудном походе на весь путь провианта на лошадях никак провести было невозможно. О чем он по возвращении своем из похода и в коллегию иностранных дел, рекомендуя оного владельца Дондук Дашу, от 13 майя 1732 года из Царицина доносил.

В тот поход генерал порутчик князь Барятинской действительно отправился от донского казачьего Нагавкинского городка февраля 6 числа и пробыл во оном до приближения его к Астрахани по 4 марта 1732 года, и по журналу его между помянутым казачьим городком и Астраханью, где он с войсками шел, показано разстояния 488 верст.

И хотя он князь Барятинской получа в походе известие, что Дондук Омбо покочевал рекою Кумою к Кубани, имел намерение за ним следовать, но воспрепятствовала ему в том невозможность такая, что из драгунских подъемных и верховых лошадей, будучи в дальном и

весьма трудном чрез степь походе от бескормицы и безводицы несколько попадало, а и протчие весьма исхудали, и в крайнюю слабость пришли, что почти все далее к походу не годились, к тому ж драгуны и солдаты в том же степном походе от стужи, вьюг и ненастья трудность немалую понесли, и для того из них еще с половины пути больных драгун и солдат близь 400 человек, а к тому и негодных лошадей в Черной Яр отправил, а затем и еще время от времяни больные прибавлялись, и за тем всем, так же и по получении еще известия, что Дондук Омбо с улусами его находился уже около Мажар, заключа он князь Барятинской, что по таком его Дондук Омбы от здешних границ удалении, хотя б в команде его Барятинского и исправные лошади были, догнать ево за безводными и бескормными местами уже невозможно, принужден итти к Астрахани и с войсками при нем бывшими, из которых во всем его походе побито при поиске над противниками 5, померло 20, ранено 11, в оспе на дороге оставлено 9, а всего 45 человек. Лошадей пало, потонуло, безвестно пропало и за усталью брошено 2 883.

А чтоб, однако же, Дондук Омбин уход к Кубани просто не оставить, получа он, князь Барятинской, о том известие, писал, будучи еще в походе, в крепость Святые Анны к господину генералу майору Стрекалову, чтоб он предложил азовскому паше, что ежели Дондук Омбо пойдет на Кубань, то б ево тамо под протекцию не принимать и выслать по прежнему в российские границы.

Почему генерал майор Стрекалов к азовскому паше Хаджи Мустафе в такой силе и писал. И на оное получил от него паши ответ, что ежели те российские противники калмыки к Азову придут, оных, по силе мирного с российским государством договора, он паша без указа салтанского не примет, и места им не даст, объявляя при том, что те калмыки пошли на кубанскую сторону к ханским детям солтанам.

А бывшей в Киеве генерал и тамошней генерал губернатор граф Вейзбах, получа известие от помянутого генерала майора Стрекалова, о уходе Дондук Омбы на Кубань, писал от себя к тогдашнему хану крымскому Каплан Гирею, требуя, дабы он Дондук Омбе протекции у себя не давал, а приказал бы выслать его в российские границы.

Но хан крымской, как генерал Вейзбах от 8 июня в коллегию доносил, ответствуя на то, писал к нему Вейзбаху между другим, что хотя калмыцкой народ разного с крымцами закона, но понеже оба сии народы природы татарской, потому калмыки издревле, по востребованию нужд их, а особливо по случающимся между собою ссорам, приезжают к крымцам наподобие гостей и исправя свои дела или в ссорах своих получа чрез посредство крымцов применение, паки в свои места возвращаются, как, напротив того, и крымские беки к калмыкам для подобных своих дел езживали и возвращались, каковому примеру и Дондук Омбо по причине произшедшей с братьями его ссоры последовал. А как впротчем сей калмыцкой народ дикой и непостоянной, кочуя по степям в летнее время на российской, а зимою на турецкой земле, и часто из стороны в сторону переходя, хотя и позволения в том с турецкой стороны не бывает, то из оного народа как российской, так и турецкой стороне никакой пользы нет, но понеже Дондук Омбо по примеру предков своих пришел в его ханскую сторону, как гость и просит о примирении его с братьями, имея к тому крепкое намерение, для того по его ханскому разсуждению надлежит с российской стороны всякое старание употребить, его Дондук Омбу с ханом Черен Дондуком в согласие привесть, в чем и он

крымской хан вспомоществовать не оставит, а когда таким образом дело их окончается, то и в кочевье Дондук Омбы никакого сумнения быть не может, и российской стороны желание исполнено будет.

В бытность же князя Барятинского в походе, по причине посланного от него вперед войска по большой части из донских казаков, Петр Тайшин, с братом своим Бату и еще с владельцом же Хошот Дондуком, из Мочагов пошли к Волге, и уведав о приближении войск, сам он Тайшин ушел за Волгу в город Красной Яр и тамо взят под арест, так же и жена его Тайшина по посылке от астраханского губернатора взята ж и в Астрахань привезена, а Бату и Хошот Дондук ушли на Яик к Дорже Назарову, улусов при них бывших ханских и других забранных ими 7 800 кибиток возвращены хану и другим владельцам чьи они были. А собственных их и согласника их же Дасангова сына Чидана — 4 100 кибиток, из которых отданы в надсмотрение Хошот Дондуковы 400 кибиток хану, а протчие — брату Петра Тайшина Дондук Даше. И о том, также и о взятых из вышеписанных улусов при поиске донскими и волскими казаками и калмыками людех и о скоте, что отдать ли им казакам в награждение походу с ним князем Барятинским представил он доношением от 13 майя в коллегию иностранных дел.

По отдаче же хану Черен Дондуку и Дондук Даше означенных улусов, князь Барятинской приказал им кочевать на луговой стороне реки Волги, куда потом в соединение к ним перевел с Дону и Дербетева владельца Лабан Дондука с его улусом.

Петр Тайшин у князя Барятинского допросом показал, что они с Дондук Омбою хана разбили за спорные улусы и по злобе своей, уничтожая и не хотя иметь его за хана, а желая он Петр Тайшин и Дондук Омбо каждой себе ханства.

Но что касается до Дондук Омбы, он, уведав о походе князя Барятинского, с братом своим Бокшургою и еще с другими владельцами Четерем и братом его Солом Доржею, у сего последнего и весь собственный улус состоял от 200 до 300 кибиток,— покочевал к Кубани и на Куме, высланною из крепости Святого Креста российскою командою, в которой было драгун 500, да казаков 500 же человек с 2 полковыми пушками, Дондук Омбин брат Бокшурга разбит и при том отобрано из взятых ханских улусов 2 715 кибиток, которые приведены к Астрахани и возвращены хану.

По разбитии же оного Дондук Омбина брата Бокшурги, бывшей с означенною российскою командою подполковник Ольц следовал за ними для поиску над противниками далее, продолжая поход свой двои сутки, пока лошади еще не пристали. И во время того его походу Дондук Омбо, имея при себе калмыцкого войска до 10.000, препятствуя ему, чинил на него Ольца частые нападении. Но как при оном случае калмыки сильно стали на него наступать и весьма приближились, то с стороны российской команды выпалено было по них из одной пушки, отчего они пришли в крайнее замешание. А потом Дондук Омбо, паки построясь с своим войском, и с бугра из одной пушки его учинен по российской команде выстрел, но ту их пушку разорвало, и от того розрыву несколько колмык побито и ранено. А командою российскою при всех с ними сражениях побито из калмык более 100 человек, да и в реке Куме потонуло их много, а с стороны здешней команды упадку в походех не было, токмо ранены капрал 1 и казаков 4 человека.

При нем же Дондук Омбе, бывшей зять его Хантайшин сын Лоузанг Шуно, по склонности своей возвращен к Астрахани, у которого было из взятых ханских же 1000 кибиток и те тако ж хану возвращены, и одним словом Дондук Омбо на Кубань ушел не в великом числе состоящих улусов калмыцких, а имянно: его собственных Бага Цохур и брата его Бокшурги Еке Цокур до 6000, других торгоутов, из ханской стороны им захваченных, около 3000, да Дербетев до 2000, а всех около 11000 кибиток.

Владелец же Доржи Назаров и сын его Лубжа, бывший в согласии с Дондук Омбою, в 1732 году по возвращении князя Барятинского из походу, будучи у Волги и имея с ним пересылку о прибегших к ним из разсеяния ханских и Шакур ламиных улусах, взяв от того сумнительство и опасность, откочевали и с захваченными калмыками, которых всех и с собственными Доржиными и детей его улусами было слишком 15.000 кибиток, за реку Яик и доходили до реки Эмбы, и старались привесть к себе в согласие киргис-касак, дабы общими силами нападать на калмыцкие улусы, при хане Черен Дондуке бывшие, и на российские жилища. И хотя киргис-касаки на то с ними и согласились, но вместо того надеялись от самих их Доржиных калмык по бытности их за Яиком, ближайшую добычю получить. И когда для того они киргис-касаки стали собирать многие свои войска и тогда Доржи Назаров возимел от них опасность, а при том будучи и князем Барятинским чрез частые к нему нарочных офицеров посылки призываем и увещеваем к переходу на Волгу, потому с сыном своим Лубжею и со всеми улусы возвратились. Но киргис-касаки при таком их возвращении и по переходе уже через Яик на здешнюю сторону на них в декабре месяце того ж года напали и разбили из них с 1000 кибиток и людей к себе забрали. После того отдали они Доржи и Лубжа хану и Шакур-ламе бывших у них улусов их 9500 кибиток, и с ним ханом чрез пересылку примирились, и при присланном от князя Барятинского капитане Глебе Образцове он, Доржи, и дети его в верности ее императорскому величеству учинили присягу. А потом он, Доржи, сам приезжал к хану Черен Дондуку и с ним виделся персонально и о продолжении между собою дружбы один другому присягали, а то же он, Доржи, учинил и с владельцом Дондук Дашею чрез пересылку.

А ханские зайсанги, называемые эркетень, Яман с детьми с братьями и протчие их роду хану были недоброжелательныи, и как Петр Тайшин в допросе показал, из них Яманов сын Балган, да Яманов же брат Дамрин с ним Тайшиным и с Дондук Омбою в согласии против хана были, и во время бою, хотя они были и с ханской стороны, однако ж на них Петра Тайшина и Дондук Омбу не наступали, и в ханской стороне большее смятение чинили. Потом же оной Балган, не быв с ним ханом при российском войске на противников в походе, а перешед, как выше написано за Дон, своевольно с аймаками своими, в которых считалось калмык до 4000 кибиток и тамо будучи, делали воровские нападении в донские и малороссийские жилища и в другие российские места, а имянно в Пензенской и Симбирской уезды, и не токмо тамошним жителям великие грабительства и раззорении починили, но побрали в плен и побили до смерти несколько человек. Они ж воровски въезжали в Крым и в другие тамошние места и убили одного знатного мурзу. А при всем том они не хотели быть под властию ханскою, и для того оные зайсанги, по особливому из коллегии указу, в Царицыне князем Барятинским забраны под караул,

а аймаки их отданы хану и из оных эркетеней Яманов сын Балган привезен в Москву и, по его желанию, крещен в христианскую веру, и дано ему имя Иван, отец же его Яман с братьями Септенем и Дамрином в Царицыне померли, да и Иван Балган, будучи в Петербурге умре ж...

Князю Барятинскому при отправлении его из Москвы для успокоения калмыцких владельцов даны были грамоты, к Дондук Омбе и к Петру Тайшину, как выше сего описано, в крепких терминах сочиненные и с угрозами, что ежели они с ханом Черен Дондуком и другими от них обиженными владельцами добровольно не примирятся и забранных от них улусов, пожитков и скота не возвратят, велено поступить с ними оружием, а к хану Черен Дондуку с протчими грамоты, хотя написаны были с сожалением о приключенном им раззорении, но при том, однако же, не скрыто от них и то, что причинивших им такое разорение Дондук Омбу и Петра Тайшина в таком случае, ежели они с ними не примирятся и улусов их не возвратят, велено принуждать к тому и оружием, что они могли прежде времяни разгласить и в калмыцком народе.

Да и подлинные грамоты к Дондук Омбе и к Петру Тайшину, как выше написано, он князь Барятинской по прибытии своем в Царицын, по силе инструкции своей должен был немедленно к ним отправить в такое время, когда уже улусы калмыцкие были на нагорной стороне Волги реки, отчего так же и от безвремянного движения российских войск, Дондук Омбо и другие, бывшие с ним в противности владельцы, потревожась и пришед в страх и отчаяние, на Кубань покочевали.

(Продолжение следует)

Из записной книжки архивиста

«Великий страх» в Оверни

Под названием «великого страха» в буржуазной историографии известно массовое явление, имевшее место во Франции летом 1789 года. Во второй половине июля, в разных местах страны, почти одновременно, возникли слухи о появлении больших разбойничьих шаек, которые подвергают разгрому целые города, сжигают стоящий на полях хлеб и т. д. Слухи эти в большинстве случаев распространялись с поразительной быстротой, почти ни в ком не вызывая сомнений в реальном существовании этой грозной опасности. Всюду по деревням и в городах имущее население энергично готовилось к самозащите; составлялись вооруженные отряды, выставлялись дозоры; всюду можно было найти людей, воочию видевших приближающихся «разбойников». Паника охватила большую часть страны. Лишь отдельные сравнительно небольшие области на севере и юге, и самый крайний запад Франции остались незатронутыми «великим страхом». К концу августа паника стихла почти столь же внезапно, как и возникла.

Явление это было предметом исследования французских историков, в том числе и одного из крупнейших представителей современной исторической науки на западе, профессора Жоржа Лефевра. В своей сравнительно недавно вышедшей из печати работе «La grauge peur de 1789» [1], Лефевр на основе большого документального материала дает детальную и точную картину распространения «великого страха» на территории Франции. Вместе с тем Лефевр рисует и ту сложную социальную и политическую обстановку, в которой жила тогда Франция, и в которой, очевидно, надо искать ключ к разгадке генезиса «великого страха».

Полная экономическая разруха, до которой довел Францию абсолютистско-феодальный порядок, неурожаи и сопутствующий им голод, ставшие периодическим и часто повторяющимся явлением, породили огромное количество нищих, бродяжничавших по дорогам и нередко прибегавших к грабежу и разбою. Представители королевской администрации на местах сплошь и рядом жаловались на недостаточность имевшейся в их распоряжении вооруженной силы для борьбы с этими шайками. В одном из наказов 1789 г. прямо говорится, что населению приходится проводить ночи с оружием в руках. Несомненно, в появлении этого огромного количества нищих сыграло роль и еще одно обстоятельство, о котором не упоминает Лефевр в своем труде, посвященном «великому страху», но которое он показал в своем другом исследовании [1], именно, то обстоятельство, что, в связи с начавшейся капитализацией сельского хозяйства, укрупняются арендные участки, и мелкие держатели вытесняются с земель.

Как бы там ни было, во всяком случае от этих опасений перед отдельными нападениями разбойников и перед воровством, к которому прибегают изголодавшиеся, обреченные на нищенство люди, до уверенности, что существуют тысячные отряды разбойников, что целые города уже стали жертвой их нападения, расстояние еще очень велико. Несомненно, раскаленная до предела атмосфера, в которой жила Франция летом 1789 г., сыграла не последнюю роль в распространении «великого страха».

С ранней весны 1789 г. по стране прошла полоса восстаний. В деревнях происходила глухая, а подчас и открытая борьба не только против феодальных прав и привилегий, но назревало обострение классовой борьбы в среде самого третьего сословия, между буржуазией и крестьянством, между кулаками и крестьянской беднотой. Имущие классы были серьезно встревожены начинающимся аграрным движени-

[1] Georges Lefebvre, La grande peur de 1789. P. 1932.

[1] G. Lefebvre, La question agraire au temps de la terreur. (Имеется русский перевод, изд. Соцэкгиза, 1936 г.)

ем. Ко всему этому прибавились доходившие из Парижа и Версаля известия о подготовляемом двором и частью привилегированных разгоне Национального собрания, об «аристократическом заговоре» против народа. Июльские события в столице, отставка Неккера, сосредоточение чужеземных наемных полков вокруг Парижа, восстание народных масс, взятие Бастилии, еще усугубили общее возбуждение. Непосредственно вслед за этими событиями и возникает «великий страх».

Кто являлся виновником этой паники? Из каких кругов вышли первые известия о появлении «разбойников»? Обследованные до сих пор материалы не дают пока конкретного ответа на этот вопрос. Современники судили о нем по разному. Многие считали, что панику старались вызвать контрреволюционные элементы, рассчитывая оттолкнуть таким образом имущие классы от революции. Если дело обстоит так, то эти контрреволюционные элементы просчитались. Одним из последствий «великого страха» было сплочение крестьянства и усиление происходившего уже антифеодального движения, что отнюдь не могло, конечно, являться целью противников революции.

Публикуемые ниже извлечения из писем Габриэля Дюбрейля, адресованных в августе 1789 г. в Париж к Жильберу Ромму, дают небольшой, но любопытный материал для иллюстрации этого своеобразного движения.

Ромм, известный деятель французской революции XVIII в., член Законодательного собрания и Конвента, жил с 1779 г. по 1786 г. в России, в семье графа А. С. Строганова; он был воспитателем его сына Павла. В архиве Строгановых сохранились некоторые письма Ромма. Впоследствии русские коллекционеры, интересовавшиеся личностью этого ученого и революционера, скупили во Франции часть его архива, в том числе все бумаги Ромма, собранные его французским биографом Марком Виссаком. В состав этого собрания вошли рукописные работы Ромма по физике и химии, дневники его путешествий по России, черновые наброски некоторых его речей в Конвенте и письма к нему разных лиц. В настоящее время материалы эти находятся в государственных хранилищах Москвы и Ленинграда.

Дюбрейль, занимавший должность директора почтового бюро в Риоме, родном городе Ромма, был связан с последним тесной дружбой и вел с ним деятельную переписку. В письмах его, относящихся к годам революции, содержится не мало интересного материала, характеризующего жизнь провинции.

Печатаемые ниже выдержки из писем отмечают и организованные выступления крестьян. Отряд крестьян в полном порядке, под предводительством бывшего военного, вступает в Риом с предложением помощи. Другой отряд также организованно спешит на выручку соседнего города.

Письма дают также сведения о массовых выступлениях против феодальных сеньеров, последовавших здесь непосредственно вслед за пережитым страхом перед «разбойниками».

И, наконец, мы находим в них отражение той борьбы, которая происходила в самом Риоме между представителями различных социальных групп, между старыми городскими заправилами и сторонниками нового, рожденного июльскими событиями, муниципального устройства.

«Великий страх» так же быстро был ликвидирован, как и возник. 20 августа Дюбрейль уже писал Ромму: «Никаких слухов, никаких разбойников, все тихо в Оверни».

Тихо в Оверни не стало. Движение продолжалось, но перед ним стояли более реальные задачи, чем борьба с мнимыми «разбойниками».

Публикуемые письма хранятся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи.

К. Ратгович.

---

1 августа 1789 г.[1]

Дорогой Ромм[2], третьего дня я не думал, что сегодня мне придется рассказывать вам о волнениях и страшной тревоге, только что пережитых нами и, повидимому, еще не пришедших к концу. В четверг произошло довольно ожесточенное столкновение между несколькими клерками и теми из жителей, которые находились в карауле у Ратуши. Клерки были кругом виноваты, и часть их товарищей выразила им порицание. Комитет двадцати четырех и члены муниципалитета[3] должны были соб-

[1] ГАФКЭ, ф. 355, оп. 2, лл. 34—38.

[2] Ромм жил в это время в Париже вместе со своим воспитанником графом Павлом Строгановым, камердинером Клеманом и крепостным художником графа Андреем Григорьевичем Ворониxиным, впоследствии знаменитым русским зодчим. Письма адресованы в Париж, предместье Сен-Жермен, улица Des petits augustins, Отель Люксембург, № 9.

[3] Речь идет о старом, дореволюционном муниципалитете.

раться вечером, чтобы обсудить вопрос, как избежать последствий этого столкновения. Им предстояло также закончить обсуждение регламента для буржуазной милиции, организации которой пытались противиться наши муниципальные советники и некоторые другие лица. Около пяти часов вечера появляется нарочный от мэра и кюре города Монтэгю с предупреждением, что по соседству с Монлюсоном появился значительный отряд разбойников, что отряд этот произвел погром в городе Гере, а перед тем разрушил город Сутерени, и что они просят о помощи людьми и оружием, в котором у них крайняя нужда. Мэр и кюре сообщают также, что эти злодеи стремятся поджигать стоящий на полях сжатый хлеб. Известие это моментально распространилось и повергло в страшную тревогу всех наших сограждан.

По улицам забегали люди, женщины подняли плач. И вот уже слышатся голоса, что этот отряд состоит из 15 000 человек. И сразу же вслед за этим грозным известием появляется некий Шардоннэ, муниципальный пристав из Сен-Жерве, с просьбой от имени коммуны о помощи и с сообщением, что неподалеку от них находятся разбойники. Перепуг возрастает; с городской башни и с церкви св. Амабль раздается набат. Люди вооружаются чем попало и спешат в ратушу. На Вербную площадь привезены 7 пушек, и уже все готово, чтобы палить из них.

Офицеры выстраивают сбежавшихся людей; по городу, в предместья и в деревни высланы патрули; молодежь предлагает свои услуги — она готова итти на разведку. Посылают гонцов в Клермон известить о том, что у нас происходит. Отдано распоряжение, чтобы в каждом окне горел свет, и все неизвестные арестовывались. Жители баррикадируются у себя в домах. Наступившая ночь усиливает волнения и тревогу. Даже, г-н Буара[1] и тот проводит ночь на указанном ему посту; священники вооружаются; монахи покидают Мезак, и один из них принимает начальство над крестьянами. Городские ворота забаррикадированы телегами и повозками.

Вчера утром, около четырех часов, несколько человек, взобравшись на Боргар, приняли встающий над землей туман за облако пыли, поднятой передвижением разбойников, и начали кричать, что вот они уж тут, явились. Набат гудит, и никто не сомневается, что, действительно, пришли разбойники. Те кто было улегся в постель, вскакивают: к Львиному фонтану тащат пушки; вооруженные люди толпами устремляются к предместью Айа, готовясь к стойкой защите. Около девяти часов вечера из Себаза является четыреста человек крестьян во главе с несколькими буржуа и канониками; пришли и жители из Стуза, 120 человек из Вальвика, 60 из Мезáка. Трудно себе представить, что это был за переполох.

Вчерашний день попрежнему [не разобрано], но к вечеру страхи улеглись. Население убедилось, что тревога не имела других оснований, кроме появления в наших краях нескольких человек убежавших из тюрем Парижа и Лиона и из других мест. Тем не менее состав милиции был увеличен вчетверо, и в результате этой тревоги наши советники и их присные стали теперь не чинясь записываться в нее. Одновременно с нами и Клермон переживал такие же страхи вследствие полученного от жителей Пионза предупреждения и слухов о грабежах и погромах в городах Лезу и Пон-дю-Шато.

Уверяю Вас, что страх был не малый; я не в состоянии был ни есть, ни спать. Мне пришлось провести очень скверную ночь. Все население вооружено. Вы могли бы увидеть здесь всевозможное оружие вплоть до насосов и кухонных вертелов. Теперь мы потешаемся над вооружением и костюмами некоторых лиц. Деревенских жителей отправили по домам, заверив их, что мы им поможем при первом сигнале, и взяв с них обещание, что и они придут к нам на помощь, как только загудит набат. Буржуа уехали из деревень... [1].

6 августа 1789 г.

У меня было желание написать вам в прошлый вторник мой милый друг Ромм, но необходимо было отправить несколько срочных писем, и письмо к вам пришлось отложить на сегодня. В субботу я сообщал Вам о внезапной тревоге, распространившейся у нас в четверг вечером. Расскажу Вам теперь о тех мерах, которые были приняты, чтобы держать людей наготове, а также и для того, чтобы успокоить напуганные и взволнованные умы. В деревнях жители покидали свои дома, и, забирая с собой все свое имущество, уходили на ночь в лес и в виноградники; перепуг до такой степени овладел ими, что только в воскресенье они решились вернуться на ночлег к себе

[1] Буара (Boirat) — риомский врач, приятель Дюбрейля и Ромма.

[1] Опускается конец письма, содержащий подробности, не относящиеся к теме.

домой. Кюре в большинстве случаев уходили вместе с ними и были напуганы не меньше их. Днем эти бедные люди не решались выходить из деревень, подозревая разбойника в каждом попадавшемся им на глаза незнакомце. Они и по сейчас уверены в существовании многочисленных шаек, и вследствие этого каждую ночь во всех деревнях выставляется хорошо вооруженный караул, по крайней мере из двенадцати человек. Для них эти страхи — сущее бедствие, если принять во внимание, что сельско-хозяйственные работы требуют их присутствия в поле для уборки хлеба, который... [не разобрано]; у многих из них нет ни минуты отдыха. Сколько бы вы их ни разуверяли, все они твердят вам, что вот там-то жители видели 20—30 человек разбойников, которые гнались за ними, но только не смогли настигнуть. Малейший шум является поводом к тревоге. Люди все время настороже; безжалостно задерживают всякого незнакомца и приводят сюда под охраной в 10—12 человек, вооруженных ружьями и косами. В воскресенье двадцать человек привели одного нищего, задержанного в Туррете. Всякое сообщение сопровождается бесконечным количеством басен.

В воскресенье в ратушу явилось сто пятьдесят человек крестьян из Шательгюйона. Они заявили, что придут сюда по первому удару колокола, или по первому извещению, и просили, чтобы им тоже была оказана в подобном случае помощь. Эти люди избрали себе начальником одного бывшего военного и вступили в город в полном порядке, вооруженные ружьями, косами, вилами, аллебардами, старыми пиками. При их появлении им были отданы воинские почести, их приняли со всевозможной честью, накормили и напоили. Вечером то же самое проделали 800 [?] человек крестьян из Сен-Боннэ.

Надо сказать, что четверг и пятницу и мы здесь провели не с большим спокойствием. Часть жителей разбежались и укрылись в виноградниках; большинство оставшихся в городе попрятали наиболее ценные вещи. Монахини из монастыря богоматери, считая, что бандиты это нечто вроде дьявола, окропили святой водой:... [не разобрано] в своем монастыре. Монахини из Марса разбежались и провели ночь с четверга на пятницу в лесу... [название не разобрано], расположенном против деревни.

Многое из того, что здесь происходило во время этого страшного переполоха, кажется теперь курьезным и вызывает смех. В течение трех дней буржуазная гвардия состояла из 72 человек, и сейчас еще в ней 48 душ, но думаю, что с завтрашнего дня ее сократят до 24.

Вслед за этими треволнениями поднялось возмущение против муниципалитета и комитета, вызванное вопросом об офицерах милиции, которые были назначены двумя этими органами власти. Восставшие жаловались на нарушение своих прав и заявили, что намерены сами выбирать своих офицеров. 24 члена комитета и офицеры, которым надоели эти жалобы и особенно сопровождавшие их резкие замечания, решили подать в отставку. Члены муниципалитета, раздраженные не меньше их, постановили созвать общее собрание, которое и состоялось вчера вечером. На нем они заявили, что слагают свои полномочия и предоставляют гражданам заботу выбрать им преемников. Число голосующих было не велико, так как рассудительные и уравновешенные люди отнеслись с осуждением к этим проискам. После своего заявления члены муниципалитета покинули собрание. Присутствующие разделились по кварталам, и было решено избрать по три делегата от квартала, чтобы просить муниципалов вновь вступить в отправление своих обязанностей. Эта делегация достигла своей цели. Муниципалы вернулись во дворец, где происходило собрание; при их появлении раздались рукоплескания, им стали говорить, что их управлением довольны, и просят их не отказываться; после этого было решено, что состоявшееся назначение офицеров буржуазной милиции останется в силе вплоть до первого января следующего года, а тогда будут произведены новые выборы; затем были аннулированы выборы временного исполнительного комитета, что является делом весьма неприглядным...[1]

В окрестностях Иссуара и Бриуда население сильно возбуждено против дворян. Часть горожан и крестьян двинулись на замок г-на д'Эпиншаля в Массиаке; они разбили стекла, переломали мебель и повсюду искали графа, так как прошел слух, что он здесь; на самом деле он находится в Париже. Этот сеньер слывет отъявленным аристократом. Жители Иссуара намереваются проделать то же самое и у г-на де Машеко, вызвавшего неудовольствие многих лиц своими наглыми речами, за которые ему, равно как и еще одному дворянину, пришлось две недели тому назад принести повинную перед собранием, специально по этому

[1] Опускается часть письма, не имеющая отношения к обстоятельствам, связанным с «великим страхом».

поводу созванным. Очевидно, это унижение не сделало его воздержаннее на язык. Он — бывший советник Дижонского парламента и женат на m-lle Марсий из Риома. Жители этих городов знают всех дворян, придерживающихся аристократических взглядов, и хотят покарать их за их убеждения.

До свидания, прощаюсь с вами, так как очень спешу. Кланяйтесь вашему воспитаннику, привет Клеману и Воронихину. Друзья кланяются вам, а мы с матушкой моей вас обнимаем. Люблю вас всем сердцем.

8 августа 1789 г.

...Наши бедные крестьяне все еще находятся в страхе и волнении. Третьего дня в Сен-Жорже, деревне подле Шартрез, распространился слух, что сто человек разбойников подожгли город Кэй. По всем приходским церквам загудел набат. Собралось 800 человек, вооруженных чем попало и двинулось на Кэй, где все оказалось спокойно. Эти сто разбойников на деле свелись к шести разбойникам или нищим, скрывающимся в густом лесу и ускользающим от преследования. Несмотря на это явное доказательство отсутствия разбойников, крестьяне не могут успокоиться. Они сбиваются с ног от усталости, неся караулы, и боятся отойти подальше от своей деревни...

20 августа 1789 г.

...Никаких слухов, никаких разбойников; все тихо в Оверни...

Содержание

Стр.

Петроградские рабочие в борьбе с Юденичем. Вводная статья *Г. Костомарова* 3

Стачка рабочих железнодорожных мастерских в Тифлисе (1900 г.). Вводная статья *О. Чаадаевой* 32

Из педагогической деятельности И. Н. Ульянова. Вводная статья *Е. Медынского* 64

К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США. Вводная статья *М. Малкина* 97

Выборы в Париже в Генеральные Штаты в 1789 г. (из писем современника). Вводная статья *Е. Александровой* 154

Описание истории калмыцкого народа, сочиненное В. Бакуниным. Вводная статья *В. Разумовской* 189

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

«Великий страх» в Оверни. Вводная статья *К. Раткевич* 255

Редакционная коллегия

Сдано в производство 11/V 1939 г. Подписано к печати 20/VII 1939 г.
Формат 70×102. Объём 16¼ печ. л. 61 880 зн. в печ. л. О.-Э. (п.) № 24. Заказ 612.
Уполномоч. Главлита РСФСР № А—13741. Тираж 4 550 экз. Техредактор **И. Широков**

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10

50